

Блэки Хол

Синдромта шісіпта

Предновогодье. Внутренние связи



В результате открытия вис-волн, владение которыми позволяло создавать заклинания, общество разделилось на две части: "видящих" (висоратов) и "слепых". Эва "слепая", но волей отца (высокопоставленного чиновника) она оторвана от матери и тех кому она была дорога. Заключив договор с отцом, что окончит институт с висорическим уклоном и взамен получит адрес матери, она переводится в столичный ВУЗ. Но по издевке судьбы Эва попадает в должники к местной звезде Мэлу. Сможет ли выжить тихая серая мышка среди ярких представителей висоратских семей? Сможет ли сохранить свой секрет? И так ли она безобидна как кажется? Мир романа достаточно жесток. Но в повествовании есть и юмор, и ирония. Все герои очень живые, яркие.

Блэки Хол

Предновогодье. Внутренние связи

Это мог быть затяжной пролог

Лейтмотив: перезагрузка

За пятьдесят лет до описываемых событий

В летний солнечный день, перевернувший всю его дальнейшую жизнь, Кирилл был несколько удивлен, узнав, что вызван для беседы ко второму секретарю министерства образования.

— Семут, я знаю вас как умного и здравомыслящего человека. Наши контакты в комиссии по науке позволяют думать, что мы найдем общий язык и по другому щекотливому вопросу, — после приветствия перешел к делу Волеровский, взмахом руки предложив гостю располагаться в кресле. Сам он устроился в соседнем, и, откинувшись на кожаную спинку, заложил ногу на ногу. Однако расслабленная поза Волеровского не смогла обмануть Кирилла: второй секретарь был напряжен и долго раздумывал, прежде чем вызвать его к себе.

Тон и слова, с которых начал разговор хозяин кабинета, взбудоражили Семута, но он не подал виду, что заинтригован.

— Рассчитываю на приватность разговора, — продолжил Волеровский, дернув носком начищенных туфель — единственный признак того, что второй секретарь нервничал.

— Несомненно, — подтвердил Кирилл, — можете быть уверены, сказанное здесь останется между нами.

Волеровский кивнул и замолчал, а Семут с интересом ждал. Второй секретарь был старше Кирилла на двенадцать лет и успел пройти неплохую школу политических интриг. Его карьера росла медленно, но к большому он и не стремился или делал вид, что ему достаточно имеющихся регалий.

Кирилл Семут знал Волеровского как принципиального и прямолинейного человека, а схлестнувшись с ним пару раз в дебатах, понял, что за открытой и располагающей к себе внешностью скрывался незаурядный ум, жестокий и изворотливый. Несмотря на разницу в возрасте и на работу в разных министерствах, Семуту и Волеровскому удалось найти общий язык, что позволило проталкивать в законопроектах нужные им обоим интересы.

— Обстоятельства складываются таким образом, что малейшее промедление может в скором времени привести к политическому коллапсу в стране, — как обухом по голове выдал Волеровский.

— Не совсем понимаю, о чем речь, Эогений Михайлович, — ответил вежливо Семут. — В нашем министерстве спокойно, причин для паники нет.

— Пока спокойно, — прервал Волеровский. — Что вы знаете о висорике?

Семут улыбнулся:

— Вот вы о чем. Да, в исследовательском институте есть отдел, который занимается анализом данных и проводит научные разработки по висорике, но изыскания ведутся на любительском уровне и похожи на аферу чистой воды. В следующем году запланировано уменьшение инвестиций по данному направлению.

— На вашем месте, Кирилл, я бы не спешил с выводами, — Волеровский мог позволить обращаться к Семуту по имени, и тот закрывал глаза на его фамильярность, — и хочу

сказать, что правительство обратило самое пристальное внимание на это научное направление. Мы давно прощупываем почву и собираем по крупицам необходимую информацию.

Кирилл насторожила многозначительность местоимения "мы". Значило ли это, что за Волеровским стояли люди, занимающие более высокое положение, чем он сам? Сколько их, и насколько они могущественны?

Раздумывая, он промолчал. Собеседник истолковал молчание по-своему:

— Три года назад ученый Отто Висбраун случайно открыл неизвестное дотоле науке излучение, и его открытию не придали особого значения. Первооткрыватель в шутку назвал новый вид волн вис-волнами, аномалии, создаваемые ими — вис-полями, а науку — висорикой. Глупое и смешное название.

— Баловство, — махнул рукой Семут. — Никакой пользы, хотя и вреда никакого. Я совершенно не верю в его открытие.

— Не скажите, Кирилл, — осадил Волеровский. — Несмотря на ваш скепсис, скажу, что вис-волны реальны. Они существовали задолго до появления человечества, есть сейчас, никуда не денутся после нашей смерти и переживут наших внуков, правнуков и праправнуков. Вис-волны также естественны, как звуковые, световые и электромагнитные волны, и частично обладают такими же характеристиками. В настоящий момент пространство этой комнаты пронизано вис-волнами, но, увы, мы с вами увидеть их не можем.

Семут хмыкнул. Оно, конечно, кому как. Волеровский заметил его недоверчивость.

— По данной теме есть открытые исследовательские работы и научные диссертации. Пока открытые, так что если поспешите, то успеете ознакомиться. В них весьма подробно и доступно описана физика явления. Но учтите, в ближайшее время правительство планирует перевести данную программу на особый режим.

Кирилл знал, что означала фраза "особый режим". Повышенная секретность, жесточайший контроль над утечками информации, грандиозные финансовые вливания и тотальное влияние на всё и вся, что имело отношение к теме.

— Но зачем? — пожал он плечами. — Особой выгоды здесь нет. От вис-волн никакой пользы, и сомневаюсь, что когда-нибудь в них возникнет потребность.

— Согласен. Волны не видел никто. Никто из обычных людей, таких как мы с вами, как ваша соседка с верхнего этажа, и, как ни прискорбно признавать, — Волеровский возвел глаза к белоснежному потолку, — там тоже никто не видел вис-волны при всем своем желании. Но есть люди, для которых соприкосновение с волнами также естественно, как, например, для вас ежеутренние процедуры, — Семут покраснел, а Волеровский усмехнулся, но усмешка тут же пропала с его лица.

— И что же это за невероятные личности? Полагаю, сам первооткрыватель и его обкурившиеся коллеги.

— Такие люди есть, и их немало. Возможно, вы будете смеяться над моими словами, но факт остается фактом: это экстрасенсы и прочая ерундистика, которую мы относим к миру паранормальных явлений.

— Что-о? — Семут смеяться не собирался. Скорее, его ошарашил неожиданный ответ.

— Ведьмы, йоги, колдуны, шаманы, экстрасенсы, медиумы, ясновидящие, волхвы, друиды, поклонники мистических культов, умеющие левитировать, читать мысли, видеть сквозь стены, лицезреть ауру, болезни тела и духа и излечивать их, накладывать порчу и

проклятия, разговаривать с потусторонним миром, а также обладающие прочими сомнительными способностями — вот контингент, который в своей "работе" задействует вис-волны.

— Верится с трудом, — выдавил пораженный донельзя Кирилл.

— А вы поверьте. Если от этой массы отсеять шарлатанов и оставить тех, кто действительно обладает паранормальными способностями, то их наберется достаточно. В большинстве эти личности не имеют ни малейшего понятия о природе своих возможностей и полагаются на интуицию и внутренний голос. Встречаются и такие, кто пробуждает в себе знания и умения за счет особых длительных тренировок или медитаций. И будьте уверены, паранормалы либо видят вис-волны, либо осязают, либо слышат их, но, скажем так, на кустарном уровне.

— А нам-то что с того? — пожал плечами Кирилл. Информация выглядела невероятной и казалась розыгрышем, если бы сидящий перед ним человек не был сейчас серьезен.

— За три года, прошедших с момента открытия волн, Висбраун вместе с группой энтузиастов провел немало опытов и исследований. То, что начиналось как невинное увлечение, постепенно переросло в нечто более серьезное. Кстати, Висбраун и его последователи отделились от официальной науки, оборудовав небольшую лабораторию в провинции. Денежных средств не хватает, но многое зиждется на энтузиазме ученых и подопытных добровольцев.

— Подопытных? — ужаснулся Кирилл.

— Что вас напугало? — улыбнулся впервые за время разговора Волеровский, и его хмурое лицо просветлело. Неожиданная смена эмоций на лице собеседника выбила Кирилла из колеи.

— Неужели они ставят опыты на людях? А официальное разрешение от департамента санитарного контроля, от медицинского департамента...

— Ну-ну, Кирилл, — засмеялся Волеровский, — сейчас в вас говорит прирожденный чиновник-бюрократ. Вы же понимаете, что при обычных условиях Висбраун никогда бы не получил разрешение, поэтому эксперименты носят подпольный характер. Поймать его за руку мы не можем, хотя имеем своих людей в среде ученых-висориков.

— Невероятно! Неужели есть добровольцы? — потер лоб Кирилл.

— Более того, выяснилось, что паранормалов среди обывателей значительно больше, чем указывает статистика, и они охотно идут на контакт с лабораторией Висбрауна. Пусть бы изучали свои способности на здоровье, но настораживает один факт. Проводимые Висбрауном опыты таковы, что полученные результаты поражают воображение. При правильном использовании вис-волн эффективность паранормальных способностей увеличивается в несколько раз и перестает носить стихийный характер.

— То есть?

— Расскажу на примере. Любой ясновидящий, оправдываясь в своем промахе, скажет, что бывают дни, когда его способности резко снижаются, или ему мешает что-то постороннее. Иногда сеанс чрево вещания прекращается якобы по причине нежелания потусторонних сил идти на контакт. Кроме того, зачастую предсказания бывают размытыми, нечеткими, обрывочными. Подобные "препятствия" и другие отговорки экстрасенсов позволяют нам относиться скептически к миру паранормальных явлений, считать их выдумкой и мистификацией. А теперь представьте, что ясновидящий, вместо туманных намеков на казенный дом и дальнюю дорогу, скажет, будто вчера вы посетили публичный

дом, а сегодня планируете принять взятку от посетителя. Каково? Если принять за факт, что он сказал правду, а, Кирилл? — Волеровский захохотал.

Семут пораженно выдохнул, покачал головой:

— Похоже на фантастику. Получается, передо мной провидец со стопроцентной правдивостью.

— То-то и оно. Ваш провидец, при определенном навыке обращения с вис-волнами, сможет и не такое накрутить, причем в любое время дня и ночи. Что, пробрал морозец по коже? — засмеялся Волеровский. — Все мы не без греха, а то, что я сейчас предположил, — верхушка айсберга. Есть вещи реальные.

— Факты? — удивился Кирилл.

Волеровский кивнул:

— Считайте их байками, но в каждой байке есть доля правды. Представьте ситуацию: некоего известного политика обвинили в продаже военных секретов другой державе, причем основанием для обвинения послужила информация, просочившаяся в прессу. Скандал получился отменный, но реальных доказательств вины не было. Однако огласке предали множество имен, адресов, паролей, явок и так далее. И кого винить в случившемся? Всего лишь телепата — журналиста, сумевшего во время интервью с политиком пробраться к тому в голову. Естественно, карьера последнего была срублена на корню, он сам и его семья стали разменными пешками между конкурирующими сторонами, чья репутация оказалась с душком. А вы, Кирилл, хотели бы, чтобы по прихоти одного жадного до сенсаций паранормала всю вашу семью... словом, распрощаться с близкими?

— Вы мне... угрожаете? — спросил побледневший Семут.

— Ни в коем случае, — покачал головой Волеровский. — Я нахожусь в такой же заднице, как и вы. Могу рассказать, как в некоем провинциальном округе из колонии строгого режима выпустили на свободу по амнистии около пятидесяти отморозков-рецидивистов, пятерых из которых ждала смертная казнь. Прокурор, подписавший массовое прошение о помиловании, не смог вспомнить детали. На основании записей видеокамер мы знаем, что в тот день на прием записались два человека — мужчина и женщина. После того, как они вошли в кабинет, запись прекратилась. Наши эксперты считают, что имел место гипноз, форсированный двумя сильнейшими телепатами, из-за чего пострадал прокурорский мозг.

— Почему пострадал? Он ведь подписал прошение о помиловании! — воскликнул возбужденный Кирилл.

— Подписал. Но после того как посетители покинули здание прокуратуры, был найден без сознания, а позже впал к кому. Перегруженный мозг не сумел выйти из состояния транса, — пояснил Волеровский, разливая по стаканам воду из графина, после чего сделал приглашающий жест. Семута не нужно было уговаривать, и он залпом влил в себя безвкусную жидкость.

— Невероятно! — потер в возбуждении подбородок. — Не слышал ни о чем подобном.

— Потому что это новости ограниченного доступа, — пояснил Волеровский. — Похожих случаев набирается более полутора десятков, и они прибывают ежедневно. Если обнародовать каждый факт, среди людей давно бы началась паника. Департамент внутренней политики работает по двадцать пять часов в сутки, устраняя малейшие признаки утечек информации. Правительство срочно ищет выход из создавшейся ситуации, а также людей, способных его поддержать. Понимаете, Кирилл, приходит момент, когда невинные

развлечения перестают быть таковыми и начинают представлять угрозу нормальной жизни общества. Нужно решать, на чьей вы стороне, но предупреждаю, решение повлияет на ваше будущее.

Семут задумался. Вот она, развилка, после которой требовалось сделать выбор. Скажешь "нет", уйдешь отсюда, и тебя не возьмут в одну упряжку. Скажешь "да" — и впутаешься в непонятную авантюру.

Услышанное от Волеровского повергло Кирилла в совершеннейший раздрай. Он и представить не мог, что на политическом горизонте сгущаются тучи. Министерство науки, в котором Семут числился научным консультантом, работало в обычном режиме. Не далее как вчера первый заместитель министра пожал ему руку с самым безмятежным видом, по которому нельзя было сказать, что вскоре мирной чиновничьей жизни придет конец.

Или Волеровский стучал краски, видя опасность там, где её нет? Вряд ли. В начале разговора второй секретарь уточнил, что говорит не только от себя, но и от лица тех, кто там, наверху... А сверху, как говорится, видно все.

— Но что мы можем противопоставить способностям паранормалов? — спросил Кирилл.

Волеровский посмотрел на собеседника с невольным уважением. Второй секретарь ожидал момента, когда мальчишка сбежит из кабинета, покрутив пальцем у виска, и он его больше не увидит. Вместо этого Семут взял себя в руки, хладнокровно взвесив все "за" и "против". Волеровский еще раз похвалил себя за то, что не ошибся в выборе.

— Прежде всего, нужно забыть о понятии "паранормалов". Они — висораты, — второй секретарь вылил остатки воды из графина в пустой стакан Семута.

— Странно всё. Почему наше министерство не придало значение этому открытию? — пробормотал Кирилл. — Почему у меня впечатление, будто упущено что-то важное?

— Чиновничий аппарат по сути своей призван быть бюрократическим и консервативным, и не нам с вами перекраивать его. Инертность у него небывалая, но будьте уверены, когда грянет гром, будет поздно, и полетят многие головы. Большинство людей не видят дальше собственной тени, однако меч уже занесен над нами. И сделал это не Висбраун со своим чертовым открытием, а сама история, жаждущая перевернуть новую страницу своей книги. Общество ждет тотальная чистка, я это предвижу, — сказал мрачно Волеровский. — Колесо под названием "висорика" медленно и со скрипом запущено, разгон уже взят, и обороты не сбавить. Нам остается только подстроиться и постараться выжить в гадюшнике, коль уж мы с вами в него влезли.

Волеровский сказал "мы с вами", и Кирилл понял, что теперь его считают союзником. Взял в руки стакан с водой и принялся прихлебывать мелкими глотками теплую противную воду. А в первый раз осушил и не заметил — усмехнулся про себя.

— Страшно вы говорите, Эогений Михайлович. Исходя из ваших слов, вскоре наступит момент, когда "висорическая" чистота общества станет превыше расовой.

— У висоратов, мой друг, немало преимуществ перед обычными людьми, — сделал неопределенный взмах рукой Волеровский, — но не все об этом догадываются. Но кое-то из висоратов уже почувствовал вкус жизни. Представьте, что случится, если к власти придут такие же, как те, что навестили провинциального прокурора. — Семута передернуло при этих словах. — Однако чтобы получить власть, за нее нужно побороться. Если у вас богатая фантазия, Кирилл, вы с легкостью представите, что ждет наше общество.

— У обычных людей нет шансов успешно сопротивляться новым веяниям. Что мы

можем противопоставить висоратам? — повторил вопрос Семут.

— Нужно бороться их же оружием.

— Каким образом? — изумился Кирилл.

— Самим стать висоратами. Думать как они, делать как они, с той лишь разницей, что на нас будет возложено тяжкое бремя по сохранению порядка и стабильности в стране.

До Кирилла начало доходить, к чему клонил Волеровский. Обладание мифическими сверхспособностями, в которые научный консультант до сих пор не мог поверить, плюс доступ к рычагам власти могли сделать новый виток в политической жизни общества, кардинально изменив сложившийся строй.

— Говоря об ответственности, вы предполагаете возложить ее на людей, не наделенных паранормальными способностями?

— Я имею в виду избранных, Кирилл, кому посчастливится служить на благо отчизне и обществу в новом качестве.

Семут взгляделся в лицо Волеровского. Что-что, а на фанатика тот не был похож, зато как хорошо пел! А уж открывающиеся перспективы в его устах просто завораживали.

— Маленькая проблема, Эогений Михайлович, — развел руками Кирилл. — Не висораты мы, и в этом вся беда.

— Раскрою тайну, но опять же не напрямую, — улыбнулся Волеровский. — Вам еще не надоело слушать байки?

Семут отрицательно помотал головой.

— Вы решили наведаться к ясновидящей, — при этих словах научный консультант хотел возразить, но Волеровский жестом прервал его: — Допустим, Кирилл, допустим. Когда женщина, называющая себя ведуньей, заявит, что видит грязную ауру, и требуется ее чистка, вы поверите? Вряд ли, потому что здравомыслящий человек и не убедился собственными глазами в запачканности энергетической оболочки. Подтвердить слова ведуньи сможет разве что другой экстрасенс. А что, если вы собственными глазами удостоверитесь в чистоте ауры?

— Было бы интересно посмотреть, но, к сожалению, невозможно. Не верю в то, что не могу потрогать.

— Нет ничего невозможного. Вы сможете любоваться своей черно-буро-серо-малиновой аурой в любое время, когда пожелаете. — Волеровский поднялся с кресла, подошел к столу и нажал кнопку селектора. Кирилл, молча, наблюдал за ним. — Ирочка, сделайте нам два кофе.

Второй секретарь вернулся в кресло.

— Открою истину, с некоторых пор ставшую прописной для определенного круга людей, — понизил голос Волеровский, наклонившись к Кириллу. — Любой может осязать эти волны, даже мы с вами. Но требуется небольшая стимуляция организма. В виде инъекции.

— Неужели это реально?

— Реально, Кирилл, и доподлинно известно, что люди Висбрауна давно ведут разработки сыворотки, испытывая ее на добровольцах. И у них есть определенные успехи.

— Но зачем? — изумился Кирилл. — Зачем им нужно?

— Ученого подгоняет его гений, заставляя двигаться, опережая технический прогресс. А дальновидные политики стараются поспевать следом, в надежде найти выгоду в сложившейся ситуации, чтобы обеспечить стабильность и устойчивость общества. Наша

главная цель — отсутствие потрясений и народных возмущений, верно?

— Верно, — подтвердил Кирилл. — Но, исходя из вашего предположения о широком распространении висорики в будущем, конфликтов между висоратами и обывателями не избежать.

— Поэтому необходимо как можно быстрее и безболезненнее проскочить этот этап. И самое главное — не забывайте о прирожденных висоратах. На данный момент это сила еще не сформировавшаяся, разрозненная и не осознающая в полной мере своих возможностей. Если мы хотим выжить и продолжить процветать, необходимо подавить ее в зародыше или пригладить по шерстке и прикормить. Понимаете, о чем я?

— Стало быть, один укол, и я смогу видеть чистоту вашей ауры и ваши помыслы? — сострил Кирилл.

Волеровский негромко засмеялся. Раздался стук в дверь, и собеседники замолчали. Вошла секретарша, сняла с подноса чашечки с дымящимся кофе. Дождавшись, когда она выйдет из кабинета и прикроет за собой дверь, Волеровский продолжил:

— Нет, одного укола недостаточно, и чтобы приобрести умения висората, нужно постараться.

Увидев вытянувшееся лицо Кирилла, он рассмеялся:

— Вы слышали сегодня уйму невероятных историй, а вас успел разочаровать отказ в небольшом чуде? Уверяю, чудеса будут. Инъекции сыворотки лишь позволяют обычному человеку увидеть вис-волны. На сегодняшний день для достижения эффекта нужно регулярно вводить соответствующие дозы. А вот как обращаться с вис-волнами — это другой вопрос.

— Но если Висбраун работает самостоятельно, откуда сведения?

— У нас есть свои источники, — уклонился от прямого ответа Волеровский.

— Но согласится ли Висбраун сотрудничать с правительством?

Лицо Волеровского стало жестким, между нахмурившимися бровями пролегла глубокая складка:

— Он ответил отказом.

— И что теперь? — растерялся Кирилл.

"Какой же все-таки мальчишка!" — подумал Волеровский, разглядывая гостя.

Но мальчишка весьма нужный. При правильном раскладе Семут пойдет далеко со своей проницательностью и хваткой, а такие люди, как он, требовались Волеровскому и его плану.

— Судьба Висбрауна и его наработок не должна вас волновать, — ответил сухо второй секретарь.

— Тогда какова моя роль?

— В настоящее время на базе исследовательского института ведутся работы по созданию закрытого научного городка под шифром "Вис-1". При городке запланировано создание большого лабораторного комплекса, начиненного новейшим оборудованием. Ваша задача — как можно скорее досконально изучить наработки в области висорики и принять дела по управлению "Висом-1".

— А люди... а исследования? — охрипшим от волнения голосом промямлил ошарашенный Кирилл. — А министерство?

— Будут люди — будут исследования, — ответил холодно Волеровский. — Я наделен определенными полномочиями, но, прежде всего, вам решать, останетесь вы научным консультантом при захудалом министерстве или примете должность администратора

перспективного научного центра. Нужно ответить, — второй секретарь поглядел на часы, — через полторы минуты.

Через минуту Семут сказал свое "да", они пожали друг другу руки.

Через месяц Кирилл узнал, что в лаборатории Висбрауна произошел пожар, и все наработки исчезли, а вскоре Отто Висбраун разбился над Атлантикой, когда летел на заграничную научную конференцию. Вместе с ним погибли 453 человека, включая членов экипажа. Поговаривали, что Висбраун намеревался бежать из страны и просить политического убежища. Ученые, оставшиеся не у дел после гибели отца-основателя молодой науки, начали стекаться под крышу исследовательского института, откуда их незаметно переправляли в тюрьму особого режима "Вис-1".

Позже Кирилл Семут признал, что Волеровский оказался редкостным провидцем, несмотря на отсутствие у него врожденных вис-способностей.

Это могла быть 1 глава

Ангелы стояли в ряд вдоль аллеи, распростерши руки в стремлении объять необъятное, помочь страждущим и утешить больных. Огромные каменные крылья, гораздо выше ангельских нимбов, возвышались плотной стеной над замершими фигурами небожителей.

Не менее двадцати, а может быть, и больше молчаливых крылатых наблюдателей взирали пустыми каменными глазницами на проходящую меня, и со стороны казалось, что они плакали. Или в их слезах был виноват морозящий дождь с редкими вкраплениями мокрого снега?

Поежившись то ли от порыва ветра, то ли от ощущения, что за мной наблюдают, я продолжила путь к парадному входу. Стройную линию существ с взметнувшимися к небу крыльями нарушала единственная паршивая овца: на одном из постаментов от небожителя остались босые ступни, обрезанные до щиколоток.

Трехрядье белоснежных колонн, подпиравших в шахматном порядке массивный козырек института, вблизи производило еще более величественное зрелище, чем от кованых ворот. Я бы сказала, зрелище было грандиозным. В попытке увидеть под козырьком капители, пришлось задрать голову, да так, что в шейных позвонках хрустнуло. Верхние части колонн терялись в далекой молочной дымке. Белесый туман то тут, то там испарывали точки птичьих стай, появлявшихся и пропадавших в облачных клубках. С невыносимой верхотуры порывами ветра до слуха доносилось слабое эхо перекрикивающихся между собой птиц. У меня закружилась голова. Черт бы побрал иллюзорные обманки! Никогда их не любила.

Перед широченными двухстворчатыми дверями я притормозила, пытаясь унять учащенное сердцебиение, и обернулась. Опять почудилось, что ангелы исподтишка косят взглядами в мою сторону, а некоторые даже вывернули шеи.

Правду говорят, что перед смертью не надышишься. Сглотнем, глубоко выдохнем и, наконец, возьмемся за гладко шлифованную ручку массивной двери. Четыре, три, два, один, зеро... Вход.

А за входом царили тишина и полумрак. Похоже, в альма-матер шел учебный процесс.

— Куда-а-а прешь? — при входе меня неожиданно схватили за рукав и затолкали в узкий закуток.

Маленькая сухонькая старушенция в форменном синем халате, сложив руки на груди, сурово глядела поверх съехавших на нос очков. На ее лбу красовались пять глубоких горизонтальных складок, а выцветшие глазки, бывшие когда-то голубыми, ощупывали меня тщательно и придиричиво.

— Кто такая будешь? — поинтересовалась она бесцеремонно.

— Да я, бабушка... — промямлила и тут же пожалела о своих словах. Бабушка гневно сверкнула глазками, ненавязчиво намекая, что некоторые личности, которым сглупа указали на их преклонный возраст, себя таковыми не считают и дадут любому фору несколько очков вперед. Затем бабуля опять схватила меня за рукав и подтянула двери, на которой красовалась краткая табличка со словами "вахта". По шумному сопению за спиной я догадалась, что для пущей уверенности меня страстно жаждали потыкать носом по черным печатным буквам в траурной рамке, чтобы показать, кто тут главный в институте.

— Ну? Зачем пожаловала? — уперев руки в боки, продолжила допрос охранница. — Учти, здесь не музей. На хлебушек не подаем, как пройти в библиотеку, не знаем.

— У меня направление. В деканат факультета по нематериальной висорике.

— Так давай, чего зазябла? — старушка протянула сморщенную ладошку. — Ходят тут всякие, подозрения вызывают понапрасну. Вещички есть? Оставляй здесь, не сопут. На обратном пути заберешь.

— У меня всё с собой, — я продемонстрировала перекинутую через плечо дорожную сумку, в которой разместился нехитрый скарб.

Вахтерша всплеснула руками:

— А чемоданы-то твои где? Неужто без вещичек совсем? Обокрали, чай, по дороге?

— Спасибо за беспокойство. Всё при мне, и этого достаточно.

Бабулька уставилась недоуменно, но опомнилась и метнулась в коридор, не забыв, впрочем, и обо мне вместе с моим рукавом. Только сейчас я разглядела в противоположной от закутка стороне тушу гигантского вислоухого пса. Он развалился на полу, сложив голову на вытянутых лапах, и негромко храпел.

— Монька, подъем! — деловито окликнула пса вахтерша. Рядом с животным, кожа которого собралась на боках большими складками, растекаясь волнами на мраморном полу, старушка выглядела крошечной и несерьезной. Эта вредина, не дававшая спокойно подремать мирным представителям одомашненной фауны, пришлась бы псине впору, ровнехонько на один зубок.

— Монтемонт! — подняв левое собачье ухо, бабулька рявкнула в глубину ушной раковины.

Пес закричал, зафыркал, спросонья сладко потянул лапы и, наконец, соизволил приоткрыть один глаз.

— Монтемонт, опознать и пробить! — приказала строгая вахтерша и, к моему ужасу, сунула бумажку с направлением под нос животному. С детства не люблю собак, и с возрастом неприязнь к ним так и не перешла в симпатию. Поэтому действия активной работницы я сочла слегка неадекватными и настороженно наблюдала происходящим.

Монтемонт с поистине монархическим величием изогнул бровь, обнюхал бумажку и открыл жуткую зубастую пасть. Клац! — челюсти собачки сомкнулись с металлическим лязгом, и продырявленная бумажка перекочевала ко мне в руки.

— Можешь идти да поторопись. Через десять минут горнить будут, точнехонько заблудишься. Как пойдешь обратно, не забудь погасить квиточек у Монтемонта.

— Какой квиточек? — удивилась я.

— Там узнаешь. Да иди ж ты поскорее, а то не успеешь. Сначала прямо, затем второй поворот налево, три пролета вверх, потом по среднему коридору, и не забудь повернуть дважды направо. Обязательно!

— А раздеваться надо?

Бабуся еще раз критически оглядела меня с ног до головы. Курточка на рыбьем меху ее явно не впечатлила. А что, хорошая курточка, с капюшончиком. Подумаешь, немножко старенькая. Зато с автоматической терморегуляцией, чуть-чуть барахлящей.

— Можно и так, — махнула рукой вахтерша. — Не поймешь, что за сивка-бурка на тебе надета.

Подобное пренебрежение, конечно, покорило, но нам, плебеям, не привыкать, и слегка потрепанная морально, я шагнула из полутемного коридорчика в ярко освещенный

ХОЛЛ.

Ну, здравствуй, новая тюрьма.

Оказался институт как институт. На первый взгляд ничего необычного. Одиноким студент-очкарик, читавший книгу у окна, выглядел так же, как и везде. Уж не знаю, каким попутным ветром меня несло, но, с учетом того, что ни одного слова из напутственной речи боевой вахтерши в голове не отложилось, я вскоре бодро вышагивала по полуторному этажу, на котором располагались кабинеты институтской администрации.

Вот так вот. Бывают первые этажи, бывают вторые и третьи, а нужный мне этаж оказался полуторным. Трафарет на стене, выведенный крупными буквами, так и гласил: "Этаж полуторный обыкновенный, прямозаканчивающийся, неразветвленный. Кабинеты администрации см. по левой стороне, кабинеты Администрации см. по правой стороне". И рядом исполинская жирная стрелка для слепых, косых и прочих юродивых.

Я сразу отметила, что в этом институте страшно любили всякие таблички, ознакомительные надписи и прочие виды организованного настенного творчества. И тут же мысленно поставила отметку в перечне дел на будущее: произвести экскурсию по санузлам, дабы посмотреть, пользуется ли подобной популярностью неорганизованное самобытное искусство настенных надписей.

Токая по казенному коридору, я раздумывала над тем, чем может отличаться администрация института от той же Администрации с большой буквы, и одновременно выискивала нужную дверь, а именно приемную деканата факультета по нематериальной висорике.

Трудное это оказалось дело — поиск нужной двери.

Двери попадались разные: стеклянные, деревянные, мозаичные, инкрустированные роскошными разноцветными камушками, бетонные двери-бункеры со штурвалами, двери-сейфы с кодовыми электронными замками, двери, стилизованные под могильные плиты. И все, как одна, были заперты.

Внимание привлекла дверь в виде прибитой на гвоздиках шкуры, закрывавшей дверной проем, и весьма плотно. На выскобленной коже красовалась начирканная мелом корявая надпись: "Кафедра прогнозистики".

А уж таблички на дверях висели — читать, не перечитать: на каждой бездна буковок мелким шрифтом. Оказывается, в этом институте обитало немало титулованных персон с кучами научных степеней.

Читая очередную многострочную надпись, я услышала легкий хлопок, и в коридор неподалеку вынырнул невысокий парнишка с сумкой через плечо, направившийся в мою сторону скорым шагом. В первом приближении он оказался рыжим и заметно лопухим, во втором приближении — чрезвычайно веснушчатым.

Сама бы я никогда не рискнула обратиться к нему с просьбой о помощи, потому что жизнь успела порядочно пощелкать по носу, научив осторожности. Пришлось сделать вид, будто с большим интересом изучаю дверь в обрамлении застывших языков пламени. Однако рыжий сам притормозил рядом и поинтересовался:

— Новенькая?

Я настороженно кивнула.

— Куда?

— В деканат.

- Факультет?
- Нематериалка.
- Курс?
- Третий.

Каким бы идиотским не казался диалог, интернациональность студенческого языка позволила нам понять друг друга мгновенно.

— Странно, что не знаешь, — улыбнулся приветливо парнишка, обнажая в улыбке широкую щербинку между передними зубами. — Прошла через людоедку?

— Какую людоедку? — изумилась я.

— Которая сторожит при входе.

Не сдержавшись, я хихикнула.

— Значит, прошла, — парнишка правильно расценил мою реакцию. — Монька билетик погасил?

— Вроде бы.

— Ну, так погляди на свет, — пояснил парень.

Я поднесла к глазам истерзанное направление о переводе.

Кинжальные зубы Монтеморта поработали большим компостером, выбив на бумажке упорядоченные дырочки. Слегка кривовато, но достаточно четко прослеживалась шифровка следующего содержания: "Кр А, 1,5 э, 0007 к".

Рыжий косил глаза на бумажку:

— Крыло А — значит, административное, этаж ты уже нашла. Осталось дотопать до кабинета 0007.

— Спасибо! — я дернулась на поиски.

— Должна будешь, — усмехнулся рыжий, и его приветливость как ветром сдуло.

Меня пробил озноб. Это надо же — умудриться забыть, что нельзя принимать помощь, заранее не оговорив условия оплаты! И теперь из-за полоротой забывчивости рыжий мошенник по умолчанию запросто может поставить меня на счетчик. В этом мире даже душевная доброта имеет ценник.

— Ладно, шучу, — опять миленько улыбнулся парнишка. — Бывай.

И пошагал дальше по коридору. Уф, — выдохнула я с облегчением. Мне великодушно отказали в случайном долге.

Разглядывая дверь с номером 0007, за которой предположительно находилась нужная приемная, я испытала некоторое разочарование. Дверь не выделялась примечательностью: деревянная, обшарпанная, щелястая в пазах, с островками облезшей лакировки и криво висящая на петлях. Создавалось впечатление, что она вся из себя несуразная, и к тому же, не считая еле видного номера, не имела опознавательных признаков — ни приличной таблички, ни прочих намеков на месторасположение славного деканата.

Пока я раздумывала над грустными перспективами учебы на факультете, в деканате которого установлена столь незавидная дверь, успел прозвенеть звонок. Вернее, прогорнеть. И я поняла, почему вахтерша-людоедка настоятельно рекомендовала добраться до места назначения, не дожидаясь звонка.

Следом за гулким мелодичным наигрышем, пронесшимся эхом по пустынным коридорам и переходам, высоким фронтом прошла воздушная волна, с силой отбросившая меня назад и распластавшая по противоположной стене, после чего я оглохла.

Это могла быть 2 глава

В приемной деканата, похожей на узкий пенал с таким же узким как бойница окном, из-за недостатка света было сумрачно и неудобно, и не было никого, кроме меня. Закрыв за собою дверь, я оказалась отрезанной от толпы — бегающей, ходящей и носящейся по коридору во всех направлениях. Единственное достоинство глухоты состояло в том, что она отгородила меня от орущих голосов, вырывавшихся из луженых студенческих глоток, иначе бы бедные уши отсохли окончательно.

Поэтому, усевшись на небольшом дерматиновом диванчике с засаленными подлокотниками, я приготовилась ждать, одновременно прислушиваясь к ощущениям в организме. Вроде бы кости целы, обошлось без переломов и растяжений. В правом ухе звон прекратился, а вот левое ухо оставалось заложенным, словно в него напихали ваты.

Из приемной вела другая заскорузлая дверь с табличкой, на которой строгим ученическим курсивом значилось: "Г.Г. Стопятнадцатый". Предполагалось, что за этой последней преградой и находилась обитель декана факультета нематериальной висорики. Моего будущего покровителя.

В памяти всплыли последние наставления отца перед моим отъездом. Родитель пребывал в плохом настроении и охотно изливал желчь. Вручая пакет с документами, он презрительно обронил:

— Постарайся продержаться в институте хотя бы до конца учебного года, иначе мне не хватит терпения и желания вытаскивать тебя из различных неприятностей. Всё чаще думаю, что следовало давно избавиться от тебя раз и навсегда, чем тянуть ярмо на шею.

Привыкши к проявлениям горячей отеческой "любви", я промолчала в ответ на откровенное признание папочки. Плакать не собиралась, бросаться на шею с прощальными объятиями — тоже. Потому что не приучена. Отца же нервировало во мне всё — начиная от непонятных грязно-пепельных волос и заканчивая пятками. Даже равнодушное молчание вызывало глухое раздражение родителя.

— В институте первым делом обратишься к Генриху Генриховичу Стопятнадцатому, — пояснил отец и кратко расписал человека, которому отводилась немаловажная роль в моей судьбе. — Молчишь? Ну, молчи, молчи. Вникай, бестолочь каторжанская. Договоренность с администрацией достигнута, но взамен за услугу пришлось объяснить причину перевода, — папенька в упор посмотрел на меня. — Поэтому Стопятнадцатый в курсе твоих дел. Учти, если намекнешь или, не дай бог, ляпнешь о нашем родстве — лишу языка, не задумываясь.

Я, молча, кивнула. В конце концов, надоели угрозы хуже горькой редьки. Ведь знает, что не собираюсь лишней раз откровенничать и рассказывать о наличии заботливого родственника.

Однако ж, можно оставить согревающие теплом воспоминания и на потом. Секретарша всё не появлялась, из-за двери декана не доносилось ни звука. Вымер, что ли, факультет нематериалки? Желудок заурчал требовательно, в ухе стрельнуло, и я покорно откинулась на спинку дивана.

Терпения мне не занимать. Терпеть умею бесконечно, потому что тоже приучена. Думаю, я могла бы погордиться тем, что невольно во мне взрастили такую хорошую черту характера как терпеливость. Но в жизни она пригодилась лишь дважды в хорошем смысле этого слова. В первый раз, когда мне устроили "темнушку" в интернате, куда отец определил

после смерти тетки. О втором разе даже вспоминать не хочется, не то что говорить.

Ау, да есть здесь кто-нибудь живой?

Отвечая на мысленный вопль, из-за двери декана раздался громкий мужской чих. Умеют же люди чихать — с чувством, с толком, с аппетитом. С трудом удержавшись, чтобы не броситься в обитель Г.Г. Стопятнадцатого и пожелать чихнувшему обязательного в подобных случаях здоровья, я заметалась по приемной. Недолго поразрывалась между прирожденной вежливостью и чувством приобретенного безразличия, после чего робко постучала.

— Да-да, войдите, — раздался из-за двери зычный громкий бас.

Кабинет декана являлся полной противоположностью унылому алькову приемной. От света, льющегося через большое круглое окно во всю стену, у меня с непривычки заслезились глаза. Видимо, шторы хозяин не признавал.

На фоне окна монументально возвышался письменный стол, а за ним черное кожаное кресло с высокой спинкой. В котором никого не было! Равно как и во всех углах кабинета иной живой души, кроме меня, не наблюдалось. И кто же изволил начихивать? У меня промелькнула мысль о легком издевательстве. Хотя, откуда хозяин кабинета мог знать, что именно я надумаю ворваться?

Устроившись в единственном жутко неудобном креслице, очевидно, предназначенном для посетителей, от нечего делать я занялась разглядыванием обстановки.

Помещение имело форму правильного шестиугольника. Вдоль стен расположились шкафы до потолка, забитые под завязку книгами. Более того, книги занимали практически все свободное пространство пола, громоздясь шаткими столбиками, отчего создавалось впечатление тесноты и творческого беспорядка. Еще больший беспорядок наблюдался на столе. Нестройные штабели бумаг, рукописей, раскрытых книг и фолиантов делали стол выше и значительнее.

В общем, у меня осталось хорошее впечатление от обители декана Г.Г. Стопятнадцатого. И все-таки непривычно — сидишь себе в пустом кабинете, можно сказать, в носу ковыряешь, думая, что ты один, а хозяин в это время, например, летает невидимкой под потолком и посмеивается втихаря. А что? От висората можно ожидать чего угодно.

Сложив руки на коленках, я негромко прокашлялась. Внезапно черное кресло у окна медленно повернулось, и, к моему удивлению, выяснилось, что в нем сидел тучный мужчина с небольшой бородкой. В руке он держал белую лопатку, закрывавшую правый глаз.

Вот почему я решила, что в кабинет пустовал! Грузный дяденька, буквально утонувший в кожаном великолепии, созерцал местность за окошком, для чего и развернулся к нему лицом, в то время как перед моим лицом маячила спинка шикарного бюрократического кресла.

В полном молчании мы взирали друг на друга несколько долгих секунд.

— Левый минус полтора, правый минус четыре. Миопия средней степени, — заключил хозяин кабинета, отнимая от лица лопатку. — Я прав?

Хороший у него бас, оперный. Мне даже не пришлось разворачиваться боком, чтобы лучше слышать оклемавшимся ухом.

— Средняя миопия. Совпадает? — повторил еще громче обладатель зычного голоса.

— А? — растерялась я.

— Дайте ваши документы, — протянул руку мужчина, с нетерпением пощелкав пальцами. Я суетливо подала пакет, и бородатый дяденька извлек из конверта на свет божий

все грязные секреты моей жизни — личное дело, медицинскую карту, выписки и характеристики с прежних мест учебы, поддельные заключения вис-экспертизы, полисы: страховой и социальный, и напоследок пять фотографий стандартных размеров.

— Не то, не то... — рылся он в бумагах, бормоча: — Ага... Четвертая, резус отрицательный... баланс мышечных и костных тканей... паразитоустойчивость... так... вот... Минус один, плюс два. Проклятье! — воскликнул мужчина, в сердцах отшвырнув лопатку. От неожиданности я вздрогнула.

Некоторое время дяденька крутился с задумчивым видом в кресле, сложив на животе руки в замок, а потом вперил взгляд на книжную полку слева. Постепенно его лоб разгладился, бледное лицо приобрело умиротворенное выражение.

— Вы кто? — спросил с интересом мужчина

— Я, собственно, по переводу. Вот направление, — торопливо сунула издырявленную собачьими зубищами бумажку.

Дяденька откинулся вместе со спинкой кресла назад, покрутился, поглядывая то на меня, то на направление.

Молчание затянулось. У меня мелькнула мысль, что сейчас хозяин кабинета сделает вид, будто не знает, о чем идет речь, и укажет на дверь. Уж не знаю, порадовалась бы я такому повороту событий, или стоило начинать печалиться. Думаю, увидев мою физиономию на пороге, родитель не замедлил бы сразу же утопить "любимую" дочурку.

— Отлично...м-м-м... Эва Карловна. Поздравляю, вы зачислены на факультет нематериальной висорики переводом из родственного колледжа. Документы сдадите в отдел кадров, — мужчина сгреб документы и засунул в конверт.

Мы снова поиграли в молчаливые гляделки. Я первая отвела взгляд. Неловко чувствовать себя дрянью-самозванкой, незаконно занимающей чье-то место, на котором с полной отдачей мог бы учиться кто-нибудь более достойный и способный.

— Отдел кадров левее по коридору, кабинет 1097/У, не забудьте. Сдадите направление, — дяденька размашисто расписался на бумажке, причем зубастая перфорация совершенно не затормозила размах пера. — Дальнейшие указания получите там же. Следом посетите хозчасть, возьмете квитанцию на общежитие. Расписание и список предметов — у старосты группы, фамилия Касторский. В целом все. Вопросы есть?

Я замялась.

— Ну-ну, не стесняйтесь, Эва Карловна, смело задавайте вопросы, — разрешил великодушно мужчина.

— Где мне переночевать, если отдел кадров и хозчасть не работают?

— С чего вы взяли, что они не работают? — изумился он.

— Все двери заперты. Может, сегодня выходной?

Вместо ответа дяденька захохотал громко и раскатисто. Каждое "ха" казалось таким же круглым и большим, как и он сам. Отсмеявшись, он утер выступившие слезы и опять бросил долгий взгляд на книжную полку слева.

Да что там такое интересное? Между книгами теснились серебристый кубок, невысокая стела из прозрачного желтоватого материала, кривобокие куски камней и овальное зеркало на подставке. Обычное дамское, в зеркальной поверхности которого я поймала пытливый взгляд глубоко посаженных черных глаз.

Внезапно мужчина обратил взор на меня, и зеркальный контакт прервался.

— Двери закрыты для тех, у кого нет соответствующей цели.

— А как же...

— Значит, цель не соответствовала, — ответил мягко дяденька. Мне даже показалось, что в его голосе проскользнули теплые интонации. Я повнимательнее присмотрелась к сидящему, выискивая подвох, и не нашла.

— Кстати. Прошу прощения, не представился. Генрих Генрихович Стопятнадцатый, занимаю должность декана факультета нематериальной висорики. Поскольку нам с вами придется неоднократно пересекаться, считаю нужным познакомиться ближе, — хозяин кабинета протянул ладонь для рукопожатия. Она оказалась большой и теплой. Я бы сказала, уютной. Это ощущение мне понравилось — надежности и защищенности. Странное, давно забытое чувство. У меня засосало под ложечкой, в носу засвербело. Чтобы не расчувствоваться, я отвлеклась на серое небо за окном. На улице дождь сменился некрупным, но частым снегом, устремляющимся косыми полосами к земле.

Ухо снова стрельнуло, напомнив о себе.

— А знаете, что? — воскликнул Генрих Генрихович и, с шумом отодвинув кресло, поднялся из-за стола. — Давайте-ка почитаю вам стихи! В плохую погоду хочется прикорнуть у горящего камина со стаканчиком грога, предаваясь размышлениям о вечном и о смысле жизни.

Первоначально, увидев декана сидящим в кресле, я решила, что передо мной маленький грузный толстячок, однако сейчас, когда он возвышался над столом в порыве творческого энтузиазма, я поняла, что крайне заблуждалась. Генрих Генрихович оказался высок и могуч. Не обладая атлетической фигурой, он, меж тем, имел плотное телосложение без лишней обрюзглости. Черный костюм-тройка, курчавые темные волосы и классическая борода оттеняли бледное лицо мужчины.

Засунув руки в карманы брюк, отчего борта пиджака разошлись, открывая небольшой животик, поддерживаемый элегантной жилеткой, Стопятнадцатый развернулся лицом к окну и, задрвав подбородок, устремился взглядом в далекие заоконные дали. После чего начал нараспев читать зычным голосом:

— *Белую розу сорву, печалью тебя осыплю.*

Тщетно зову, ты не ждешь меня больше,

Озаряет томленьем усталые нивы и рощи,

Заставляя биение сердца умолкнуть...

И так далее, и в таком же духе. В стихотворении — если можно считать его таковым — сквозили меланхолия и тоска по несбывшимся надеждам. Герой метался и тщетно баловал даму сердца цветочками и прочими подарками. Она же, коварная душа, вела себя стержовно, периодически пронзая сердце поклонника острыми иглами ревности.

Заунывные интонации навевали сонливость, и мои глаза норовили закрыться, причем желание возникало только одно — слепить веки намертво и уснуть наисладчайшим сном.

— *Приди же, мщенья дух коварный!* — воскликнул чтец громче, чем обычно, и я, вздрогнув, выплыла из сомнамбулического транса. — Ну, как?

— А-а... э-э... — растерялась спросонья.

— Это белые стихи. Называются "Обращение к Эль", — не отрывая взора от окна, пояснил Стопятнадцатый. — Написаны здесь же, под влиянием момента. Мною.

— О! — только и смогла выдавить я.

— Эва Карловна, вы вольны сказать, что сия бредятинка... есть бредятинка. Соглашусь, не обижаясь, — поэт-белостищек кротко взглянул на меня и снова обратился к пейзажу за

стеклом.

— Ну, что вы, Генрих Генрихович! Даже очень... мило. Местами сильно и с надрывом.

— Да? — декан вернулся в кресло, натужно заскрипевшее под его весом. — Приятно слышать столь лестное мнение постороннего человека. Я, знаете ли, люблю пописывать этакое... Ненавязчивое и отвлекающее от серых будней. При случае что-нибудь вам почитаю, из раннего.

— Буду рада, — машинально согласилась я светским тоном. — В любое время, как устроюсь на новом месте.

И тут же прикусила язык от собственной наглости. Стопятнадцатый окинул меня веселым взглядом:

— Поспешите, учащаяся, и не забудьте вовремя поставить соответствующую цель перед собой. Вернее, перед нужной дверью. Ваши документы на столе.

В сумятице я покинула кабинет декана и отправилась на поиски отдела кадров, не подозревая о том, что едва за мною закрылась дверь, Генрих Генрихович Стопятнадцатый взял с полки зеркальце и принялся внимательно разглядывать себя.

Он необычайно разволновался решимостью, с коей прочитал свое творение незнакомой маленькой девчонке. Однако желание высказаться перед ней рвалось откуда-то из глубины, раздирая душу в кровь, и Стопятнадцатый не смог отказать себе в небольшом мазохизме.

Никогда и ни с кем прежде он не делился признаниями о невинном увлечении. И сейчас, вглядываясь в зеркальную поверхность, искал ответ на единственный вопрос: что толкнуло его, умудренного жизнью человека, на глупую откровенность?

И отражение показало ему истину.

Это могла быть 3 глава

То ли простое совпадение, то ли, действительно, цель определилась, но отдел кадров, сокрытый за бронированной дверью-сейфом, работал.

Документы приняла круглолицая румяная девушка-кадровичка. Крепенькая, сбитенькая, с россыпью мелких обесцвеченных кудряшек, она напоминала сдобную булочку, посыпанную ароматной корицей.

Ее темноволосая коллега, сучая за девственно чистым столом, разглядывала с утомленным видом маникюр на ногтях. Модная стрижка, сложная укладка, заостренные скулы, впалые щеки — эта девушка стремилась соответствовать современным эталонам красоты.

Пока я заполняла необходимые анкеты и заявления, Пышечка с любопытством поглядывала на меня.

— Будете вступать в союз независимых студентов? Членские взносы — пять висоров ежемесячно, — спросила, когда я, наконец, одолела последний пункт анкеты, и поспешно добавила: — Это простая формальность. Перечень стандартных вопросов утвержден ректоратом.

— А можно подумать?

— Конечно-конечно, — закивала она. — Спрашиваю на всякий случай. Всё равно вас будут уговаривать.

Я промолчала. Лучше бы обо мне вообще забыли.

Пышечка наклонилась и поинтересовалась, понизив голос:

— В середине года и перед сессией... Неужели припекло?

Меня аж озноб пробил. Успокоив себя тем, что расспросы неизбежны, я с независимым видом пожалала плечами, мол, всякое в жизни случается.

Кадровичка посмотрела с уважением и начала проставлять штампики на моих каракулях. Она штамповала и штамповала, штамповала и штамповала, с усердием, которого ей было не занимать. Натренированная рука Пышечки не собиралась отваливаться от усталости, в то время как у меня глаза заболели наблюдать за мельтешением штампа. На чём бы взгляду отдохнуть?

В углу, в деревянной кадке ромбической формы, погибало неизвестное мне растение. Его скрюченные монструозные стебли завивались немислимыми петлями и узлами, а листья, похожие на павлиньи перья, имели явно нездоровый вид: часть их повисла безжизненными серыми лохмотьями, часть находилась в процессе засыхания, и лишь макушка растения оптимистично зеленела хохолком из трех листочков-перышек. Растение будто уловило мое сочувствие, и от стебля со щелчком отвалился засохший листок. Тут же пахнуло жутким зловонием, как если бы за плинтусом одновременно удавились сто мышек или одновременно разбились сто тухлых яиц. В общем, омерзительно пахнуло.

Темненькая девушка-кадровичка кинула злобный взгляд на умирающего лебедя:

— Сил моих нет. Скоро задохнемся в вонищи.

— Мавочка, бог терпел и нам велел, — заметила с философским спокойствием Пышка. Ее коллега тяжело вздохнула и принялась резкими дергаными движениями подпиливать ногти, поглядывая на растение в кадке.

— Вот справка, предъявите в хозчасти, — объяснила мне Пышечка. — Попадете туда из

центрального холла по указательным стрелкам. Там выдадут квитанцию на койко-место в общежитии. Квитанцию обязательно погасите на вахте, иначе вас не пропустят на занятия.

То есть предполагается, что мне нужно сунуть руку в пасть мохнатого клацающего чудовища, дрыхнувшего при входе?!

— А без пробивки никак не обойтись?

Пышечка заметила мою нерешительность:

— Никак. Да вы не бойтесь, у вас все получится. Главное, вовремя отдернуть руку.

Мавочка подавила смешок, отвернувшись к окну. Похоже, кадровички решили развлечься. Ну, и ладно. Им ведь скучно, бедняжкам. Когда еще посреди года лопух-новичок нарисуеться?

Левое ухо до сих пор отказывалось слышать, поэтому я старалась поворачиваться другим боком к говорящим. Елки зеленые, забыла спросить, где находится медпункт! В свете предстоящих неудач данный вопрос засемафорил весьма злободневно.

— Простите, а куда можно обратиться, если понадобится поставить прививку?

— От бешенства, что ли? — сострила темленькая. — Боюсь, прививка не поможет.

Пышечка прыснула в кулачок:

— Младива Викторовна хотела сказать, что режим работы подразделений института, а также их местонахождение указаны здесь, — выложила на стойку тоненький буклетик.

Под аккомпанемент беседы с агонизирующего растения отвалились два сухих листочка. От нестерпимого зловония меня затошнило. Похоже, аналогичное состояние заработали и кадровички, потому что наперегонки метнулись к окну, и, распахнув форточку, жадно присосались к ней.

— Катин, — обратилась темноволосая к Пышечке, делая ударение на последнем слове, отчего я делала вывод, что ту звали попросту Катей, — здоровье мое истончилось. Умру от смрада во цвете лет, и никто не поскорбит по неземной красоте.

"Гы-гы, — похихикала я про себя, — всякая красота страдает по-разному".

— Не принимай близко к сердцу. Потерпи немножко, скоро все отвалится.

— У меня мечта: выбросить уродливое уродство в окно! — Мавочка кровожадно покосилась на виновника вони.

— Нельзя. Нинелла Леопардовна расстроится. Ты забыла, что бывает, когда она в расстройстве?

Темноволосая кадровичка сдавленно хрюкнула: то ли от смеха, от ли от ужаса.

— Необычный цветочек. Как называется? — влезла я с успокаивающим вопросом. Мавочка нервно вздрогнула.

— Пукодел. Редкий вид, — охотно поделилась Катин. — Из-за редкости никто не знает, как за ним ухаживать. Нинелле Леопардовне подарили на юбилей. Пукодел — её любимец, — пояснила она шепотом.

— По-моему, оно, вернее, он — погибает.

— Что вы, что вы! — замахала руками Катин. — Это временно. Все исправимо. И не вздумайте намекнуть Нинелле Леопардовне. Она... опечалится, — закончила девушка с глазами, полными слез.

За свою Леопарду, что ли, переживает? Надо же, какой стресс получит неизвестная Нинелла, узнав, что ее любимый пукодел погибает.

Пышечка кивнула в сторону стойки:

— Ваши документы готовы, можете забирать.

Стребши в охапку бумажки, я задумалась. Наведаться ли к местным светилам медицины сейчас или отложить визит на потом? Слабый звук горна заглушил размышления, и вскоре легкий удар по бронированной двери засвидетельствовал пронесшуюся воздушную волну.

— Хорошо парнишки горнят. Душевно, — протянула мечтательно Катин.

Эхо горна освежило в памяти последние неприятные события, и я решила, что пора ознакомиться с расписанием звонков. И заодно запланировать покупку наручных часов, потому что интуиция вопила — повторная встреча с последствиями звонка обойдется мне более чем плачевно.

В помещении заметно посвежело, вонизм практически выветрился. Надо бы сказать спасибо пустому желудку, которому нечего выворачивать наизнанку, и послушать ответное добродушное урчание.

Пристроившись в уголке, я взялась за изучение буклета, изредка сверяясь с оригинальными дизайнерскими часами на стене. Овальная таблица прозябал без стрелок, но едва взгляд фокусировался на циферблате, как вспыхивали три алые полосы, соответствовавшие часу, минуте и секунде реального времени. Некоторое время я развлекалась: смотрела, не мигая, на часы — и секундная стрелка деловито двигалась по кругу. Стоило моргнуть или скосить глаза в сторону, как алые полосы пропадали.

Девушки за конторкой, похоже, потеряли ко мне интерес или делали вид, что потеряли. И то славно.

В буклетике нашлось всё, что меня интересовало, и даже более. Первым делом я выяснила, что звонки горнят круглосуточно — днем, в глухую полночь и ранним утром на ясной зорьке, когда все нормальные люди сладко спят дома, в мягкой постели, а не бродят по темным институтским закоулкам.

Вторым делом отметила расписание работы библиотеки, столовой, медпункта и хозчасти как следующего стратегического пункта. На форзаце красовался довольно-таки приличный план первого этажа института. Но позвольте, почему только первого? Как попасть, к примеру, на третий этаж крыла С в библиотеку?

Похоже, недоумение высказалось вслух, потому что кадровички отвлеклись от важного занятия: припудривания носиков и подкрашивания неоднократно подкрашенных за день губ.

— Девушка, вы уверены, что переводитесь на факультет висорики? — поинтересовалась насмешливо темленькая, а Катин прыснула.

Мне бы по привычке ступешаться и ретироваться из кабинета под уничижительными взглядами работниц, но в голове вдруг переключилось. Голод и усталость переполнили чашу терпения, сделав свое незаметное, но грязное дело.

— Уверена! — заявила я высокомерно. — В каждом чертовом институте и в каждом чертовом колледже, мящем из себя черт знает что, приняты свои чертовы правила и распорядки, и мне до чертиков осточертело в них путаться. Ясно?

Кадровички растерялись.

Не знаю, чем закончилась бы перепалка, не успевшая толком начаться, но в это время пукодел, решив, что о нем забыли, переключил внимание на себя. С него отвалились еще два листочка, и знакомое зловоние охватило наши бедные тела.

Мавочка взвыла, не выдержав. Подскочив к растению, она принялась разрывать руками уродливо закрученные стволы. Пукодел оказал сопротивление: желтый сок из поврежденных тканей забрызгал кадровичке лицо и джинсовый сарафанчик.

— Ах ты подлое существо! — взвизгнула девушка и с новой яростью набросилась на

куст, явно превосходя того в одержимости. Пукодел, очевидно, понял, что терять ему нечего, и пошел в последнюю атаку: массово сбросил все листочки.

И вот тогда я пожалела, что не ношу с собой противогаз. Зажав нос и схватив бумажки, метнулась к двери, с радостью отмечая, что та приветливо распахивается навстречу.

Загораживая всё свободное пространство, в дверном проеме высилась нерушимой скалой дородная дама с французским пучком на голове и ярко-красными губами бантиком. Это первое, что я увидела, прежде чем врезаться во внушительных размеров живот.

А затем второе, что услышала:

— Немедленно прекратить безобразие!

И следом нарастающий вопль, зашкаливший все мыслимые пределы слышимости по силе децибелов:

— Невозможно оставить отдел на пять минут, как подчиненные тут же перевернут его с ног на голову!.. Чудовища! Как вы посмели прикоснуться к нему?... Да я вас! Да я вам!.. Накажу! Уволю! Сгною!

По мере того, как мои ноги, пробравшись мимо бушевавшей начальницы кадрового отдела, уносили тело стремглав по коридору, вопли постепенно затихали, и я вдруг осознала, что обрела слышимость обеих ушей.

Это могла быть 4 глава

Любил ли меня попутный ветер — не знаю, но вскоре я оказалась на первом этаже в центральном холле института. До следующего звонка оставался вагон времени и маленькая тележка, и надлежало потратить их с пользой.

Следующим в плане стоял визит в хозчасть. Вспомнив о флористической битве в отделе кадров, я внутренне содрогнулась, и желудок отозвался приступом острой рези. Надо же, и у него закончилось терпение. Посему посещение хозчасти отошло на второй план, вытесненное необходимостью пожевать что-нибудь материальное и желательно съедобное.

Выйдя в центр пустынного холла, я вертела буклетик, определяя направление до студенческой столовой. Красивое это помещение — центральный холл. Он имел форму вытянутого овала, из которого расходились радиальными лучами семь арочных коридоров, не считая главного входа. У парадных дверей дислоцировался пост вахтерши-людоедки и ее ручного пса. В развешенных по периметру зеркалах отражалось бесконечное множество маленьких фигурок, гуляющих по гулкому пустынному залу — это я прохаживалась по траектории Броуновского движения.

Купольный потолок украшали красивейшие пейзажи, соответствующие каждому времени года: зимний заснеженный лес плавно перетекал в журчащий весенний ручей, который сменялся летним луговым зноем, уступавшим место осенней хандре сжатых полей, соседствующих опять же с глубокими сугробами. Времяоборот, замкнутый в кольцо, символизировал извечное движение по кругу из года в год.

По центру купола свисала фундаментальная люстра, занимавшая две трети потолочного пространства. К толстозвенным цепям крепились в виде каскада несколько мощных дисков, обильно усыпанных длинными прозрачными сосульками то ли из стекла, то ли из хрусталя. В каждой из миллиардов сосулек светилась лампочка. И под этой машиной устрашающе поблескивало острое кончика люстры, похожее на жало гигантской осы.

Напротив парадных дверей, у стены расположилась скульптурная композиция в виде многоуровневого каменного торта, на вершине которого замерло непонятное существо. Вернее, вблизи оно казалось непонятным, зато издали отдаленно напоминало человека, перевернутого вверх тормашками и запутавшегося в тонких длинных рулонах. Тремя конечностями скульптура тщетно пыталась разорвать стягивавшие ее металлические ленты-путь, а оставшейся четвертой конечностью, вернее, мизинчиком, опиралась о верхний ярус постамента. Разглядывая симбиоз камня, металла и дерева, воплощенный в гротескной конструкции, я поразились гению архитектора, фантазия которого идеально уравновесила громоздкое сооружение.

Табличка на пьедестале утверждала, что передо мной материализованный образ покровителя всех студентов — святого Списуила. Отшлифованная блестящая поверхность тортового постамента и легкая намусоренность свидетельствовали о том, что скульптурный уголок считался излюбленным местом встреч развеселого студенчества.

Тишину холла разбило хлопанье парадных дверей, и мимо меня прошла компания парней, свернувших в один из арочных коридоров. Сверка с план-схемой первого этажа показала, что они направились в спортивное крыло. Однако же, в какой стороне столовая?

Постепенно пропитываясь студенческим духом, я еще раз оглядела впечатляющий зал. Ничего не скажешь, передовой столичный ВУЗ, а не какая-нибудь захудалая периферия.

Шмяк! — на нижний слой каменного торта-постаменты приземлились две девчонки, швырнув рядом сумки. Та, что повыше, раздраженно выговаривала подружке — мелкой, худенькой и с острой лисьей мордашкой. Подружки были одеты так, что сразу становилось ясно — парочка находилась в конфликте с окружающими и с самими собой. Словом, похулигански были одеты девчонки, вдобавок имели воинственный макияж и богатый пирсинг во всех видимых частях тел.

"Надо сваливать", — промелькнула мысль. Как оказалось, поздно — мою пресветлую персону заметили.

"Лисичка" толкнула подружку локтем и они воззрились на меня, после чего мелкая приблизилась, правда, держась на расстоянии.

— Понравилась? — кивнула на скульптуру

— Ничего так. Симпатичненько, — подтвердила я.

— У нас просмотр не бесплатный, — скривила "лисичка" мордашку. — С тебя тысяча висов^[1] в фонд для пожертвований. Если каждый будет интенсивно лупить, скоро вся позолота отвалится. А на реставрацию нужны денежки.

У меня даже рот от удивления приоткрылся. Вот загнула — отвалить целую тысячу на ободранную скульптуру! У девочки губа не дура.

Если учесть, что родитель выделил свободных денег всего пятьдесят висоров, то заявленная сумма пожертвования в фонд разваливающихся архитектурных шедевров отливала запредельной наглостью. Отец, вручая деньги мелкими разменными монетами, предупредил:

— Продержишься до Нового года, еще подкину. Жаль тратить на тебя больше, чем того заслуживаешь, но приходится.

"Лисичка" обернулась за моральной поддержкой к подружке. Та встала с постаменты и направилась к нам.

— Могу пожертвовать, но только полвисора, — вежливо согласилась я с необходимостью восстановления красоты институтского святого.

Девчонки переглянулись и засмеялись.

— Очумела, что ли? Ей говорят, тысячу гони, а она из себя трудную строит.

Парочка надвинулась на меня, и неожиданно мелкая начала выделывать пальцами воздушные вензеля. Я похолодела — она накручивала петли, создавая заклинание.

Пришлось отступить к центру холла. И как назло, поблизости — никого.

Я, конечно, успела прочитать в буклете первый пункт студенческого кодекса, в котором шла фраза жирными буквами: "Учащиеся несут персональную ответственность за случаи несанкционированного возмущения вис-полей в пределах института, кроме случаев, оговоренных пунктами такими-то...", и дальше шло перечисление пунктов, являющихся исключением из пункта первого. Жаль, до них не дошли руки. Однако надежда, что студенческое прилежание пересилит жажду дармовых денег, угасла при взгляде на ставшую хищной мордашку "лисички".

— Кому деньги-то сдавать? Вам, болезным? — сделала я шаг назад.

— Нам, нам, — подтвердила подружка мелкой, наступая. — Мы передадим, куда надо.

В "лисичкиной" ладони заискрились белые огоньки, и я поняла, что девчонка собиралась шарахнуть по мне *piloi candi*^[2].

Устраивая показательное выступление, подружки закинули пробный шар. Они приглядывались, оценивали и ждали ответную реакцию. Однако слепить из меня героя еще

никому не удалось. Поворачиваться спиной стало бы большой трусостью, но и смотреть в глаза предстоящему унижению я не хотела. Внезапно парочка остановилась, мелкая с разочарованным видом опустила руку, и белое свечение в ее ладони погасло. А я уперлась спиной во что-то.

Этим чем-то или кем-то оказался невысокий мужчина с большими залысинами и редкими светлыми волосенками. Шею незнакомца обматывал шарф крупной вязки, на концах которого болтались миленькие розовые помпончики.

— Возникли проблемы, учащиеся? — обратился к нашей троице мужчина. Говорил он с едва уловимым акцентом, осипшим простуженным голосом.

— Нет, господин Рамши, — ответила с неудовольствием "лисичка", пряча ладони за спиной.

— Почему не на занятиях? — не отступал мой неожиданный защитник, сипя.

— Сначала её спросите, — кивнула в мою сторону вторая поборница денежных средств.

Мужчина повернулся, наклонив вопросительно голову. Небрежностью движений он напоминал художника или поэта, словом, личность творческую, на мелочи не распыляющуюся.

— Перевелась из другого ВУЗа. Сегодня оформляюсь, — отрапортовала я по-военному.

— И вы, учащиеся, не нашли ничего лучше, чем создавать конфликты с новым членом вашего славного коллектива? Какое же впечатление сложится у этой чудесной девушки об институте? — осипшим голосом мужчина принялся наставлять на путь истинный бандюганскую парочку. Его речь пропиталась возвышенными и благородными интонациями, и я утвердилась во мнении, что г-н Рамши относился к людям искусства.

Мелкая прикусила губу.

— Не ваше дело, — ответила она негромко, но достаточно грубо.

— Повторите, учащаяся, я не расслышал объяснение, — прохрипел г-н Рамши.

— Случилось недоразумение, — подтвердила "лисичкина" подружка, буравя меня взглядом.

— Об отсутствии на занятиях будет доложено декану вашего факультета, — предупредил сипло любитель заматываться в шарфики и обратился ко мне: — Советую поспешить с оформлением. Скоро звонок.

И, расставив точки над *i* между нами, девочками, направился в сторону арочного коридора.

Покуда я соображала, что редковолосый мужчина — на самом деле преподаватель, мелкая вдруг сузила глаза щелочками и, злобно прошипев: "Членов ему подавай, педерасту убогому!", выбросила с ладони *piloi sandi*. Потрескивающий шарик понесся вслед удаляющемуся преподавателю и ударился в спину, не причинив ни малейшего вреда. Сила отдачи оказалась такова, что заставила г-на Рамши пошатнуться и потерять равновесие, а заклинание, срикошетив, отскочило к толстому металлическому крюку, на котором крепилась люстра. Электрические заряды, рассыпавшись на несколько частей, пробежали змейками по цепям люстры и затухли, погаснув.

Преподаватель развернулся к девчонкам, и его на лице нарисовалось полнейшее изумление. "Лисичка" в растерянности разглядывала свои руки, в то время как ее подружка, поняв, что дело запахло керосином, трусливо попятилась к стене.

В это время раздался короткий тренькающий звук, как если бы порвалась струна гитары. И точно, кое-что лопнуло в зале. Одна из цепей, удерживавших каскадную люстру.

Г-н Рамши принялся растерянно тереть кончик шарфа: у преподавателя нашлись проблемы поважнее, чем прислушивание к какому-то треньканью. Он начал осознавать, что на него только что напали самым подлым образом, и замешательство на лице мужчины сменилось гневной маской. Преподаватель не мог выбрать — бежать ли ему с жалобой в деканат или напрямую к ректору. В то же время г-н Рамши едва удерживался, чтобы не опуститься до банального бегства, а неторопливо покинуть холл с оскорбленным видом. Эти сомнения дорого ему стоили.

Я же застыла в нерешительности, потому что, во-первых, из головы улетучились все мысли, а во-вторых, рядом находился преподаватель, на которого следовало полагаться. Он знал, что и как нужно делать. Об этом гласил следующий пункт студенческого кодекса, замигавший аварийной сиреной в моей памяти: "В нестандартной ситуации, связанной с вис-возмущением, самостоятельных решений не принимать, выполнять указания первого по старшинству специалиста". В общем, как послушная и исполнительная студентка, я решила, что случилась самая что ни на есть нестандартная ситуация.

Щелк! — лопнула еще одна цепь.

Наша компания синхронно задрала головы к потолку, разглядывая перекошенную люстру.

Щелк. Щелк. Щелк, — лопнули поочередно три цепи.

С каждой обрывающейся цепью сооружение из металла и стекла кренилось все сильнее, и теперь напоминало диагональные кольца Сатурна с картинки из учебника астрономии.

Щелк, щелк, щелк, щелк... - тросы толщиной с руку разрывались точно волосинки.

"...пять, шесть, семь, восемь, девять..." — бормоча, подсчитывала я рвущиеся цепи, а глаза прилипли к накренившейся люстре, не в силах оторваться от апокалиптической картины.

Да, правда состоит в том, что люди не могут жить без зрелищ, насыщающих мозг адреналином. При этом зрачки у зрителей расширяются, дыхание учащается, пульс зашкаливает. Падкие до зрелищ зеваки не понимают, что стоят аккурат под люстрой, и осиное жало ее кончика зловеще поблескивает, нацеливаясь им в лоб. То есть мне.

Каскад колец съехал в одну кучу, громада подвесок жалобно позвякивала, часть лампочек потухла.

Оказывается, до нестандартной ситуации люстра покоилась на двенадцати прочнейших металлических цепях-канатах, и сейчас тяжеленная конструкция обреченно повисла на последней уцелевшей из них.

Затем и эта ниточка лопнула с жалким треньканьем.

Смешалось в кучу.

И почему вся биография не промелькнула перед глазами? Ведь обещали же!

"В последние мгновения жизни воспоминания проносятся метеором". Ну, и где метеор? Теперь знаю, что неправду говорят. Вместо этого чистый экран, звуки, будто через толщу воды и полнейшее опустошение.

Ничего не пронеслось и ни капельки не вспомнилось. Хоть бы мельком увидеть мамино лицо — ан нет его, лишь ослепительная белизна.

Ну, если биография отказалась прокручиваться, может, это вовсе и не последние мгновения жизни? А предпоследние.

Хорошая шутка.

Заходилась нездоровым истерическим смехом "лисичка", показывая пальцем на

покоренную люстру посреди холла. Прислонившись к стене, раскачивалась на корточках подружка мелкой, с окровавленным лицом. Девчонка не успела отвернуться от стеклянного крошева, брызнувшего в стороны при ударе о пол.

Где-то в углу, сжавшись в комочек, подвывал господин преподаватель:

— А-а-а, убили... покалечили... как же я с израненной душой творить буду... а-а-а...

Меня держали на руках, похлопывали по щекам — небрежно, но несильно. Потом уложили на пол, наспех смахнув ковер из осколков, и начали тормозить, делать искусственное дыхание, прикладывать ухо к груди и стимулировать сердцебиение ритмичными продавливаниями грудной клетки.

А и не надо! Жива я, жива. Дайте только отдохнуть немножко.

— Дыши уже! — сердито сопел кто-то над ухом. — Или на органы порежу.

Я открыла глаза. Пыль давно осела, покрыв горизонтальные поверхности, святого Списуила, меня и моего спасителя, уже отчаявшегося вернуть сознание в брненное тело.

— Жива! — раздался облегченный вскрик, и мой взгляд натолкнулся на круглую как блин физиономию, русый чубчик и встревоженные серые глаза.

Это могла быть 5 глава

Несомненный плюс состоял в том, что месторасположение медпункта перестало быть для меня тайной. К тому же я познакомилась с персоналом, опекающим сие учреждение здравоохранения, вернее, с его единственным медкоммандором — фельдшером Клариссой Марковной или попросту Морковкой, о чем по дороге в обитель медицины успел сообщить спасший меня парень.

А еще у медицинской каталки, на которой я возлежала, стоял мрачный Генрих Генрихович Стопятнадцатый, расставшийся со мной не далее как два часа назад. Рядом с ним нервно переминался с ноги на ногу худощавый подтянутый мужчина с заметной сединой в волосах — декан факультета элементарной висорики, о чем тоже поведал вполголоса мой спаситель.

Сам же он сидел на соседней каталке, обнаженный по пояс и щедро обмотанный бинтами. Именно парнишка выдернул меня из-под падающей люстры и прикрыл собой. Разлетевшиеся осколки стекла порезали ему спину, и фельдшернице пришлось наложить швы в нескольких местах и смазать раны экстражизньющими мазями.

Спаситель оказался широкоплеч и кряжист, имел накачанный пресс с рельефными кубиками. Я тут же представила, как парень поднимает гири или участвует в силовом троеборье, и на трибунах скандируют болельщики, а потом он обязательно получает чемпионский титул.

Мимо пробежала Кларисса Марковна, стрельнув в меня уничижительным взглядом. В обеих руках она несла капельницы.

С первых же минут фельдшерница показалась мне женщиной желчной и сварливой, хотя свое дело знала на "отлично". У Морковки и лицо соответствовало прозвищу, и сама она, переполненная недовольством и раздражением, не скрывала возмущения перед обоими деканами. Как тут не возмущаться? Сидишь спокойно, чаек попиваешь, зеваешь от уха до уха, шприцы с места на место перекладываешь да ампулы пересчитываешь, а тут раз! — и неожиданно подсовывают, на ночь глядя, нежданную работенку.

Так что Морковку можно понять. Ладно, я и парнишка — оба ходячие и вменяемые. Таким, как мы, толстокожим замазал раны зеленкой, градусник под мышку сунул и иди книжку дочитывать, на утреннем обходе встретимся.

За голубыми ширмами, условно разделявшими помещение стационара на две неравные части, находилась зона для тяжелобольных, в которой в данное время находилась остальная часть пострадавшей компании. По случайно оброненным фразам, по тревожной беготне Морковки, по скорбным, но решительным лицам деканов выходило, что, кроме порезов и прочих механических травм, у троицы, расселенной за ширмами, диагностировано помешательство различной степени тяжести.

Наличие двух свихнувшихся студенток и одного преподавателя обеспокоило присутствующих гораздо больше, чем моя несостоявшаяся гибель. Или во мне говорила обида на то, что меня наскоро забинтовали, убедились, что различаю пять пальцев на руке, а не восемь, после чего бросили на произвол судьбы валяться на твердой-претвердой каталке?

На самом деле я заметила обеспокоенный взгляд Стопятнадцатого, пока он досконально расспрашивал фельдшерницу о состоянии моего здоровья, практически выпотрошив из Морковки интересные подробности. Мне польстила забота Генриха Генриховича.

Кроме Стопятнадцатого, декана элементарки и бегавшей Клариссы Марковны иных лиц в стационар не допустили. Тем временем фельдшерница раздраженно выговаривала деканам:

— Поймите, моей компетенции недостаточно. С физическими травмами можно справиться, но повреждения психики могут быть очень опасны. Здесь нужен специалист высокого уровня. Настоятельно рекомендую госпитализацию пострадавших.

Стопятнадцатый отрицательно покачал головой:

— Перевозка в городской стационар исключена. У института есть средства для найма специалистов и на оплату лечения на нашей территории.

Второй декан согласно кивнул:

— Произошедшее не должно выйти за пределы учебного заведения. Полностью избежать утечки невозможно, слухи распространяются со скоростью пожара. В любом случае приложим все усилия, чтобы пресса не раздула скандал. Если о ЧП станет известно первому отделу, нам не поздоровится.

— Знаю, — прогудел Стопятнадцатый, барабаня пальцами по каталке.

Похоже, мужчин совершенно не волновало, что их разговор слушают невольные свидетели. Вернее, деканы озаботились настолько, что не обращали внимания на двух наостривших уши студентов.

Генрих Генрихович продолжил:

— Прежде всего, нужно бояться вам, Михаслав Алехандрович. Это ваша студентка нарушила два непреложных правила кодекса: без разрешения вызвала возмущение вис-поля и попыталась применить его к преподавателю.

— Ну, это под каким углом посмотреть! — воскликнул воинственно его собеседник. — Участники инцидента не смогли более или менее внятно рассказать о случившемся. Кроме нее, — он ткнул пальцем в меня. — Еще более подозрительно, что она, — на меня опять указали перстом обвиняющим, — пострадала меньше всех. Наверняка имела место провокация. Ведь за всю историю существования нашего факультета не зафиксировано ни одного возмутительного случая покушений на сотрудников института, не говоря о том, чтобы незаконно возмущать вис-поля! — закончил с апломбом седовласый декан.

— Бросьте! — возразил Стопятнадцатый. — Неужели вы верите, что студенты добросовестно исполняют первый пункт кодекса?

— Несомненно!

Декан факультета нематериалки скептически покачал головой, а парнишка понимающе хмыкнул, сочувствуя наивной доверчивости Михаслава Алехандровича. Казалось бы, убежденный сединой мужчина, а до сих пор верит в сказки. Даже бездарная особа вроде меня знает, как обстоят дела с запретами в реальной студенческой жизни. Запреты существуют для того, чтобы их нарушали — это правило нужно вписать нулевым пунктом в студенческий кодекс.

— Вы обвиняете мою студентку в покушении на преподавателя, — сложил руки на груди Михаслав Алехандрович. — Это серьезное обвинение. Я могу выдвинуть встречное обвинение ей, — кивнул на меня, — в подстрекательстве.

Стопятнадцатый с трудом сдержался, чтобы не вспылить:

— Во-первых, с сегодняшнего дня эта девушка — учащаяся моего факультета, и я отвечаю за её безопасность своей головой. Во-вторых, у неё тоже есть раневые повреждения рук, лица и шеи, хотя и в меньшем количестве, чем у других пострадавших. В-третьих, даже

если провокация имела место, ваша студентка нарушила непреложное правило неприкосновенности преподавателя и будет исключена из института без права восстановления. В-четвертых, вы ошибаетесь насчет единственности свидетеля. Рябушкин вошел в холл за мгновение до того, как ваша студентка создала и выпустила *piloi candi* ^[3] в преподавателя. Психика у парня крепкая, здоровье существенно не пострадало, и самое главное, он оказался настоящим героем. Если бы не Петр, размазало бы Эву Карловну по паркету, и собирать было бы нечего. А вы говорите, провокация! — пристыдил Генрих Генрихович собеседника, а я нервно сглотнула, осознав нарисованную деканом перспективу. — Бобылеву знать о происшествии, конечно, не следует. Покуда он в командировке, надеюсь, за три-четыре дня подчистим перышки.

Внезапно дверь медпункта распахнулась, и на сцене появилось еще одно действующее лицо. Высокая моложавая женщина, упакованная в строгий брючный костюм, стремительно ворвалась в небольшое помещение стационара.

Она могла быть красавицей. Элегантный пучок светло-русых волос, ровный контур лица без лишней одутловатости, приятная линия носа, пронзительные голубые глаза под идеальными бровями делали лицо почти совершенным. Впечатление портили сжатые тонкой полоской губы, говорившие о том, что их хозяйка привыкла принимать ответственные решения и жесткой рукой повелевала подчиненными.

— Евстигнева Ромельевна, — мужчины поприветствовали вошедшую нестройным хором, а Рябушкин судорожно вздохнул. Похоже, дама пользовалась в институте немалым авторитетом и властью.

В ответ им величественно кивнули.

— Где пострадавшие? — осведомилась дама мелодичным голосом, и я мгновенно влюбилась в певучий тембр и бархатную интонацию.

Не я одна попала под обаяние голоса с легкой хрипотцой. Мрачная Морковка вынырнула из-за ширм, и, просветлев лицом, бросилась приветствовать строгую даму.

— Вот, — декан факультета нематериалки окинул взмахом руки меня и Рябушкина.

Евстигнева Ромельевна досадливо нахмурилась. Очевидно, она не считала нас пострадавшими. В ее понимании пострадавшим следовало лежать на растяжке загипсованными мумиями и громко стонать.

— Мне нужны лежачие.

— Пройдемте, — пригласил Генрих Генрихович, и высокопоставленная компания удалилась за ширмы, ведомая фельдшерницей, ставшей мягкой, словно сливочное масло. Там они принялись невнятно бубнить, и я время от времени вздрагивала, когда басил Стопятнадцатый.

— Слушай, — обратилась к своему спасителю, молча пересчитывавшему родинки на руке, — а кто она такая? Стопятнадцатого знаю, а её — нет.

Парень мгновенно понял, о ком речь.

— Евстигнева Ромельевна — проректор по науке. Второй человек после ректора, — пояснил с благоговением, и мне показалось, в его глазах мелькнул фанатичный огонек.

Я решила сменить тему.

— Забыла поблагодарить тебя. Большое спасибо. Если бы не ты, я бы того... тю-тю, — сделала замысловатый жест рукой, показывая образно, как могла тютюкнуться, не приди парень на помощь. — Я Эва.

— Знаю. Эва Карловна? — улыбнулся парнишка.

Я смутилась.

— До Карловны еще не доросла. — А про себя подумала, что многое бы отдала, чтобы носить другое отчество, а еще лучше — иметь другого отца.

— А я Петр, — представился парень.

— Тоже знаю, слышала, — скопировала его интонации. Получилось похоже, и мы рассмеялись. — К тебе как: по имени-отчеству или попроще?

— До отчества тоже не дорос, — в тон мне ответил Петя. — Значит, ты у нас в институте учишься?

— Вроде как. Сегодня начала переводиться и не могу закончить.

— На нематериалку?

— Ага.

— Нематериалка — это круто, — признал парень с легкой завистью.

— Ничего особенного, — пожала плечами.

— А я на внутренней учусь, — разоткровенничался Петр. — Нематериалка туговато идет.

— Внутренняя — тоже хорошо.

Я понимала его неуверенность. Внутренняя висорика считалась самым непривлекательным направлением науки. Гораздо эффектнее и интереснее пускать электрические заряды в спины преподам и гипнотизировать симпатичных девчонок, чем корпеть над гениальным архитектурским проектом или неразрешимой математической задачей. Над ребятами, учившимися по направлению внутренней висорики, подсмеивались и подшучивали все, кому не лень. Их обзывали внутряками, внутрами, утробами и еще множеством обидных прозвищ.

Разве виноват человек в том, какими способностями наградила его судьба? А в чем виноват человек, у которого вообще нет способностей?

Я, конечно же, позавидовала Петруше глубокой завистью. Как-никак, он осязал проклятые вис-волны и мог их использовать, в отличие от меня.

Однако долго убиваться по поводу собственной бездарности не собиралась, все слезы выплакали в детстве и высохли в подростковом возрасте. Передо мной стояли вещи более прозаичные — во что бы то ни стало получить аттестат о специальном висорическом образовании. Но если другим цель казалась обыденной и само собой разумеющейся, для меня она походила на гору с вертикальным подъемом, поэтому на долгом и тернистом пути к победе сердце грела одна-единственная награда, светившая яркой путеводной звездой: как только выполню обещание, данное отцу, он исполнит своё.

Тут я вспомнила о сумке. Огляделась по сторонам, а ее нигде нет. Я похолодела. В ней остались все мои деньги и вещи. Наверное, сумку забыли в холле. Надо срочно вернуться туда!

Заметив, что я завозила на каталке, Петя встревожился.

— Ты куда? Не велено вставать, пока не разрешат.

— Где моя сумка?

— Здесь она, не бойся. Ты же в нее вцепилась — не оторвать. Только в медпункте и смогли разжать пальцы.

Я потеряла лоб:

— Не помню.

— Я и сам не очень хорошо помню, — признался парень. — На автомате действовал.

Он вытянул из-под каталки сумку. Потрепанную и замызганную, но моё сердце подпрыгнуло от радости. Это как на войне: всё нужное — всегда при мне. Так спокойнее.

— Петь, теперь я твоя должница до конца жизни, — клятвенно заверила парня, прижав сумку к себе. Он махнул рукой, мол, мелочи, не стоит беспокоиться. Ничего себе мелочи! — Как хочешь, а долг признаю.

— Думаешь, я специально полез тебя спасать? — обиделся Петя. — Ничего мне не надо. Спасибо сказала, и на том достаточно.

— Ну, вот представь себя на моем месте. Ты бы на колени встал и умолял свой долг принять!

Петя подумал и оценил.

— Хорошо. Если тебе чешется, то признаю твой долг.

— Чешется, — улыбнулась я.

А как известно, признанные и принятые долги крепче клятвы на крови.

Из-за шторок показалась кавалькада ученых дам и мужей. Вернее, ученая дама была одна, а вторая дама, замыкавшая шествие, была подобострастная Морковка.

Евстигнева Ромельевна соответствовала своей должности. Она плыла по проходу как королева, и от нее исходила аура подавляющей властности. Тут же захотелось слезть с каталки и, как верный рыцарь, преклонить перед проректрисой одно колено.

— Несколько дней стационара им не повредит. Михаслав Алехандрович, поскольку пострадали учащиеся вашего факультета, вам поручается сообщить родственникам об инциденте. Выберите нужные слова, чтобы не допустить скандала, и не упоминайте о возможности исключения из института. Вам же, Генрих Генрихович...

Договорить проректриса не успела. Вновь распахнулась дверь медстационара, и еще одним заботливым посетителем прибавилось. В помещение энергичным шагом вошел высокий темноволосый мужчина. Увидев вошедшего, Петр взволнованно подпрыгнул на каталке.

В силу молодости незнакомец выглядел мальчиком рядом с двумя представительными деканами. Тем не менее, по-свойски поздоровался с ними рукопожатием, приветливо кивнул дамам, в том числе и мне, чем поверг в приятное изумление. И оделся по-молодежному демократично: в джинсы и водолазку под пиджаком.

— Простите, немного опоздал. Я что-то пропустил? — осведомился мужчина, и по его тону стало ясно, что он ни секунды не раскаивается в опоздании. Уверенные движения новоприбывшего и его приветливая улыбка дышали таким позитивом, что никому и в голову не пришло обвинять его в оплошности. Никому, кроме строгой проректрисы.

— Да, Миарон Евгеньевич, — ученая дама свела сурово брови, — вы пропустили. Вы очень много пропустили.

— Каюсь, — виновато развел руками мужчина и улыбнулся. От его улыбки у меня на душе тут же просветлело. Не обижать нужно хорошего человека и злобствовать с обвинениями, а посочувствовать. Наверняка у него есть причина.

И мужчина не замедлил ее озвучить:

— Я же ездил на научную конференцию. Между прочим, по вашему поручению, Евстигнева Ромельевна. Как освободился, сразу примчался сюда, а здесь такое!

— Какое такое? — влез декан элементарки, подозрительно сощурился.

— Ну... — замялся Миарон Евгеньевич. — Смотрю, холл оцеплен, разные слухи гуляют. А потом секретарша в медпункт вызвала. Летучка, говорит, будет на месте и при

ограниченном количестве лиц.

— Слухи, значит, гуляют, — прогудел Стопятнадцатый. — И много слухов успело просочиться за ограду?

Миарон Евгеньевич пожал плечами:

— Да откуда ж мне знать? В институте услышал, что кто-то из студентов на спор покачался на люстре, а она оказалась слабовата.

Петя, не сдержавшись, хихикнул.

— И что же, оказалось трудно позвонить и сообщить, что задержитесь? — выпытывала проректриса тоном строгой училки.

Ну, чего пристала? Сочувствие нарисовалось и на лице фельдшерицы. Видимо, ее тоже притомило пристальное внимание важных институтских персон.

— Евстигнева Ромельевна, я же три или четыре раза звонил, а у вас телефон отключен, — так открыто и безыскусно признался Миарон Евгеньевич, что мне стало совестно за назойливость проректрисы. Да и она, похоже, почувствовала себя неловко и, закусив губу, примолкла. Наверное, придумывала, чем еще поддеть молодого человека, но, не сообразив ничего стоящего, вернулась к насущным проблемам.

— Итак, что имеем? Первоначальный диагноз не подтвердился, что является хорошей новостью. Через день-два шок пройдет, и студентки смогут покинуть стационар. Зрение удалось сохранить, что тоже отлично. Наибольшую тревогу вызывает господин Рамши. — При этих словах мужчины принялись сдавленно кашлять и кхыкать. — Физически он не пострадал, *cliro intacti*^[4] прекрасно показал себя в действии. А вот психическое состояние Рамши меня беспокоит. Нужно немедленно заняться поисками хорошего специалиста по психиатрии, умеющего держать язык за зубами. Поручаю это вам, Михаслав Алехандрович. — Декан кивнул. — Пострадавшим вкололи успокоительное, но скоро его действие закончится, поэтому их сон может стать беспокойным. Генрих Генрихович, я попрошу создать над лежащими *veluma silenche*^[5]

Стопятнадцатый сгреб с медицинской этажерки десяток нераспечатанных шприцев и, сунув в карман пиджака, направился к ширмам. Остановившись около перегородок, он начал проделывать руками пассы, будто раскладывал невидимое покрывало, и прищипливал к стене шприцами, словно дротиками.

Петя восхищенно выдохнул, и его простое лицо засияло:

— Во как сверкает! Круто, правда?

Я, конечно же, ничегошеньки не видела, но поддержала:

— Ага, круто.

— Смотри, как вонзает! Никогда не видел.

И, правда, Стопятнадцатый брал поочередно уголки созданного им вис-покрывала и подтягивал к стене, после чего ловко и сноровисто фиксировал иглками шприцев, входившими в стену как нож в масло. И этого мои глазки тоже не видели. Мне Генрих Генрихович напоминал прачку, развешивавшую постиранное белье для сушки.

Евстигнева довольно кивнула. Судя по всему, декан нематериалки создал шедевр. Я вздохнула. Обидно, когда не можешь любоваться и восхищаться красотой вместе с остальными.

— Михаслав Алехандрович, а вас попрошу внушить *cus soriti*^[6] для этих учащих, — проректриса показала на меня с Петром.

Но парень неожиданно заартачился:

— Нет, мне обязательно нужно попасть домой. Я здоров и чувствую себя отлично.

— Послушайте, Рябушкин, — вступил Миарон Евгеньевич, — а если дома наступит ухудшение? Я бы советовал переночевать здесь, под присмотром специалиста, — при этих словах Морковка недовольно засопела.

Петя продолжал упрямиться:

— Мне совершенно невозможно остаться.

— Очевидно, у молодого человека есть на то причины, — поддержал парня Михаслав Александрович.

Проректриса подумала и сказала:

— Хорошо, Рябушкин, ступайте, но завтра с утра обязательно зайдите в медпункт. И еще хочу попросить вас об одолжении.

Петя, было засобиравшись, снова присел. Глаза его расширились от удивления. Надо же, сама Евстигнева Ромельевна просила об одолжении!

— Конечно, можно поставить укол типуна под язык, но если дадите слово, что увиденное и услышанное в холле и в медпункте, останется между нами, то руководство института будет премного вам благодарно, Рябушкин.

Петя коротко кивнул:

— Никому и ничего не скажу.

— Отлично. Если станут расспрашивать, говорите, что ничего не знаете и непричастны к инциденту. Но ваш смелый и благородный поступок администрация обязательно оценит по заслугам. Я горжусь тем, что на факультете внутренней висорики учатся столь героические личности, — похвалила проректриса и обернулась к Миарону Евгеньевичу: — Это вам в плюс. Ваши студенты — образец для подражания.

— Ну, что вы, — засмутился тот. — Я здесь не причем. Наш Петр — целеустремленная личность с твердым характером.

Парень покраснел, захваленный со всех сторон.

Вот и разгадался ребус. Миарон Евгеньевич оказался деканом факультета внутренней висорики, на котором учился Петя.

И тут некстати заурчал мой оклемавшийся от потрясения желудок. Как голодный динозавр.

Все поглядели на меня. Петя вытащил из своей сумки яблоко:

— Лови!

Стопятнадцатый распорядился Морковке:

— Обеспечьте пострадавшую горячим питанием и постельным режимом. Думаю, крепкий сон можно запрограммировать через два часа. Этого времени достаточно? — уточнил у помрачневшей фельдшерицы. Еще бы, ей сейчас в столовую бежать, добывать диетическое питание.

— Вполне, — проямлила она и наградила меня убийственным взглядом.

— Эва Карловна, — обратился ко мне декан нематериалки, — наверняка вы используете дефенсор^[7]. Смею попросить о том, чтобы временно его снять, и Михаслав Александрович успешно применит заклинание крепкого сна

Я заколебалась. Браслет, которым обеспечил меня предусмотрительный отец, являлся единственной защитой от излишнего любопытства висоратов, вздумай кто-нибудь из них побродить в моей голове.

Стопятнадцатый, видя мою нерешительность, добавил:

— Эва Карловна, ручаюсь, что кроме наказания *cus soriti*, других воздействий не будет оказано. Такое же обещание дает и Михаслав Алехандрович. — Декан элементарки сдержанно кивнул. — Прошу не ставить под сомнение профессионализм руководства и этическую сторону вопроса.

Мне показалось, в глазах Стопятнадцатого сверкнули веселые искорки. Неохотно кивнув, я задрала растянутый рукав свитера и с трудом сняла с предплечья черный пластмассовый браслет. Вот и все. Читайте меня как открытую книгу, узнавайте мои тайны.

Михаслав Алехандрович прикоснулся к моим вискам пальцами — сухими и прохладными. Я думала, будет больно, но не произошло ничего необычного, и через полминуты мужчина отошел. И это все?!

Браслет сразу же вернулся на предплечье, возвратив мне былую уверенность.

Фельдшерица помогла Пете облачиться в медицинскую рубаху взамен порезанного и испачканного засохшей кровью свитера. Миарон Евгеньевич снял пиджак и отдал парню.

— Не стесняйтесь, Рябушкин, это самое малое, что мы можем сделать для вас, — декан похлопал Петю по плечу.

— Не могу принять, — смутился тот. — Я и без пиджака доберусь до дома.

— Так вам никто и не дарит, — засмеялся Миарон Евгеньевич. — Хочу, чтобы вы без приключений и лишних пересудов дошли до раздевалки. А пиджак вернете завтра.

— Кстати, — вступил в разговор Стопятнадцатый, — напоследок хочу посоветовать вам, Петр. Сделайте вид, что пока не знакомы с Эвой... Карловной. — У меня от удивления вытянулось лицо. — Ваше знакомство не будет вязаться с легендой о непричастности.

— Действительно, — поддержала проректриса, — в этом есть смысл.

— Хорошо, — кивнул Петя, подмигнул мне и ушел, попрощавшись со всеми. Хороший он парень, простой и открытый. Мне понравился.

После ухода Пети проректриса опять обратила внимание на молодого декана. Она задалась целью залить его язвительностью по самое не хочу. Но Миарон Евгеньевич вяло и легкой улыбкой отбивался от нападков: почему студенты его факультета прогуливают лекции, почему низкие показатели в олимпиадах, почему подготовлено мало докладов для научной конференции. Можно подумать, больше дел нет, как обсуждать текущие вопросы у постели умирающей больной!

Ладно, не совсем умирающей.

— Кроме того, поскольку в сегодняшнем ЧП оказались завязанными учащиеся трех факультетов, — вернулась к избитой теме проректриса, — хочу указать всем присутствующим на необходимость соблюдения конфиденциальности.

И все присутствующие согласились с указанием.

— Предъявят ли моей студентке обвинение? — спросил седовласый декан элементарки. — То, что она пострадала, является смягчающим обстоятельством?

— Вряд ли, — ответила проректриса. — Обсудим подробности завтра. Для начала нужно пережить сегодняшнюю ночь.

Уж не знаю, какой смысл скрывался в ее словах, но мужчины вдруг деликатно замолчали.

— Миарон Евгеньевич, попрошу пройти ко мне в кабинет, чтобы обговорить возможные способы поощрения Рябушкина, — велела проректриса.

— Хорошо, — ответил вызванный, растерявшись.

— Я бы тоже хотел обсудить некоторые идеи насчет специалиста... — начал Михаслав

Александрович, но проректриса оборвала.

— Успеется, — отрывисто бросила и вдруг покраснела, после чего быстрым шагом удалилась из лазарета.

За ней цепочкой потянулись остальные. Первым ушел на ковер Миарон Евгеньевич, вторым — декан элементарки, натянув на лицо маску безразличия. Морковка исчезла в поисках диетического борща.

Стопятнадцатый подошел ко мне.

— Вы не видите волн.

Ну, и что с того? Зачем кричать, если мы оба прекрасно знаем?

Мужчина продолжил:

— Поэтому, с высоты своего полета я поначалу не учел некоторые особенности. Когда вас выпишут из стационара, жду в деканате. — Он задумчиво потер подбородок. — Да-а, ну и денек выдался. Спокойной ночи.

— Спасибо.

Проводив взглядом грузную фигуру декана, я с хрустом вонзилась в сочный Петин подарок. Желудок благодарно взвыл.

Пока я ожидала Морковку с диетическим супом и выбирала удобную постель из двух бесконечных рядов кроватей с белыми треугольниками подушек, Евстигнева Ромельевна угощала чаем декана факультета внутренней висорики, слушала вполуха его оживленную речь, отвечала невпопад на вопросы и изредка поглядывала в зеркало, висевшее у двери, чтобы убедиться — не заливают ли её щеки предательский румянец.

Мальчишка был молод. Очень молод и хорош. И Евстигнееву Ромельевну тянуло к нему невероятно. Но чем сильнее ее тянуло, тем тяжелее она придумывала вериги себе и ему, чтобы как можно реже встречаться с искушением, и тешила себя надеждой, что сумеет изгнать из головы непотребные фантазии.

Оказалось, всё зря. Потому что барьеры рухнули в одночасье, когда она увидела его — спокойного, уверенного, улыбающегося — в выкрашенном унылой голубой краской стационаре. Банально и неромантично.

Поддавшись непонятному порыву, Евстигнева Ромельевна вдруг пригласила его в кабинет тет-а-тет. Хорошо, что причина была основательной. Боже, а какая была причина?

Наевшись непонятной зеленой бурды под названием суп-пюре, я полеживала на кровати, прислушиваясь к звукам за дверью, и раздумывала над тем, что еще ни разу не начинала жизнь на новом месте с ночевки в лазарете. Примет ли меня институт, став домом хотя бы на короткое время? Одно хорошо — за неполный день повезло познакомиться со всей институтской верхушкой.

Два часа, отведенные на разные моционы, истекли, и я отключилась.

Это могла быть 6 глава

Ах, утро, тихое утро!

Сладко потянувшись, я открыла глаза. Давно рассвело, а меня не собирались будить. А как же дела, целая бездна дел?

В лазарете стояла полная тишина. Видимо, покров, наложенный Стопятнадцатым, до сих пор эффективно работал, хотя всем известно, что заклинания большой длительности создавать не так-то просто.

Вдруг г-н Рамши сейчас стонет, надрывается за ширмами, а Морковка спит себе, посапывает и ничего не слышит? — подумала и тут же устыдилась нехороших подозрений. Наверняка Кларисса Марковна давно и с присущей тщательностью выполнила все необходимые процедуры.

Прошлепав босыми ногами по холодному полу, я подошла к окну и высунулась за штору. Снаружи опять серела унылость. Хорошо, хоть без ветра и осадков. Интересно, который час?

Словно угадав мое пробуждение, в дверях появилась фельдшерица с подносом в руках, который она поставила на тумбочку рядом с кроватью.

— Поешь, застелешь, приберешь, придешь и отчитаешься, — короткими фразами расписала режим дня на ближайшие полчаса.

Кислое выражение Морковкиного лица не смогло подавить Ниагарский водопад моего хорошего настроения.

— Доброе утро! — Я потянулась и сладко зевнула, прогоняя остатки сна. Эх, до чего хорошо спалось!

Фельдшерица не ответила и ушла.

Каша оказалась на воде и несладкая. Очевидно, Морковка всерьез озаботилась здоровым питанием без излишеств. Одиноким подсушенный ломтик с прозрачным слоем масла выглядел смешно на огромной тарелке. Ну, и ладно! Все равно перекус полезный — горячий и питательный. Мы и не такое едали. Вернее, бывало, мы вообще не едали.

Застелив кровать, одевшись и умывшись, я отправилась к Морковке, чтобы сообщить об отплытии в безбрежный океан студенчества. Она еще раз осмотрела мои белки, горло, уши, постучала по коленкам, заставила вспомнить имя и фамилию, после чего с видимым облегчением отпустила, но сначала получила роспись в новенькой медицинской карточке, заведенной на мою фамилию. Ох, рано Кларисса Марковна обрадовалась, закрывая за мной дверь медпункта. Чувствую, мы встретимся не единожды, и моя карточка распухнет, став толстой как сарделька.

Ну, если съедобные образы поплыли в голове, это верный признак того, что желудку не хватило полезного диетического завтрака. Но прежде нужно навестить Стопятнадцатого.

Многочисленные повороты пустых и гулких коридоров гасили эхо шагов. И все же, чтобы начать движение к деканату, потребовалось выйти в отправную точку — центральный холл, иначе я бы просто-напросто заблудилась. Такова особенность моей зрительной памяти: покажи один раз маршрут, и я пройду по нему с закрытыми глазами. А вот отклониться от заданного направления для меня чревато.

Безлюдный зал встретил чистотой и гулким эхом. Следы вчерашней разрухи как корова языком слизала. Из-за отсутствия освещения в холле висел полумрак. Святой Списуил потерялся в тенях, лишь уголок постамента озарялся падающим из бокового коридора

светом. Со странными чувствами я вступила в круг, над которым еще вчера висела сверкающая люстра. Будто бы давным-давно случилось и не со мной.

Несмотря на то, что шли занятия, декан заседал в кабинете. В приемной опять не оказалось секретарши, и я вошла, деликатно постучавшись. Сегодня Стопятнадцатый изучал что-то в большой книге с помощью громадной лупы. Увидев меня, он отложил лупу в сторону.

— Ну, здравствуйте, Эва Карловна! Как самочувствие? Тянет на подвиги?

— Спасибо, самочувствие отличное, тьфу-тьфу, — я постучала по спинке кресла. — На подвиги не тянет.

— Это хорошо. — Декан нырнул в недра стола. Послышался звук выдвигаемых шкафчиков. — Вот, держите.

Он протянул ксерокопии каких-то схем — бледные изображения, местами нечеткие.

— Это планы всех этажей. Вчера до меня наконец дошло, что вы не можете передвигаться по институту обычным способом, вернее, необычным, вернее... — Генрих Генрихович запутался. — Словом, вы не видите направления на стенах.

— Это как?

Стопятнадцатый вздохнул. Ясно, что ему неохота возиться со мной и разъяснять всякие премудрости.

— Чтобы видеть указатели, нужно осязать волны, — пояснил он.

А зачем грустить-то? Поди всю ночь не спал: дошло до дяденьки, как же я, несчастная-разнесчастная, живу на белом свете, да еще умудрилась залезть в висоратский гадюшник.

— Копии схем сделали в архиве по моей просьбе, поэтому ни у кого не возникнет подозрений, для чего они понадобились. Советую изучить.

— Конечно, — спрятала я драгоценный подарок в сумку. — Спасибо.

— И вот еще что. Поскольку вы пострадали морально и физически при вчерашнем инциденте, из институтского фонда в качестве компенсации выделены двадцать талонов на бесплатные завтраки и обеды в студенческой столовой.

Декан положил на край стола оранжево-черный рулончик.

— Мне не нужна подачка! — вспыхнула я. — Вполне могу себя прокормить.

— Эва Карловна, вопрос не в подаянии. В уставе института есть статья о помощи студентам, пострадавшим при вис-возмущении. Так что ваши капризы не обсуждаются. Ведомость заполнена, деньги списаны, держите талоны.

— Я не попадала под вис-возмущение! — Моя сварливость зашкаливала. — Это господину Рамши нужно питаться на убой.

— Откуда в вас столько упрямства? — Стопятнадцатый откинулся на спинку кресла. — Не волнуйтесь, Рамши тоже получит талоны и множество бонусов от института. От себя могу сказать, что если талоны не поступят в кассу столовой, то сумму, равнозначную их условной стоимости, поставят с вас на вычет.

Я опешила:

— Как так?

— Вот так, Эва Карловна. Круговорот условных денежных единиц в природе, то есть в институте. Считается, что вы взяли под материальную ответственность определенную сумму и должны за нее отчитаться.

— Ничего я не брала! — заикаясь от возмущения, передвинула к Стопятнадцатому

рулончик с талонами.

— Зато я взял, — декан подвинул талоны обратно. — Будете меня убивать?

Покусав губы, я нехотя взяла оранжево-черную ленточку.

— Отлично, — бодренько констатировал победу декан. — Сегодня продолжайте оформление. Надеюсь вскоре увидеть вас на занятиях в качестве студентки.

— Хорошо, — согласилась я вяло. Перспектива питаться в столовой, предъявляя какие-то талончики, показалась унижительной.

Генрих Генрихович, снова приклеившись к лупе, склонился над книгой. Не отрывая взгляда, от нее, просветил:

— Еще полчаса до звонка. Если поторопитесь, успеете в хозчасть.

И принялся чуть слышно напевать под нос:

— О, милое созданье, очей очарованье! Приди ко мне, цветочек и... и... цветочек... горшочек... грибочек...

— Глоточек, — подсказала я от двери.

— Что? А, да-да, — поддакнул машинально Стопятнадцатый. — Точно! — Хлопнул себя по лбу лупой, охнул от боли и продекламировал зычным басом: — Приди ко мне, цветочек, дай воздуха глоточек! Прелестно! У вас талант к стихам, Эва Карловна.

— Спасибо, — приняла я комплимент и нырнула за дверь. Уф! Хоть какой-то талант нашелся — подсказывать деканам рифмы для шедевральных опусов.

На окошке в лестничном пролете состоялось первичное ознакомление со схемами, презентованными Стопятнадцатым. Меня волновало расположение стратегически важного объекта — столовой. Выяснилось, что в институте два пункта питания: один — для студентов, другой — для персонала.

Студенческая столовая базировалась на первом этаже, влево по коридору от центрального холла. Типовой общепит, привычная картина. Стены, выкрашенные голубой краской до середины, по центру ряд квадратных колонн, поддерживающих низкий потолок, окна, в которые заглядывает хандрящее утро, хаотично расставленные столики. Раздача по центру.

Желающие массово покушать отсутствовали. Лишь в дальнем углу сидела парочка девчонок, да еще у окна парень читал книгу, потягивая сок.

Прежде всего, стоило изучить цены на питание, поэтому я взялась читать калькуляцию, вывешенную у раздачи. По всему выходило, что если не воспользуюсь едкооранжевыми талонами, мне придется голодать. Поскольку институт построили не абы где, а в столице, то и расценки в меню оказались повыше, чем в провинциальном колледже. В периферийном ВУЗе я могла сносно пообедать за два висора и встать из-за стола, потирая выпирающий животик, а в столичном институте праздник полного желудка обошелся бы в пять-семь висоров. Если учесть, что кроме обедов бывают завтраки и ужины, то изысканное столичное питание в общепитовской столовой не укладывалось в мой карман ни прямо, ни по диагонали.

Проанализировав меню, я пришла к следующим выводам:

Первый. В два висора смогу уложиться, если буду брать стакан компота и булочку.

Второй. Чтобы дотянуть до Нового года, нужно тратить на питание по три висора в день.

Третий. Поскольку мне крайне необходимы часы, чтобы отслеживать время между лекциями, а также тетради и письменные принадлежности, не считая прочих

непредвиденных расходов, то сумма, установленная во втором выводе, уменьшается до одного висора.

Четвертый. "Любящий" папа решил поставить дочку на колени и, когда она будет умолять о помощи, это даст ему повод лишний раз напомнить, что без родительского участия она никто и ничто.

Пятый. Как всегда, иных вариантов добывания денег нет. Если найду подработку, то времени на учебу не останется совсем, и я вылечу за неуспеваемость раньше, чем узнают о моей бездарности.

Да что там говорить, пункт пятый висел удавкой на шее. Учеба давалась мне не просто тяжело, а невообразимо тяжело. Сколько времени гробилось на домашние задания — ужас! Оставалось тешить себя тем, что преодолено больше половины пути к цели, и надеяться на лучшее.

— Привет, — окликнул меня рыжий парень, что помог с поисками деканата. Он подошел с подносом к раздаче и махнул рукой, приглашая присоединиться. — Иди сюда.

Эх, была не была. В зале пусто, попробуем потратить институтский подарок. Я оторвала от ленточки оранжевый квадратик с цифрой "3", заключенной в черную рамочку с ажурными завитками.

— Слушай, мне вот что дали в деканате, — изображая непроходимую тупость, показала парню талон. — Чего с ним можно сделать?

— Не дрова же рубить, — засмеялся он. — Поесть, конечно. Погляди расценки у кассы.

На кассе восседала грузная женщина в белом халате, а рядом, на стене, висел небольшой плакат с портретами талонов. В институтском обороте гуляло пять разновидностей бумажных квадратиков. Лучшим считался огненно-красный талон с цифрой "1" в обрамлении черных завитушек. Его стоимость составляла пятнадцать условных висоров. Фантастика!

Самым плохоньким оказался желто-черный талончик с цифрой "5", оцененный в два условных висора. Таким образом, неожиданный презент от Стопятнадцатого разместился аккурат посередине и стоил целых семь условных висоров.

Живем! — порадовалась я и послала мысленную благодарность в направлении деканата.

Нагрузив подносы, мы с парнем подбредли к кассе, и рыжий с невозмутимым видом расплатился за пиршество красным талоном. А я-то робела и стеснялась. Интересно, за какие достоинства или недостатки парень получил право на бесплатное питание? Уж если мне за перенесенную душевную травму преподнесли неожиданный бонус, то у него как минимум должна отсутствовать почка, как максимум — обе.

Изобилие тарелок на подносе потянуло на пять с половиной висоров. Мне полагался возврат денег в размере полутора висоров.

— А сдача? — спросила я у кассирши.

— Не положено, — поджала она губы. — Набирайте до нужной суммы.

Пришлось взять вдобавок булочку с изюмом.

Мы с рыжим уселись посередине зала, а вокруг нас во множестве громоздились тарелки. Он подмигнул:

— Смотрю, ты тоже любишь поесть.

— Убью, — промычала я с полным ртом.

— Наши люди. Значит, сработаемся, — констатировал рыжий и замолотил ложкой.

Куда в него помещается столько еды? Худой до жути, кожа да кости торчат.

— Слушай, — сказала я через некоторое время, умяв половину завтрака (или обеда?) и почувствовав, наконец, сытость. — Оказывается, круто по талонам питаться. Прямо настоящее искушение для фальшивоталонщиков.

Рыжий хмыкнул и чуть не подавился. Потом протянул ладонь для рукопожатия:

— Алесс, второй курс нематериалки.

— Эва, третий курс нематериалки.

Парень посмотрел на меня с уважением.

— Думаешь, до тебя не пытались? — ответил, составляя пустые тарелки стопкой. Перед ним остались три нетронутых блюда. — На них скрытая голография. У кассирши стоит специальный считыватель, который просвечивает каждый талон.

Насытившись, я раздобрела. Однако не стоило останавливаться на достигнутом, следовало запихать в себя всё несъеденное. Мало ли что случится? А отложенный жирок пойдет про запас, как у медведя в зимней спячке.

— А ты на занятия совсем не ходишь? — поинтересовалась я, жуя пирожок с капустой.

— Хожу. С чего ты взяла?

— Ну, мы вечно сталкиваемся во время лекций.

— А я такой, — подмигнул парень. — Особенный. Кстати, слышала, что вчера произошло?

Я насторожилась, даже жевать перестала.

— Нет, а что?

— Говорят, вчера в холле бабы не поделили какого-то перца и сцепились из-за него. Разворотили всё и смотались. Еще говорят, будто перец оказался преподом. Царица копытом землю роет, ищет виновных. Как найдет, сразу показательно отчислит. Эх, черт, жалко меня там не было! Я бы поглядел на это представление.

— А что за царица?

— Проректриса. У нее фамилия Цар, а за глаза — Царица. Евстигнева Ромельевна Цар.

Я открыла рот, чтобы похвастать знакомством с великолепной дамой, но вовремя одумалась.

— Не, когда девчонки выдирают друг другу волосы — это вообще! — восторгался рыжий, забыв про запеканку.

— Что хорошего? Я бы не стала выцарапывать глаза из-за парня.

Алесс поглядел на меня оценивающе:

— Согласен, ты бы не стала. Да и нет повода с тобой сцепляться.

Я обиделась:

— Это почему?

— Да ты не дуйся. Просто ты... как бы сказать?... словом, простая, — утешил парень.

Я завернула булочку в салфетку и положила в сумку.

— Обиделась, что ли? — допытывался новый знакомый. — Я же не со зла сказал, и к тому же, правду. А если правду говорят в глаза — это лучше, чем обсирательство за спиной, согласна?

— Ладно, проехали, — махнула я рукой.

В конце концов, на что обижаюсь? Наоборот, мне нужно быть простой и незаметной, а не сиять ярко, не сходя с языков сплетников.

Мимо прошли девчонки, что давеча сидели в углу столовой. При виде нашей мирно

беседующей парочки они сделали страшно изумленные лица, начали шептаться и несколько раз оглядывались, пока не вышли из столовой. Рыжий, похоже, плевал на каких-то пляшущихся, как он выразился, баб. Парень прикончил запеканку и деловито взялся за кусок вишневого пирога.

Я потянулась, довольная жизнью. В данный момент эта самая жизнь развернулась ко мне лицом, ласково трепля по щеке.

Алесс прикончил свой завтрак (или уже обед?), и мы, уставшие от еды, потекли неспешно к выходу. Внезапно сотрапезник схватил меня за руку, притормозив, а другую руку поднес к глазам. На его часах поверх циферблата мигали зеленые цифры обратного отсчета. Пять, четыре, три, два, один, ноль. Раздался протяжный звук горна, и вскоре воздушная волна приветливо ударила в дверь столовой.

— Стильные у тебя часы.

— Самое главное, точные, — добавил многозначительно рыжий.

— Хочу такие же. Посоветуй, где можно купить.

— Берешь обыкновенные часы, приносишь мне, и за умеренную плату я настрою даже дряхлый будильник.

Я, конечно же, ничего не поняла, но согласно кивнула.

При выходе нас чуть не сбил малявка-первокурсник, залетевший ураганом в столовую. Увидев Алесса, он изменился в лице и бочком прошелестел вдоль стены, пробормотав неразборчивые извинения.

Вообще, все встреченные по пути студенты, смерчем надвигавшиеся на столовую, обтекали нас с рыжим, образуя свободный коридор. На парня поглядывали с опаской, на меня же — как на сумасшедшую, залезшую в логово каннибала.

— Почему они странные? — спросила я у Алесса, кивнув на поток студентов.

— А это меня здесь так любят, — недобро ухмыльнулся тот. — Ну, бывай.

И я потопала в хозчасть.

Это могла быть 7.1 глава

Того архитектора, который проектировал подвальные помещения института, следовало поставить перед лестницей, ведущей на полуэтаж, и выпустить пинком вниз в свободный полет. Пусть бы попробовал добраться до нужного места, не затерявшись в пути.

На самом деле архитектор был не виноват, что администрация решила выделить под хозчасть несколько помещений из сонма подвальных разветвлений, раскинувшихся под главным корпусом института.

Я плутала по непонятным коридорам, растянувшимся, казалось, на долгие километры, и конца и края не предвиделось моим скитаниям. Бесконечные лабиринты тускло освещались редкими лампочками, стилизованными под старинные факелы.

И еще казалось, что за мной наблюдали. Иногда чудились чьи-то шаги, но каждый раз оборачиваясь, я никого не видела.

Тишина давила на уши.

В подвальных катакомбах терялась даже воздушная волна, распадаясь на стайки шаловливых ветерков. По сквознячку, охватившему меня в третий раз, я рассчитала, что закончилась лекция, и наверху, в мире живых, кипит перемена.

Дойдя до перекрестка, остановилась в задумчивости. Здесь коридор раздваивался. В принципе, можно повернуть в любую сторону. Согласно схеме оба рукава вскоре снова соединялись. Проблема состояла в том, что левый коридор, который на схеме выглядел короткой черточкой, был погружен во тьму, и лишь вдалеке тусклый свет намекал на одинокую лампочку. Правый коридор загибался на схеме невероятными кренделями, и имелись подозрения, что на плутание по нему уйдет немало времени. И хотя он хорошо освещался и просматривался, где гарантия, что за первым же поворотом проход не погрузится во тьму?

Может, раскрошить булочку и как Мальчик-с-Пальчик оставлять следы, чтобы мое брэнное тело нашли следопыты, которые отправятся на поиски? Интересно, хватятся ли меня и как скоро? Думаю, папуля обрадуется, услышав известие о кончине "любимой" дочери, заблудившейся в подвальных коридорах.

Я поежилась. Нетушки, не дам шанса следопытам. Если придется заночевать в подземелье, булочка пригодится.

Опять показалось, что кто-то смотрит в спину, и от неприятного ощущения мороз прошел по коже, покрыв мурашками и поднимая волоски.

Пора заканчивать балаган, — решила я и уверенно свернула в темноту левого коридора. Подумаешь, какие-то двести-триста метров в полнейшей темноте. Совсем не страшно, вдалеке и лампочка видна.

Двигаясь поначалу быстро и уверенно, вскоре я ощутила легкую тревогу. Светлый прямоугольник развилки остался далеко позади, и кромешная темень приняла в свои объятия. Пришлось осторожно продвигаться вперед маленькими шажками, опираясь рукой о стену.

Перемещаясь на ощупь, я сообразила, что прошла один поворот, потом второй. Странно, на плане путь был отражен прямой жирной черточкой. Гадство, мне удалось заблудиться в трех соснах, вернее, в двух коридорах! Неужели нужно возвращаться назад? От отчаяния хотелось свалиться кулем и горько заплакать, размазывая слезы по лицу. Какая же я

невезучая, какая же несчастная!

Недаром в сказках говорится, что короткие тернистые дороги всегда ведут к гибели героя, а если пойти по длинному и спокойному пути, то при хорошем стечении обстоятельств можно даже дожить до старости. Надо было мотать народные мудрости на ус, а не в окно пялиться и ворон считать, — запоздало поругала себя.

Пытаясь справиться с отчаянием, я внушала себе, что нужно успокоиться, и тогда всё будет хорошо. Самое главное — нужно верить. Но верилось с трудом. Более того, я убедилась, что за мной кто-то крался. Тихо, неслышно ступая, он старался успевать нога в ногу, но иногда это не удавалось, и мои шаги получались сдвоенными дублями.

Я внезапно остановилась, и остановился тот, кто преследовал меня. Однако, хорошая у него реакция. Липкий страх сжал горло щупальцами. По-моему, я забыла, как нужно дышать. Тишина оглушала, в голове замутилось от страха.

Ну вот, — подумалось, — сейчас убьют и выпотрошат на опыты, или наоборот, выпотрошат и не убьют, а оставят умирать самостоятельно. Меня закачало.

Неизвестный дышал в затылок, и его легкое дыхание шевелило волосы на моей макушке. Волны паники накатывали штормовым прибоем, сердце то заходило в бешеном ритме, то катастрофически отказывалось биться. А зачем? Все равно скоро помирать.

И вдруг меня взяли за руку.

Напряженные до предела рецепторы мгновенно отключили часть мозга, отвечающую за логичные действия, как то: вопли "Памагите!" и убежание с топотом в сторону развилки или демонстрационный показ неизвестного, но эффективного приема самообороны или попытка вступить в контакт с таинственным Нектой.

Вместо этого я начала медленно сползать по стеночке, закатывая глаза и готовясь провалиться в беспамятство, то есть попросту в обморок.

Обморок — очень легкое состояние, позволяющее отрешиться от мирских забот, особенно если нужно принимать серьезные решения, а вам этого, ой, как не хочется.

Итак, Вы падаете. Неважно, куда — на пол, на кровать, на крепкие мужские руки, успевшие вас подхватить, а когда приходите в себя, то — слава тебе, господи! — часть проблем разрешилась без вашего участия. И тут самое время начать выражать недовольство: как так? почему без меня произошло все интересное? требую переиграть заново! В общем, показываете всем своим видом, что если бы не случайно накатившее беспамятство, то все сестры получили бы по серьгам, а волки — по наглым мордам.

Да, удобная вещь обморок. Но мне не разрешили в него упасть, вернее, сползти. Вместо этого настойчиво потянули вверх, заставляя удерживать брэнное тело на ногах. Нет, миленькие Некты, хочу в бессознание! Ну, что за жизнь такая пошла? Благородной леди не дают красиво сверзиться на пол!

Рука, тянувшая меня к вертикальному состоянию, оказалась шершавой, теплой и трехпалой. В общем, покачиваясь на нетвердых ногах, я все-таки ощутила краем сознания ее материальность, а значит, рядом стоял не бестелесный дух заплутавшего архитектора, а существо, имевшее физическую оболочку.

Следующая мысль озарила подобно молнии: а нет ли здесь издевательства, и не снимает ли меня сейчас скрытая камера, и тысячи зрителей прилипли к телевизорам, ухахатываясь при виде перекошенной от страха физиономии? Тьфу ты, какие в институте скрытые камеры, тем более в непонятных заброшенных подвалах.

Рассудительность придала решимости, сознание протрезвело, и я более уверенно встала

вглядываться в темноту, надеясь различить очертания фигуры или, на худой конец, блеск красных глаз или оскаленных клыков Некта.

Увы, зрение потерпело полнейшее фиаско, не увидев ничего конкретного, и лишь ладонь незнакомца настойчиво тянула вперед, в густую темноту коридора, хоть ложкой ее ешь.

Меня вели. Аккуратно, осторожно, бережно. Пытаясь крепче ухватиться за руку помощи, я вцепилась в запястье невидимого проводника и с изумлением нащупала пальцами шерсть. Короткую, но достаточно густую, чтобы понять: это не обычная повышенная волосатость, вызванная избытком гормонов.

Мою руку тут же сдернули, и показалось, что Некта невнятно ругнулся в ответ на вольность. Однако спустя мгновение наши конечности снова сплелись в крепком объятии, и меня потянули вперед. Или назад? Совсем потерялась в направлении.

Что ж, коли запретили исследовать то, что волосится выше запястья, будем изучать саму ладонь. Как я вначале угадала, рука незнакомца оказалась трехпалой и имела чрезмерно длинные пальцы, заканчивавшиеся острыми кривыми когтями. В ответ на деликатные поглаживания изрезанной глубокими линиями ладони, Некта мотнул кистью, показывая недовольство, и когти втянулись. Но, видимо, прикосновения ему понравились, потому что больше он не выдергивал руку, а воздух в коридоре слегка завибрировал, будто рядом сладко мурлыкал кто-то очень большой и довольный.

И чем дальше мы шли, тем все страннее я себя чувствовала. Мне не хватало воздуха, в груди жгло и горело, воротник свитера душил горло. Захотелось сорвать с себя давящую одежду и помчаться, разрывая мертвую тишину коридора утробным воем. Боже, что за мысли? — всполошилось забитое в угол сознание, но животные инстинкты забили его еще дальше.

Воздух наэлектризовался и потрескивал. Или трещал мой невидимый спутник?

Меня покачивало, кожа горела и пылала, и требовалось срочно охладить ее. Как жарко! Кто же остудит горящее тело? Кто заберет мой жар и избавит от мук?

Казалось, еще секунда, и меня разорвет от переполняющих ощущений.

Словно в тумане я заметила невдалеке светлое пятно. Словно в тумане услышала легкий вздох сожаления над ухом. Словно в тумане почувствовала, как тыльную сторону ладони покрывают влажные скользящие касания.

Вдруг резкий укол в палец пронзил нервные окончания, достав, наверное, до центра мозга, и размахивающее мечом сознание сподобилось разогнать галлюцинорные видения, отрезвляя организм. Вырвав руку, я инстинктивно прижала ее к груди, и наваждение тут же пропало.

Я стояла в полутемном коридоре перед ярко освещенной развилкой-перекрестком, а рядом возвышалась арочная деревянная дверь, с прибитыми буквами, каждая из которых в прошлой жизни числилась подковой, пока их не загнули буквой зю. Из букв складывалась вполне читаемая фраза: "Хозчасть. Кабинет 00000".

Странно, — подумалось мне. Кабинет с таким номером должен быть только у ректора. Стало быть, дошла.

Это могла быть 7.2 глава

Дива. Валькирия. Роскошная роковая женщина. Божество. Неземная красавица. У меня язык не повернулся назвать особу, стоявшую напротив, женщиной. У таких, как она, не бывает возраста.

Великолепные вьющиеся волосы до середины плеч, запоминающееся выразительное лицо, стройная фигура в облегающем костюме, повторяющем изгибы совершенного тела — девушка неземной красоты ворочала коробками, пересчитывала тюбики с кремом, периодически исчезая за занавесями, скрывавшими богатства материального склада, расфасованные, разложенные и расставленные на громоздких стеллажах.

— Вот. Пишите.

Она сунула мне пачку бумажек. Требовалось заполнить опросный лист, соглашение об ответственности за порчу и расхищение казенного имущества и длинный формуляр, сложенный для удобства гармошкой.

Голос у девушки оказался самым обыкновенным и совершенно не походил на пение неземного существа. Я слегка разочаровалась. Затем, вздохнув, уселась у краешка высокой стойки и принялась терпеливо читать пункты опросного листа, мучительно напрягая мозг.

Еще не полностью придя в себя после прогулки по подвальному лабиринту, я туго соображала. Головокружение прошло, но изображение перед глазами периодически размазывалось, становясь нечетким.

У другого краешка стойки расположился юноша в желтой униформе. Облокотившись о перекладину, он подпер подбородок рукой и с тоской наблюдал за перемещавшейся завхозшей. Та деловито сновала по помещению, пропадая за занавесями и появляясь с очередной коробкой, после чего яростно пересчитывала ее содержимое, сверялась с записью в карточке и утаскивала коробку в складские недра. Юноша в униформе громко вздыхал, а роковая красавица бросала на него взгляды, полные злости и презрения.

Я понимала страдальца. Будь я парнем, тоже влюбилась бы до беспамятства в сей шедевр нереального совершенства и вздыхала бы еще громче и чаще, чем юноша.

Влюбленный, изнывавший напротив меня, имел невзрачную внешность. Увидишь его случайно и тут же забудешь. Бывают такие лица — пресные как вода, без изюминки в облике. Зато за молодого человека кричала униформа. Ярочно-желтая с оранжевыми вставками, она делала его образ элегантным, придавая строгость и значимость. К погонам рубашки крепились маленькие значки с блестящими перекрещенными трубами. Такие же эмблемы имелись на каждой пуговице потрясающей солнечной униформы.

— Агнаил, по-моему, вам пора, — бросила завхозша, пробегая в очередной раз с очередной коробкой.

— Еще рано, — ответил он грустно, провожая её взглядом.

— А по-моему, самое время, — красавица бросила на печалящегося злой взгляд изумрудных глаз.

— Нет-нет, что вы, — начал оправдываться молодой человек. — Если что, меня сразу же потянет.

— Не сомневаюсь, — процедила завхозша и скрылась за занавесями.

Я начала заполнять формуляр, но писалось неудобно. Жутко мешало покалывание в среднем пальце, которым я, видимо, ударилась при выходе из темного коридора. Первая

фаланга покраснела и припухла.

Юноша душераздирающе вздохнул, и очередной тоскливый вздох разъярил завхозшу. Она с грохотом поставила новую коробку на стол и принялась раздраженно переключать медицинские перчатки, для верности пересчитывая громким шепотом.

Коробка оказалась большой, кучка перчаток выросла размером с приличную горку. Завхозша путалась и несколько раз начинала счет заново, Агнаил внимательно следил за её манипуляциями. Время текло.

Наконец я вручила завхозше исписанные бланки. Проверив наличие подписей в соглашении и опросном листе, она заполнила долгожданную квитанцию о выделении мне койко-места в количестве 1 шт. в институтском интернат-общежитии. Взяв бумажку в руки, я с облегчением вздохнула.

— Пробьете квитанцию на выходе.

— Знаю, спасибо.

Внезапно юноша развернулся ко мне лицом и приобщился к содержательному диалогу:

— Ту булочку, что лежит в сумке, рекомендую съесть. Иначе на выходе вас задержит страж.

От изумления мои брови полезли на лоб. Во-первых, откуда молодой человек узнал про булочку (пахнет, что ли, аппетитно?), а во-вторых, причем здесь вахтерша?

— Зачем бабушке моя булочка?

Агнаил грустно улыбнулся, а завхозша звонко засмеялась, обнажив ровные белоснежные зубы.

— Стражем является Монтеморт, — пояснила мне. — Он обучен хватать за горло и удерживать любого, кто рискнет вынести из института казенную вещь.

Я оторопела.

— Но ведь булочка куплена в столовой на мои деньги. Значит, по умолчанию это моя булочка.

— Неважно, — пояснил юноша. — Её испекли в институтской пекарне и, едва она вышла из печи, как стала собственностью учреждения. На каждую булочку или пирожок ярлык не повесишь, поэтому настоятельно рекомендую употребить её перед выходом.

— А вещи, что у меня в сумке, — поинтересовалась я с дрожью в голосе, — не посчитает ли Монтеморт, что они принадлежат институту?

— Исключено, — покачал головой Агнаил. — Монтеморт отлично выдрессирован и ни разу не ошибся. У него великолепный нюх.

Ишь с какой гордостью сказал! Такое впечатление, будто сам воспитывал зубастого монстра. При воспоминании о монстрах я глянула на палец, и он снова зачесался.

— Что и говорить, наследственность — великая вещь, — продолжил тему молодой человек, поглядывая на завхозшу. Та смотрела на него с непонятной меланхолией.

— Ваша наследственность, Агнаил, однажды чуть не загрызла насмерть студента.

— Это неподтвержденные слухи! — возразил с жаром юноша. — В любом институте из курса в курс гуляют легенды. На самом деле Монтеморт ни разу не переступил через служебный долг.

— Дыма без огня не бывает, — упрямо гнула свою линию красавица и обратилась ко мне: — Чтобы избежать в дальнейшем неприятных моментов, предупреждаю сразу: книги из библиотеки, посуду из столовой и спортивный инвентарь не выносить. Даже мыслей не иметь!

Я пожалала плечами: мол, оскорбляете, никогда бы не догадалась до подобного

святотатства.

Поскольку квиточек на койко-место грел руки, я вознамерилась по-быстренькому слинять из гнетущих катакомб. Электрический свет нервировал глаза. Взгрустнулось по обычному серому небу, по шквалистому ветру, по косому дождю в лицо. Вот и выяснилось, как мало нужно человеку для ностальгии.

— Могут идти? А то мне еще возвращаться по коридорам.

Я решила пойти обратно длинным, но безопасным путем. Расшатанная психика не выдержит повторной встречи с обитателем темноты. Завхозша уставилась на меня озадаченно.

— Вы шли по туннелям? — выдохнула изумленно и переглянулась с юношей.

А то как же? — гордо выпятила грудь. Я такая! Видно, неспроста хозчасть расположена в удаленном месте. А я смелая — взяла и дошла!

— В-вы уверены, что шли по тоннелям? — переспросил растерянно Агнаил.

— Вернее не бывает.

Я даже хотела показать им обоим боевое ранение на пальце, но почему-то застеснялась. Засмеют и не поверят. Ишь как переглядываются.

— Обратно вернетесь через подъемник. Он левее по коридору, по нему сразу подниметесь на первый этаж, — внимательно разглядывая меня, пояснила повелительница казенного имущества. — Вообще-то все перемещаются по подъемнику. Давненько никто не приходил со стороны тоннелей, — она многозначительно посмотрела на юношу.

Черт! Если сейчас завхозша примется выяснять, где и откуда, то придет к такому же выводу, что и Стопятнадцатый — опять я не увидела нужный указатель.

Но расследование не завершилось. В глубине помещения дребезжаще зазвонил телефон. Хозяйка склада стремительно исчезла, бросив на Агнаила короткий взгляд. Тот встрепенулся и прислушался.

— Нет... нет... не сегодня и не завтра... и не послезавтра... никогда! — слышался раздраженный голос красавицы-завхозши. — Конфеты не люблю, у меня аллергия... Дегонский, я неоднократно объясняла вам, что письменные принадлежности выдаю согласно графику и только персоналу института.

С каждым услышанным словом кулаки молодого человека сжимались все сильнее, костяшки на пальцах побелели, грудь учащенно вздымалась. Завхозша продолжала говорить:

— Ох, ну, вы меня об этом сто раз спрашивали! Послушайте, Дегонский, мне нужно работать, рассортировывать... Ну, хорошо. Пурпурные и не менее трехсот штук. — Она засмеялась. — А вы как хотели? С бедными студентами не гуляем...

Агнаил рывком откинул перекладину, отгораживающую рабочее место завхозши от мира простых смертных, и молниеносно исчез за занавесями. Затем оттуда слышались звуки борьбы. Через щель в незадернутых занавесях любопытные свидетели могли наблюдать следующую картину, что, собственно говоря, они и сделали, не мешкая.

— Я тебе давно сказала, иди отсюда, трус несчастный, — задыхаясь, тянула на себя трубку красавица.

Лицо Агнаила скривилось в муке, он молча выдирает шнур.

— Нечего здесь шпаться всяким... слабакам, — шипела завхозша, борясь.

— Я... я люблю тебя, — с трудом, через силу выговорил парень, — с первого взгляда. Ты такая!.. А я такой, — его плечи понурились, и он отцепился от телефонной трубки.

Я думала, красавица треснет охламона по голове, чтобы поставить на место: какая она

фифа, и какой он... мотылек. Вместо этого она небрежно бросила бубнящую трубку на рычажки, подошла к юноше и обняла его.

— Как же долго я ждала твоих слов, — проворковала нежно. — А ты, этакий-разэтакий, ни жестом, ни намеком... Тоже люблю тебя, мой милый.

Слушая их словоизлияния, я чувствовала, что наливаюсь цветом, словно спелый помидор. Или бледнею как поганка. Неважно. Щеки пылали.

Пришлось деликатно отвернуться, чтобы избежать себя от умильного зрелища сюсюкающей парочки, однако уши добросовестно доложили о чмокающих звуках и раздавшемся неясном стоне.

Какой-то кошмар! Подхватив вещички, я опрометью бросилась из кабинета 00000 на поиски подъемника, могущего доставить меня из обители электрического света на земную поверхность.

В этот день впервые в истории института звонок, оповещающий окончание лекции, опоздал на девять с половиной минут. Сей нонсенс был отмечен всеми, и Алесс, хмуро поглядывая на навороченные часы, мрачно раздумывал над тем, сколько недовольных клиентов прибежит выяснять отношения по поводу совравшего времени.

А декан Генрих Генрихович Стопятнадцатый в своем кабинете глядел в окно на редкие снежинки и раздумывал над тем, каким могуществом должна обладать непонятная сила, заставившая горниста забыть о долге, вырезанном кровавыми рунами на его спине.

Это могла быть 8 глава

Булочку всё-таки пришлось съесть.

В холле бушевала перемена. Присев в уголке под святым Списуилом, я отщипывала маленькие кусочки и разглядывала спящую толпу. Студентов было много, студенты были разные и не обращали на меня внимание. На секунду показалось, будто у одного из коридоров мелькнуло лицо Пети Рябушкина.

На месте люстры повесили одинокий плафон-тарелку, болтавшийся на длинном тонком проводе и выглядевший жалко и нелепо под куполом потолка.

Монтеморт, как всегда, сладко спал и не думал просыпаться. И где хваленая бдительность? Эх, следовало сберечь сдобу и помахать ею перед собачьим носом. А лучше бы дать бдительному стражу по лбу ложкой, прихваченной из столовой. Жаль, не прихватила. Уж тогда бы сопящее животное продрало глаза. И тут же загрызло.

В общем, я неуверенно топталась перед тушей пса и гипнотизировала спящую морду: мысленно намекала, убеждала, уговаривала, угрожала. Ноль реакции. Пойти, что ли, за помощью к вахтерше?

Зоркой охранницы поблизости не наблюдалось, а на двери вахтерской висел большой амбарный замок. Наверное, его габариты соответствовали спрятанным за дверью секретам.

Разглядывая храпящую собачью физиономию, я усомнилась в качествах, которые приписал институтскому стражу влюбленный Агнаил. Интересно, как Монтеморт несет службу в сонном состоянии? Может, в то время как животное изволит дрыхнуть, его мозг автоматически просвечивает входящих и выходящих?

Пока я молчаливо боролась со своей робостью, не решаясь приступить к активным действиям по побудке собачьей туши (вдруг, не разбирая, кто прав, кто виноват, вцепится спросонья в горло?), двери распахнулись, и холл вплыли два принца. А как еще назвать парней, шагавших уверенной развязной походкой и убежденных, что весь мир принадлежит им одним?

И он им принадлежал, начиная от модных меховых курток, стильных зимних ботинок на высокой шнуровке и заканчивая заискивающими приветствиями расступавшихся студентов.

Непокрытые головы принцев свидетельствовали о том, что они добирались до института явно не на своих двоих и не успели обморозить носы.

Вдруг один из вошедших, стягивая на ходу перчатки, бросил другу: "Подожди-ка!" и развернулся обратно, подойдя ко мне. Точнее, меня он вообще не заметил, мазнув вскользь взглядом. Объектом его внимания стал всхрапывающий пес. Парень приблизился к нему и пнул по мощной лапе, раскинувшейся на полу.

Монтеморт вздрогнул и открыл один глаз.

— Монька, на посту не спят, а работают, — сказал побудчик. — Так что отработывай жрачку.

Его друг стоял в стороне и с ленивым интересом наблюдал за происходящим.

Страж почмокал, поднял голову, открыл пасть и зевнул во все сто тыщ клинков. Запах псины ударил в нос, перебив слабый аромат туалетной воды, тянувшийся шлейфом за неожиданным помощником. Тот ухмыльнулся и, не дожидаясь, когда я начну рассыпаться в благодарностях, направился по прерванной дистанции и присоединился к товарищу. Они

влились в гущу толпы, здороваясь и кивая на ходу многочисленным знакомым, и вскоре две головы — одна темноволосая, а другая пестрая из-за разноцветных крашенных перышек — скрылись из виду.

Дрожащие руки положили квитанцию на частокол острейших зубов. Челюсти лязгнули, и я вздрогнула, моргнув. В раскрытой пасти лежала пробитая бумажка, выуженная мной как самая большая драгоценность в мире. На просвет виднелось единственное криво отбитое компостером слово: "Зачислена".

Вот так вот. Стало быть, последней инстанцией стала мощная бумажкодавилка Монтеморта, а не куча кабинетов, по которым я таскалась второй день.

Не узрев/унюхав с моей стороны попыток экспроприации казенного имущества, страж с размаху завалился мордой на лапы досматривать прерванный сон.

Интернат-общежитие составляло с главным корпусом института строгую букву "Г".

Какое у них всё горизонтально-вертикально-перпендикулярное, — думала я, вышагивая по ровным как стрела дорожкам, заворачивающим под прямыми углами.

Комендантша, крупная тетка с бегающими глазами и в замусоленном халате, всунула мне под мышку свернутый матрас, сама подхватила тощую подушку и повела знакомиться с койко-местом в количестве 1 шт.

— Пляши, звезда моя. В наличии как раз одно койко-место и, к тому же, отдельное. Ты, звезда моя, еще бы в конце года заявила, пришлось бы тебя в коридоре селить, — общалась развязно комендантша, вышагивая по полутемному коридору.

Первый этаж находился в состоянии перманентного ремонта. Ободранные стены, плафоны завешены газетами, пол устелен рваным полиэтиленом. Дважды пришлось протискиваться мимо пустых козел.

— Принцип постоянного улучшения! — похвалилась комендантша. — Ни секунды простоя! Наконец-то я добилась ремонта на первом этаже. Скоро и здесь будет рай. Заживете как сыр в масле!

Я шла следом, запинаясь о понатыканные по углам ведра, банки из-под краски, доски. Заведя меня в полутемный закоулок, комендантша зашерудила около какой-то двери. В коридорчике пахло ремонтом и неуютом, какой обычно бывает в общежитии с обширным проходным двором.

Наконец моему взору явили крошечный темный чуланчик с маленьким узким окном.

— Вот! — с гордостью распростерла руку комендантша, приглашая вступить в будущую опочивальню.

Одно радовало: выбеленная комнатуха создавала обманчивый эффект чистоты. В углу стояла кровать с панцирной сеткой, у окошка притулился столик, явно выброшенный из столовой за ненужностью, в силу кособокой трехногости. Отсутствие четвертой ножки компенсировалось облезшим подоконником, на который опирался столик. Рядом с кроватью приткнулась небольшая унылая тумбочка в компании шаткого стула без спинки.

И все. Кто-то явно сэкономил на обстановке.

Комендантша, вручив ключ с таким видом, будто он отпирал расписные хоромы, заявила:

— Радуйся, что отдельная комната. Не каждому похожая удача выпадает. Сейчас принесу постельное белье.

Я прошла по комнате. По моей личной комнате. Отдельной. Моей.

Этот пункт с лихвой перекрывал имеющиеся недостатки чуланчика. В общежитиях других ВУЗов зачастую компаньонки по комнате первыми начинали подозревать соседку в бездарности и наглom обмане.

Меня порадовало, что сетка на кровати оказалась не растянутой. От окошка немилосердно дуло. Через грязное стекло открывался вид на чугунную решетку институтской ограды. Дверь гуляла на шарнирах.

Я покрутила ключом в замочной скважине. Несмотря на убогость, замок, как ни странно, хорошо открывался и закрывался. Хлипкий косяк и сквозные отверстия в дверном полотне говорили о том, что дверь неоднократно выбивали, и без семи пядей во лбу стало ясно, почему. Куски сломанной когда-то облицовки позже сложили пазлом и наспех приколотили.

Выключатель повернулся — ничего не изменилось. С потолка свисал пустой патрон без лампочки.

Появилась комендантша, принесла серого цвета белье, пахнущее сыростью, и тоненькое одеялко.

— Обживайся. Будь как дома, — потрепала меня по голове. — Если что, обращайся.

Порадоваться ли одиночеству крошечной комнатухи как невероятному достижению? Конечно!

Проблемы, создаваемые каждым новым днем, принимались мной как данность. Еще один прожит — и ладно. Плохо ли, хорошо ли, но я барахталась, плывя по течению, и старалась подниматься на четыре лапы. Правда, из меня получилась куцая и облезлая кошка, но живучая.

Всё происходившее со мной с момента осознания личностью напоминало квест. Стоило пройти одно испытание, как тут же всплывало следующее, более сложное. Бывало, в этих испытаниях я тонула, бывало, меня сталкивали в грязь, унижали. Но бывало и так, что я упивалась своим превосходством и хихикала, гордясь, что удалось провести высокомерных снобов, именующих себя висоратами.

Пока неясно, есть ли у квеста завершение, и когда он закончится. Хотелось бы верить, что финиш наступит, когда отец увидит долгожданный аттестат.

Оставив сумку в комнате, я решила освоить прилегающую территорию. В полутемный коридорчик выходили пять дверей, а напротив обнаружили вполне приличный санузел и душевая. Внезапно дверь по соседству приоткрылась, и оттуда выпорхнула ярко накрашенная девушка в коротком кричащем халатике. Коридорчик тут же пропитался тяжелым цветочным ароматом духов.

Девушка демонстративно обошла меня и принялась яростно колотить тапком по двери, соседней с моей, но с другой, левой стороны.

— Открывай, гнида! Буду долбасить, пока не выйдешь!

Мои перепонки задрезбужали. Думаю, если сосед слева находился бы на смертном одре, он смог доковылять до двери, лишь бы ему дали спокойно почить, не оглушая невообразимым шумом.

Не прошло и минуты, как в проеме появился высокий худощавый парень с всклокоченными волосами и в спортивных штанах, надетых видимо, наспех.

— Уй! — застонал он, схватился за голову и попытался закрыть дверь.

— Щас тебе будет уй! — закричала девушка, наступая. — Щас тебе такой уй будет!

Почему вчера шоблу привел? У нас же договоренность — по очереди!

— Слушай, Афка, я не виноват. Они сами приперлись, не выгонять же.

— Хорошо же они приперлись! — не унималась девушка. — От вашего гогота у нас шпукатурка осыпалась. Кто белить будет? Ты?

— Афка, уймись. Башка трещит, сил нет, — простонал парень, отступив.

Девушка вперила руки в боки.

— Так, значит, вы и нажрались как свиньи? А я-то думаю, кто хрюкал ночью под дверью?

— Афка, говори да не заговаривайся, — вскинулся парень.

— А то что? Ну, что? Что ты мне сделаешь? — подзуживала девица.

— Сделаю, мало не покажется, — парировал вяло парень.

Но по всему выходило, что у него не хватит сил воевать и выдерживать агрессивные нападки.

— Вдобавок тупую музыку врубили! — снова завелась девица.

— Почему тупую?

— Потому. Отстой только бараны слушают.

— Сама бараниха!

— Свинья!

— Лохудра заквашенная!

— Гном вонючий!

Ну, здесь девушка дала маху. Парень имел богатырский рост, хотя телосложением похвастать не мог.

— Прищепка разукрашенная!

— А ты!.. Да ты!.. Ты...

Видимо, богатый словарный запас оскорблений у девушки закончился. Парень заржал, хватаясь за живот.

Неожиданно девица взмахнула руками и, банка с краской, стоявшая спокойно у стенки, полетела прямехонько в парня. Секунда — и вездесущая голубая краска обильно покрыла его волосы, лицо, залепив рот и глаза, стекала по груди, капала на руки, на пол, безвозвратно уляпывая серые штаны. Вот им-то я посочувствовала всем сердцем.

Ошарашенный парень беззвучно хватанул воздух, и краска попала в рот. Он начал плевать.

Стихийное заклинание отбросило незнакомку назад и ударило о стену. Съехав на корточки, девушка засмеялась, не в силах остановиться.

— Ой, не могу! Посмотрите на него! Ха-ха-ха! Голубой рыцарь! Ой, мамочки! — причитала сквозь смех, утирая выступившие слезы.

— Фу, ффе, Фафка, фы доффыгафаф, — прошипел, вернее, профуфнил парень и с грохотом захлопнул дверь.

— Тикаем, пока голубой рыцарь не вышел на тропу войны! — Девушка схватила меня за руку и потащила в свою комнату. — Представляешь, давно хотела съездить по роже наглому гамадрилу, а как сделать, если он выше меня в два раза? — поделилась она впечатлениями. — Зыковско получилось, правда?

Я пожала плечами.

— Аффа, — представилась девушка. — Эх, руки будут болеть. Я же толком не

рассчитала, когда закручивала aіrea^[8].

— Да, болеть будут. Это точно, — поддакнула я. — Эва.

— Ты к кому-то в гости пришла? Учти, кроме меня и олигофрена, в блоке никого нет.

— Живу в соседней комнате, — кивнула я на стену. Хорошая, кстати, стена. В обоях с цветочками. Да и комната выглядела по-домашнему обжитой и уютной, со шкафом и крепким письменным столом в интерьере.

— В швабровке, что ли? — удивилась Аффа. — Значит, в институте учишься? Что-то я тебя не встречала.

— Сегодня перевелась.

— Понятно. Ну, ничего, не бойсь. Если привыкнуть, то и в швабровке неплохо. Жалко, что за стенкой будут жить два козла, но это мелочи. Мы им быстро рога пообломаем! — пообещала она с воодушевлением.

— Да я и не переживаю.

— Отлично. На каком курсе? Я на третьем, элементарка.

— Третий, нематериалка.

— Почему тогда торчишь здесь? Беги на лекцию! Капа тоже на третьем, но ему с голубой рожей лучше не соваться, — хихикнула девушка. — А тебе пропускать совестно, — покачала головой с фальшивой укоризной.

— Может, с завтрашнего дня начать? С утраца, — протянула я неуверенно.

— Наивная, — Аффа закатила глаза к потолку. — Когда-то я была такой же. Монька пробил билет в новую жизнь?

Я кивнула.

— Когда пробил, твою фамилию автоматически внесли в учебные списки и планы, и за отсутствие на лекциях начали тикать первые прогулы.

— Всего-то... недавно пробил, — растерялась я.

— А уже вторая лекция пошла, — наставительно просветила Аффа. — Ладно, считай, на нее ты безвозвратно опоздала, так что не стоит ломиться зазря. До следующей у тебя в запасе полчаса. Только не знаю, в какой аудитории у них занятия, и какой предмет. — Тут ее осенило: — Погоди, спрошу у Капы. Он, правда, слегка невменяемый, но ничего, разговорится. Главное, знать подход к мужчине!

Вернувшись в комнатушку, я выложила в тумбочку вещи и прочий нехитрый гардероб, оставив в сумке купленные про запас тетрадки и перо. Подумала и всунула в боковой кармашек сумки обрезок черно-белой фотографии с улыбающейся женщиной. Не буду оставлять ее здесь. Потом еще хорошенько подумала и надела на шею шнурок с брошкой в виде решетки и спрятала под свитер.

В соседней комнате послышались крики, визги, шум. Что-то ударилось о стену. Потом голоса стали более спокойными, и наконец стихли. Через секунду в двери показалась Аффа.

— Лети навстречу счастью, соседка — улыбнулась она хитро. — Вернее, в объятия учебе. Общая теория висорики, юго-восточный коридор, читает Лютеций.

— Слушай, Аффа, а что ты пообещала? — кивнула я в сторону комнаты парня.

— Капе? — Девушка облизнулась. — Что вместе смоем краску. Вдвоем. В душе.

И увидев мои расширившиеся глаза, добавила:

— Но ведь пентюху необязательно знать, что обещанного три года ждут.

Это могла быть 9 глава

Я попала на лекцию последней, зайдя в аудиторию за полминуты до звонка, и сразу же клятвенно пообещала себе, что на выходных решу проблему с часами, вернее, с их отсутствием. Нужно лишь потерпеть три дня.

Общую теорию висорики читал тщедушный человечек с птичьим хохолком волос, в смешных очках с гигантскими линзами, создававшими эффект стрекозьих глаз. Преподаватель метался у доски, вытирал пот с лица, тыкал указкой по развешенным схемам и рисункам, в общем, надрывался, тщетно пытаясь перекричать дискантом гул аудитории.

Я мельком оглядела состав потока. Ничего нового. Как располагаются массы в любом учебном коллективе? На передних рядах усаживаются стабильные отличники и зубрилы, в середине окапывается основной объем студентов — так-наперекосяк, а на тылах заседает деловая часть общества, считающая себя элитой.

Я ловила взгляды исподтишка, замечала перешептывания. Меня с интересом изучали, обсуждали, делали выводы. Но знакомиться не спешили, сохраняя дистанцию, поэтому на лекции Лютеция-без-отчества мне досталось одинокое место в крайнем ряду у окна.

За стеклом повалил большими хлопьями снег. Вдруг отчаянно захотелось выскочить на улицу, и, беззаботно смеясь, лепить снежки и бросаться ими. Я одернула себя. Что за смешные мысли? Давно пора придушить в корне ростки запоздалого детства и думать рассудительно. А для начала вслушаться в речь лектора.

Но здравая идея проплыла мимо, вытесняемая другими, совершенно посторонними раздумьями.

Черт с ним, с курсом общей теории, мои мысли текли в другом направлении, возвращаясь к обрывкам подслушанного телефонного разговора между отцом и мачехой. Хорошая связь позволила на расстоянии различить нотки недовольства в голосе женщины. Я никогда не видела вторую жену папеньки, да и она не горела желанием встретиться с падчерицей.

— Не нашел ничего лучше, чем пристроить её в столицу? — спросила гневно моя вторая мама.

— Дорогая, это оптимальный вариант. Когда смогу, подыщу что-нибудь другое.

— Господи, какой позор, — вздохнула преувеличенно громко мачеха. — Нет, нам не ужиться в одном городе.

Отец перевел работу динамика в тихий режим и вышел из машины, чтобы продолжить разговор без свидетелей.

Меньше всего я рассчитывала на перевод в столичный институт. Мало приятного знать, что неподалеку живет и строит карьеру человек, давший мне жизнь. У родителя была другая семья, другая жена, другие дети. Звучит так, словно он приобрел новые вещи взамен старых и ненужных, но сравнение отражало суть. Отец купил стабильность и успешность, выбросив остатки прошлого, напоминавшего об ошибках молодости.

После того, как по колледжу поползли слухи, родителю пришлось в спешном порядке устраивать перевод в другой ВУЗ. Отец сильно рисковал, пристраивая мою особу в институт в том городе, где жила его семья, а мне предстояло провести какое-то время в месте, от которого я отпинавалась и отбрыкивалась всеми правдами и неправдами. В лучшем случае протяну здесь месяца три-четыре, в худшем — не более недели. Если узнают.

Хватит киснуть, надо прийти в себя! Например, похлопать физиономию по щекам и упорядочить эмоции, но присутствующие вряд ли поймут мой способ самоприведения в чувство.

Взяв перо, я прислушалась к голосу надрывающегося преподавателя. Пора распечатать девственно чистый листочек, украсив изысканным каллиграфическим почерком.

Кстати, о красивых почерках. Я оглядела правую ладонь. Быстро же человек забывает о плохом, стоит чуть-чуть полегчать. После того, как подъемник доставил меня из институтских подземелий, покраснение на среднем пальце исчезло, припухлость сошла, и случившееся тут же вылетело из головы. Ведь если копить проблемы, мозг запросто лопнет от избытка переживаний. Поэтому вид здоровой руки меня порадовал. Тем не менее, она успела запачкаться чернилами. Однако ж, лишь я могла измазать палец, не написав ни одной строчки.

Темная полоска не оттиралась, а, наоборот, проявилась отчетливее. Послунявив, я начала тереть еще интенсивнее. Палец кольнуло и задергало, а полоска и не думала исчезать. Что за ерунда?

В приближении загрязнение оказалось прозрачной ниточкой из тончайших как волосинки звеньев, охвативших кольцом фалангу пальца. Я попыталась подцепить ниточку ногтем. Безрезультатно.

Покарябала. Рисунок не исчез, будто врос в кожу, а царапину защипало.

В голове замелькали тревожные подозрения. Непонятная полоска появилась на том пальце, что поранился в институтских подземельях. Может, это заражение крови или другая инфекция? Я прислушалась к ощущениям. Не происходило ничего экстраординарного: организм сидел, смотрел и слушал, пытаюсь впитывать знания. Странное колечко не причиняло дискомфорта и не выделялось на пальце.

Немного поразмышляв, я успокоилась. Коли до сих пор не умерла в горячке, значит, жить буду. А в медпункт пойду, когда станет худо. Если не поплохееет, и полоска не увеличится, покажу её Стопятнадцатому при удобном случае. Может, присоветует что-нибудь полезное.

Задумавшись о своих бедах, я не сразу сообразила, что в аудитории наступила тишина. Все головы — прилизанные, всклокоченные, модно стриженные, обесцвеченные — повернулись в мою сторону.

— К доске, — ухмыльнулся темноволосый парень, кивнув в сторону преподавателя.

Парень сидел на соседнем ряду, в гордом одиночестве, как и я, но весь его вид говорил о том, какой он самодостаточный и довольный успешной жизнью. Я узнала его. Этот принц выдернул Монтеморта из сонного царства.

— Папина! — завопил дискантом Лютеций. — Сколько можно кричать?

— Папена. Ударение на второй слог, — буркнула я, выбираясь из-за парты.

Темноволосый хмыкнул и сострил негромко, но чтобы слышала аудитория:

— Сейчас Лютик выяснит, чья: папина или мамина.

Аудитория слышала и дружно грохнула.

— Моя фамилия — Папена, — пояснила Лютецию, выбравшись к доске. — Ударение на второй слог.

— Неважно, учащаяся, — преподаватель окинул меня взглядом с ног до головы. — Я заметил на потоке новое лицо и рассчитываю, что вы порадуете нас достижениями в общей висорике.

— Особых достижений нет.

— Прекрасненько, — протянул препод. — А как обстоит дело с отдельными курсами?

— Ну-у... — Что тут скажешь? Что висорика и её направления, вместе взятые, навевают на меня жуткую тоску? — С переменным успехом.

— И все же? — не отставал Лютик. Как бы от него отвязаться?

Однако препод вообразил себя пауком, в чьи в сети попала жирная муха, и, судя по азартным скачкам, не собирался отпускать меня в свободный полет. — Символика, теория снадобий, теория заклинаний, элементарная висорика?

— По-разному, — пожала я плечами.

Лютеций, рассчитывая вызвать меня на откровенность, продолжал прыгать у трибуны, размахивая руками и моргая чудовищными ресницами. Поскольку революции у доски не случилось, интерес к моей персоне мгновенно ослабел: передние ряды опустили головы в конспекты, темноволосый кашлянул и уткнулся в книгу. Знаем, видели, что между страниц заложен журнал с полуголыми девицами. На задних рядах поднялся шум, послышался сдавленный женский смех.

Лютеций вздрогнул, нервно передернул плечами.

— Призываю всех замолчать!

В нарастающем гуле, похожем на глухое жужжание пчел в улье, его голос напоминал писк комара.

— Немедленно прекратите самоуправство!

Ноль внимания, фунт презрения.

Препод шумно задышал, схватил указку и постучал по столу.

— Всем закрыть рты! — прокричал он и, сорвав голос, закашлялся. Этаким взъерошенный воробушек. На секунду мне стало его жалко. Невинное создание имело круглый ноль авторитета.

Но через мгновение я ошеломленно наблюдала, как безобидный Лютик подбросил в руке указку словно копье, и, сделав замах, как заправский олимпиец, с силой метнул ее в задние ряды.

Следующие кадры пронеслись перед глазами, будто в замедленной съемке. Указка, прорезая воздух, с огромным ускорением пролетела мимо вынырнувшего из-за книги темноволосого парня, проскользнула в сантиметре от парочки опарашенных лиц, взметнула волосы третьего, едва не прошила голову у вовремя увернувшегося четвертого, мазнула царапиной по щеке пятого и, наконец, глубоко вонзилась в стену позади, отчего по ней пошли трещины. Ручка указки некоторое время резонировала, треща. В аудитории наступила мертвая тишина.

— Вот вам! — потряс кулаками препод. — Вот вам!

Вдруг он схватился за сердце и съехал мешком вдоль стола.

— Что же я наделал? — Лютик в ужасе посмотрел на руки и вскинул на меня стрекозиные глаза. — Я не хотел... Вернее, хотел! — заявил с ожесточением. — Да, я хотел!

А потом закрыл ладонями лицо. Его плечи затряслись.

И тут одни товарищи с нестойкой психикой завизжали, а другие товарищи начали вскакивать со своих мест и что-то кричать. А некоторые товарищи, вроде меня, так и не вышли из оцепенения. Дальнейшее запомнилось смутно.

Сидя в приемной ректората, я делала вид, что не слышу бурного разговора за тонкой

дверной перегородкой. Более того, вперив глаза в потолок, изображала, будто мне абсолютно не интересно, о чем шел спор за дверь. На самом деле любопытство вытянуло уши до ослиных размеров.

— Евстигнева Ромельевна, повторяю в десятый раз: девочка не могла внушить, загипнотизировать или наложить проклятие на Лютеция Яворовича, — рокотал словно из бочки гулкий бас. Декан факультета нематериалки активно заступался за меня перед Царицей. — Поверьте, я знаю, о чем говорю.

Что ответила проректриса, пролетело мимо ушей, потому что входная дверь открылась, и с потоком воздуха и криками из коридора в приемную зашел тот самый темноволосый субъект, что с легкостью издевался над моей фамилией на лекции Лютика. Зашел и сел напротив, рядом с кабинетом ректора.

Сквознячок донес до обоняния знакомый аромат туалетной воды. И нос-то не зажмешь, потому что приятный запах. Пришлось сузить глаза в щелочки и пристально разглядывать вошедшего, надеясь, что со стороны у меня достаточно презрительный вид.

И чем дольше я смотрела парня, тем больше мне не нравилось то, что сидело передо мной. Встречаются же такие люди! Они будут выглядеть достойно даже в рубище и с физиономией, измазанной сажей. Вошедший мог похвастать породистым лицом. Волевой подбородок, четко прорисованные надменно поджатые губы, упрямо сведенные брови, снисходительный взгляд, которым он окинул меня и отвернулся к окну.

Нужно срочно найти недостатки у этого типа, иначе у меня разовьется комплекс неполноценности. Закинув ногу на ногу, я сложила руки на груди и принялась выискивать то, что не нравилось во внешности парня. Как назло, ничего неприятного в его облике не находилось. Взять хотя бы руки — гладкие, с розовыми лунками аккуратных ровных ногтей. Я искоса посмотрела на свои — с цыпками и обкусанными ногтями, в непонятных царапинах и ранках. Сжав их в кулаки, завела за спину и, демонстративно задрав подбородок, хмыкнула с презрением.

Темноволосый не смутился откровенным высокомерием. Он кивнул в сторону двери, из-за которой раздавался глухой бубнеж:

— Не вызывали?

— Уже.

— Чего ждешь?

— Велели оставаться здесь.

Елки-палки, если он не замолчит, пропущу самое интересное.

— Нет, нет и еще раз нет, — прогудел голос Стопятнадцатого. — Воздействие кого-либо из студентов также исключено. Щит неприкосновенности отражает любое влияние извне. Прежде всего, с целью сохранения авторитета перед учащимися.

Я хмыкнула. Лютику щит не очень-то помог в создании и сохранении авторитета.

— Все же рекомендую обратить внимание на новенькую, — ответил мелодичный голос Евстигневой Ромельевны. — Во время инцидента она находилась в непосредственной близости от преподавателя, так что не сбрасывайте со счетов данную версию. За неполные два дня это второй случай с участием вашей подопечной. Совпадение не наводит вас на некоторые размышления? Проведите необходимые тесты и дайте, в конце концов, заключение о произошедшем. Мне нужно что-нибудь ответить родителям учащихся! Что я скажу, а, Генрих Генрихович?

— Уверяю, в дополнительных тестах нет необходимости, — убеждал проректрису

Стопятнадцатый. — У девочки относительный и абсолютный висорические потенциалы равны нулю.

За дверью воцарилась тишина. Я бы сказала, она искрила изумлением. Да, Евстигнев Ромельевне было отчего подавиться молчанием. В частности, она могла бы спросить, что забыла в институте с висорическим уклоном девочка с абсолютным отсутствием таковых способностей.

Усмешка темноволосого парня стала похожей на хищный оскал. Он разглядывал меня словно мерзкую букашку, после чего, поднявшись, прошествовал к выходу, неспешно открыл дверь приемной, и, выходя, обернувшись, бросил многообещающе:

— Адъёс!

Загадывая о неделе в институте, я глубоко просчиталась. Мне хватило двух дней.

Это могла быть 10 глава

На угольно-черном утреннем небе таяли россыпи бледнеющих звезд, легкий морозец пощипывал щеки. Я сидела на крыше главного корпуса, куда забралась через чердачное окно, и банально замерзала. Почему? Ноги подгибались от панического страха при мысли о предстоящих занятиях. В воображении проплывали картины лиц, смеющихся и показывающих пальцами, перешептывающихся и кричащих правду в лицо. А правда такова, что у меня нет способностей. Совсем.

И всё же холод выгнал меня с крыши. Слабачка. Струсила. Не хватило решимости превратиться в сосульку. Хотя нос обморозился, и онемевшие от холода пальцы немилосердно защищало в тепле.

Вчера, впервые попав на чердак, я вела себя решительнее. Но, как говорится, ночью все кошки серы, а утро разгоняет их по местам.

Вчера, после триумфального ухода парня на меня нашло затмение. Не став послушно дожидаться, когда появится Стопятнадцатый, я вылетела из ректората и помчалась, не разбирая дороги. Слезы душили, коридоры расплывались перед глазами.

Что за патологическое невезение? Катастрофа! Провал провалов! Спалилась перед каким-то недоумком, случайно зашедшим не в то время и не в то место. Вот и закончилось обучение в столичном ВУЗе, не успев начаться.

Бег остановил свежий ветер, дохнувший в лицо. Я огляделась, недоумевая. Крыша, чердачное окно, заснеженный город — крыши, дома, деревья...

Где-то внизу скорбели о грешниках ангелы, укрытые снеговыми мантиями, в прояснившемся небе зажглись первые тусклые звезды. Отгорнил очередной звонок. Воздушная волна, дойдя до последнего этажа, ослабла, не сумев пробиться через крепкий чердачный люк. Давно стихли далекие крики студентов, кидавшихся первыми настоящими снежками, замолкли визги девчонок. Давно и я проплакалась, с пустой головой оглядывая окрестности, будучи не в силах оторваться от огней города.

Конечно, парень не виноват. На его месте мог оказаться кто угодно, но теперь о моей тайне знал принц с обложки, и от него зависело, как быстро новость облетит институт.

Оправдав невольного свидетеля, я тут же свалила вину на Стопятнадцатого, ругая того последними словами. Декан повинен в том, что громким, как Иерихонская труба, басом сообщил сногшибательную новость не хуже горнистов. Защищая меня перед проректрисой, Генрих Генрихович не удосужился надеть покров тишины и не попытался говорить тише. Хотя шепчущий декан — наверное, то еще зрелище.

Хихикнув, я высморкалась.

Без сомнений, Стопятнадцатый беспокоился не о моей легенде, а о проблемах, свалившихся на институт, и о том, как он будет объясняться с моим папочкой, если вздумают копать, проводить параллели между двумя случаями и в результате, добравшись до правды, выставят меня с позором. Если так, то лучше сразу вниз головой. Как раз удобная позиция.

Я высунулась в чердачное окно, и лицо окатило волной легкого морозца. Зато мозги остудились, по крайней мере, мысли понемногу упорядочились, и паника поутихла. Хладнокровие не мешает завтра, когда буду смотреть в глаза, улыбаясь нагло и

самоуверенно.

Отплакав своё и успокоившись, я успела разглядеть обстановку чердака, прежде чем стемнело. Несмотря на шаткие оконные створки, птицы не залетали внутрь, на что указывало отсутствие птичьего помёта. Небольшое мансардное пространство теснилось вещами, покрытыми толстым слоем пыли. Куча треснувших глобусов, нагромождение шатких сломанных парт... Штабель безногих стульев отвоевал дальний угол, отдельное место заняли выцветшие картонные декорации с элементами средневекового замка.

В нескольких коробках обнаружили детали сценических костюмов: маски, колпаки, длинные носы, парики. Наверное, когда-то чердак приспособили под театральный склад. В другом углу отыскался довольно-таки крепкий тумбовый стол с тремя уцелевшими выдвижными ящиками. Погремев ими, я наткнулась на дне одного из них, под кипами бумаг и исписанных тетрадных листов, на флакончик из-под духов, крошечный и пустой. И все же он сохранил запах — нежный, цветочный, пропитанный нотками легкой горечи и детскими воспоминаниями.

Невольно я сравнила себя с брошенными и забытыми вещами, и от ощущения ненужности и одиночества снова захотелось плакать. Что я и сделала.

Быстро стемнело, и на черном бархате неба мерцали яркими точками зимние звезды. Ночевать на чердаке показалось неправильным, пусть и в последнюю ночь на территории института. Приподняв с натугой люк, я осторожно спустилась по вертикальной металлической лестнице с прутьями вместо ступенек. Как ни странно, люк оказался без засова. Ума не приложу, какая сила толкнула меня залезть наверх.

Шаги отдавались гулким эхом в опустевших коридорах, храпящий Монтеморт получил прощальный поцелуй, парадные двери закрылись за спиной.

За стенкой у Аффы весело смеялись, разбавляя девчоночий смех приятным баритоном. Негромко играла музыка.

Я же, не разобрав постель, рухнула, не раздеваясь, и уснула мертвецким сном, едва приложив звенящую голову к подушке. А в кармане лежал маленький флакончик духов, вынесенный со скучающей чердачной мансарды.

Шагая пустынными коридорами, я поняла, что опоздала на первую лекцию. Может, пропустить занятие? И позвонить отцу, сообщив о своем фиаско. Пусть ищет подходящий омут для "любимой" дочки. Нет, сначала нужно убедиться, что сплетни обо мне уже поползли, а потом пускать сигнальную ракету.

К полнейшей неожиданности занятие по теории снадобий перенесли в другое крыло. Пришлось бежать в противоположную сторону, зато в голове возникла подходящая отмазка для опоздания, и я не преминула ею воспользоваться.

Незнакомый лектор приторно улыбнулся, глядя на меня, словно кошка на мышь:

— Полноте наговаривать, сударыня. Изменение в расписании не успели отметить, однако староста обязан был предупредить.

— А он забыл, — пояснила я и по поднявшемуся гулу сообразила запоздало, что, возможно, заложила невинного человека.

— Кто староста вашей группы? — поинтересовался препод.

— Касторкин, — вспомнила, наморщив лоб.

Аудитория громогласно захохотала.

Преподаватель развернулся к собравшимся:

— Уважаемый староста Касторский! — С верхних рядов поднялся парень. — Рекомендую вам почаще общаться со студентами, Касторский, а то они мало того что на мои лекции опаздывают, вдобавок невежественно путают достойную и славную традициями фамилию, называя вас невнятным Касторкиным.

Препоод язвил и намеренно обращался к старосте почтительным тоном. Студенты тут же поймали волну и тихо, но дружно захихикали. Говоривший жестом погасил смех.

— Проходите, учащаяся, на свое место, и впредь узнавайте заранее об изменениях в расписании, уж если староста Касторский, — сделал он ударение на фамилии, вызвав смешки, — забывает об обязанностях. Беспокойтесь о себе самостоятельно.

Поднимаясь по рядам, я ловила веселые взгляды. Свободное место оказалось возле темноволосого парня, узнавшего мой секрет. "Не вздумай сесть" — сказал взгляд. Парень прошипел:

— Занято, — и развалился на столе, подперев голову рукой.

Пришлось забраться на самый верхний ряд, где обычно прячутся распоследние лентяи. Левее, двумя рядами ниже, в окружении свиты сидел блондинистый староста Касторкин-Касторский, с багровым лицом и гуляющими желваками. В один прекрасный момент он повернулся в мою сторону и выразительно провел большим пальцем по шее. Подразумевалось, что в будущем это будет моя шея.

Вот так влипла. Хотя листочек с расписанием от старосты я получила. Передали по рядам. И в качестве подарка к сложенной бумажке приняла веревку с мылом, лопнувшую иллюзорным облачком.

По какой-то причине принц промолчал, не рассказав об услышанном в ректорате. Ясно, что он преследовал определенную цель. Наверное, раздумывал, какую выгоду можно получить от неожиданно свалившейся сенсационной новости.

Я терроризировала взглядом темноволосую макушку и нервно грызла ногти. Парень активно общался с сокурсниками из своего круга, такими же уверенными ребятами, и заигрывал в столовой с симпатичными девчонками. За весь день он не взглянул в мою сторону, не говоря о том, чтобы окликнуть.

Подравняв маникюр на обеих руках, я успокоилась, смиряясь. Что ж, раньше смерти не стоит помирать. Изучим покамест схемы расположения чердачных мансард и библиотек как кладезей полезной информации.

Влипла я в тот же вечер, выйдя поздним вечером из библиотеки, где безуспешно боролась со сном и со справочником по популярным висорическим экспериментам.

Библиотека мне понравилась. Тихо, уютно, на окнах цветочки в аккуратных горшках. Библиотекарша — серая мышка как и я — фанатично предавалась своему делу. "Бабетта Самуиловна Чемондарь" — гласил значок на строгой академической блузке. С хранительницей очага знаний мы быстро поладили, и время пролетело плодотворно среди бесконечных стеллажей с книгами. Ну, или почти плодотворно.

За очередным поворотом одного из бесконечных коридоров я крайне неудачно натолкнулась на старосту Касторского с двумя мордастыми дружками из числа его свиты. Судя по довольным ромам, они не собирались разминуться со мной в полутемном коридоре, не пожав на сон грядущий руку.

— Кто тут у нас ходит? — пропел зловеще Касторский, наступая на меня. — Одна одинокая и глупая студенточка.

Я уперлась в стену, а они окружили меня, многозначительно посмеиваясь и разминая похрустывающие пальцы.

— А как мы проучиваем полоротых студентиков? — спросил староста и тут же озвучил ответ на вопрос: — Мы их воспитываем. А как мы воспитываем? Правильно, мы их дрессируем.

Компания заржала. Касторский сделал неувидимый жест пальцами, и в его руке из ниоткуда появилась сложенная несколькими витками веревка. Когда ее конец просвистел с характерным щелчком, оказалось, что это кнут из настоящей сыромятной кожи. И не скажешь навскидку, что перед носом мельтешит галлюцинация. Очень реалистичная иллюзия — со звуковыми, обонятельными и даже тактильными эффектами.

— Сейчас ты встанешь на колени, — рукоятка хлыста пребольно уткнулась в ямку под подбородком, заставив задрать голову, — и поползешь ко мне. Затем оближешь мои ботинки и скажешь: "Господин, я буду послушной", и тогда я подумаю, наказать ли тебя разочек или для профилактики устроить полноценную дрессуру.

Они не шутили. Их лица горели эйфорией от ощущения безнаказанности и вседозволенности, а я оцепенела. Мысли в панике разбежались, цокая копытцами. Что делать, что делать?

— Ай-яй-яй, Касторский, — раздался позади голос. Компания синхронно развернулась. За спинами парней, скрестив руки на груди, маячил темноволосый тип, подслушавший секрет в приемной проректора. — А ты знаешь, что нельзя портить чужое имущество?

— Чего тебе, Мелёшин? — пробурчал староста. Очевидно, новое действующее лицо обладало некоторым влиянием, поскольку на него не бросились сразу, чтобы избить. — Иди, куда шел.

Гость отклеился от стены и неторопливо приблизился. Один против троих — отметелят без проблем. Однако староста и его свита вели себя вполне миролюбиво, хотя и настороженно.

— Крохотное уточнение, Касторский. Калечить мое добро — против правил.

Мордвороты, растерялись и расступились, пропуская его.

— Чем докажешь, что имеешь право? — нахохлился староста.

— Тем, что начал дрессировать раньше, чем тебе взбренило, — пояснил Мелёшин, подойдя ко мне вплотную. Мельком встретился глазами и отвел равнодушный взгляд. — И я придумываю наказания, а не ты.

— Врешь! — выдал неуверенно староста.

Вместо ответа Мелёшин, смотря на него с нехорошей улыбкой, вцепился пальцами в мое плечо и надавил с невероятной силой, заставив опуститься на колени. Сказать, что я напугалась, значит, ничего не сказать. И самое главное, в голове — ни одной умной мысли, как выбраться из передраги. Сплошное отупение и липкий страх.

— Ладно, — согласился Касторский и гаденько улыбнулся. — Я не против. Как надоест — свистни.

— Ты ведь не берешь б/у! — удивился Мелёшин и двинул меня по макушке, заставляя опустить голову.

— Эту возьму, — осклабился Касторский. — Ну, бывай.

И испарился вместе со свитой. Я продолжала стоять на коленях с опущенной головой. Стыд жег щеки, в заслезившихся глазах плавали размытыми пятнами разноцветные плитки пола.

— Что стоишь? Вставай, — раздался откуда-то издали насмешливый голос. — За тобой должок.

Мелёшин стоял у поворота, намереваясь удалиться со сцены.

Я не знала, то ли мне благодарить его, то ли начинать бояться, что попала в историю худшую, чем до сего момента. В общем-то, куда уж хуже? Моя душонка по уши погрязла в долгах и грязных тайнах, одну из которых теперь делила пополам с темноволосым принцем.

Мелёшин не двигался и изучал меня, словно ожидал ответной реакции.

— Спасибо, — неуверенно поблагодарила его, поднимаясь. Голос прозвучал хрипло и слабо.

Мой спаситель скривил губы в презрительной усмешке:

— Зря благодаришь. Еще наплачешься, — и повернулся, чтобы уйти.

— Насчет долга, — крикнула я вслед спине. — Как отдам?

На что та ответила, не обернувшись:

— Для начала переживи завтрашний день.

Отвлечение к прологу

Лейтмотив: дай психопату игрушку...

За сорок девять лет до описываемых событий

Прием при правительстве в честь Дня национальной независимости был образцовым.

Во-первых, чтобы показать, что к претензиям оппозиции прислушиваются, а во-вторых, чтобы показать, что оппозиции как таковой нет. Есть сомневающиеся в новом курсе правительства.

Кирилл прошелся, не торопясь, по зале, здороваясь с присутствующими, и, приняв у официанта бокал с вином, устроился в нише у окна.

Мероприятие оказалось многолюдным и оживленным. Сдержанность строгих мужских костюмов разбавлялась щедрыми вкраплениями вечерних дамских туалетов. В зале, оформленном в зелено-оранжевых национальных тонах, оборудовали изысканный фуршетный стол, и особо страждущие налегали на закуски.

В дверях появился опоздавший Волеровский. Высмотрел в толпе Кирилла и быстрым шагом направился в его сторону, на ходу здороваясь с гостями и пожимая им руки.

— У нас успехи, — не здороваясь, сказал Волеровский, подойдя со своим бокалом, который успел взять по пути. — Сегодня удалось заморозить живую материю. Лимон в кадке.

Кирилл кивнул. Он первым прочитал ежедневный отчет, прежде чем тот отправился в путешествие по коридорам власти.

— Как сборище? — осведомился ироничным тоном Волеровский, разглядывая прогуливающуюся толпу. — Сыты и молчат?

— Как обычно, Эогений Михайлович. Куском хлеба недовольному рот не заткнешь.

Неподалеку от них собрался небольшой кружок активно спорящих гостей. Вернее, среди них что-то яростно доказывал, брызжа слюной и размахивая руками, небольшой человек с редкими волосенками. Его оппонентом выступал высокий бородатый мужчина.

— Посмотрите, Кирилл, как фанатично отстаивают точку зрения. Нашу с вами точку. — Отпив из бокала, Волеровский показал на незатыкающегося коротышку. — Но преданная моська удобна до тех пор, пока выполняет команды хозяина. Едва ей начинает казаться, что она может гавкать самостоятельно, моська становится неуютной. Лишний лай утомляет и не способствует хорошей репутации.

Кирилл внимательно следил за развернувшейся рядом дискуссией. Бородач отрицательно покачал головой и что-то ответил, чем вызвал всплеск возмущения со стороны оппонента.

— Однако ж, пора вырывать ситуацию, — заметил Волеровский и решительно направился к спорящим. Семут двинулся следом.

За два года, прошедших с того дня, как Кирилл дал согласие, его жизнь кардинально изменилась. В настоящее время он занимал пост главного администратора двух научных городков "Вис-1" и "Вис-2" и контролировал строительство третьего. В новой должности Семут показал себя дальновидным и удачливым чиновником, пользовавшимся авторитетом и поддержкой в правительственных кругах. Его карьера росла, и это не могло не тешить

честолюбие.

Теперь Кирилл подчинялся напрямую Волеровскому, ставшему на волне популяризации висорики первым заместителем премьер-министра.

— Здравствуйте, Тэгурни! — Волеровский радушно протянул руку бородачу, и тот ответил на рукопожатие. — Приветствую вас, Прингвус. Как находите прием? Премьер-министр надеется, что присутствующим понравится эlegantный стиль оформления.

— Несомненно, прием организован на высшем уровне, — ответил вежливо Тэгурни.

Кирилл уже имел честь познакомиться с этим человеком. Врагов нужно знать в лицо, а лучше иметь на них досье. Камил Ар Тэгурни — потомственный ясновидящий и телепат, очень сильный и очень опасный. Он активно выступал против проводимых правительством экспериментов, направленных на стимуляцию вис-способностей у людей.

— А где господин премьер-министр? — влез коротышка Прингвус. — Отсутствие замечательного политика опечалило преданных делу патриотов.

Кирилл поморщился. Язык без костей хуже занозы в заднице. Волеровский скорбно покачал головой.

— Господин премьер-министр, к сожалению, занят делами чрезвычайной государственной важности. Но обязательно появится, когда освободится. Ответственный руководитель не может пропустить важный политический прием.

Не придет ваш премьер-министр, — подумал Кирилл, — и вряд ли в ближайшие несколько дней появится перед камерами и на заседаниях совета министров. Лежит сейчас в медцентре "Виса-1" и сжирает запасы плазмы, промывая зараженную кровь бесконечными переливаниями. Вис-инъекция дала осложнения на печень, сжегши эритроциты.

Куда ни кинь, всюду клин. Организм либо принимает вис-дозу, либо отторгает ее. Но, единожды вколыв сыворотку, остановиться невозможно. Тело вкусило сверхощущений и требует новые порции, попросту саботируя. Да, Кирилл знал об этом на собственном опыте.

Тэгурни доброжелательно улыбнулся. Семут почувствовал, как ясновидящий осторожно ощупывает его ауру, пытаясь найти щель и пробраться через невидимый барьер.

Ах, ты подлый лис! — возмутился он и встретился с Волеровским глазами. Тот тоже догадался, что Тэгурни пытался пробраться в головы присутствующих. Прингвуса ясновидящий прочитал сразу и теперь развлекался тем, что подстрекал несдержанного в речах коротышку. А вот два высокопоставленных чиновника оказались ему не по зубам.

Триумф светился в глазах Волеровского, почувствовавшего жалкие потуги Тэгурни ухватить чужие мысли. Ведь заместителя премьер-министра, равно как и Кирилла, укрывал щит неприкосновенности.

Щит неприкосновенности или *cliro intacti*, как с гордостью называли создатели, стал сенсационным открытием в висорике, позволяя блокировать внешние вис-воздействия, как-то: чтение мыслей, гипноз, внушение, телепатию.

Волеровский, изнывавший от подозрительности и страхов и заработавший на них паранойю, велел запускать проект в работу, не дожидаясь результатов испытаний на добровольцах.

Первый прибор, выпрямлявший вис-волны и окутывавший испытуемого коконом, получился несовершенным и громоздким. Создаваемая им защитная оболочка оказалась недолговечной и не имела достаточной плотности и однородности. Самое большее неделю волны удерживались распрявленными, после чего неодолимая сила сжатия, заложенная природой, возвращала их в первоначальное состояние, и щит исчезал. Но полученные успехи

вдохновили Волеровского, и он день за днем требовал от Семута новых достижений.

— В борьбе все средства хороши, а подобное преимущество — царский подарок для нас, — сказал как-то Волеровский.

Щитом обеспечивали людей нужных, достойных и преданных делу, как полюбил витиевато выражаться первый заместитель премьер-министра.

Неожиданно разговор повернул в другое русло, вернее, в русло до боли разбитое.

— Мы категорически против того, что правительство приветствует эксперименты над людьми, — покачал головой Тэгурни. — Если в человеке природой заложено отсутствие сверхъестественных способностей, значит, так и должно быть. Нельзя искусственно моделировать то, что испокон веку находилось под запретом высших сил. Насильственное вмешательство в организм может привести к тяжелым мутациям.

— Господин Тэгурни, никто и никогда не проводил эксперименты на людях без их согласия, и правительство не раз заявляло о юридической чистоте опытов. — При этих словах Тэгурни поморщился. — Есть немало добровольцев, согласившихся принять участие в программе. Религиозными рассуждениями насчет мифических высших сил никого не запугать. Человек наконец приблизился к порогу, перешагнув который сможет причислить себя к таковым. — Ясновидящий скептически покачал головой в ответ на высокопарное заявление. — Кроме того, страхи о наследственных мутациях беспочвенны. Последние разработки говорят о том, что вис-возмущения не оказывают влияния на генокод человека, — парировал Волеровский, отметив претензии оппонента.

Кирилл мельком бросил на него взгляд. Волеровский высказался не совсем честно. Результаты исследований указывали на то, что изменения в структуре генов имелись, но микроскопические. Однако имеющиеся достоинства значительно перевешивали недостатки.

Ведя разговор, Тэгурни ни на миг не прекращал попыток пробраться в головы своих собеседников — давление ненавязчивое, но ощутимое. Кирилл вежливо улыбался, вежливо отвечал на провокационные вопросы, а про себя думал: "Ах, ты змея экстрасенсорная!" Наверняка тоже пользуется подпольными дозами, а на людях поет о несправедливости и вселенском зле висоризации.

— Скажите честно, разве вы не хотите расширить горизонты своих способностей и делать то, что не под силу даже сильным висоратам?

— Экстрасенсам, — поправил ясновидящий.

— Висоратам, Тэгурни. Забудьте устаревшее слово "экстрасенс". Грядет новая эпоха, и она заявит себя во всем блеске, — сказал с пафосом Волеровский.

Кирилл давно заметил, что шеф полюбил высокопарные речи на публику, и решил, что его ораторское словоблудие есть необходимая ступенька на пути к высоким должностям.

— Это и настораживает. Уподобляя себя высшим силам или богам, человек забывает о глубинной сути своего существования, — возразил Тэгурни. — Неспроста возможности нашего мозга ограничены всего пятью — десятью процентами. Тот, кто выше и гораздо умнее нас, человек, изолировал наши возможности от нас. Кто знает, используй мы их на сто процентов, на Земле наступил бы ад.

— Вы можете позволить говорить так. Ваш мозг задействует гораздо больше десяти процентов, отведенных большинству обывателей, — вклинился Кирилл.

— Вряд ли этим можно хвастаться. Я не выбирал свою судьбу, родившись в семье с давними традициями, — ответил Тэгурни. — Для кого-то сверхспособности — подарок

свыше, а для кого-то кара. Стоит ли человеку радоваться, если он слышит голоса умерших людей или обладает даром предвидеть убийства?

— Вы, Тэгурни, задаете риторические вопросы, на которые нет ответов, но висорика может их дать. С помощью вис-волн объяснятся многие секреты бытия, и допотопные представления о мистическом устройстве мира распадутся как карточный домик. Человеку дана возможность обладать могущественными способностями. Ясновидение, внушение, гипноз, предсказания, пророчества и так далее — все то, чем хвалятся современные висораты — лишь верхушка айсберга под названием висорика, дрейфующего по мощному висорическому течению.

Тэгурни опять покачал головой. Как человек культурный и воспитанный, он умел хамить, в отличие от Прингвуса.

— По-прежнему не вижу необходимости в том, чтобы принуждать человека к противоестественным вещам, не заложенным в нем свыше. Докажите обратное, Эогений Михайлович, и я соглашусь с вами.

— Доказывать и обосновывать тут нечего. Если будет проще и понятнее, то скажу, что прежде всего нами движет азарт. Под верхушкой айсберга скрывается его основная часть, которую мы назвали нематериальной висорикой. Воздействуя на природу вис-волн, можно создать настоящие нематериальные чудеса! — Начал проповедовать Волеровский, оседлав любимого конька. — Взять, к примеру, эффект слов или широко распространенное понятие звуковых заклинаний. Произнесенный с определенной периодичностью и интонацией, некий набор звуков накладывает звуковые и вис-волны друг на друга, заставляя последние резонировать. Энергия резонанса, высвобождаясь, дает нужный результат.

— Как "абракадабра-сим-салабим, откройся"? — спросил с усмешкой Тэгурни.

— Можете смеяться, но это заклинание наши ученые расшифровали одним из первых. Расставьте правильно голосовые модуляции и угол звуковых волн по отношению к вис-волнам, и сказочный восточный наговор действительно откроет запертые двери. — Тэгурни откровенно заулыбался при словах Волеровского. — Если быть точным, данным заклинанием создается воздушная волна направленного действия, обладающая силой, способной сдвинуть огромный камень, загораживающий вход в пещеру с соковищами.

— Не ожидал, что серьезные ученые придадут значение выдумкам фантазеров.

— Каждая выдумка имеет под собой основу. Не забывайте и о заклинаниях, передающихся из поколения в поколение у потомственных колдунов и ведуний. В этом направлении бездна перспектив и непаханое поле работы. А возьмите эффект жестов или понятие пассивных заклинаний! Осязая вис-волны, можно управлять их длиной, амплитудой, частотой и другими характеристиками. Вы можете накладывать волны друг на друга и разделять их, закручивать в спирали и растягивать. Стремясь вернуть себе прежнюю форму, они высвобождают мощную энергию, способную создать в пространстве невероятные вещи.

— То есть, попросту говоря, вы сейчас рассказываете о магии и волшебстве?

— Колдуны и ведьмы с их ритуалами и клановыми заклинаниями, передающимися из поколения в поколение — вчерашний день. Пережитки прошлого, пользующиеся своими способностями по наитию, а не по науке, в то время как возможности нематериальной висорики огромны, если применять их с умом.

— Грандиозно! Великолепно! Прогрессивно! — вклинился коротышка. Волеровский отмахнулся от него как от назойливой мошки и продолжил:

— Современная наука позволит препарировать любое заклинание, состав любого

снадобья и любую пентаграмму. Висорика расшифрует их состав, разложит на составляющие, найдет сильные и слабые стороны, чтобы потом выбросить слабые и преумножить сильные. Нас ждут грандиозные дела!

— Меня пугает ваш энтузиазм, Эогений Михайлович. И что же, вы научите висорике каждого желающего?

— Только избранные, только достойные смогут войти в новый мир. Те, кто понимает благородство преследуемых нами целей и поддерживает наши взгляды.

— Иными словами, неугодные останутся за бортом?

— Тэгурни, вы перегибаете палку. Здесь никого не шантажируют, требуя дать клятву преданности на крови. Это дело добровольное. Кстати, наши ученые в настоящий момент успешно расшифровывают исключительную эффективность клятв на крови. — Волеровского понесло, и он с трудом удерживал себя от того, чтобы не остановиться. — Кирилл, а покажите нашему другу что-нибудь из последних разработок.

Семут согласно кивнул. Любопытствующие, привлеченные горячим спором, понемногу прибавались к кружку оппонентов. Не обращая внимания на лица гостей, Кирилл глубоко вздохнул. Нужно отвлечься и подумать, к примеру, о небе или о вечном. Уйдя вглубь себя, он отключился от монотонного гула зала. И увидел их. Вис-волны гуляли по помещению в разных направлениях, пересекались, огибали, проходили сквозь предметы и стены. Сегодня волны штормило из-за вспышек на Солнце.

Кирилл выбрал самую большую волну. Ухватил высокий гребень и начал медленно закручивать против часовой стрелки. Следовало не переборщить с числом витков и заворачивать их под небольшим углом. Волна неслышно вибрировала под пальцами, сопротивляясь возмущению.

Убрав руку, Семут отодвинулся от закрученного жгутом гребня. Стремительно разворачиваясь юлой, волна вдруг сверкнула яркой вспышкой, и в воздухе повис огненный шарик.

Присутствующие восхищенно выдохнули, а коротышка зааплодировал.

— Потрясающе! — закудахтал он. — Невероятно! За висорикой будущее! Будущее за нами!

— Настоящая магия! — воскликнула восторженно пожилая дама в бриллиантах.

Кирилл вздохнул. Эх, старая, беги из этого зала и из этой страны! Через год-два начнется висорическая чистка, и всех, кто так же, как и ты, будет восторженно-глупо хлопать глазами, бестактно называя вис-возмущения волшебством, не ждет ничего хорошего.

Семут знал, что Волеровский уже запустил в действие план под названием "висорическая чистота общества" и для начала создал по стране сеть так называемых первых отделов, которым отводилась роль ушей и зорких глаз правительства, вернее, самого Волеровского

Шарик повисел в воздухе и постепенно потух, исчезнув. Это гребень раскрутился, и волна, восстановив свой рельеф, опять поплыла неспешно.

— Над данным эффектом работать и работать! — сказал с гордостью Волеровский. Его глаза сияли. — Как видите, длительность пассивного заклинания невелика, кроме того, технически пока невозможно придавать ему требуемое направление. Понадобится вырывать закрученный гребень из волны, а как она себя поведет — неясно. Но уверяю, через месяц мы продемонстрируем движущийся igni candi^[9].

После приема Семут сказал Волеровскому:

— Зря вы раскрыли карты. Теперь они знают. А тот, кто наделен знанием, тот вооружен.

На что получил исчерпывающий ответ:

— Что поделать, старею и становлюсь сентиментальным. — При этих словах Кирилл недоверчиво поглядел на Волеровского. Тому до старости было шагать и шагать, и никакая вис-сыворотка не свалила бы его в больничную койку. — Считай, я репетировал новую речь.

А потом добавил совершенно другим, сухим и официальным тоном:

— Прингвус много болтает, и это опасно.

Семут понял намек. Через неделю много болтающий и много знающий Прингвус разбился на машине, не справившись с управлением.

— Одного не могу понять, Эогений Михайлович, почему Тэгурни до сих пор не разбился или не утонул в речке, — посетовал Кирилл, сообщив новость Волеровскому.

Тот захохотал.

— Во-первых, Тэгурни — заметная фигура на политическом олимпе, и его потеря будет ощутимой. Зачем провоцировать недовольство? Во-вторых, врагов нужно держать при себе, тем более тех, кто стал любимой мозолью. Тэгурни представляет прикормленную оппозицию, и проблем от него гораздо меньше, чем от трепла Прингвуса. Все-таки здорово вы прижгли хвосты этим трусам! Они надолго запомнят зрелищное выступление. Жаль, вы не обратили внимания на лицо Тэгурни.

— Обратил, — скромно ответил Кирилл. Он не стал добавлять, что на лице потомственного ясновидящего проступил ужас.

Лишь один-единственный раз Волеровский допустил один-единственный просчет. Через полгода Тэгурни встал во главе вспыхнувшего на севере мятежа, выступая против политики правительства, проводимой в отношении висоризации населения.

Мятеж оказался плохо организованным, участники были разобщены и преследовали каждый свои интересы, поэтому недовольство удалось легко подавить. Наказание последовало незамедлительно и стало показательно жестоким.

Это могла быть 11 глава

Западня. Мышеловка. Или крысоловка. Не кошки мы, а настоящие серенькие крыски. Добровольно залезли в капкан, который придавил шею, поставив в весьма недвусмысленную позу. А хищники тут как тут. Вьются вокруг, зубами щелкают. Раздумывают, то ли сразу проглотить, то ли сначала поиграть.

Я завесила окно одеялом, благо гвоздики вбил кто-то, живший в швабровке до меня. Достала из тумбочки фонарик и, включив, положила на подоконник. Светлое пятно ударилось в стену — хоть какое-то подобие освещения.

Вытащив из тумбочки серебряную фляжку, спрятанную за стопкой одежды, я взяла из сумки раскладной стаканчик и плеснула темно-янтарной жидкости. Ровно на один палец и на один глоток.

Коньяк имел хороший вкус и нравился мне. Даже крыски немного разбираются в крепких напитках, потому что пришлось как-то испить. Правда, при удручающих обстоятельствах, и вкус терпкой горечи навсегда остался в памяти.

Фляжку я стащила из бардачка, поддавшись внезапному порыву, пока отец, жестикулируя, вышагивал около машины, разговаривая по телефону со своей женушкой. А как еще досадить ненавистному человеку? Глядела я на виноватое лицо папеньки, когда он оправдывался перед мачехой, и накатила в тот момент обида — словами не передать. Вот и умыкнула первое, что попало под руку, и ни разу не пожалела о содеянном. Спиртного во фляжке плескалось, наверное, на полстакана. Оно и ежу понятно — в руке легкая, содержимое плещется и ходит ходуном. Не густо, но и то неплохо. В тяжелую минуту глоток обжигающей жидкости приходился как нельзя кстати, не раз выручая меня. Очень эффективное средство от хандры, особенно если на носу патовая ситуация.

Сейчас коньяка осталось совсем чуть-чуть, на доньшке.

В дверь постучали. В проеме стоял Капа, отмытый от краски, взъерошенный и в футболке. Он хищно поводит носом по сторонам, втягивая ноздрями.

— Привет, соседка. Что сейчас булькало?

Как он узнал о спиртном? Может, подглядывал через отверстие в стене?

— Ничего не булькало, — пожалала я плечами. — Водичку пила.

— Ну, ладно. Бывай.

И ушел.

Я оглядела стену, смежную с комнатой Капы, прощупала межпанельные швы — дырочек, просверленных для подглядывания за голыми девчонками, не обнаружилось. А у парня отменный слух!

Раздался стук в дверь. Передо мной опять стоял Капа.

— Привет. Слышал, тут что-то булькало.

Меня окутало ощущение дежа вю. Или с моей памятью туго, или с чьей-то другой. Я, конечно, подивилась настойчивости парня.

— Водичку пью, — пояснила на всякий случай погромче.

— А-а, понятно.

И Капа опять ушел.

Станный он, мой сосед. Срочно нужно придумать, как получше припрятать

драгоценную фляжку.

Не успела я расположиться на кровати, чтобы предаться меланхолии, как снова послышался стук в дверь. Передо мной стоял Капа.

— Слушай, забыл спросить. Тебя как звать?

— Эва.

— Ясно.

И парень исчез.

Я закрыла дверь. Некоторое время постояла, раздумывая, и совсем не удивилась, когда в дверь постучали. В проеме маячила всклокоченная голова Капы.

— Слышь, соседка, тебя как зовут?

— Да Эва я. Э-ва! — выговорила имя по слогам.

— Ага.

И пропал.

Ну, вообще! Издевается, что ли?

На всякий случай я притаилась у двери, но Капа, видимо, нагулялся по соседям и решил не беспокоить.

Суть да дело, а на ночь глядя, не зная, чем себя занять, я решила отревизировать окно и оградить себя от ледяного сквозняка. Думала-думала и надумала оторвать от простынки полосочки: одну по длине и другую по ширине, и протыкать ими щели. Для простынки не убудет, а мне потеплее станет. Хорошо, что батарея исправно жарила, и обморожение организму не грозило.

Достав из тумбочки складной ножик, бывший верным спутником с интернатской поры, я собралась осуществить задуманное, как в дверь опять постучали. Мысленно послав незваному гостю отборное нецензурное ругательство, ножик я всё же прибрала — при желании его можно посчитать холодным оружием — и открыла дверь.

В дверях стояла Аффа. Сейчас девушка выглядела домашней — ее лицо без агрессивной косметики казалось по-детски беззащитным.

— Привет, — соседка проскользнула без приглашения, да я и не особо препятствовала. — Смотрю, потихоньку обживаешься. А тебя второй день не слышно и не видно. Думаю, может, что случилось, надо бы зайти, поглядеть. И как тебе наши преподы? А как мальчики? Запала на кого-нибудь?

— Не до них мне. Слушай, Аффа, позарез хочу часы. Знаешь, где можно недорого приобрести?

— Знаю. А давай завтра сходим! — оживилась девушка. — Здесь, кстати, недалеко. Рядом, в квартале — торговый ряд с лавками на любой вкус и достаток. Мне тоже надо кое-что прикупить. Ты почему невеселая? Обидел кто?

— Знаешь что-нибудь о дрессуре? — не утерпела я.

— А зачем тебе? — ответила она вопросом на вопрос.

— Да так. Интересно, — начала я отнекиваться, пожалев о сорвавшемся с языка вопросе. Хотя рано или поздно соседка узнает, так пусть уж из первых уст.

— Давай, колись! — не отлипала девушка. — Зачем тогда распляешься любопытство?

Сбивчиво и путано, я пересказала вкратце историю конфликта со старостой и результат.

Аффа присвистнула:

— Вот это да! Ну, ты дала маху! Касторского обозвать Касторкиным. Я бы никогда не додумалась.

— Но ведь неспециально вышло.

— Ясен пень. Касторский — известная личность в институте. Сколотил банду из отморожков и установил свои авторитеты на курсе. Говоришь, Мелёшин заявил, будто дрессирует тебя? Ну, вообще! — Всплеснула Аффа руками и возбужденно заметалась по комнате. — Нашла коса на камень. Не повезло тебе во всех смыслах. Они два сапога пара: что один — козел, что другой — гад. Слушай, а почему ты их не того? Всадила бы поганцам под дых — и тикать!

Я, конечно же, поняла, о чем говорила соседка. Сообразительная висоратка разрешила бы конфликт нетривиальным способом, например, создав сбивающий с ног *airea sandi*^[10], или подпалила всей компании носы, бросив *igni candi*^[11]. Не успев открыть рот и придумать что-нибудь оправдательное, мое трусливое существо тут же обелилось Аффой.

— На твоём месте я бы тоже перетрухала как заяц. Они же полные беспредельщики. У обоих папаши на высоких постах, так что в любом случае ты оказалась бы виноватой.

— Так что там с дрессурой? — пришлось напомнить увлекшейся соседке о проблеме.

— Есть такое, — Аффа начала рассказывать с неохотой, словно боялась ввергнуть меня в пучину отчаяния. — Дрессировка подразумевает оттачивание заклинаний на человеке. — Увидев мое потрясенное лицо, тут же поспешила заверить: — Да ты не паникуй раньше времени. Может, Мелёшин пошутил? Взял твой долг, и хватит ему. Куда уж больше? К тому же, сама понимаешь, дрессура — явление неформальное и подпольное. Узнай об этом администрация, виновные тут же помашут ручкой институту.

— Звучит обнадеживающе, — пробормотала я уныло.

— Пойдешь в деканат?

— Зачем?

— Жаловаться.

Я покачала головой:

— Настучу, мне же хуже будет.

— Правильно, — поддержала Аффа.

— Тогда зачем предложила? — удивилась я.

— На всякий случай, вдруг надумаешь? Тогда бы попробовала тебя переубедить.

Печально, что и говорить. Оставалось уповать, что Мелёшин действительно пошутил.

— И много... дрессировщиков в институте?

— В эти игрушки, в основном, играют парни. Они особо не афишируют. Может, есть, а может, и нет.

Я вздохнула. В провинциальных ВУЗах слыхом не слыхивали о вис-дрессировках. Студенческая жизнь в небольших городках текла неспешно и консервативно.

В дверь постучали.

— Если это опять твой Капа, придется настучать ему по голове, чтобы освежил память, — вспыхнула я, хотя угроза оказалась пустой. Моя рука попросту бы не дотянулась до нужной части тела.

— А почему он мой? Он вовсе не мой. А он уже приставал к тебе? — оживилась девушка.

В двери действительно стоял Капа.

— Я сегодня видел тебя на лекциях. — Тут парень разглядел позади меня Аффу. — Подумай о черте, а он уже здесь.

— Не раздражай меня, Капа. Я сегодня не в духе. Чего хотел? — нахмурилась соседка.

— Ты малость дверью ошиблась, курочка. Я вообще-то не к тебе заглянул.

— Вали отсюда, петушок, пока перья не выдрали! — начала заводиться девушка.

— Сама чеши. Малышам давно пора посапывать в постельке и видеть десятые сны, — раздраконил её парень.

— Ах ты, козел недоношенный! — накинулась с кулаками Аффа.

— Сама виновата. Зачем мешаешь поговорить хорошему человеку? — Капа уворачивал лицо от наманикюренных ногтей и одновременно пытался оторвать девушку от себя.

— Кто тут хороший выискался, а? Это ты, что ли, себя хорошеньким посчитал, чудовище? — напирала Аффа.

Бесконечный поток взаимных оскорблений стал в некоторой степени полезным для меня, дав немало новой информации по широкому спектру обзывательств, но все хорошо в меру. Нужно щели в окошке протыкать. Поэтому пришлось пойти на тесный контакт и заняться растаскиванием сцепившейся парочки. Хорошо, что парень оказался джентльменом и рукоприкладством не занимался, а лишь отбивался от налетевшей на него Аффы.

В общем, наша могучая кучка крайне непродуктивно копошилась около двери: Аффа безуспешно пыталась ущипнуть парня побольнее, Капа безуспешно пытался отодрать от себя девушку, а я безуспешно пыталась их растащить.

— Классное зрелище! — раздался голос позади меня. Я оглянулась. В проеме коридорчика, засунув руки в карманы спортивных штанов, стоял Капа и с интересом наблюдал за происходящим. — Вы деритесь, деритесь, а я полюбуюсь.

И величественно махнул рукой.

Помилуйте! Я обернулась к дерущимся и снова назад. Капа продолжал заниматься отцеплением от себя девицы и тот же самый Капа стоял позади в трех шагах от меня.

Капа раздвоился!

От удивления я прекратила разнимать парочку. Меня осенило. Хитрый парень соорудил галлюцинацию, и пока мы возились с иллюзорным двойником, его создатель стоял неподалеку и тихонько похихикивал в кулачок.

Надо отдать должное Капе: призрачная копия оказалась вовсе не призрачной, а очень даже реалистичной и правдоподобной. Что ни говори, а хорошее заклинание получилось у парня.

— Отвянь, Сима, сейчас с одним свинтусом разберусь и примусь за тебя! — рывкнула, не оборачиваясь, Аффа.

— Ой, как страшно, уже дрожу! — съехидничал тот Капа, что со стороны наблюдал за представлением.

— Хрюшка пяточок умыла, а про рожицу забыла, — выдал экспромтом дерущийся Капа и принялся еще активнее уворачиваться от взывшей девушки.

Согласно теории заклинаний, иллюзию можно быстро разрушить любой жидкой средой, то есть попросту окатить первой попавшейся жидкостью: водой, компотом, коньяком. Нет, коньяк жалко.

— Классного он двойника наворотил, — кивнула я на первого Капу. — Похож, спасу нет. Во что бы воды налить?

— Какой, на фиг, двойник? — закричала Аффа, оторвавшись от парня. — Да у этих балбесов по иллюзиям выше тройки никогда не было!

Изрядно потрепанный Капа-1 пригладил волосы и начал отряхиваться.

— Изыди, поганка! Леди, Серафим и Капитолий к вашим услугам — представился

Капа-2, приблизившись со своего наблюдательного пункта. — Приятно познакомиться. Мы с вами соседи.

— Семафор и Капучино — вот как вас зовут! — влезла девушка, толком не отдышавшись после свары. — Два брата-акробата!

— Сама-то на кого похожа? Тебе, наверное, беззубая бабка выбирала имя. Хотела Анной назвать.

Соседка обернулась ко мне и воскликнула с показной укоризной:

— И вот представь, приходится каждый день терпеть двух лоботрясов под носом. Они жизни мне не дают, изводят.

— Никому ты не нужна, — отмахнулся Капа или Сима. — Надоела, не знаю как. Глаза от тебя болят.

— Ах, глазки заболели? Ну, я сейчас устрою массаж, — произнесла угрожающе Аффа, — для профилактики болезней во всех доступных частях тела.

Послушала я своих соседей и решила прояснить кое-какие вопросы. К тому же, не мешало разрядить опять накалившуюся обстановку.

— Вы, что ли, братья? — обратилась к парням.

— Типа того. А чё, не видно? — отозвался развязно один из них.

— Нет, ну, ты видишь? — всплеснула руками Аффа. — Он даже нормально разговаривать не умеет. Дебилоид!

— Сама убогая!

Парни ходили друг на друга как две капли воды с той лишь разницей, что один из них был в темно-зеленой футболке, а второй — в серой.

— А как же вас различают?

Капа или Сима нахально улыбнулся:

— Имеется между нами различие, но на него нужно смотреть в душе.

Аффа тут же сострила:

— Ага, видели уже. Маленький и того меньше — невелика разница.

И ловко увернулась от рук одного из парней.

— Иди сюда, змея! — бросился за ней Капа или Сима. А Сима или Капа захохотал.

Девушка закрылась в своей комнате, а парень за дверью обзывал спрятавшуюся Аффу разными обидными прозвищами.

— Ты же на нематериалке учишься? — спросил его брат.

— Примерно так. А ты кто — Капа или Сима?

— Я Сима. У Капы глаза серые, а у меня голубые.

Я пригляделась. И правда, радужки у парня напитались небесной синевой.

— Со вчерашнего дня хожу на занятия, — пояснила парню. — А тебя, вернее, вас не заметила.

— Пока что для тебя все студенты на одно лицо, — сказал Сима. — Ничего, через недельку освоишься, и дело пойдет. Капец, будешь доделывать курсовик, или я твои писульки выбрасываю в мусорку? — обратился к брату, не отходившему от двери Аффиной комнаты.

— Сейчас приду, — кивнул Капа. — Пять сек.

Позже Аффа снова заглянула ко мне.

— Почему ты с ними как кошка с собакой, то есть с собаками живешь?

— Не знаю, — пожала она плечами, обмахивая раскрасневшееся лицо веером, сложенным из тетрадного листочка. — Для адреналину, наверное. Кстати, забыла сказать. Та дверь, что напротив моей комнаты — пищеблок. Завтра дам ключ, сделаешь дубликат.

— Значит, ты тоже одна живешь? — полюбопытствовала я, позавидовав уютной комнатке девушки.

— Нет, с соседкой. Она уехала на научный семинар и скоро вернется.

— А пятая дверь?

— Ту комнату получил по благу какой-то пентюх из местных. Сам в городе живет, а угол числится за ним.

Я глубоко вздохнула. Вечер получился насыщенным. Еще, что ли, коньячку хряпнуть? Хорошего помаленьку. Так недолго спиться, а микстура еще пригодится.

— Не могу понять: почему братцы ко мне друг за другом приходили и одинаковые вопросы задавали? Решили повеселиться?

Девушка хмыкнула.

— Близнецы, когда поссорятся, между собой не общаются. Любопытство их раздражает, вот они и начинают ходить табунами, а друг другу ничего не говорят.

Да уж, с новыми соседями не соскучишься.

— Совсем поздно, — заметила Аффа, — пора на боковую. А то я сова и по утрам плохо встаю. Если бы не будильник, ни в жизнь бы не проснулась.

— О, а включи-ка его погромче! Тоже попробую глаза продрать.

— Ладно, — согласилась великодушно девушка. — Вдобавок в стенку постучу. Ну, или ты мне.

Я сняла пристывшее одеяло с окна и повесила греться на батарею. С помощью ножа всё-таки оторвала вожделенные полосочки от простыни и протыкала ими щели. Неплохо получилось, и дуть перестало.

В постели под согревшимся одеялом, в полудреме почему-то всплыли в памяти слова Аффы... Один — гад, второй еще хуже.

Полный аут.

Это могла быть 12.1 глава

Время — величина неоднородная. К такому выводу я пришла, проснувшись ранним утром, когда за окном царила несусветная темень. Глаза открылись словно от толчка, и сон как рукой сняло. Утренние дела давно переделались, а время и не думало сдвигаться с места, растянувшись длинной сосисочной связкой. Помыкавшись неприкаянно по комнате, я снова переделалась и пошла в душ. Уж там-то точно минуты пролетят стрелой.

Сонная Аффа вышла в коридор, когда я, полностью одетая и собранная, закрывала комнату на ключ, решив, что лучше провести время на крыше, чем метаться загнанной крыской по своему чуланчику.

— Ой, а ты уже проснулась? — спросила она, сладко потягиваясь, и пригладила растрепанные волосы.

Морозец покусывал щеки, снег поскрипывал под сапогами, институт возвышался мрачной громадой темных окон. Одинокий плафон по-прежнему пытался героически осветить центральный холл. Благодаря тусклому свету, глаза различили в тени неподвижную тушу Монтеморта, не проявлявшего признаков жизни. Может, он умер, а никто не заметил? — испугалась я и тут же успокоила себя. Вряд ли. Бдительная вахтерша ни за что не допустит непорядка на вверенной территории в виде помершего на боевом посту пса.

На двери вахтерской замок отсутствовал, но внутри стояла темень. Заглядывать я не решилась, все-таки личное пространство, пусть и слегка служебное. Покружив по холлу, передумала идти на чердак. Лучше в столовую схожу. Вдруг работает?

Столовая работала, и некоторые столики оказались заняты завтракающими. Посреди зала в одиночестве трапезничал Алесс, вкушая пищу с тарелок, плотно уставленных на столе. Огненная шевелюра парня выделялась ярким пятном в однотонном интерьере общепита.

Расплатившись на кассе талоном, я устроилась в углу у окна. Неторопливо ела и запивала, с легкой грустинкой размышляя о том, удастся ли когда-нибудь в будущем поесть спокойно и с удовольствием.

Неподалеку завтракал юноша в такой же яркой оптимистичной униформе, что и Агнаил, возлюбленный завхозши из подземелий. Внешностью незнакомец походил, скорее, на эфирное существо, чем на смертную особь: роскошные русые кудри ниспадали на плечи и обрамляли лицо с тонкими и благородными чертами. Соответствуя своему облику, коллега Агнаила ел аккуратно и изящно. Я невольно залюбовалась движениями его вилки.

Неожиданно Алесс, оторвавшись от пиршества, подошел к парню в униформе, поздоровался рукопожатием и заговорил о чем-то вполголоса. В ответ неземной юноша отрицательно покачал головой. Рыжий повысил голос, и мне показалось, начал угрожать собеседнику. В ответ тот выгнул бровь, высокомерно задрал подбородок и, взяв поднос, пересел за другой стол. Алесс с угрюмым лицом обошел юношу, демонстративно задев его локоть, и вернулся к прерванному завтраку.

У каждого свои проблемы, — некстати влезла философская мысль, навеянная сытым желудком.

На улице постепенно светлело, за институтской решеткой просыпался город. В столовой стало оживленнее.

Зайдя в полупустую лекционную аудиторию, поначалу я приняла решение забраться на

самый последний ряд, потому что подсознательно хотела спрятаться. Но, как ни скрывайся, а лучше не будет, поэтому уселась на прежнее место в крайнем ряду у окна.

Большое просторное помещение с уходящими вверх рядами парт понемногу заполнялось прибывающими студентами.

Пришел Касторский с группой парней, что-то активно обсуждающих и гогочущих. Заметив меня, староста толкнул одного из них, и компания начала негромко переговариваться и похохатывать, поглядывая в мою сторону.

Появились помятые и невыспавшиеся близнецы Капа и Сима, мигом направившиеся туда, куда я не решилась залезть.

Наконец, в дверях аудитории возникло еще одно действующее лицо, которое, по всей видимости, станет вскоре одним из главных персонажей в моей судьбе, если не ведущим. Мелёшин, в темно-синем джемпере на молнии, делавшем его невероятно притягательным, флиртовал с группкой девушек, шедших впереди. Прошел к своему месту и, как ни в чем не бывало, уселся, не удосужившись посмотреть на свою цирковую крыску, ставшею таковой по его милости со вчерашнего вечера.

Может, Мелёшин пошутил? Очень хотелось в это верить. Ведь он такой... принц. Зачем ему связываться со мной, бледной молью? Сплошные проблемы, а толку никакого. Если надумает поиздеваться, так мне не привыкать, на спине имеется богатая практика. Чем скорее избалованному мальчику наскучит играть, тем лучше для меня.

Решено. При случае попробую поговорить с парнем и выяснить, что он рассчитывает от меня получить.

И тут началось. Я почувствовала перемену в воздухе, наверное, шестым чувством. Так и есть — цепная реакция началась. В дальнем углу Касторский оживленно жестикулировал и живописал вчерашнее представление в лицах, его слушали и поворачивали в мою сторону головы. Вернее, в мою и в Мёлешинскую. Гул нарастал подобно шуму прибоя, некоторые лица выглядели изумленными, другие же косились из любопытства, чтобы посмотреть, отвернуться и забыть. Но нашлись и те, кто скалился похабно, а кто-то бросился сообщать невероятную новость друзьям по телефону.

Девчонки, в основном, смотрели оценивающе — кто с брезгливой жалостью, а кто с презрением, и бурно обсуждали мой непрезентабельный вид и незавидную судьбу.

Всех присутствующих объединяло одно — ни капли сочувствия на лицах.

Обсуждение свежей сплетни прекратил появившийся преподаватель. Аудитория внезапно замолчала, и в наступившей тишине я расслышала, как где-то позади упала ручка и покатила по полу. И пока она катилась, преподаватель внимательно разглядывал задние ряды.

Хозяин упавшей ручки так и не встал, чтобы ее поднять.

В расписании лектор значился как доцент кафедры сложных составов, к.в.н. Ромашевичевский Максимилиан Эммануилович. Он читал лекции по теории снадобий, вошедшей на третьем курсе в программу обучения студентов нематериального факультета. Зато эта дисциплина считалась одним из основных предметов у внутренников, то есть у Пети Рябушкина.

Пока препод рассказывал материал, в аудитории стояла мертвая тишина. Студенты послушно склонили головы к тетрадкам и старательно писали конспекты.

Надо отдать должное преподавателю, материал он подавал хорошо. Я с удовольствием послушала.

Ромашевичевский был высок и худ. Когда он поворачивался в профиль, его нос выделялся на фоне доски большим шинобелем. И никто! Никто из студентов не отпустил по этому поводу ни одной, самой захудалой шуточки, пусть даже шепотом на ушко и прикрыв рот рукой.

И все же, несмотря на исключительно корректные манеры, Ромашевичевский мне почему-то не понравился. Неприятие родилось где-то в глубине души. Возможно, всему виной стали глубокие складки у рта, придававшие лицу преподавателя выражение гадливости, с которой он посматривал на толпу неучей, а может быть, его утомленный вид, говоривший: "Посмотрите, как я устал от вас, тупых щенков!"

Да уж, богатенькое у меня воображение.

Ромашевичевский посвятил лекцию принудительной потере памяти или, говоря нормальным человеческим языком, приготовлению снадобий забывчивости.

— Как вы знаете, любое вис-возмущение со временем заканчивает свое действие. То же самое относится и к снадобьям, — вещал Ромашевичевский. — При готовке снадобья следует придерживаться двух принципов. Первый — стремиться к большей продолжительности действия, и второй — максимально снизить неблагоприятные последствия. Безопасность — вот один из важнейших аспектов современной теории снадобий. Мало приятного, когда человек, испивший вашей бурды, заработает язву желудка или впадет в кому из-за необратимых изменений клеток мозга.

Если он решил пошутить, то никто из присутствующих не понял остроту. Студенты напряженно внимали, держа ручки наготове.

Ромашевичевский скривился и продолжил:

— Существует несколько сотен базовых рецептов, обладающих длительностью действия от пятнадцати минут до получаса. Вводя в их состав различные компоненты, можно добиться требуемого эффекта. Какова цель любого снадобья забывчивости? Прежде всего, это временная парализация или консервирование участков мозга, отвечающих за различные виды памяти. Одной из основных проблем при приготовлении снадобий является выборочность памяти. Например, невозможно с помощью снадобья заставить объект вашей симпатии забыть о ком-то другом, потому что для этого придется заблокировать долговременную память, которая включает условные рефлексy. Таким образом, желая косвенно избавиться от соперника или соперницы, вместо объекта симпатии вы получите травянистое растение. Гораздо проще воздействовать на эмоциональную память объекта, взрастив равнодушие.

Надо же, какой кровожадный пример привел Ромашевичевский! С чего бы? Однако препод с невозмутимым видом продолжил лекцию, а я опять размечталась.

Эх, раздобыть бы какое-нибудь полезное снадобье! Например, настойку оптимизма или эссенцию пофигистического настроения. Жаль, зачастую невозможно приобрести компоненты в свободной продаже и нужно заказывать их через первые отделы. Кроме того, большинство снадобий готовилось в условиях, приближенных к стерильным.

— Кто-нибудь из присутствующих может сказать, какое отношение имеет висорика к снадобьям? — обратился лектор к аудитории.

Студенты встретили вопрос гробовым молчанием, не забыв потупить взгляды в тетради.

— Оказывают ли вис-волны влияние на качество снадобий? — Лектор с иронией разглядывал аудиторию.

— Да, — неуверенно пискнула с первой парты девочка, по внешнему виду отличница.

— Нет, — отрезал Ромашевичевский, и уничтоженная студентка втянула голову в плечи. — На этапе приготовления снадобий вис-волны не оказывают ровно никакого влияния. Нужно лишь следуя инструкции, не путать настой с отваром и выдерживать снадобье на водяной бане не полминуты, а ровно двадцать семь секунд. Это главный залог успеха. А вот на этапе сбора и подготовки компонентов влияние волн трудно переоценить. Недаром в различных культурах предписывалось собирать травы в определенные дни, когда активность волн резко возрастает. Также не стоит считать абсурдными и смешными фразы из старинных рецептов. — Ромашевичевский подошел к столу, нацепил очки на гигантский нос-вешалку и зачитал с листа: — Например... "На заре встать лицом к солнцу, трижды оборотиться вокруг себя по леву руку, после чего с чистым сердцем приступить к измельчению борца многолетнего". Или вот еще... "На молодую луну выйти в полночь к перекрестку трех дорог, сплюнуть через плечо, взять пригоршню земли и, не оборачиваясь, вернуться домой".

Студенты и не подумали смеяться над услышанным. Казалось, присутствующие вообще забыли о таком явлении как улыбка, слушая лектора с каменными лицами.

Таким образом, мы внимали и писали. Строчили до онемения конечностей: универсальные составы, классификацию компонентов, оказываемое ими воздействие на участки мозга и на виды памяти и так далее и тому подобное.

Не знаю как другие, а я исписала треть тетради. С таким скоростями ее надолго не хватит.

Поскольку у меня на руках имелось всего две тетради, то я решила писать в них конспекты с двух сторон. По одному предмету — с начала, а по другому предмету — с конца тетради. Но если конспект каждой лекции будет размером с томик стихов, нужно срочно пополнить запасы.

Слушая лекцию, я нет-нет, а поглядывала на Мелёшина, буравя взглядом его макушку. Он с невозмутимым видом карябал в тетради, подперев щеку рукой.

Вот если бы приготовить одно из снадобий, упомянутых преподом, и влить его в Мелёшина! Он раз! — и забудет о проблеме вроде меня. А вместе с Мелёшином напоить и Касторкина, тьфу ты, Касторского. А вместе с Касторским — весь курс. Хотя нет, теперь придется опаивать снадобьем весь институт.

Размечтавшись, я не заметила, как прогорнил звонок, и массы шумною толпою ринулись из аудитории, разумеется, после лектора. Очнулась, заметив, что рядом кто-то стоит. Мелёшин подошел к столу с лицом мрачнее грозовой тучи. Он, видимо, дождался, когда помещение опустеет, и подошел ко мне, чтобы не позориться при посторонних.

— Начиная со следующей лекции, будешь сидеть впереди, — объявил мне.

— Почему это?

— Потому. Сказал, будешь — значит, будешь, — процедил Мелёшин.

Хорошо. Как скажешь.

Я пожала плечами и с независимым видом направилась к выходу. По дороге чуть не нагнулась на ступеньке и, услышав позади смешок, сгорела со стыда. Ускорив шаги, выскочила в дверь.

Это могла быть 12.2 глава

Чтобы родилась волна, нужен первоначальный толчок, и тогда на поверхности моря пенные барашки поднимутся валом водной стихии.

И волна родилась.

По пути в соседнее крыло я ловила любопытствующие взгляды незнакомых студентов, многозначительно переглядывавшихся между собой.

Как реагировать на навязчивый интерес? Нацепить на лицо маску деланного безразличия, задрать нос и невозмутимо шагать вперед, размахивая лозунгом: "Поберегись, кого не замечу — раздавлю!". Отличная идея, тут же претворенная мною в жизнь. И все же, изображая изо всех сил показное равнодушие, в душе я по-прежнему оставалась боязливой серой крыской, предпочитавшей темный уголок роскоши освещенного зала. Ведь чтобы сиять в центре, нужно что-то собой представлять, а тут и представлять-то нечего.

При моем появлении в аудитории раздался всплеск возбужденных голосов. Однако чему я удивилась, так это тому, что Мелёшин каким-то образом опередил меня и, сидя на своем обычном месте в окружении нескольких парней, что-то им рассказывал. Конечно, не так живо и эмоционально, как староста, но интересно и с юморком, потому что его внимательно слушали и похихатывали. Заметив мою персону, сборище начало неохотно рассасываться, а Мелёшин, нахмурившись, уставился на меня.

Ах, да, велено садиться впереди.

Я подошла к первому столу, за которым сидел невысокий бледный парнишка в очках. Стопроцентный трудяжка-отличник.

— Можно устроиться рядом с вами? — приспросилась, потупив глаза.

— К-конечно, — заикаясь, разрешил парень, став красным как помидорка.

— Спасибо. Я Эва. Но если тебе неудобно, то найду другое место.

— Н-нет-нет, п-присаживайтесь, — встал очкарик, пропуская к окну. Таким образом, я разместила на том же крайнем ряду, только за первым столом, и в нос уперлась лекторская трибуна. Сосед оказался редкостным альбиносом со светлыми ресницами и светлыми бровями. Он напоминал распушившийся, но подстриженный одуванчик.

Позади дружно заржали. Компания Касторского развлекалась, а сам он, сально улыбаясь, показал мне большой палец. Мелёшин тоже не сводил с меня глаз.

Следующей лекцией по расписанию стояла теория заклинаний, которую читал наш уважаемый декан.

За окном солнечный безветренный денек по-хозяйски взял управление в свои руки, заставив искриться мириады свежеснеженных снежинок в лучах зимнего солнца. Блестело всё: снеговые шапки и воротники ангелов, дорожки, деревья, забор. Блестел весь мир.

Тут, отвлекши меня от созерцания улицы, в аудиторию ввалился Стопятнадцатый, пророкотал "Здравствуйте!", и лекция началась.

Хороший он декан, наш Генрих Генрихович, и как человек неплох, но как преподавателя я совершенно его не поняла. Зычный бас, отражаясь многократным раскатистым эхом от стен, дезориентировал в пространстве, и лекция прошла сумбурно. Придется посетить библиотеку и закрепить материал по защитным заклинаниям, просочившийся мимо ушей, как я ни старалась затолкать его в голову.

В течение лекции сосед искоса поглядывал на меня, но не сказал ни слова. Зато

бесперерывно егозил и издевался над пером, раскручивая его и закручивая, пока не сломал. Пришлось ему писать грифелем. Жаль, я не держала при себе запасное перо, а то одолжила бы.

Стопятнадцатый вдохновенно рассказывал о способах защиты от природных явлений, и я, слушая декана, говорившего экспромтом без бумажки, поняла, что между предыдущим занятием и лекцией Генриха Генриховича имелась существенная разница. Если у Ромашевичевского в воздухе висела атмосфера страха и затравленности, то на занятии у Стопятнадцатого витал дух сотрудничества. Декан вел себя со студентами на равных, с уважением прислушиваясь к различным точкам зрения. На лекции развернулась нешуточная дискуссия, суть которой я все равно не уяснила, к тому же моей невнимательности способствовал дополнительный фактор.

Теперь стало понятно, что значило сидеть в первом ряду, тем более, когда к моей персоне примагнитилось внимание практически всей аудитории. Казалось, голова скоро треснет от просверливающих взглядов. Лицо горело, мысли странным образом путались, и я чувствовала себя дискомфортно, упустив и без того жалкие остатки информации, выданной Стопятнадцатым.

Под конец лекции, во время горячего спора с одним из студентов, я невзначай оглянулась через плечо, и оказалось, что никому в помине не было дела до меня с моими параноидальными страхами. Даже Мелёшин, раскинув руки на спинке скамьи, с интересом слушал доводы выступавшего студента. А я-то, королева недоделанная, всю лекцию дрожала о своей великой персоне, представляя, что меня пожирают сотни взглядов и в два раза больше глаз!

Закончив читать материал, Стопятнадцатый сказал:

— Если в аудитории присутствуют старосты, попрошу подняться.

Встал Касторский, два парня со среднего ряда и две девушки с первых рядов — идеальные отличницы как мой сосед. Кстати, он докручивал грифель в бараний рог.

— Уважаемые старосты, напоминаю, что в следующий понедельник в девять ноль-ноль на моем столе должны лежать журналы посещаемости практических занятий вверенных групп за вторую половину семестра.

Старосты молча кивнули и сели.

— Касторский, — окликнул зычно декан, и тот снова поднялся. — В вашем журнале напротив фамилии "Папена" поставьте прочерк по всем лабораторным работам и практикумам, потому что учащаяся будет проходить обучение по индивидуальной программе под моим непосредственным руководством.

Поскольку я вообще с трудом понимала речь декана, размноженную аудиторским эхом, до меня не сразу дошло, почему в аудитории наступила мертвая тишина, и даже сосед замер. Студенты смотрели на меня, и под их взглядами почему-то захотелось сползти под стол и спрятаться поглубже. Море озадаченных и недоумевающих лиц слилось в одно расплывчатое пятно. Вдруг заныло плечо, сдавленное вчера пальцами Мелёшина.

— Хорошо, — пробурчал Касторский, усаживаясь.

Лекция кончилась. Сосед-альбинос исчез мгновенно, словно его сдуло ветром. Студенты выходили из аудитории, гораздо больше ошарашенные не тем, что Мелёшин заполучил цирковую зверушку, появившуюся в институте без году неделя, а тем, что зверушка успела попасть в любимчики к декану, и тот намерен заниматься с ней лично.

Лично! — дошел смысл сказанного Стопятнадцатым. Господи, вот позорище! Ну,

почему, почему этот человек постоянно ставит меня в неловкое положение, и чем дальше, тем с каждым разом масштабнее? Сначала под руку попался Мелёшин, теперь весь третий курс, а следом об очередной сенсации узнает весь институт? Разве я просила доброго дяденьку помогать мне? Вот услужил, так услужил.

Словом, в полнейшей прострации я просидела в пустой лекционной аудитории, пока не вспомнила, что все-таки нужно поесть, хотя желудок не испытывал аппетита из чувства солидарного огорчения.

Когда волна перерастает в шквал.

В столовой любимицу Стопятнадцатого не обсуждал разве что ленивый. На меня показывали пальцами, объясняли друг другу: "Это та самая...", в ответ слышалось: "Так, значит, это та, которая...", и пересуды начинались заново.

Аффа обедала у дальней стены. Она взглянула на меня и отвернулась.

С полным подносом я пристроилась за одним из столиков. Сидевшие за ним девчонки на удивление быстро доели обед и удалились. Ну и ладно.

Неподалеку, за сдвинутыми столами, сидела большая группа обедающих. Двумя из них оказались Мелёшин и его пестроволосый товарищ, а между парнями расположилась компания из трех девиц. Естественно, компания обедала в зоне трапезничающей элиты. Девушки являлись образцами безупречности, как во внешности, так и в одежде.

Внезапно темненькая девица посмотрела на меня и что-то сказала Мелёшину. Остальные засмеялись, а Мелёшин отрицательно помотал головой. Темненькая, видимо, решив показать себя во всем блеске остроумия, опять высказалась, и ее подружки весело захихикали. Пестроволосый парень оглянулся в мою сторону и тоже развеселился. Мелёшин натянуто рассмеялся. Вдруг он развернулся в мою сторону и поманил двумя пальчиками.

Честно говоря, я решила, что он звал не меня, и продолжила прием пищи. Мелёшин нахмурился и гораздо активнее замахал рукой. Его товарищ сказал что-то смешное и вместе с девушками громко засмеялся, привлекая к себе внимание других столиков.

Мелёшин насупился, руку опустил и посмотрел на меня. Но как посмотрел! Я поняла, что если через пять секунд не окажусь подле него, он подойдет, схватит меня за волосы и притащит к своему столу.

Решив не усугублять недопонимание, прихватила поднос и направилась в указанном направлении, точнее, остановилась рядом с Мелёшиным. Тот с грохотом придвинул ногой пустой стул, опередив первокурсника, спешившего к свободному месту. Судя по всему, мне предлагали устроиться среди прелестной Мелёшинской компании.

Девицы разглядывали меня, изучая безвкусный свитер с растянутыми рукавами, крысиный хвостик волос непонятного цвета и бледное, без косметики, лицо.

— Вот, значит, каких студенток берет под свое крыло Стопятнадцатый, — сказала одна из них — яркая брюнетка с египетской стрижкой. Её оттеняли две кукольные блондинки с одинаковыми лицами и прическами. Может, близнецы? Что-то многовато развелось близнецов на один квадратный километр.

— И она расплачивалась на кассе талонами, — просветила присутствующих блондинка слева.

— Погляди-ка, Мэл, какое чудо в перьях тебе попало, — улыбнулась снисходительно брюнетка. — У этого чуда хорошие связи в деканате, иначе как она сумела втереться в доверие к Стопятнадцатому? Ты, случайно, не родственница ему? — прищурила она глаза.

Значит, меня позвали для допроса, и не дадут пообедать, — подумалось с тоской. Вон перед каждой девицей по травянистому салатику, а у меня суп-пюре остывает. Пропадет ведь, если не успею съесть до звонка.

Мэл откинулся на спинку стула и поглядывал то на меня, то на девиц.

— Оглохла, что ли? — повысила голос брюнетка. — Она еще и глухая, Мэл. А мозги у нее имеются, или ты не проверял? Может, она дурочка?

— Эй, ты откуда? — поинтересовалась блондинка справа.

— От верблюда, — отчеканила я и взялась за ложку. Ни на секунду не подумала, что в изысканной компании буду выглядеть некультурно, чавкая и с шумом втягивая суп.

— Посмотрите на нее! — возмутилась блондинка справа. — С ней разговаривают приличные люди, а она игнорирует и уселась жрать!

— Травку жрут лошади и коровы, — намекнула я, для пущей выразительности показав на жухлые листочки в тарелках. — А мне надо полноценно питаться, иначе язык отвалится отвечать на ваши вопросы.

Девицы подавились воздухом от невиданной наглости и начали громко возмущаться, пестроволосый засмеялся, а Мелёшин наклонился к моему уху и сказал вполголоса:

— Они не твоего поля ягоды. Твое дело молчать и кивать, на вопросы отвечать коротко и четко. Взбрыкнешь — хуже будет.

Я замерла с полной ложкой.

— Слушай, Мэл, ты собираешься укоротить язык беспардонной овечке? — вскинулась брюнетка. — И зря предложил стул. Постояла бы ножками и поела. Говорят, пища быстрее усваивается. И кстати, обещал нам показать, как будешь дрессировать...

Я, похолодев, взглянула на Мелёшина. Он прикусил нижнюю губу и бросил на меня быстрый взгляд.

— Кому и как укорачиваю языки, не твоего ума дело, — ответил грубо. — Будешь донимать, отменю приглашение.

— Эльза, неужели хочешь стать третьей в играх Мэла? — вклинился бесцеремонно пестроволосый и получил хороший тычок от Мелёшина за моей спиной.

— У тебя, Макес, мысли работают в одном направлении, — подколола пестроволосого Эльза.

— А что, разве плохо? Вот ты, например, не жаловалась, — заулыбался Макес.

— Совсем офонарел? Мэл, между нами ничего не было! — заверила клятвенно брюнетка. — Этот озабоченный помешался на трахе.

— Кто сказал, что я озабоченный? Трах — такой же физиологический процесс, как прием пищи, и нашим растущим организмам нужно полноценно отдаваться этим процессам, — Макес оперся рукой о спинку стула и придвинулся ко мне, ухмыляясь. — Кому-то кушать, а кому-то ши-ши.

Мелёшин сбросил руку товарища, по-хозяйски расположившуюся за моей спиной, и пестроволосый от неожиданности чуть не свалился на пол, потеряв равновесие.

— Макес, из-за узкой направленности твоих мыслей ни одна приличная девушка не захочет с тобой знакомиться, — сделала прогноз Эльза-брюнетка.

— Про приличных девушек ты, конечно, загнула. Нам и без них неплохо живется, — пожал плечами товарищ Мелёшина. — Хочу послушать, кого ты относишь к приличным девушкам.

— Конечно же, не таких, как она. Ими можно пользоваться, а потом выбрасывать. —

Эльза кивнула в мою сторону.

От высокомерного тона у меня потемнело в глазах, в голове зашумело, в висках застучало. Нет, не поддамся на провокацию! Сглотнув, я с трудом успокоилась.

Мелёшин молча возил пальцем по ободку стакана, задумавшись о чем-то.

— Мэл! — окликнула брюнетка. Впустую. — Мэ-эл! — повысила она голос. Мелёшин вздрогнул, очнувшись. — В воскресенье пройдет полуфинал чемпионата по танцам. Придешь? Ты обещал, что будешь болеть за меня, — изогнула кокетливо бровь.

— Ой, как чудесно! Обожаю танцы! — захлопала в ладоши блондинка слева. — Эльзи, ты божественна в своих платьях!

— Да, Эльзичка очень талантлива! Она обязательно выйдет в финал и победит! — поддержала восторг подружки блондинка справа.

Эльза снисходительно улыбнулась, а пестроволосый возвел глаза к потолку.

— Мэл, ты обещал, — девица сложила руки в молитвенном жесте.

Надо же, как унижается перед каким-то парнем! Дался он ей. Я искоса посмотрела на Мелёшина. Тот выглядел недовольным. Потеребил нижнюю губу:

— Обещал, значит, приду. Сколько осталось?

— Шесть минут, — поглядел на часы Макес. — Пора сваливать.

Мелёшин поднялся, поправляя джемпер, и показал мне на свой поднос.

— Уберешь.

— Пусть она отработает за хамство и унесет за нами, — тут же предложила Эльза, кивнув на блюдца с недоеденным салатом.

— Не указывай, что мне делать, — осадил холодно Мелёшин, и девица примолкла.

— Сама травку жевала, сама тарелочку к мойке тащи, — сорвалось с языка, который я запоздало прикусила.

— Я сейчас поотрываю чьи-то облезлые патлы! — вскинулась брюнетка, и черты ее лица исказились от ненависти, превратив красивое ухоженное лицо в уродливую маску.

Мелёшин удержал девицу за локоть и, направляя к выходу из столовой, обронил мне, кивнув на стол:

— Уберешь всё.

Эльза бросила торжествующий взгляд через плечо и, приобняв Мелёшина, застучала шпильками высоких сапог, сопровождаемая блондинистой свитой.

Так быстро я прежде не ела, давясь от возмущения и злости. Благо столовая почти опустела, и на меня не пялились.

Пестроволосый сказал, до звонка осталось шесть минут.

И да, я убрала со стола. А попробуй не уברי, если прохаживавшаяся по залу техничка-церберша внимательно следила за чистотой опустевших столов и караулила студентов, пытавшихся смухлевать и убежать из столовой, побросав тарелки:

— А кто убирать будет? У меня не сто рук, чтобы ваши свинства таскать! Радуйтесь, что столы успеваю протирать!

Ну, как тут не радоваться? Особенно личным уборщицам его высочества Мелёшина.

Я стремительно вынеслась в холл. После обеда намечались практические занятия, в том числе по теории заклинаний. Те самые, о которых упомянул на лекции Стопятнадцатый, отделив меня стеной от остальных студентов. Поэтому следовало поспешить и добежать до деканата, чтобы, прежде всего, пожурить Генриха Генриховича за чрезмерную заботу.

Понимаю, он хотел как лучше, а получилось как всегда.

Выбежав в холл, я остановилась как вкопанная. Посреди пустого зала стоял Мелёшин и искал что-то в телефоне.

Вот он, шанс! Второго не представится. Дрессировщик остался в одиночестве, и разъяренная цирковая крыска собралась покусать его. Ну, ладно, хотя бы потрепать за штанину.

Гнев клокотал во мне, когда, приблизившись к Мелёшину, я сказала негромко, но достаточно четко:

— Давай определимся раз и навсегда, что ты от меня хочешь.

От неожиданности Мелёшин вздрогнул и чуть не выронил телефон. Потом огляделся по сторонам.

Меня понесло:

— Чего боишься? Нету твоей кобылы, уцокала на занятия.

— Тебя, что ли, бояться? — скривился Мелёшин.

— При чем здесь я? Слушай, тебе с меня навару не будет. С меня взять нечего.

Вместо продолжения дискуссии, Мелёшин заозирался по сторонам и вдруг, схватив меня за руку, потащил к выходу.

— Отцепись, — упиралась я. — Руку больно!

В ответ Мелёшин ускорил шаг, волоча за собой к входной двери. Боже мой, сейчас он выкинет меня раздетую лицом в снег и скажет, чтобы я больше не позорила честный институт своим наглым завравшимся видом!

Мелёшин втолкнул в пустую вахтерскую, пихнул в темный угол и навалился всем телом.

— Фофсеф, ффо ли... — возмутилась я и, наглотавшись шерстинок из джемпера, принялась отплевываться.

И тут прогорнил звонок. Очень мелодично и очень близко. Красиво, аж душа заныла от печального наигрыша. Следом воздушная волна, сметая преграды на своем пути, прошла опустошительным смерчем по всем закоулкам; с размаху раскрыла настежь хлипкую дверь вахтерской, ударившую Мелёшина по спине, взметнула до потолка стопку бумаг со стола и с силой отбросила к стене шаткий стул, треснувший от удара.

Мелёшин отстранился от меня, отряхнулся, окинул пренебрежительным взглядом и сказал:

— Балда.

И ушел.

Это могла быть 13.1 глава

По пути в деканат на меня напал целый сонм самых разнообразных вопросов.

Выглядело это примерно так.

Бегу по коридору и вдруг останавливаюсь при внезапной мысли, что Мелёшин оказался не такой уж скотиной. Все-таки защитил от звонка, вернее, от его последствий. Значит, зря наговаривали на парня, будто он ничем не лучше Касторского.

Снова бегу и опять останавливаюсь. Это же какая мощь у волны! Будто под ухом горнили.

Бегу и тут же стопорюсь. И как Монтеморт умудряется выживать в жутких условиях? Ясно-понятно, неподъемную тушу не каждому под силу сдвинуть, даже воздушной волне, а вот что пес давно оглох — стопроцентно. Бедняжка...

Бегу, бегу и замираю. Интересно, где пропадает вахтерша, позабывшая повесить замок на свою драгоценную каморку?

Опять бегу и опять останавливаюсь. Значит, брюнетка — подружка Мелёшина, и по тому, как она по-хозяйски за него хваталась, а он не отталкивал, это означает... что между ними нечто большее, чем совместные обеды в столовой. Ишь ты, болеть за нее пойдет! Флажками размахивать и скандировать: "Эльзунчик, ты лучшая!" От воображаемой картины меня аж перекосило.

Снова бегу и торможу. Значит, Мэл успел пригласить на уроки дрессуры египетскую кошку! Интересно, и кого еще позвал на бесплатные цирковые представления по отработке заклинаний? Ненавижу его! Надо было не позволять тащить меня в непонятный закуток, а ухватиться за святого Списуила. Пусть бы Мелёшину прочистило мозги свежим воздухом. Ненавижу!

Топнула ногой и дальше побежала. Но недолго. Опять затормозила. Ах, значит, Эльзунечка танцует! Надо же, мастерица на все руки — красивая, перспективная и хорошая плясунья к тому ж, если умудрилась выйти в полуфинал. Жаль, ума бог не дал.

Таким вот образом, с частыми, но кратковременными остановками добежала я до деканата. Неосвященная приемная стабильно пустовала, проморозившись, словно в морозильнике. Открытая настежь форточка щедро впускала морозный воздух с улицы, понизивший температуру, наверное, до нуля. Поежившись, я поспешила закрыть створку, пока стены приемной не покрылись инеем.

На двери деканского кабинета обнаружилась прищипленная записка: "Папене каб.12589, крыло В, второй этаж, см. сх".

Сняв записку, я вышла в коридор. А чего бояться? Теперь до перемены как минимум два часа.

Оказалось, в крыле В гнездились лаборатории и кабинеты, оборудованные для проведения практических занятий и лабораторных работ. Генрих Генрихович обнаружился в крошечном кабинете, размерами, наверное, не больше моего общежитского чуланчика. Из казенной мебели — два стула и письменный стол.

Пиджак декана висел на спинке стула, а сам он остался в жилетке и в закатанной до локтей рубашке. Мужчина кивнул и взглядом указал присаживаться на незанятые места. Запустив по локоть руку в стеклянную емкость, похожую на небольшой аквариум, он

выдвигал пальцами сложные вензеля, и рядом с его ладонью появлялись и вспыхивали прозрачно-голубые шарики с исходящим от них парком. Поболтавшись некоторое время, они медленно исчезали, уступив место другим созданиям руки Стопятнадцатого. Декан творил *gelide candi*^[12] или морозные шарики.

— Простите, Генрих Генрихович, я опоздала.

Он кивнул и продолжил свое занятие. Теперь голубых шариков стало гораздо больше, и они не таяли, а висели плотной стеной. Стопятнадцатый начал водить рукой по кругу, перемешивая их. Постепенно в емкости закрутилась воронка, похожая на миниатюрный торнадо. Декан вытащил руку из аквариума и стал наблюдать за происходящим через стекло.

В какой-то момент равномерное движение шариков по кругу нарушилось, и теперь они перемещались в аквариуме по странным траекториям, хаотическим и неупорядоченным, однако в бессистемности движения наблюдалась некая чарующая прелесть, завораживающая взгляд. Внезапно шарики зависли в воздухе и все до единого полопались ледяными брызгами.

— Вот вам, Ева Карловна, наглядный пример того, что нематериальные явления не желают прислушиваться к силе Кориолиса, как бы их не уговаривали. Так, говорите, почему опоздали?

— По дороге прозвенел звонок.

— Сочувствую, — пробасил Стопятнадцатый. — Как слух? Воспринимать материал сможете?

— Генрих Генрихович, — взмолилась я. — Зачем вы сказали при всех, что будете проводить индивидуальные занятия? На меня теперь смотрят как на ябеду и доносицу. Мол, неспроста за неполную неделю умудрилась попасть под крылышко к декану, — выпалила на одном дыхании.

Он помолчал.

— Не думаю, что реакция оказалась бы иной, скажи я Касторскому наедине.

— Я прекрасно могу ходить на занятия с группой! Ведь как-то доучилась до третьего курса.

— Эва Карловна, будем честны, — сказал мужчина, вытирая руки небольшим вафельным полотенцем. — Вы сменили четыре ВУЗа, прежде чем попали в наш институт. И везде приходилось делать перевод по причине того, что копились хвосты по практическим занятиям, не считая угрозы разоблачения. Наверняка многие преподаватели шли навстречу и ставили зачет или желанную тройку, но попадались и принципиальные, которые не соглашались, ведь так?

— Да, так, — потупилась я, но с пылом возразила: — Буду ходить, пока ходится, а в случае чего меня переведут в другой ВУЗ.

— Эва Карловна, на всё обучение в стране не найдется столько ВУЗов с висорическим уклоном, по которым вы будете порхать стрекозкой. Так что советую по возможности протянуть в нашем институте как можно дольше и не отказываться от моего предложения.

Стопятнадцатый сказал правду, и выслушивать ее от другого человека было гораздо больнее, чем признаваться в том же самой себе.

— От какого предложения?

— Конечно, придется поступиться тем, что на вас станут показывать пальцем, называть обидными словами и, возможно, не заведут дружбу. Но подумайте, что стоит на кону — аттестат об образовании или добрые отношения с сокурсниками, — и сделайте выбор. На

практических занятиях я постараюсь обучить вас азам нематериальной висорики, например, заклинаниям первого порядка, которые под силу создать человеку, не осязающему вис-волны.

Я посмотрела в окно. Противно, гадостно... За себя, тупоголовую и безмозглую.

— Генрих Генрихович, не хочу быть обузой для вас...

— Полноте, — прервал он. — Сумма материальной помощи, перечисленной на счет института, значительно превышает время, затраченное на ваше обучение, даже при индивидуальном подходе. Поэтому, скорее, я считаю себя обязанным помочь вам.

Иными словами, мне дали понять, что родитель пожертвовал институту немалые богатства, и поэтому декан взялся лично опекать непутевую студентку.

— Хорошо, Генрих Генрихович. И большое спасибо за талоны. Онигодились.

— Вот видите! — улыбнулся мужчина. — Не всё так плохо. Однако давайте приступим к занятию и для начала попробуем разучить заклинание отвлечения, очень простенькое и непродолжительного действия. Человек теряет к вам интерес, переключаясь на другие дела. Суть состоит в том, чтобы создать рябь в волнах, и в чужих глазах вы поблекнете, уйдете на второй план. В данном случае нет воздействия на мозг, сплошная физика волн. Жаль, конечно, сейчас убывающая луна, но не страшно. Заодно проверим вашу интуицию.

Упомянув о спутнике Земли, Стопятнадцатый имел в виду, что активность вис-волн и их плотность напрямую зависела от дня лунного цикла. Первая и вторая фазы считались идеальными для создания успешных и эффективных заклинаний. В третьей и четвертой фазах волны стремительно редели, уменьшались их длина и амплитуда. Кроме того, на упорядоченное течение волн большое влияние оказывали вспышки на Солнце и, как следствие, электромагнитные бури.

Об особенностях волн знает любой ребенок. Имеется в виду ребенок, который может осязать волны — видеть, слышать, чувствовать. Я же знала теоретически — из лекций и книг.

Стопятнадцатый начал практическое знакомство с заклинания отвлечения. Он надеялся, что при случае я смогу защитить себя или хотя бы попытаюсь. И пусть мужчина не озвучил причину, мы поняли друг друга.

Таким образом, мне предстояло навскидку угадать произвольную волну и сделать на ней зацепку подобно вязальному крючку. От небольшого возмущения пойдет рябь, которая со временем погаснет, но достигнутого эффекта окажется более чем достаточно. Успешность состояла в том, чтобы слепо ткнуть пальцем в любую точку пространства и ухватиться за волну, а для этого требовались хотя бы крохи интуиции. Но выяснилось, что я начисто лишена этой интуиции или дара предвидения, или "третьего глаза", или обычного авося. Генрих Генрихович показал, как правильно делать движение большим и средним пальцами, оставалось дело за малым, вернее, за мной. Увы и ах, безрезультатно.

Наверное, с полчаса я безуспешно пыталась создать хотя бы жалкое подобие заклинания, в то время как Стопятнадцатый занялся проверкой курсовых работ, изредка вставая и поправляя, если ему казалось, что я неправильно водила пальцами по воздуху.

То ли от усталости, то ли от отчаяния, но рука вскоре заныла, а вместе с ней и палец со странным рисунком-колечком. Мне пришло в голову посоветоваться с деканом.

— Генрих Генрихович, взгляните, — сунула ладонь. Стопятнадцатый отмахнулся от нее как от назойливой мухи.

— Безобразие! — воскликнул, заставив меня вздрогнуть от громкого баса. — Дегонский

опять нахальным образом списал полпараграфа из книги и выдал за свои умозаключения. Каков наглец!

— Генрих Генрихович, — неуверенно пробормотала я, — это заражение кожи... наверное.

Декан посмотрел сквозь меня, почесал подбородок и продолжил изучение скандальной работы некоего Дегонского, возмущаясь бесстыжестью и одновременной дерзостью одного.

Я растерялась. Что делать? Ощупала себя. Вроде бы материальная, не призрачная. Поводила рукой перед лицом Стопятнадцатого, впрочем, безо всякой надежды. Может, меня перенесло в мир привидений?

Внезапно взгляд декана стал осмысленным, он завертел головой по сторонам и протер глаза.

— А я-то вижу, будто волны расходятся кругами, но почему-то мне до них нет никакого интереса. Поздравляю, милочка, вам удалось создать свое первое заклинание отвлечения. Простенько и со вкусом, — прогудел он и пожал руку своей лапищей.

Я застыла от изумления. Моё! Мое первое заклинание! От благодарности чуть не бросилась на шею к Стопятнадцатому, чтобы расцеловать в обе щеки. Глаза предательски защипало. Даже бестолочь вроде меня на что-то годится.

— Вы, милочка, кажется, говорили что-то насчет заражения, — озаботился Генрих Генрихович. — Кто-то заразился в институте? Не скрывайте правду. Чем скорее ликвидируем источник заражения, тем лучше.

Он бы еще за грудки схватил и начал тормошить, выпытывая подробности.

— Никто не заразился. У меня соскочила болячка. Может, показать в медпункте?

Декан поднес протянутую руку к своему носу.

— Пройдемте, — потянул к окну. Там он достал из кармана пиджака очешник и надел очки. Прежде я ни разу не видела Стопятнадцатого в очках, и он показался непохожим на себя.

— М-да, — сказал, наконец, мужчина, осмотрев палец со всех сторон. — Как думаете, где заполучили?

— Оно появилось после посещения хозчасти. Я пошла подвалом, без освещения.

Декан поразмыслил над услышанным.

— Позвольте! Но почему вы решили идти туннелями? Есть близкий и короткий путь через подъемник.

— Так нарисовано на схеме.

— Покажите-ка.

Стопятнадцатый долго шуршал листочками, а затем вернул, сказав мрачно:

— Я виноват перед вами, Эва Карловна. Копии сделаны со старых схем, на которых не указан подъемник, установленный значительно позднее. По моей милости вы проделали немислимый путь. Видимо, до него дошло осознание моего путешествия по катакомбам, потому что он тяжело опустился на стул и затих. Обдумав, Генрих Генрихович заставил вспомнить в подробностях всё, что происходило в институтском подземелье, вплоть до мыслей, ощущений, запахов и страхов. Странно, что не поинтересовался, как часто я моргала и в обе ли дырочки сопела. Затем вытащил из кармана жилетки крохотный блокнотик и тщательно перерисовал рисунок цепочки.

— Сейчас, Эва Карловна, не могу сказать с точностью о происхождении рисунка на вашем пальце. Дождусь специалиста, который вернется в институт на следующей неделе, и

посоветуюсь с ним. Вас же прошу не распространяться о случившемся в тоннелях, покуда не разберусь с загадкой. Если почувствуете ухудшение, немедленно поставьте меня в известность. Ну, и Клариссу Марковну, несомненно.

— Хорошо, — кивнула я.

Это могла быть 13.2 глава

Стопятнадцатый, решив, что необходимо закрепить усвоенный материал, отпустил меня в библиотеку фиксировать знания в голове.

Вдохновившись крошечным успехом, я прибежала в очаг знаний и заразила возбуждением Бабетту Самуиловну, приличную благовоспитанную библиотечаршу. Натаскав книг и соорудив столбик выше собственной головы, я с воодушевлением вгрызлась в гранит науки, выписывая ссылки на различные источники для рефератов и домашних заданий.

Но и этого показалось мало. В первые же полчаса мне удалось донять терпеливую и интеллигентную Бабетту Самуиловну попытками притащить вторую кучу книг. Она долго увещевала не совершать ужаснейшую ошибку, уверяя, что вместо знаний в голове получится каша. С трудом, но ей удалось отговорить фанатично настроенную студентку от безумной затеи.

В утешение библиотечарша одолжила маленький блокнотик, и в нем я спешно карябала названия справочников, которые предстояло осилить в будущем.

Энтузиазм лез из всех щелей.

Бабетта Самуиловна взялась за кропотливую работу по возвращению книг на законные места, а я в приподнятом настроении помчалась в общежитие. Выбежав на институтское крыльцо и вдохнув морозный воздух, вдруг ощутила: жизнь прекрасна и удивительна. И не скажешь, что до обеда настроение давило противоположностью, а сейчас развернулось как стрелка компаса.

В лучах низкого красного солнца, грозившегося вот-вот исчезнуть за крышами, что-то блеснуло за оградой, и мне показалось, в стройном ряду машин, красовавшихся у ворот, мелькнула знакомая темная куртка, обладатель которой, открыв дверцу автомобиля, помогал усесться девушке в короткой меховой шубке и высоких сапогах на шпильках.

Но разве меня волновали какие-то парочки? Хорошее настроение бурлило, оттеснив прочие неприятности дня.

Окрыленная, я прибежала в общежитие и быстренько собралась, чтобы идти с Аффой в обещанный ею торговый рай. Однако время шло, а девушка не приходила.

Я приложила ухо к стене. В соседней комнате стояла тишина, но вскоре послышалось шлепанье босых ног по полу, и скрипнула кровать. Неужели она забыла о совместном походе? Нужно напомнить.

Вместо радушного приветствия в узкой щели маячило недовольное лицо соседки.

— Не могу сегодня пойти, — ответила она раздраженно.

— А завтра? — расстроилась я.

— Тоже не могу. — Аффа начала закрывать дверь.

— Погоди-ка! Это из-за Стопятнадцатого, верно? Из-за того, что он ведет личные занятия?

Девушка пожала плечами:

— В конце концов, мне-то какая разница? Кому хочешь, тому и напевай в оба уха.

— Знаешь, Аффа, от тебя я ожидала меньше всего! Думала, ты не какая как все.

Стрела попала в цель. Соседка открыла дверь пошире.

— Какая "не такая как все"? — поинтересовалась нелюбезно.

— Услышала новость в глухом телефоне и не хочешь выслушать правду.

— Интересно узнать. — Девушка сложила руки на груди и добавила с иронией: — За какие шиши декан самого сильного факультета выделил неприметную мышку? Уж не за красивые ли глаза? Или, может, за длинный язык?

Аффа имела право быть недовольной.

— Давай зайдем в комнату, а то неловко стоять на пороге. Или пошли в швабровку.

Девушка раскрыла дверь, пропуская к себе:

— Проходи.

В общем, пришлось покаяться перед соседкой, умолчав о крохотной мелочи. Я рассказала душераздирающую историю о том, что практические занятия идут чрезвычайно туго, и папаша заплатил немало денежек, чтобы декан подтянул непутевую доченьку. А тот, поросенок этакий, взял и выдал меня с потрохами перед всем курсом.

— Коли у тебя обеспеченные родители, почему живешь в швабровке? Могла бы сразу топтать на третий или четвертый, — девушка показала пальцем в потолок. — Там обитает местная элита, и вход только для избранных.

Неожиданная новость. Оказывается, и в захудалом общежитии есть табель о рангах. Но сие открытие не отложилось в голове, пройдя фоном. Гораздо важнее, чтобы Аффа поверила мне, неумелой лгунье.

Я знаю, что не умею хорошо врать. Собираясь обмануть, начинаю заикаться, смотрю в точку и блею что-то несвязное. Тетка, покуда была жива, мгновенно распознавала приступы лжи и беспощадно наказывала меня с помощью ремня и палки. Сейчас, глядя на соседку, я заметила, как скепис уступил место сочувствию, и принялась вдохновенно сочинять дальше.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Отец сказал, что бездарная дочь недостойна хорошей жизни, и пока не добьюсь результата, то навеки потеряна для него.

В принципе, придуманная экспромтом история оказалась недалеко от истины, поэтому не понадобилось выдавливать крокодильи слезы.

— Жестокое воспитание, — покачала головой Аффа. — Извини, но твой отец неправ. Я так и знала, что сыр-бор с личными занятиями у декана завязался неспроста. Все-таки не поверила слухам и надеялась, что ты разъяснишь.

— Пожалуйста, никому не говори! Мне сполна хватило сегодняшнего позора.

— Могила! — девушка застегнула на губах воображаемую молнию. — Ну, что побежали?

И мы побежали, испытывая поначалу неловкость после недавней размолвки, но вскоре она исчезла. Пройдя по узенькой протоптанной тропке через парк, вылезли через дыру в заборе, перешли через дорогу и вклинились в небольшой спальный район.

Быстро темнело, зажглись фонари. Идя по тротуару вдоль улицы, я разглядывала дома, аккуратно расчищенные дорожки, бумажные снежинки на окнах. Кое-где в двориках стояли небольшие елочки, украшенные гирляндами из цветной бумаги и простенькими игрушками.

Калитку одного дома караулил снеговик, слепленный из первого настоящего снега. И хотя одноглазая фигура смотрелась коряво, шапка набекрень и надетые на прутиках полосатые варежки придавали снежному герою залихватский вид. Разглядывая неумелое, но слепленное с большой любовью творение, я позавидовала тому, для кого создалась сказка,

будь то ребенок или взрослый.

Чувствовалось, что в квартале к новогоднему празднику готовились загодя, создавая праздничное настроение; возможно, не с размахом, но с большой заботой и вниманием, и заблаговременная подготовка жителей к предстоящему событию показалась мне более чем странной. Дело в том, что Новый год практически не отмечался повсеместно, вытесненный другим, знаменательным событием — Днем национальной независимости. Вот это праздник так праздник! К его проведению начинали готовиться заранее. За несколько месяцев устроители планировали грандиозные представления, феерические шоу и прочие экстраординарные мероприятия. Так что встреча очередного Нового года меркла на фоне размаха, с которым отмечался самый главный День в году.

Хотя мне что один праздник, что другой — всё едино. Не люблю ни тот, ни другой. Возможно, потому что не жду от них чудес и прочих хорошествей.

Девушка взяла меня под руку, и мы пошли по тротуару нога в ногу.

— Смотри, Аффа, как красиво! — показала я на небольшое деревце с веточками, увитыми лампочной гирляндой. Разноцветные огоньки горели тускло, видимо, из-за экономии света, и все же в груди радостно подпрыгнуло, а потом ухнуло вниз при виде маленького чуда. — Здорово они готовятся к Новому году! Не ожидала.

— Это район слепых, — вполголоса сообщила соседка, и от неожиданности я сбила шаг.

Слепыми называли тех, кто не мог осязать волны. Таких как я. Участь этих людей незавидна. Они жили в изолированных районах и кварталах, им запрещалось занимать важные посты и работать на ответственных должностях. И еще им запрещалось носить дефенсоры. Нарушение данного правила считалось преступлением и каралось по закону.

— Институтских здесь не шибко любят, но терпят. Мы для них — один из источников доходов, — сказала Аффа, не заметив моего взбудораженного состояния. — Особенно не любят тех, кто с элементарки. Кому понравится, если покупатель прочитает мысли или внушит отдать товар бесплатно? Поэтому местные сплошь и рядом носят дефенсоры, хотя и скрывают. Как говорится, пока не пойман — не вор. Конфликты стараются не раздувать, живут тихо-мирно, добра наживают. К тому же в здешних лавочках цены на порядок дешевле, чем в других районах.

Аффа что-то еще болтала, но я не вслушивалась в слова. Плыла как в тумане. Взгляд по-новому окидывал дома, окна, деревья, низенькие заборчики. Это мог быть мой район и мой квартал. Это мой снеговик мог стоять у моего дома, и на его крыльце вечером меня могла встречать мама.

Смогла бы я променять висоратское превосходство на жизнь обычных людей, которым не посчастливилось заполучить умение созерцать проклятые невидимые волны? Да, — не колеблясь ни секунды, откликнулось сердце. Было бы кому встречать меня вечером на крыльчке.

— Смотри, почти пришли, — Аффа потянула вперед, заставив ускорить шаги. Хорошо, что она не заметила мою растерянность.

Мы вышли на улицу, оказавшуюся центральной. По обе ее стороны чередой расположилась небольшие магазинчики. С этого места и стартовал наш покупательский забег. За изучением витрин стала понемногу забываться оскоми́на, возникшая от слов девушки. Нас встречали вежливые и радушные продавцы. Их искренность импонировала, и я невольно улыбалась в ответ, говорила комплименты разнообразию ассортимента, качеству товаров и смеялась над шутками.

— Не сомневалась, что тебе понравится, — сказала Аффа, когда мы вышли из книжной лавки с тетрадами, пачкой писчей бумаги и небольшим набором канцелярских принадлежностей. — Интуиция меня не подвела.

— Погоди, — остановилась я. — Значит, специализируешься на интуиции?

— Ну, да. Еще вчера, предложив пойти за покупками, знала, что вечер получится чудесным и продуктивным. Ну, пошли же! Здесь много интересного.

И мы, подобно оголодавшим обрушились на лавки.

Сперва зашли в мастерскую по изготовлению ключей и ремонту всякой мелочи, где я заказала дубликат ключа от пищеблока. Доброжелательный молодой человек заверил, что через полчаса можно забрать заказ.

В посудной лавке, не без давления Аффы, приобрела небольшой чайничек и граненый стакан в никелированном подстаканнике, на ручке которого красовалась оскаленная пасть грифона. Бр-р, жуть... Но красиво.

Из лавки хозяйственных товаров ушла, прихватив мыло, моток шпагата, плечики под одежду и две лампочки. Между нами разгорелся жаркий спор о том, покупать ли гвозди и молоток или потребовать от комендантши. Аффа настаивала, что суровая тетка обязана сдать в аренду орудие забивания гвоздей и, собственно, предметы мук забивания. Я же ставила под сомнение наличие у комендантши последних. Молоток — еще куда ни шло, а если каждый студент будет ходить и клянить гвоздики под картины, хозяйка общежития разорится вконец. В результате сошлись на том, чтобы купить три пятисантиметровых гвоздя.

Забежав в лавку тканей, я не смогла не уйти без кусочка ситца из обрезков и махрового темно-вишневого полотенца. Вот уж не ожидала, что куплю огромное банное полотенце. Но внезапно захотелось тепла и уюта, и, поддавшись неожиданному порыву, я воскликнула: "Беру!".

Не обошли вниманием и аптеку. Изначально сюда и хотела зайти Аффа. Вдобавок к импровизированной аварийной аптечке, оставшейся в общежитской тумбочке, я докупила вату в рулончике и предметы женской гигиены.

Ну, и главным пунктом меню стало посещение комиссионной лавки, по выходу из которой на моем запястье красовались крошечные часики с улыбающимся гномом на циферблате. Вместе с футляром продавец вручил техпаспорт и копию квитанции. Но меня мало волновала законность покупки. Я безотрывно любовалась на симпатичную косоглазую рожицу под треугольной шапкой, и, казалось, гномик хитро улыбался в ответ.

Неожиданным и очень полезным приобретением стала покупка коврика-циновки в приличном состоянии, хотя и слегка потертого. Зато ноги не будут мерзнуть на ледяном полу общежитской комнатухи.

Затем мы зашли в бакалейную лавку и купили коробку с чаем, два пакета со сдобными сухариками, пакет сушеных груш с яблоками и три плитки плавленого сахара.

Я сгорала от нетерпения опробовать купленные вещички и предвкушала свое первое чаепитие в облагороженной каморке. В каждом из предыдущих временных мест обитания расставание с вещами происходило одним махом. Нужно откладывалось в сумку, лишнее сгребалось в пакет и выбрасывалось на помойку. Возможно, и с этими покупками когда-нибудь придется расстаться, но сейчас о грустном не думалось. Мечталось о хорошем.

Под конец Аффа затащила меня в косметическую лавку и уговорила купить бальзам для губ с подкрашивающим эффектом, стоивший пять висоров. Сущее разбазаривание денег!

Чуть не забыв о заказе на ключ, мы вернулись назад и, распрощавшись с мастером, отправились в обратный путь.

Итого на всё про всё с меня как с куста осыпалось тридцать три висора. На меньшую сумму я и не планировала потратиться, поэтому ужасно обрадовалась купленному бараклу. Мне не терпелось устроить крошечный чуланчик. Кому-то подобное воодушевление показалось бы смешным, а купленные вещи донельзя дешевыми, но для меня главным стало ощущение предвкушения, детского восторга и праздника в душе.

Все-таки не зря слабый пол любит с маниакальностью делать покупки — крупные или мелкие. Возбужденные и смеющиеся, мы шли по дорожке к общежитию.

— Ну, как тебе показался Мэл? — спросила вдруг Аффа.

— Самовлюбленный хам. А разве Мэл — его имя?

— Нет, уменьшительное от фамилии. Но он разрешает называть себя так друзьям и избранным.

— Надо же, какая цаца! Встретились две цацы, сцепились клювами и не могут расцепиться, — фыркнула я и рассказала Аффе про обед в столовой.

— Да-а, не повезло тебе. Про Мелёшина много болтают. Есть хорошее, но больше плохого. А его Эльза — первостатейная стерва. С ней лучше не связываться. Единственная доченька у родителей, поэтому её холят и лелеют.

Из всего сказанного Аффой меня почему-то задела фраза "его Эльза". Ну, и подумаешь!

— А я влюблена, — разоткровенничалась Аффа на подходе к общежитию. — Хотя видела его лишь раз и то на первом курсе.

— Завидная преданность. А как же позавчерашний вечерний друг?

— А-а, это проходящее, — отмахнулась девушка. — А тот, кто занимает мои мысли и сердце, недостижим как звезда.

— Актер или певец?

— Ну их! Как сейчас помню нашу встречу. Я поднималась на крыльцо, запнулась об ступеньку и упала. Косметика, тетрадки, перья вывалились, а он помог подняться и собрать вещи. Вежливый, обходительный. А какие глаза! Неземные! Черные, утягивают в бездну. И ресницы густящие-прегустящие. Бархатные... Нереальный красавчик!

Аффа заливалась соловушкой. Вот она, любовь — заноза в сердце, и ничем её не выжечь и не вырвать. Ля мур, тужур, осоловелые глаза. Я исподтишка посмеялась над сердечными страданиями соседки.

— Неужели больше не встречались? Разве он не учился в институте?

— Он оказался горнистом.

— Кем? — затормозила я. Никогда бы не подумала, что можно запросто столкнуться с легендарной личностью на крыльце. — Неужели шел по ступенькам?

— Ну, да. Примерно как мы с тобой.

— Невероятно! Наверное, это он играет душераздирающие звонки.

— Тоже заметила? — подскочила Аффа. — У них ни один звонок не похож на другой. У кого-то веселый, у кого-то печальный, даже плакать хочется. Жаль, я больше не встретила со своим лапочкой.

— Зато вам удалось поговорить. Иначе как бы ты поняла, что парень — горнист?

— Он ведь в желтом, и на погонах петлицы в виде перекрещенных горнов. Это ихняя форма.

От неожиданности я чуть не села в сугроб.

— Афка, — сказала запанибратски. — Кажется, за одну неполную неделю твои горнисты успели дважды попасться мне на глаза.

— Ого! — воскликнула девушка. — Я едва тебя увидела, сразу заподозрила, что ты не промах. Пошли скорее, расскажешь подробненько, где и как повстречала. А случайно среди них не попался мой черненький?

— Случайно нет. — Увидев расстроенное лицо Аффы, я добавила: — Извини.

Суть да дело, а за разговором о загадочных горнистах я натянула над окошком шпагат и наскоро навесила ситцевую тряпочку. Завтра из нее получится веселенькая шторка.

Вкрученная в патрон лампочка напомнила о том, что неплохо бы соорудить плафон, чтобы не смотрелось казенно. Не беда, что-нибудь придумаем.

Коврик идеально лег от двери до кровати.

Вместе с Аффой я прошествовала в крошечный пищеблок и поставила кипятиться свой первый чайник, после чего церемонно пригласила девушку в гости через час на распитие вечернего чая и обмытие купленных вещичек.

Сделав книксен, соседка ответила согласием, и, в назначенное время, усевшись на кровати, мы отламывали кусочки сахарной плитки, запивали ароматным чаем и наперебой обсуждали события прошедшего вечера. А на веревке, растянутой через всю комнату, сушилось темно-вишневое полотенце.

Как иногда мало нужно человеку для счастья.

И как много.

Это могла быть 14.1 глава

Накануне Аффа твердо вознамерилась пойти утром в столовую в надежде разузнать о загадочном обладателе бархатных глаз, лишивших девушку покоя.

— Представляешь, — сказала она вчера, — третий год учусь в институте, и лишь один раз столкнулась с горнистом. А ты умудрилась дважды.

Мне оставалось пожать плечами, мол, сама не пойму, как приключилась сия невероятность.

Назавтра я наводила марафет перед небольшим зеркальцем у раковины, когда Аффа, отчаянно зевая, появилась из своей комнаты.

— Поражаюсь тебе, — промямлила, прикрыв рот ладошкой. — Как умудряешься вставать в несусветную рань? Меня с кровати пушкой не согнать.

— А любовь не подгоняет? — подколола я.

— Не знаю, — ответила вяло девушка и поплелась в душ.

— Тебя ждать или догонишь?

— Иди-иди, я следом! — крикнула Аффа.

Решив навести окончательный лоск, я вытрясла из карманов завалывшиеся мелочи и обнаружила флакончик из-под духов, прихваченный с чердака. Пустой пузырек хранил нежный пленительный аромат. Представив себя таинственной леди под вуалью, я повела жеманно плечами и нанесла несуществующие духи за каждое ухо и в ямку между ключицами. Смазала губы бальзамом, приятно пахнущим цитрусовыми, и подмигнула отражению в оконном стекле. Крыска готова покорить вселенную. И не забыть бы крыске протереть вечером окно.

Собирая сумку, я не могла отделаться от навязчивой, но не оформившейся мысли, зудевшей как комар под ухом. Считала неторопливые шаги по дороге в институт и исподволь выискивала в голове причину смутного беспокойства. Даже лоб наморщила, раздумывая. И лишь при входе в полутемный холл меня осенило.

Среди мелочевки, вынутой из карманов, затесался блокнотик, одолженный Бабеттой Самуиловной. Возможно, казенная канцелярская вещь, которую я пронесла мимо стража, непроходимо дрыхнувшего у парадных дверей!

Открытие ударило подобно молнии. Я подкралась на цыпочках к недвижимой туше животного. В полумраке очертания животного напоминали огромную бесформенную кучу. Не различить, где голова, а где хвост, и имелся ли таковой. Мне вдруг показалось, что страж вот-вот испустит дух. Ничего удивительного. Наоборот, вполне ожидаемо, когда потряхивает по двадцать раз на дню и непрерывно закладывает уши.

Однако Монтепорт не оправдал робких предположений о близкой кончине. В глубинах необъятного тела всхрипнуло и зевнуло с громким "уа-а-ау". В скудное пятно света выползла толстая лапа с клиновидными загнутыми когтями и снова втянулась в полумрак. Ой, мамочки! Меня передернуло от страха.

Блокнотик и его происхождение основательно загрузили извилины. За завтраком я усердно размышляла о том, что, вероятнее всего, Бабетта Самуиловна одарила меня записочкой из личных запасов. Она не поступила бы халатно, вручив казенное добро и, тем самым, отправив на верную гибель в пасть Монтепорта. А вдруг библиотечка забылась? Всякое бывает. Ошиблась, перепутала. И блокнотик числится институтским имуществом. А

вырванные листочки где числятся? Взять тот же флакончик из-под духов. Я спокойненько пронесла его мимо пса, не удосужившегося встать в охотничью стойку, значит, с большей долей вероятности пустой пузырек — частная собственность, которую выбросили за ненадобностью. Отсюда вытекают два вывода: или я прихватила чужие вещи, или Монтеморт потерял хваленую сноровку. А вторая гипотеза означает... что можно безнаказанно проносить под носом суперстража всё, что угодно! Правда, теоретически.

Сногсшибательное умозаключение подбросило меня на месте. Приличные студентки не должны помышлять о растаскивании казенного имущества! — вспомнился наказ завхозши. Но приличным студенткам обидно, что дурацкие институтские правила запрещают уносить пирожки и булочки в общежитие, где они пригодились бы к вечернему чаю.

Разве ж кто-то посягает на казенное? — оправдывалась робко совесть, но пирожки искушали. Уж очень заманчиво они выглядели в виде вечернего перекуса. И чтобы теория переросла в практику, следовало выяснить, кому принадлежит блокнотик — Бабетте Самуиловне или альма-матер.

Трудясь извилинами, я лишь после завтрака заметила, что вездесущий Алесс и таинственные горнисты не явились на утреннюю трапезу. При выходе из столовой меня едва не сбила с ног Аффа. Оглядев пустое помещение, она горестно вздохнула:

— Так и знала, что утро будет неудачным.

Расположившись за первым столом, я продолжала предаваться размышлениям о судьбе пирожков и Монтеморта, поэтому гул наполняющейся аудитории волновал меня сегодня в меньшей степени. Соседи-близнецы, Касторский с бандой, Мелёшин и усевшийся рядом мальчик-одуванчик прошли мимо внимания.

Лекция по основам элементарной висорики навевала уныние. И хотя импозантный преподаватель — одетый в черное и с длинными черными волосами, собранными в хвост — читал неплохо, методы стимуляции волнами различных участков мозга не вдохновляли. Вместо того чтобы вникать и слушать, я вырвала из тетради листочек и принялась составлять список занятий поважнее, чем облучение гипофиза дозами ультракоротких висволн, а именно: благоустройство общежитской комнатухи. Список оказался внушительным, и, пробегая строчки глазами, я улыбалась, предвкушая, как займусь округлением каждого пункта.

Вволю нарадовавшись предстоящим плодотворным выходным, мысли перебежали к Монтеморту, вернее, к утрате им профессиональных навыков. Представив дряхлое животное со слезящимися глазами и трясущимися лапами, я чуть не расплакалась. Бедный песик! Лежит в грязном и обдуваемом ветрами углу, а из-за темноты никто не подозревает, что собачка больна и немощна.

Пусть болеет на здоровье, а мне очень хочется разрешить проблему с пирожками. И с булочками. И с оладушками. Всё-таки я переоценила свои возможности, впихивая излишки вкусовости на завтраках и обедах. Куда девать несъеденное? Выбрасывать совесть не позволяет, да и жалко. Зато совесть позволяла пройти мимо Монтеморта с сумкой, набитой плюшками и пончиками.

Господи, и почему мне не стыдно? Ни капельки стыда. Вместо раскаяния воображение рисовало картины сытных ужинов. Заерзав, я воровато оглянулась и замерла. Мелёшин сидел, вперив в меня немигающий взгляд. Неожиданно всплыл образ — карие радужки с ярким зеленым ободком по краю. Его глаза.

Меня прошиб пот. Больше всего я боялась пристального внимания. Оно означало, что моему спокойствию пришел конец.

Мелёшин перевел взгляд на преподавателя.

Надо драпать! — замигала лампочка. Бежать, пока дрессировщик не воплотил в действие план, ясно высветившийся на его лице.

Едва прогорнил звонок, я ринулась прочь из аудитории, расталкивая локтями толпу. Мне казалось, затылок горел от недоброго взгляда Мелёшина.

На практикум к Стопятнадцатому я успела задолго до начала занятия, потому что быстро бежала. Кабинет пустовал. Не в силах усидеть на месте, я заметалась по помещению. Мелёшинское поведение не просто насторожило. Оно выбило из колеи, спутав мысли.

Оставалась надежда, что суббота — день короткий, и основная масса студентов схлынет после второго занятия. Я же дойду черепашьими шажками до столовой и буду есть долго, тщательно пережевывая пищу, потом поползу лилипуточными шажочками в библиотеку и, бог даст, разминусь с Мелёшиным среди нескончаемых институтских коридоров и переходов. Не потащится же он в столовую, когда на носу развеселые выходные в обществе египетской плясуньи.

Метания прервал как всегда бодрый Стопятнадцатый. Он поздоровался и выдал неожиданный комплимент:

— Чудесно выглядите, Эва Карловна! Румянец вам к лицу и духи великолепные! Нотка сирени в жасминовом облаке. Появился повод написать сонет.

И замурлыкал под нос, раскладывая тетради.

Прежде никто не расточал мне похвалы. Это я-то чудесно выгляжу? Это от меня странно пахнет? Ну-ка, ну-ка... Из зеркальца, вправленного в ручку расчески, выглянула растрепанная физиономия с румянцем на щеках и блестящими глазами. Может, заболеваю? И где успела измазаться? Надо же, жасминовые поля на ромашковых тучах. Или где там?

Стопятнадцатый оборвал ералаш мыслей и начал заваливать новой информацией.

Прежде всего, я повторила прошлый урок. Заклинание отвлечения удалось в четырех случаях из пятнадцати. Декан похвалил и сказал, что прогресс налицо. Я же посмеивалась, наблюдая, как он бормотал под нос рифмы, думая, что в кабинете никого нет. Затем Генрих Генрихович поинтересовался моим самочувствием, полюбопытствовал о состоянии пальчика, награжденного колечком, и пробасил:

— Сегодня разучим заклинание, также основанное на физике волн. Как помните, Эва Карловна, в заклинаниях первого порядка задействуется одна волна. Произвести ее возмущение более вероятно и результативно, нежели пытаться создать заклинания второго порядка, не говоря о высших n -заклинаниях, задействующих бесконечное число волн.

Я вздохнула. Удивительнейшая бездарность. К третьему курсу пытаюсь осилить наугад заклинания, которые создает любой абитуриент.

— Заклинание легкого оглушения, — рокотал Стопятнадцатый. — Возникает небольшой скачок давления, при котором закладывает уши, и человек дезориентируется в пространстве. Требуется ухватить любую произвольную волну и закрутить быстрым винтообразным движением. Какой рукой и в какую сторону крутить — роли не играет. Важно закрутить резко, быстро отпустив руку.

Сегодняшнее заклинание совсем не получилось. То ли волны ускользали, то ли я неправильно закручивала, но Стопятнадцатый недовольно качал головой, когда я в

очередной раз создавала пустой "винт". Вообще, после того, как декан нанюхался непонятных ароматов, он стал задумчивым и отстраненным.

Пропел звонок, и вскоре воздушная волна постучала в дверь кабинета.

Аффа права. Сколько ни слушаю, а звонки не повторяются. И мелодии разные: грустные, веселые, маршевые, усыпляющие.

— Генрих Генрихович, а без воздушной волны никак нельзя?

Он взглянул отсутствующе:

— Никак нет, милочка, нельзя. Привыкайте. Успевайте в нужное место до звонка.

А то я не знаю!

— Неприятно знать, что меня запросто размажет по стене.

— А, собственно, чем плох горн? Наличие воздушной волны, во-первых, дисциплинирует, а во-вторых, является своеобразной эмблемой нашего института. При желании к нам можно водить экскурсионные группы, — ответил Стопятнадцатый. — В вашем понимании горн — большая труба, в силу издаваемых звуков. На самом деле это сложное устройство, занимающее треть институтских подвалов. После того, как горнист начинает играть, звук, проходя через систему труб, вентиляей и крон, многократно усиливается и выходит, сопровождаемый мощной воздушной волной. Единого раструба как такового тоже нет, зато есть система вентиляционных шахт, обеспечивающих сброс давления с горна.

— Но зачем сложности? — выдавила я, изумившись размахом. — Неужели нельзя звонить в простой колокольчик?

Стопятнадцатый заулыбался, и я поспешно добавила, чтобы он не подумал, будто перед ним полная дура:

— Это утрировано.

— Понимаю, Эва Карловна. К сожалению, нельзя. Горн составляет единое целое со зданием, и остановить работу механизма невозможно. Он должен играть, что бы ни случилось. Кроме того, требуется особое умение, чтобы извлекать из него звуки. Я бы сказал, это непосильный труд, достойный уважения. Зато каждый звонок уникален, не правда ли? — похвастался Стопятнадцатый со странной горечью в голосе. — Инструмент обслуживают несколько человек, и каждый горнист — настоящая находка для института. Так что считайте горн уникальной изюминкой института.

После того, как за студенткой закрылась дверь, Стопятнадцатый с отрешенным видом уставился в окно.

Девочкам, мечтающим о любви и чуде, незачем знать, что вместо горна изначально существовало устройство под кодовым названием "иерихонская труба", разработанное учеными-висориками по результатам расшифровки библейских трактатов.

Наивным девочкам незачем знать, что или знаки истолковали неправильно, или в расчетах допустили ошибки, но "иерихонская труба" приобрела неконтролируемые разрушающие свойства, способные стереть с лица земли города и устроить апокалипсис планетарного масштаба.

Любопытным девочкам незачем знать, что создатели перенаправили убийственные возможности "трубы" в иное русло, рассчитывая со временем найти ошибку и исправить ее. Видите ли, где-то в верхах посчитали нецелесообразным уничтожать детище, в которое вложено много труда и средств.

И уж совсем незачем знать интересующимся девочкам, что агрессию механического монстра сдерживает небольшая горстка людей, которая под видом ненавязчивых мелодий регулярно сбрасывает накапливаемое давление с "трубы".

Жители столицы спят спокойно, без опаски быть сметенными с поверхности земли неуправляемой разрушительной силой, благодаря тому, что горнистов связывают с горном. Горнист не может отлучаться от инструмента — заклинание привязанности тянет его обратно.

И лишь избранные знают, что вряд ли найдутся желающие добровольно служить механическому чудовищу, и что для надежности заклинание продублировано на спинах горнистов. По три кровоточащих руны на каждого. Потому что дети должны отвечать за ошибки своих отцов, даже если ошибки имеют полувековую давность.

Прокравшись к столовой, я бодрым шагом направилась к раздаче и на полпути обмерла. В полупустом помещении за одним из столиков сидел Мелёшин собственной персоной, а рядом с ним — чернокудрая танцорша со своей белобрысой подружкой. Девицы сидели вполоборота, и не видели моей оторопелости. Зато Мелёшин уставился как удав на кролика и сделал знак в сторону раздачи. Мол, иди, затаривайся. Жду.

Это могла быть 14.2 глава

Я нерешительно потопталась с подносом у кассы, не зная, то ли сразу направиться к сиятельной компании, то ли сделать вид, что временно ослепла.

Трудный выбор сделала светленькая. Заметив меня, она что-то сказала, и обе девицы принялись изучать мой наряд. На лице подружки Мелёшина застыло кислое выражение, а сам он, заложив ногу на ногу, поигрывал по столешнице пальцами и любовался процессом постукивания.

Поставив поднос, я уселась, придвинув с грохотом стул. Брюнетка скривилась, будто хины объелась. Сегодня девицы опять уминали жалкие салатки. Мелешин изволил откусать свой обед, но сок недопил. Значит, предстояло давиться едой под взглядами трех пар глаз, три из которых не горели дружелюбием.

— Сообразительная обезьянка, — хмыкнула Эльза. — Не пришлось свистеть, сама прибежала.

Я взяла ложку. Главное, не обращать внимание. Главное, пропускать мимо ушей.

— И вдобавок молчит, — добавила светленькая. — Какая прелесть! Прикусила язык и слушает, о чем говорят умные люди.

— Она вчера наговорила. Хорошего помаленьку.

Рука сжала ложку. Никто не испортит мой обед.

— Ой, — сказала вдруг светленькая, — чувствуете? Чем-то пахнет.

— Одна чушка не мылась полгода. Или год, — сострила Эльза, и девицы дружно рассмеялись.

Отложив ложку, я уставилась в тарелку с супом. В груди медленно, но верно нарастало нечто темное и нехорошее.

— И все-таки, пахнет, — не унималась светловолосая и мечтательно закрыла глаза. — Розами, как на даче у деда.

Я изо всех сил прикусила губу, чтобы не высказать свое мнение о деде и о розах.

Брюнетка принялась и сказала:

— Нет, пахнет сандалом и мускусом. Ароматом желания.

Облизнув ярко-красные губы, она послала многозначительный взгляд Мелёшину, однако тот не принял эстафету и бросил брелок на стол.

— Вот ключи. Подожди в машине. Я скоро буду.

Девица надула обиженно губы:

— Из-за этой кикиморы мне пришлось отложить окончательную примерку, а ты предлагаешь подождать?

Я с грохотом отъехала на стуле. "Сейчас встану, — мелькнула мысль, — и вылью ей суп на голову".

— Не хочешь в машине, жди у Списуила, — обронил Мелёшин.

Продышавшись, я снова с грохотом придвинулась к столу. Светленькая скривилась.

— Тебя, убогая, манерам не учили? Здесь не сарай.

Я открыла рот, чтобы достойно ответить, но, натолкнувшись на холодный взгляд Мелёшина, промолчала.

— Одно радует, — вздохнула притворно Эльза, поднимаясь из-за стола, — тебе, Мэл, попалась быстрообучаемая особь. Приказали закрыть рот, она и не вякает.

Внезапно девица опустила на краешек стула.

— А я-то думаю, что с ней не так? Глаза б*ядские, мочой набрызгалась и губки навазюкала. Значит, успела урвать женского счастья, да? Кто постельку-то греет? Задохлик белобрысый? Второй день зенки пялит, изошел слюной, — понесло ее как базарную бабу.

У меня потемнело в глазах. Мозг отключился, оставив условные рефлексy, а именно: желание броситься на брюнетку, подравнять ей челку и заткнуть выдранными волосьями незатыкающийся рот. Однако меня придавили к стулу невидимые гири, не позволяя сдвинуться ни на миллиметр.

— Эльза, тебе пора, — напомнил Мелёшин ледяным тоном.

Пелена гнева постепенно растворилась, проясняя зрение, зато началась нервная трясучка. Брюнетка схватила ключи и, вскинув сумочку на плечо, пропела, не обращая внимания на холодность приказа:

— Не задерживайся, милый. Жду.

Она поплыла к выходу из столовой в сопровождении подружки, а Мелёшин, не удосужившись проводить возлюбленную горячим взглядом, сжимал и разжимал кулак, уставившись в одну точку.

— Ну? — В его голосе сквозила еле сдерживаемая ярость.

Что значит "ну"? Это мне нужно вопрошать, гневно и оскорбленно.

— Может, соизволишь снять *grandi graviti*^[13]? — поинтересовалась я нагло. — Выходит, начались тренировочки?

Мёлешин хлопнул ладонью по столу, сбрасывая невидимые кандалы, и по конечностям разлилась непривычная легкость.

— И на том спасибо. — В отместку я тоже закинула ногу на ногу и сложила руки на груди. Наши позы стали зеркальным отражением друг друга, с той лишь разницей, что теперь Мэл постукивал пальцами по столешнице, пробегая хмурым взглядом по мне сверху вниз и обратно.

На безымянном пальце холеной руки красовалось тонкое изящное колечко. Мужчины нечасто украшают руки женственными безделушками, если безделушки не являются подарком человека, занимающего особое место в жизни.

Проследив за направлением взгляда, Мелёшин сжал пальцы в кулак, а потом и вовсе убрал руку со стола.

— Первое. С понедельника сидишь на лекциях впереди, — скомандовал он.

— Куда уж ближе?

— Впереди — значит, передо мной.

— Зачем? — изумилась я.

— Не обсуждается, — отрезал Мелёшин.

Подумаешь, нашелся приказчик. Зато не запретит задрать надменно нос.

— Второе. В столовой садишься рядом. Не хватит места — будешь стоять.

Я аж как огнедышащий дракон задышала, услышав приказание.

— Чтобы прибить за маменькиным сыночком?

— За маменькиным и за папенькиным. И за тем, на кого покажу.

— Ну, давай уже, скажи всем! Зачем ходить вокруг да около? — выплеснула я свой страх, не выдержав. Наверное, громко воскликнула, потому что редкие студенты начали оглядываться.

— Будешь орать, надену *lagus*^[14], - осадил Мелёшин.

Я поперхнулась. Вот оно, упоение властью, что со всей очевидностью горело в его взгляде. То, ради чего Мэл не поленился прийти в столовую, хотя должен был везти свою гюрзу на примерку платья.

Встав, я наклонилась к Мелёшину:

— Хочешь утопить — топи. Знаешь же, что не смогу сопротивляться. Но делай быстро, сил нет смотреть на твою довольную рожу.

— Сядь! — приказал он.

Черта с два!

Тогда Мелешин встал сам. Выше меня почти на голову, — заметила я машинально. Зеленые ободки в глазах обжигали, неестественно фосфоресцируя, а лицо скривила ухмылка.

Я отступила, спасовав, и уперлась в стол.

— Заруби на носу — я не стукач и никогда им не был. Но долг взял и в довесок к нему согласие, сама знаешь, на что.

Ага, одним ударом обе шашки в дамках: и мой должок при нем, и цирковую зверушку заполучил.

— Я не соглашалась! — пискнула над нависшим Мелёшиным.

— Почему промолчала и на колени встала? — усмехнулся он.

Опустив глаза, я закусила губу. И сказать-то нечего.

Зазвонил телефон. Мелёшин сбросил вызов и, как ни в чем не бывало, снова уселся.

— Ешь, — кивнул на поднос. — Обед остывает.

Пусть хоть заледенеет — не собираюсь давиться под инквизиторским взглядом дрессировщика.

Я повертела ложку в руке. Итак, Мэл признал, что не будет распространяться о моей бестолковости. Значит, один камень долой с натруженных плеч.

— Когда я верну долг?

— Узнаешь. Это ты обвалила люстру в холле?

— С чего ты взял? — спросила я быстро. Чересчур быстро.

— Надо же, — усмехнулся Мэл, сцепив пальцы в замок и размяв их с хрустом. — Поразительно.

— Не вижу ничего поразительного. В конце концов, дашь мне поесть или нет? Сам налопался до отвала, ишь лицо лоснится.

Мелёшин поднялся, закинул на плечо сумку.

— Жуй, не торопись. Вдруг подавишься и не уберешь тарелки? Кстати, это твоё, — кивнул на оставленные подносы и утопал.

Я ела ледяной суп и раздумывала над тем, что, пожалуй, стоит заняться сеансами медитации. Если каждый разговор с Мелёшиным и его компанией будет подводить меня к грани нервного срыва, то поседею раньше времени и не доживу до светлого мига, чтобы показать отцу аттестат. По крайней мере, после однозначного ответа Мелёшина, шансы получить корочку резко возросли. А долги — дело временное.

С подпорченным настроением я появилась в библиотеке. Успокаивал один, вернее, два результата: с грехом пополам удалось поговорить с Мелёшиным, и в ходе плодотворной беседы выяснилось, что он не собирался меня закладывать, зато собирался взять сполна в другом месте. И уже начал брать. После *grandi graviti* ступни неприятно покалывало, словно тысячи крохотных иголочек впились в кожу.

А в библиотеке меня ждала еще одна встреча. Петя Рябушкин собственной персоной. Он неуверенно улыбнулся и склонился над книгой. Я же решила, что библиотека — естественное место для знакомства заново. Бросив сумку на стол, уселась рядом с Петей и сказала заговорщическим шепотом:

— Привет!

Парень вздрогнул от неожиданности, покрутил головой по сторонам и тоже заговорщически ответил:

— Привет.

— Я Эва.

Он сдавленно хихикнул.

— Петр. Рябушкин.

Потом, видимо, что-то вспомнил и помрачнел. Снова уткнулся в книгу да еще рукой отгородился. Внезапная холодность покорила меня.

— Петя, что случилось?

Парень помотал головой и углубился в текст, возя носом по строчкам.

— Петр! — толкнула его в бок. — Если ты не забыл, я твоя должница. Говори честно, что происходит. Вранья не потерплю.

Он с неохотой оторвался от книги.

— Почему Стопятнадцатый занимается с тобой?

Понятно. Нужно срочно соврать, но правдиво и коротко. И на будущее сделать пометку: не забыть, кому и в каких дозах вешаю лапшу на уши.

— Он сказал, что некоторые анализы вышли не очень хорошие. Теперь наблюдают динамику, и чтобы не возникло подозрений, Стопятнадцатый придумал выход. Сильно, конечно, получилось. Меня весь факультет ненавидит.

— Бери шире, — посочувствовал Петя. — Тебе перемывает косточки весь институт. Что там с анализами? Ничего страшного?

— А-а, — махнула я рукой, — жить буду. А тебя не пытали о люстре?

— Нет, — ответил Петя разочарованно. — Даже обидно.

Я посочувствовала парню. Все-таки он оказался настоящим героем, к тому же очень скромным. С каждой минутой моя симпатия к нему росла и крепла.

— А как тебя угораздило связаться с Мелёшиным? — поинтересовался Петя.

Я решила, что бессмысленно скрывать, и коротенько описала подоплеку зависимости от Мэла. Парень покачал головой и, как ни странно, высказался солидарно с Аффой:

— Хорошо, что ты не стала с ними бодаться. От Касторского добра не жди. Если Мелёшин начнет обижать, скажи, я поговорю с ним.

— Спасибо, Петя, но не надо. Сама разберусь. Не хочу подставлять, потому что буду переживать, если с тобой что-нибудь случится, — неожиданно слетело с губ.

Петя пораженно уставился на меня, и мы оба смутились. А я, по-моему, покраснела.

В общем, Петр оказался на редкость доверчивым. Он скушал бы любую приемлемую ложь, разве что, кроме совсем уж фантастических версий. Я немножко покорила себя за хладнокровное вранье, но тут же оправдалась тем, что сочиненная небылица пошла нам обоим на благо, ибо развеяла недопонимание.

Мы неплохо провели время, болтая на отвлеченные темы, и я чуть было не пригласила Петю в гости, да застеснялась убогости общежитского жилища.

Бабетта Самуиловна, глядя на наши посмеивающиеся лица, беспрерывно нервничала и

тщетно взывала к порядку, прикладывая указательный палец к губам. Тут я вспомнила об утренней миссии, тем более, два расстегая с изюмом отягощали сумку в ожидании своей участи.

Пора улучшить настроение библиотекарши, сидевшей с разнесчастным видом. Зная, что от её ответа зависело, встану ли сегодня на преступную стезю, я внутренне напряглась, подойдя к столу выдачи книг.

— Вчера я случайно прихватила блокнот, который вы любезно одолжили.

На лице Бабетты Самуиловны отразилось секундное замешательство. Нахмутив лоб, она судорожно вспоминала вчерашний день, а потом всплеснула руками.

— И вы пошли с ним домой? — воскликнула, прижав ладонь ко рту.

Мне не понравилось, что библиотекарша быстро провела параллель между блокнотиком и зубами Монтеморта.

— Оставила в деканате у Стопятнадцатого, — выдала я заранее сочиненную легенду.

— Ох, — осела Бабетта Самуиловна. — Запомнила предупредить, что канцелярия не подлежит выносу.

Бам-м! — зазвонил колокол в голове, заглушая причитания библиотекарши. Принадлежность блокнота к институтской собственности определила мою участь. Сегодня я стану преступницей.

А Бабетта Самуиловна долго кудахтала по поводу несостоявшегося растерзания Монтемортом одной зоркой студентки.

Распроставшись с Петей и с облегченно вздохнувшей библиотекаршей, явно обрадованной моим уходом, я направилась вниз. Одевшись, покружила по пустому холлу и погладила наудачу отшлифованную пятку святого Списуила.

Каждый шаг отдавался в ушах барабанами, сердце громко бухало в груди. Решалась моя судьба. Неподвижная туша Монтеморта возвышалась скалой, скрадываемая тенями.

Шаг. Еще шаг. Я застыла в нерешительности.

— Ча-аво тянешься как сопля? — закричал позади тонкий голосок. От испуга сердце улетело куда-то вниз, значительно ниже уровня пола. Наверное, в институтские подземелья. Вот оно, возмездие! Приличные преступники ходят на дело с тщательно продуманным планом, путями отступления и твердым алиби, не так как я — наобум и на авось. А с авосьями, как известно, мне никогда не везло.

Я развернулась. Передо мной стояла вахтерша со шваброй в одной руке и ведром в другой.

— И чаво шляются и шляются? — забурчала недовольно. — Силов нету за вами подтирать. Иди отседова.

И начала подталкивать меня шваброй к выходу и к Монтеморту.

— Я это... Что-то забыла... — пролепетала, пытаюсь обогнуть рачительную чистюлю. Коленки противно задрожали. Точно говорят, перед смертью не надышишься.

— Забыла она! Раньше надо было думать о забудьках, — напирала вахтерша. — В понедельник придешь и возьмешь. Никуда не денется твое добро.

При слове "добро" я вздрогнула. Знала бы она, что перед ней отпетая уголовница, ни за что не выпустила бы из цепкой хватки. Но вахтерша не знала и поэтому подталкивала к двери.

Принесла же нелегкая бабку! То днем с огнем не сыскать, а то выскакивает из ниоткуда

как чертик из табакерки.

Шаг за шагом, шаг за шагом... Всё ближе и ближе, пока негнущиеся ноги не достигли точки невозвращения — Монтеморта разящего. Внезапно темная скала громко всхрапнула, всколыхнулась и... снова замерла.

А меня, с шальными глазами и ватными ногами, вытолкали за дверь, с громким бабахом захлопнувшуюся за спиной.

Это могла быть 15.1 глава

Субботним вечером, я, наконец, дошла шторочку и протерла изнутри стекло, правда, оно не стало чище. Открывать окно побоялась, вдруг выпадет? Уж больно шаткая рама.

Совсем потемну мы с Аффой сходили к комендантше, приготовившись длительно и кровопролитно воевать. По дороге соседка рассказала, что владычица общежития занимает три комнаты и отдельный пищеблок с санузлом, и администрация института одобрила захват казенной территории, видимо, посчитав, что нельзя упускать ценную работницу.

Однако противное настроение комендантши не оправдалось. Она всучила молоток и насыпала в ладошку горсть гвоздей:

— Бери, звезда моя, лишь бы на пользу. Молоток верни, не забудь. — И вытолкала нас взащей.

Думаю, причиной спешки и доброты стал таинственный гость, чье пальто висело в комендантской прихожей.

— Ну и ну! — удивилась Аффа. — Не ожидала, что победим с сухим счетом.

— Бескровно, — хихикнула я.

Однако прибить гвозди для вешалок не получилось. Побеленная стена измазывала всё, что к ней прислонялось и обтиралось. Обратив внимание на топот и беготню по коридору, выглянул заспанный Капа-Сима, оказавшийся впоследствии Симой.

— Чего носитесь как слоны? — любопытствовал, почесывая бока.

— Не твое дело, верзила, — оттолкнула его Аффа, проскальзывая из моей комнаты в пищеблок.

Но Сима не поддался на провокацию. Его настроение оказалось неожиданно добродушным. Звучно зевнув, он навалился на косяк, засунув руки в карманы штанов.

— Ну, что, круто заниматься со Стопятнадцатым? — спросил у меня.

И этот туда же.

— Еще как! Исключительно напротив друг друга, глаза в глаза.

— Ох, ёлки зеленые! — Симу передернуло. — Не завидую. За что отдуваешься?

— Случайно высказалась о нем не очень любезно, и он показательно проучил.

— Эх ты, растяпа! Надо сперва по сторонам посмотреть. Слышал, тебя Мелёшин опекает.

— Не то слово. Дышу по его указке, хожу по струночке, ем с ложки, — посетовала я.

— Со всеми бывает, — заметил философски парень.

Вообще, Сима показался более рассудительным и серьезным, чем его брат. Капа — шепутной и необязательный. Однако Сима поведал, что бедовый братишка — член институтской сборной по футболу и в настоящий момент на тренировке готовится к первенству. Никогда бы не подумала, что сосед-разгильдяй имеет какие-то цели в жизни.

А какие цели у меня? — спросило самосознание. Ведь ничего не умею: ни петь, ни плясать, ни ровный стежок проложить. И шторка получилась косенькая и кривенькая.

Я погрустила, но недолго. Не всем суждено блистать, а то глаза ослепнут. Нужно же кому-то быть серыми крысками, чтобы таланты выделялись ярче в массе посредственностей.

Узнав причину переживаний, связанных с пачкающей стеной, Сима предложил:

— У нас в коридоре ремонт тянется второй год. Тётка-вехотка (так он звал комендантшу) не заметит, если мы отольем немного краски. Завтра нарисую тебе

невероятнейшую картину. За день она подсохнет, а ты прогуляешься. И вечером забудешь свои гвоздики.

На том и порешали. Но тут в наше деловое соглашение влезла Аффа и тоном строгой училки заметила, что процесс создания шедеврального полотнища нужно проконтролировать, иначе вечером я свою комнату не узнаю. Сима сперва оскорбился, но потом согласился с надзором.

— Будете сдерживать мой творческий порыв, — заявил, встав в позу цезаря.

— Ты хоть умеешь рисовать? — засомневалась Аффа. — Может, позвать кого-нибудь из внутренников? У них много художников.

Петю! — во мне всё подпрыгнуло.

— Обижает, соседка, — осклабился Сима. — Это будет шедевр сюрреализма.

— Что-то подсказывает, это будет шедевр "убиться-об-стену".

Лично меня не волновал сюжет будущей картины, будь то треугольники с кругами или лес с речкой. Краска-то голубая. Кстати, к ней нашлись две полусохшие кисточки в коридорном углу. Зато Аффе до всего нашлось дело. Она уперлась, заявив, что комната одинокой девушки должна дышать романтикой.

— Будет тебе романтика, — расплылся в злобещей улыбке Сима. — И вообще, чего прилипла? Я же не твою комнату собираюсь облагораживать.

— Это меня и пугает. Эва — девушка наивная и простая, и не подозревает о твоих каверзах.

— Нет никакого подвоха, — заверил парень. — Не сомневайся, я чист и прозрачен как вода. Завтра сядешь за моей спиной и дыши в затылок, контролируй на здоровье. Но гарантирую, зря потеряешь время.

Перед сном мы с Аффой напились чаю с расстегаями. Соседка строила различные версии пакостей, которые замыслил Сима.

— Ему нельзя доверять, — объяснила с набитым ртом свое беспокойство. — Я третий год соседствую с этими хитрюгами и знаю их как саму себя.

— А кто жил в швабровке до меня?

— Твоя комнатка доставила нам немало хлопот. Тётка-вехотка сдавала её всем подряд, в основном, пришлым со стороны. Буйных и скандальных быстренько выживала, потому что опасалась жалоб. Последний жилец прожил тихо-мирно около двух месяцев и недавно съехал.

Зря говорят, что на полный желудок не спится. Отлично спится, сладко и спокойно. И угрызения совести по поводу утащенных расстегаяев не мучают.

С утра началась кипучая деятельность. Самого главного художника пришлось расталкивать, продолжительно и громко стуча в дверь.

Убедившись, что вставший есть Сима, а не вреднючий Капа, соседка дождалась, когда тот соблаговолит протереть глаза и позавтракать, после чего намертво укрепила в моей комнате. Я застелила редкую мебель и угол газетами, собранными на первом этаже и на лестнице. Для Симы соорудила приличную малярную шапку.

— Ого! — сказал парень. — А где халат для живописца?

Пришлось временно экспроприировать из коридора еще и полиэтилен. Я клятвенно пообещала себе, что позже верну на место, и для острастки пригрозила своей совестью. Прорезав в полотнище дырки под голову и руки, облачила Симу.

Взяв карандаш, парень начал наносить контуры будущего рисунка. Аффа стояла за спиной парня, вперив руки в боки. Изображение, конечно, оказалось примитивным, но, на удивление, Сима попал в нужную струю, и с уст девушки не слетело ни слова. Художник местного пошиба рисовал гигантские сердца, пронзенные жирными оперенными стрелами. Раненые сердца кровоточили крупными каплями. Что ни говори, а идея парня попала на благодатную почву. Аффа тяжело вздохнула, своим молчанием соглашаясь с будущим высокохудожественным полотнищем.

А потом с какого-то научного семинара приехала соседка Аффы, и началась суматоха. Девушка убежала, позабыв о добровольно возложенной на себя роли надсмотрщика. Следом и я решила знакомиться со второй соседкой.

Её звали Лизбэт, а в бытности Лизой. Я бы охарактеризовала её как леди Идеальность и Аккуратность. И еще леди Строгость. Копна идеальных русых кудряшек до середины плеч — локон к локону, идеальные аккуратные бровки, аккуратно очерченные губы. Кукольная безупречность. Одежда Лизбэт тоже заявляла об идеальности. Белоснежная блузка с отложным воротником и серый в полоску костюм — юбка и пиджак — сидели отлично на миниатюрной фигурке.

На фоне приехавшей соседки Аффа терялась, несмотря на высокий рост. Немногословная и серьезная Лизбэт старалась соответствовать имиджу деловой дамы, знающей, чего хочет от жизни. Но мне импонировала простота и легкая грубоватость Аффы, нежели отчужденная нейтральность идеальной леди.

Выяснилось, что Лизбэт учится на моем факультете и оканчивает выпускной четвертый курс. Снисходительно поздоровавшись, она больше не обращала на меня внимание. Похоже, Аффа успела рассказать ей основные вехи нашего знакомства и моих мытарств.

Пока кипятился чайник, Аффа поведала шепотом, что Лизбэт — гордость курса и, пожалуй, всего факультета. Она круглая отличница. Но, оказывается, идеальной леди не чуждо ничто человеческое. Сердце Лизбэт давно отдано научному руководителю, под началом которого группа студентов ездила в другой город. Но мне показалось, что сердечная привязанность круглой отличницы носила расчетливый и трезвый характер, о чем я не замедлила сообщить.

— Не суди по внешнему виду! — возразила с жаром Аффа. — Ее руководитель...он такой! — Она мечтательно закрыла глаза. — Я бы обязательно влюбилась, если бы не страдала по своему черноглазому. — Батюшки, там же Сима! Один!

Сима был уже не один, а с Капой. А на стене в углу красовалось чудовищное голубое дерево, раскинувшее в обе стороны кривые страшные ветви. Такие деревья обычно стучатся жуткими ветренными ночами в окна домов, пугая мечущимися по стенам тенями.

Аффа схватилась за сердце.

— Кошмар! Немедленно перемазывайте, как задумывалось раньше!

— Да ладно тебе, Афка, — ответил добродушно Сима, стягивая импровизированный халат в потеках голубой краски. — Посмотри, как раскидисто. На таких ветвях так и тянет повеситься.

Капа съехал по косяку и, закрыв рот рукой, сдавленно ухахатывался.

— Я сейчас кисточку тебе в рот засуну! — закричала Аффа, наступая на парня. — Врун несчастный! Где плачущие сердца?

— Аф, не переживай. Мне очень даже нравится, — попыталась я успокоить разбушевавшуюся девушку.

— Сейчас нравится, а ночью проснешься и описаешься, — сделала она большие глаза.

— А зачем мне ночью просыпаться?

— Ну, вдруг приснится плохой сон, или захочешь в туалет?

— Тогда и ходить не надо. Сразу сделает пи-пи в кроватку, — влез Капа, и братья загоготали.

— Сейчас я покажу, как делают пи-пи без пи-пи!

Аффа скрутила газету в рулончик и набросилась на Капу, колотя по спине и бокам. Тот, уворачиваясь от ударов, выбежал из комнатушки, а девушка погналась следом.

— Честно, тебе понравилось? — спросил Сима, сворачивая полиэтилен.

— Понравилось. Своеобразно.

— Ну и ладно. Краска не очень вонючая, но до вечера неплохо бы ей подсохнуть. Так что иди, гуляй и не переживай.

— Я и не переживаю. Спасибо тебе, Сима. И Капе спасибо, хоть он оболтус. Ты, наверное, первым родился.

— Ошибаешься. Я младше, — ухмыльнулся парень. — Ну, бывай.

Аффа осталась с соседкой в надежде вызнать, случилось ли в поездке что-либо интересное, связанное с объектом воздыхания. А я отправилась гулять.

На улице потеплело, дул слабый ветерок. На бледно-сером небе акварельными мазками расплывались редкие голубые пятна. Базовый курс прогнозистики не пропал даром. Я сразу определила, что к вечеру погода переменится, и пойдет снег.

Ноги сами собой привели меня в район, где жили не видящие. Называть их слепыми не поворачивался язык. Я гуляла по заснеженным улочкам и разглядывала витрины магазинчиков. Сонная тишина и неспешное течение времени действовали умиротворяюще. Навстречу попадались единичные прохожие, а за время прогулки мимо проехали всего три машины.

Я забрела в небольшой парк на окраине. Утоптаные дорожки, пара заснеженных лавочек, глубокие сугробы... Ни мамочек с колясками, ни детей на горке.

Озябнув, зашла в книжную лавку и купила лист ватмана, клей с двумя тюбиками краски. Продавец узнал меня, и мы пообщались на окологнижные темы. Отогревшись и распрощавшись с ним, я побрела дальше по улице, запоздало сообразив, что удалилась вглубь района. Случайный прохожий пояснил, как добраться до ближайшего кафе.

На улице быстро темнело, ветерок усилился, подтягивая циклон. "Встреча" — сообщила вывеска искомого заведения, заключенная в рамку из мигающих лампочек. Звякнул колокольчик, я и оказалась внутри небольшого уютного помещения. В углу за столиком сидели двое: мужчина и женщина.

Несмотря на простоту убранства, стены зала плотно увешивали поделки: композиции из сухих цветов, тканевые аппликации, вышитые нитками картины. Глаза разбегались от обилия рукотворных чудес.

Немолодой мужчина в форменном фартуке принес пирожное и чашку кофе, обошедшиеся в один висор, и я не пожалела, что сделала заказ. Пирожное оказалось свежим и воздушным, кофе — ароматным. Сидя у окна и смотря на небо, разродившееся редким мелким снегом, я прихлебывала из чашки и смотрела, как легкий сквознячок колышет паутину между рамами. На меня снизошло ощущение тепла и уюта. Где-то Петя Рябушкин устанавливал новый мировой рекорд по гиревому спорту. Где-то Капа забивал свой главный

гол. Где-то Аффа, вздыхая, мечтала о встрече с черноглазым горнистом. Где-то Стопятнадцатый сочинял очередной белый стих к очередной Эф. Где-то на спортивной площадке танцевали пары, сидело строгое жюри, и рукоплескали восторженные болельщики. А здесь, на краю земли, в одиночестве сидела я, мечтая... О чем?

Внезапно звякнул колокольчик, и с порывом ветра в кафе ворвался молодой человек. Оглянулся на мужчину за стойкой, но тот отрицательно покачал головой и отвернулся. Парень лихорадочно оглядывался по сторонам. Мужчина и женщина сделали вид, что увлечены важной беседой.

Я заметила, что хозяин спешно стянул кольцо с пальца, а женщина судорожно снимала сережки. Ее спутник встревоженно поглядывал на дверь, нервничая. Парень в отчаянии метнулся к двери, затем обратно и вдруг увидел меня.

— Девушка, разрешите познакомиться.

От неожиданности я потеряла дар речи, а молодой человек мгновенно снял куртку, шапку и уселся рядом, приобняв меня.

— Прелестная девушка не должна скучать в...

Неожиданно дверь кафе распахнулась, и в помещение вошли двое мужчин, похожих друг на друга: в одинаковых полушубках и шапках.

Парень вздрогнул и, уткнувшись носом в мою щеку, прошептал:

— Помоги... — В его голосе смешались страх, обреченность и, вместе с тем, отчаянная решимость.

Гости вели себя по-хозяйски: неторопливо прохаживались по залу и заглядывали во все закоулки, предъявив удостоверения хозяину. Тот кивнул и опустил взгляд к стойке.

Один из вошедших направился к мужчине и женщине. Парень стиснул меня в объятиях, напрягшись как струна. Ясно, что парочка странных посетителей кого-то или что-то искала. И тут до меня дошло, кого! В голове помутилось от страха, потому что я испугалась не парня, вцепившегося с мрачной решительностью. Я испугалась бесцветных типов в полушубках и исходящей от них ауры подавляющей властности. Её почувствовали даже слепые. То есть мы все.

— Закажи что-нибудь, — выдавила я непослушными губами.

Парень вздрогнул и щелкнул пальцами, подзывая хозяина. Конечно же, он привлек внимание второго типа, что остался у выхода и поглядывал на улицу через застекленную дверь. Мужчина направился к нам, и каждый шаг отдавался похоронным набатом в голове. Что меня толкнуло, не знаю, но, обняв парня, я поцеловала его и промурлыкала:

— Милый, я ужасно соскучилась, — и снова поцеловала в щеку возле уха.

Я очень старалась, и голос совсем не дрожал. Парень сглотнул.

— Знаю, сладкая, — ответил громко и поцеловал в ответ. Что-что, а целовался он умело.

— Добрый вечер, молодые люди, — поздоровался мужчина и отвернул воротник полушубка, показав значок, блеснувший желтым. Цифра "1".

Так и есть. Первый отдел — соглядатаи и дознаватели. Дальше нам падать некуда.

Мои пальцы машинально перебирали русые прядки. Оказывается, у парня длинные волосы, а я не заметила.

— Добрый вечер, — изобразила удивление навязчивым вмешательством.

— На вас обнаружены дефенсоры. Согласно шестнадцатой статье кодекса о преступлениях круг лиц, допущенных к пользованию защитными устройствами, ограничен.

Попрошу предъявить опознавательные документы, — сообщил мужчина.

Быстро же он определил! Про первый отдел, контролировавший вис-преступления, ходили нелепые и страшные слухи. Все знали, что с его работниками лучше не связываться. Слава богу, мне не довелось сталкиваться с этими ребятами. До сегодняшнего вечера, будь он неладен. И зачем меня сюда занесло? — подумалось с тоской.

Парень приклеился как сиамский близнец и потупился, поглаживая мой бок. Такими темпами он во мне дыру протрет.

— Мы студенты. — Я назвала институт. — А документов при нас нет.

— Ношение дефенсоров законно?

Я сглотнула. Нервно, начала возить пальцем по столу.

— Несомненно, — кивнула и раздраженно добавила: — Институт с висорическим уклоном.

— Кто может удостоверить ваши личности?

— Генрих Генрихович Стопятнадцатый, декан факультета нематериальной висорики. Еще проректор. Да кто угодно.

— Ваши фамилии?

— Папена и... — я запнулась, но лишь на долю секунды, — Мелёшин.

Мужчина отошел и, приложившись к телефонной трубке, принялся негромко разговаривать, не спуская с нас глаз.

Мамочки! Ну, почему из всех возможных фамилий всплыла именно эта? Вдруг нас потащат на опознание? Или позвонят родственникам настоящего Мелёшина? А он сейчас болеет до хрипоты на своих танцульках.

— Прости, — услышала покаянный шепот парня.

Да уж. Теперь я не просто соучастница. Я преступница. Хотя преступницей стала еще вчера, прокравшись с расстегаями мимо охранника. Безднаказанность — это плохо. Безднаказанность толкает на новые преступления. А сегодняшнее ЧП — не простая шалость. Господи, если узнает отец, он меня на полоски порежет! Я облилась холодным потом.

— Молодой человек, как зовут вашу подругу? — спросил мужчина, оторвавшись от трубки.

И правда, как меня зовут? Как меня зовут?!

— Эва, конечно же, — ответил вызывающе парень. — По-вашему, чтобы спать с девушкой, необязательно знать ее имя?

У меня пропал дар речи, пара за соседним столиком возмущенно заохала, а мужчина понимающе ухмыльнулся.

Все-таки не зря я выводила пальцем три буквы на лакированной столешнице.

Это могла быть 15.2 глава

Неожиданно у типа, что допрашивал пару за дальним столиком, заиграл телефон. Выслушав звонившего, мужчина сделал знак напарнику:

— Подозреваемые замечены в трех кварталах к югу отсюда и пытаются уйти подземкой. На лице "нашего" дознавателя промелькнуло разочарование.

— Ваши личности подтверждены, прошу прощения за беспокойство, — сообщил нам. — На будущее имейте при себе удостоверяющие документы.

Меня охватило странное оцепенение, усталость накатывала волнами. Я глядела на происходящее, словно через мутное стекло — это сказывалось перенапряжением.

Типы из первого отдела подняли воротники и, попросившись с хозяином молчаливыми кивками, вышли в начавшуюся метель.

Я не заметила, как парень выпустил меня из объятий. Мы сидели рядом, плечом к плечу, и молчали. От пережитого страха дрожали руки, и чашка с остывшим кофе мелко зазвякала о блюде.

Мужчина и женщина, одевшись, спешно покинули кафе. Хозяин приглушил яркий свет над стойкой и ушел, наверное, в подсобку или на кухню. За окном разбушевалась непогода. Ветер швырял в окно горсти снега, мокрыми комками налипавшего на стекло. Я поежилась.

— Где живешь? — спросил парень.

— В институтском общежитии.

— Пойдем, провожу, — предложил он.

— Хорошо, — согласилась я вяло.

Мы оделись, и теперь я более-менее разглядела парня. Он оказался широк в плечах и выше меня на голову. Волосы доставали ему до плеч, а ямочка на подбородке смотрелась легкомысленно.

Движения выполнялись на автопилоте: нахлобучилась шапка, натянулись куртка и капюшон, шея обмоталась шарфом, наделись перчатки. Мой спутник прихватил рулон с ватманом.

Прощально звякнул колокольчик, и мы вышли в буран. Правда, ветер дул в спину, что облегчало дорогу. Парень вел меня за руку. Не знаю, то ли ветер поутих, то ли мы пошли узкими переулками, но наступило затишье, и снег повалил сплошной стеной.

— Ненавижу, — сказал проводник и остановился. — Всех вас, проклятых висоратов, ненавижу.

Я вырвала руку.

— Если ненавидишь, зачем прилепился? Даже не сказал спасибо.

— Ну, да, — согласился парень с издевкой. — Как у вас делается? "Я перед тобой в неоплатном долгу, возьми его и владей", — начал паясничать. — В рабство возьмешь? На колени поставишь? Как собаку на цепь посадишь, да?

— Дурак, — сказала я и побрела по заснеженной дорожке. Он догнал.

— Спасибо. Если бы не ты, меня бы загребли.

— Пожалуйста.

— Тёма.

— То есть?

— Тимофей. Но лучше Тёма.

— Очень приятно. Эва.

— Знаю, — хмыкнул он. — Ты молодец, вовремя сообразила.

— Ты тоже молодец, сподобился прочесть, пока я мозоль не натерла.

— Значит, тебе не нужен мой долг? — поинтересовался парень с сарказмом. — Или я недостойн раздавать долги висоратам?

— Отстань от меня и иди своей дорогой. Спасибо сказал, и на том спасибо, — ускорила я шаг.

— Без меня заблудишься, — заявил Тёма, следуя позади. — Ты далеко от своего института.

Некоторое время мы шли молча.

— Никогда бы не подумал, что попрошу о помощи у висоратки, — затянул старую песню парень, — и что она согласится бескорыстно помочь.

Я остановилась, и от неожиданности он натолкнулся на меня.

— Мне наплевать, кто ты и кто я. Если, не дай бог, когда-нибудь окажусь в такой же заднице, надеюсь, ты не пройдешь мимо.

— Просто... — Тёма развел руками, — не ожидал, что поможешь. Приготовился к тому, что сдашь меня им.

— Ну, да, стоило сдать приставучую пиявку, — пробурчала и возобновила движение.

— Не туда, — парень потянул в другую сторону, и мы повернули за угол дома.

Какая романтическая погода, и как надо вымотаться, чтобы не замечать снега, повалившего красивыми хлопьями.

— Удивляюсь, что сподобило меня помочь? — продолжала я ворчать. — Почему тебя искали?

— На мне дефенсор, — пояснил Тёма.

Понятно. Ношение дефенсора для невисоратов приравнивалось к тяжкому преступлению. Дефенсором или защитником могло быть что угодно, например, кольцо, кулон, сережки, брошка или браслет как у меня. Дефенсоры создавались как упрощенный аналог щита неприкосновенности, чтобы фонить, искажая вис-волны, и защищать мозг от воздействия извне — гипноза, телепатии, ясновидения. Раньше дефенсоры называли casso или шлемами, но со временем это название забылось. Несмотря на официальный запрет, невидящие тоже использовали дефенсоры, которые изготавливались в подпольных условиях и продавались на контрабандном рынке.

— Предположим, верю на слово, — поджала я губы. — На рецидивиста не тянешь. А какой у тебя дефенсор?

Тёма рассмеялся и щелкнул меня по носу.

— Секрет для маленьких девочек. Двигай ногами, а то до утра не доползем.

Снова взяв за руку, он повел за собой. Мы шли молча. Снег, попадая в конусы света от уличных фонарей, закручивался спиралями и таинственно блестел. Тишина звенела, убаюкивая, поэтому, выйдя на дорогу, проходящую мимо института, я оглохла. Машины проносились в обоих направлениях, обдавая лицо порывами ветра и снежными завихрениями.

— Сумасшедший дом, — раскритиковала я дорогу с грязным черным снегом по обочинам и проезжавшие мимо автомобили. Мы перебежали на противоположную сторону.

— Как пойдем? Как приличные люди или полезем через забор? — осведомился Тёма.

— В углу есть дырка в заборе, — ответила я ворчливо. В отличие от повеселевшего

парня, после перенесенного потрясения на меня накатило озабоченное настроение. Из чувства противоречия хотелось песочить и ругать всё и вся.

— Знаю.

— Откуда?

— Чему удивляешься? — пожал Тёма плечами. — Это мой район, я здесь все дыры знаю: кто их заколачивает и кто выбивает. Ну, как двинем?

— Давай по-приличному.

Мы пошли вдоль решетчатой ограды и вдоль дороги. Вскоре я пожалела, что не согласилась на дыру. По крайней мере, прогулялась бы по парку, не нервируя ухо бесконечными вжиками.

— По-моему, в вашем районе гораздо тише и чище, — брюзжала я.

— У нас и машин-то почти нет, — объяснил парень. — Они не каждому по карману.

Мы приблизились к институтским воротам. Нескончаемое вжиканье угнетало, будто ездили напрямик по мозгам. В общем, истеричное состояние наступало медленно, но верно.

Даже в воскресный вечер, когда институт закрыт на миллион замков, и то умудрились припарковаться у ворот, — подумала я злобно, разглядывая одинокую черную машину под фонарем. Навоняют выхлопухами, а потом эффектно сваливают, гады обеспеченные. Словом, гнев на безликих хозяев безликих автомобилей рос в геометрической прогрессии.

Неожиданно я разглядела через лобовое стекло машины, как в салоне опустился и поднялся красный огонек, а затем исчез. Такие огоньки бывают, когда кто-то выкуривает одну сигарету за другой, проводя в ожидании несколько часов. Или когда кто-то периодически зажигает лазерный фонарик, чтобы посмотреть на стрелки часов.

— Т-ты видел? — спросила я с запинкой.

— Видел, — ответил коротко Тёма.

— Это за нами?

— Не знаю, — процедил парень. — Вряд ли. У них другие машины, больше и выше. И проще.

И точно, стоявший в одиночестве автомобиль, напоминал птицу, сложившую крылья, или хищника, прижавшегося к земле перед прыжком.

— Может, сообщили по рации, и нас уже ждут?

— Я невелика сошка, чтобы на меня все силы положить. Кроме того, нам поверили в кафе.

— Поверили, но решили проверить?

Неожиданно Тёма притянул меня за талию и развернул к себе.

— Теперь мы в одной упряжке. Подыграй.

И мы поцеловались. Я думала, парень отстранится, однако он не отпускал и со знанием дела ласкал мои губы.

Целовался Тёма знатно. Прошла, наверное, целая вечность, прежде чем он оторвался от меня. В другой обстановке я бы упала в обморок от непередаваемых ощущений. Сейчас же меня знобило, а зубы стучали от страха. Вдруг те, что в машине, не поверят в искренность наших чувств?

— Держись, — встряхнул легонько Тёма, и мы прошли в обнимку рядом с автомобилем. Свернули в калитку и направились по аллее с ангелами, ощущая спинами, что за нами наблюдают.

— Следят, собаки, — пробормотал парень. — Чуешь?

Я кивнула, с трудом перебирая ногами. Намоталось немало километров, и вдобавок нервные потрясения сокрушали, одно за другим.

Наконец, мы завернули за угол, и черная машина скрылась из виду. Однако Тёма не выпустил меня из объятий. Продолжая обниматься, мы дошли до дверей общежития. Под железным козырьком горела тусклая лампочка без плафона. Снег помельчал и поредел.

— Здорово целуешься, — сказала я.

— Ты тоже, — улыбнулся Тёма и отдал ватман. — Спасибо, ты хорошо держалась

— Как вернешься обратно? Они там ждут, дежурят. Может, зайдешь? — я неуверенно кивнула на дверь.

— Нет-нет, — он замотал головой да еще руками отпихнулся. — По собственной воле — ни за что. За меня не волнуйся, выберусь.

— Ну, бывай?

— Удачи, — протянул Тёма руку. — Может, еще встретимся.

— Согласна, но при других обстоятельствах, — ляпнула я и ступевалась. Вдруг парень решит, что напрашиваюсь?

Неожиданно он схватил протянутую ладонь и поцеловал. Невинный жест показался настолько интимным и гораздо больше сокровенным, чем все поцелуи, вместе взятые, что я страшно смутилась и неловко выдернула руку.

Тёма улыбнулся и растворился в темноте.

Устало откинувшись на кровати, я разглядывала пятно в углу — голубое страшнучее дерево. Запах краски практически выветрился.

Промокшая куртка сушилась на столе. Силы на то, чтобы подняться и сделать ежевечерние дела, не говоря уже о том, чтобы что-то забивать, скончались бесповоротно.

В дверь постучали. Я едва дотащилась, чтобы открыть. Жизнерадостная Аффа ворвалась в швабровку.

— Ну, как, хорошо прогулялась? Вижу, что досыта. Ишь, ноги не волочишь. Куда-нибудь ездила?

Я помотала головой. Язык одеревенел в тепле и отказывался ворочаться.

— Слушай! Тут такое было! — воскликнула Аффа.

Не хочу слушать. Лень.

— Ты ушла, а через два часа позвонил Мелёшин. Представляешь, Ме-лё-шин!

Я насторожилась:

— Зачем?

— Вот и я подумала, зачем? Самое интересное, откуда он узнал номер моего телефона, и что мы с тобой соседки?

Я непонимающе уставилась на девушку.

— Так вот, звонит твой Мелёшин...

— Он не мой.

— Неважно, — отмахнулась Аффа. — В общем, звонит и спрашивает, нельзя ли позвать тебя к телефону, потому что, судя по всему, своего у тебя нет. Так?

— Так, — выдавила я, не в силах отойти от изумления. Странно. Какие-то Мелёшины названивают, нервируют приличных девушек, вместо того, чтобы рисовать транспаранты для своих танцорш.

— А я ему и говорю: "Так, мол, и так, нет её, ушла гулять и не скоро вернется". Он

больше ничего не сказал и отключился. Вот хам, правда? А зачем звонил, не знаешь?

— Ты у меня спрашиваешь? — потеряла я лоб. Может, ему доложили о подлоге в кафе? Может, за мной уже выехали дознаватели? А что, самое время для паники.

— Погоди-ка! Когда он звонил?

— Примерно в полтретьего.

Днем Мелёшин не мог узнать о моем преступлении. Вот дает! И нигде от него не скроешься, даже в собственной комнате.

— Не знаю, что и сказать, — развела я руками.

— Да ладно. Это еще что! — доложила Аффа с сияющими глазами. — Он еще около пяти позвонил, когда начало смеркаться, и снова спросил, пришла ты с прогулки или нет. Представляешь?

Я не представляла.

— До сих пор не могу прийти в себя! — щебетала соседка. — А ты, смотрю, хорошо погуляла. Замерзла?

— В кафе отогрелась.

— Здорово. Гвозди колотить будешь?

— Неа, лень.

Аффа ушла, и не успела я задуматься над истинной причиной звонков Мелёшина, как она прибежала обратно, строя жуткие рожицы.

— Это он! — показала девушка одними губами.

— Кто он? — спросила я с недовольством, вытянув гудящие ноги на кровати.

— Мелёшин, — пояснила беззвучно Аффа и сунула телефон. — Бери же!

— Алё, — сказала я дрогнувшим голосом.

Трубка молчала. На секунду мне показалось, что Мелёшин отключился, и хотела с облегчением вздохнуть, как вдруг она ожила.

— У тебя, что, своего телефона нет? — осведомился грубо Мелёшин. Я бы сказала, рывкнул.

Было странно слушать искаженный динамиком голос.

— Уснула, что ли? — повторил Мэл.

— Нет еще.

Раздался глухой звук, словно упало что-то тяжелое.

— Я спрашиваю, ты без телефона ходишь?

— Да, — посмотрела я косо на Аффу. Та сидела с умильным лицом, пожирая меня глазами. Чему умиляться-то?

— Вчера забыл кое о чем, поэтому и звоню, — сказал глухо Мелёшин. — Теперь каждый вечер будешь отчитываться о том, что делала днем. Ясно?

Отняв от уха телефон, я посмотрела на аппарат, будто Мелёшин самолично сидел внутри, хотя он находился, черт знает, где. Каков наглец! Отчеты ему подавай! Удаленность от дрессировщика придала мне смелости.

— Письменно или устно? — поинтересовалась с ехидством. Подколку не поняли.

— Как скажу. Можешь начинать прямо сейчас, — приказал Мелёшин. — Внимательно слушаю.

А я проглотила язык. Что рассказать? Что прикрыла его фамилией другого человека, виновного с точки зрения закона и невиновного с точки зрения совести? Может, Мэл этого и добивается? Может, наш разговор прослушивают?

В общем, накручивала одну напасть хуже другой, забыв, что Мелёшин ждет. В трубке кашлянули.

— Так ведь день еще не кончился, — ляпнула я. Аффа хихикнула и прикрыла ладонью рот.

— Не страшно, — ответил Мэл подозрительно спокойно. — Я жду, и мое терпение на исходе.

— Ну... ходила гулять...

— Дальше.

— Нагулялась и пришла в общагу.

— Дальше.

— Прилегла на кровать.

На том конце воцарилась тишина.

— Дальше, — повелел Мелёшин.

— Куда уж дальше? — взорвалась я. — Лежу, пятки задрала, чтобы ножки отдохнули.

Он помолчал.

— Все?

Морозь, морозь меня, не жалко.

— А что еще? Зубы почищу, уши-ноги помою и бухнусь спать. Утомил ты меня, Мелёшин. Хотела чаю попить, да, думаю, в рот не полезет.

Показалось, будто на другом конце коротко хмыкнули.

— Предупреждаю, Папена. Если врешь, тебе не поздоровится.

Я сглотнула, наверное, громко, и Мелёшин услышал, потому что снова хмыкнул.

— Итак. Не хочешь ничего добавить? — продолжал леденить меня голосом.

Я раздумывала, что ответить.

— Нет.

— И как, хорошо погулялось? — полюбопытствовал Мэл.

Он знает о случившемся в кафе! Что же делать, что говорить? Отпираться или признать вину?

— Не хуже, чем тебе со своей танцоршей, — выпалила я и закусил палец. Язык мой — враг мой.

В трубке повисло молчание.

— Ладно. За вранье получишь, — предупредил Мелёшин и отключился. Я отдала телефон Аффе.

— Ну, как? — поинтересовалась она восторженно.

— Как-как? Фигово, — встала я с кровати и поковыляла в душ.

Лежа в постели и любуясь на корявые ветви настенного дерева, я раздумывала о событиях сегодняшнего вечера.

Во-первых, наконец-то нашелся положительный момент в настойчивости, с которой отец таскал меня по висорическим институтам. Конечно, он преследовал иные цели, нежели заботу об убогой, обделенной способностями дочери, но несомненно одно — я законно носила браслет на плече, не беспокоясь за сохранность своих тайн.

Во-вторых, теперь я на крючке у первого отдела. Во всяком случае, некоторое время за мной будут наблюдать и присматривать. В интернате об этом рассказывали ребята, знавшие больше меня и нюхнувшие реальной жизни. Так что нужно соблюдать осторожность и не

лезть на рожон.

В-третьих, оказывается, я не знаю имени Мелёшина. Спроси тот мужик в тулупе, как зовут парня, сидевшего рядом со мной в кафе, нас бы тут же спалили.

И, в-четвертых, я поняла, что становлюсь матерой уголовницей.

Это могла быть 16.1 глава

Утром, ознаменовавшим начало недели, Аффа умудрилась проснуться раньше меня, и теперь подпрыгивала от нетерпения, поторапливая. Ради любви пойдешь на любые жертвы, — позавидовала я, и, собравшись, мы потопали в институт, стараясь попасть в след по редким ямкам, оставленным кем-то до нас. Для пущей уверенности я подсвечивала фонариком. Снега за ночь выпало видимо-невидимо, и непонятно, шли мы по дорожке или мимо нее.

Увы, горнисты перестали питаться. Желтокостюмные красавчики в столовой не засветились, зато в центре зала, полыхая шевелюрой, Алесс насыщал растущий организм калориями. Соседка надулась.

— Наверное, ты перепутала какого-нибудь студента с горнистом.

И как я ни разубеждала девушку, та расстроилась и ушла, не став завтракать. А как она хотела? Своего принца на блюдечке с голубой каемочкой? Нет, любовь — штука трудная. Может быть, придется полгода бегать каждое утро в столовую, а то и дольше. Вдруг вообще оказалось чудом, что я встретила в столовой златокудрого горниста?

Зато мой волчий аппетит не сумели перебить чужие сердечные страдания, и я наелась от пуза, вдобавок прихватив три коржика. Унесу в общагу, и никакие свирепо храпящие псы не остановят меня.

Первой в расписании стояла лекция по математическому моделированию процессов. Вкратце это прогрессивное направление висорики переводило различные вис-возмущения на язык логарифмов, интегралов, дифуров и прочей математической заумности, вызывающей у меня неудержимую зевоту. Зато Петя должен был плавать в этом предмете как рыбка в воде. Я же, не в пример ему, падала тяжелым камнем на дно. При мысли о Рябушкине в душе потеплело.

Однако предстояло немаловажное дело — высидеть лекцию под дулом хмурого взгляда Мелёшина. Едва я устроилась на новом месте, с грустью посмотрев на стол, к которому успела привыкнуть, как нарисовался дрессировщик и уселся позади меня.

Пересадка под крылышко к Мэлу не прошла незамеченной, и по заполняющейся аудитории прошла волна повышенного любопытства и обсуждений. В крайнем ряду у стены, в окружении приближенных подружек сидела Эльза. Девчоночья компания посматривала на меня и переговаривалась. Подружка Мэла взглянула в мою сторону и отвернулась, демонстративно задрал нос.

Поначалу занятие потекло по стандартному пути. Я пыталась скрыть зевоту и удержаться от того, чтобы не вставить спички в глаза. Однако постепенно начала испытывать дискомфорт, и касался он спины. Такое впечатление, что ее намазали кремом с разогревающим эффектом. Я уж и к спинке скамьи прислонялась, и елозила — ничего не помогало. Жгло так, будто сзади свечку держали.

Точно! — озарило меня. — Сзади сидит Мелёшин!

Стоило подумать об этом, как по спине забралась кошка с острыми когтями, а медленно съехала, оставляя глубокие царапины. И так несколько раз подряд — вверх-вниз! Я аж спину выгнула от нестерпимой боли.

Ну и мерзавец этот Мелёшин! Пытаясь отвлечься, стала раздумывать, почему он не

сидит на занятиях вместе со своей Эльзунечкой. Может, чтобы их не пугали? А то похожи как два сапога пара: она — язва да он — гад.

Расцарапывание спины прекратилось. В кровь, наверное, разодрал, паразит. Повернуться бы и дать ему тетрадкой по физиономии! Жаль не достану, он выше сидит.

Спину начало морозить. Ага, раны охлаждает, чтобы кровь не лилась потоком, — подумала я злорадно. Возьму и изойду кровушкой прямо здесь в аудитории, на столе. Уж не поздоровится мучителю! Хотя вряд ли. Аффа сказала, его отмажут от любой пакости.

Меж тем меня охватил озноб. Я отодвинулась на самый краешек скамьи, чтобы увеличить дистанцию между собой и Мелёшиным, но сия предосторожность мало помогла. От лопаток и до поясницы начался сплошной ледяной каток. Точно, осталось заработать воспаление легких. "Истекшее кровью тело с запущенной пневмонией найдено в одной из лекционных аудиторий!" — будут пестреть заголовки газет.

Приложила ладони к щекам и тут же убрала — и щеки, и ладони заледенели. Мучай меня, негодяй, мучай!

Интересно, а у лохудры Эльзунечки тоже колечко на пальчике? Ах-ах, два голубка обменялись клятвами в знак вечной любви и преданности. Тьфу.

Застучали зубы, и неожиданно замораживание спины прекратилось. Теперь ее пощипывало, причем вразнобой: то сверху у плеча, то внизу у поясницы, то слева, то справа; каждый раз заставляя меня вздрагивать и подпрыгивать на месте. Наверное, задние ряды попадали с мест, наблюдая, как Мэл дрессирует свою крыску.

Я прислушалась. В аудитории стояла тишина, препод скрипел мелом на доске, сопровождая бездну формул монотонным голосом. Нить лекции давно ускользнула, не успев толком отложиться в голове. Мальчик-одуванчик старательно записывал в тетради, строча как угорелый. Везет же ему! И ведь, наверное, понимает, что пишет.

Вволю наципавшись, истязание прекратилось. Каналья! Надоело ему, или готовит новые каверзы?

Я пригляделась к лектору. Очень интересный мужчина. Ну и пусть с отвислым животиком, ну и пусть вытирает лоб галстуком, зато миленький. Пумпусюнчик! Что это со мной?

Мальчик-одуванчик даже очень ничего. Хорошенький и застенчивый и, наверное, не умеет целоваться. Господи, о чем думаю?

Вон тот незнакомый парень, что с трудом втиснулся на скамью, тоже хорош со спины. И руки у него, наверное, мужественные, крепкие. Да что со мной творится?

Я машинально приложила пальцы ко рту, и губы обожгло острой болью. Будто посыпали красным перцем и, попав в трещинки, он начал разъедать нежную кожу. Как нестерпимо горит! Чем же потушить пожар?

Я бы, наверное, стерла губы до крови, но прозвенел звонок, и аудитория опустела. Хотя нет, раздались шаги, и рядом остановился Мелёшин. Уперся руками о стол и скамью, преградив путь к бегству.

— Понравилось?

— Захотел убить? Воспалением легких наградил, спину в кровь исполосовал да еще ожог подарил! Теперь волдыри вскочат. Спасибочки! Вот, значит, для чего велел сидеть впереди! Чтобы приемчики отрабатывать? — зашипела я, пытаюсь очистить губы от жгучего перца.

— Sensi umbru^[15]. На лекциях надо слушать преподавателя, а не хлопать ушами, —

пояснил наставительно Мелёшин. — Цела твоя спина и драгоценные легкие тоже здоровы.

— Зачем тогда измывался? — промычала я, продолжая тереть горящий рот.

Мелёшин наклонился поближе и спросил:

— У тебя случайно губы не обветрились?

— То есть? — замерла я. Наверное, рот распух и выглядел отвратительно.

Взгляд Мелёшина переместился пониже моего носа.

— А ведь ты вчера соврала, — сказал хрипло.

Я обмерла. Как он узнал?

Представила, как с утра перед лекциями Стопятнадцатый вызвал в деканат Мелёшина, чтобы пожурить. "Молодой человек, — сказал декан, — что же вы, голубчик, по кафе разгуливаете, а опознавательных документов при себе не имеете? Меня вчера оторвали от баллады, интересовались, не знаком ли я с некими Папеной и Мелёшиным". А тот ему в ответ: "Никак нет-с, по кафешкам не ходил, в порочащих связях не замечен, кто такие Папены — не знаю, а вчера обмывал со своей девушкой её победу в полуфинале". После чего и наступило у обоих собеседников озарение.

Конец мне.

— Не пойму, что у тебя за духи. То карамелью пахнут, то земляникой, — сказал Мелёшин и отстранился. Закинул сумку на плечо и пошел вниз по ступенькам.

— И что, теперь постоянно будешь дрессировать? — крикнула я вслед.

— Когда соврешь, — не оглядываясь, бросил Мэл и исчез за дверью.

На занятие со Стопятнадцатым я шла с тяжелым сердцем. Придумывала всяческие поводы, лишь бы оттянуть встречу.

Сначала заглянула в женский туалет, чтобы проверить, не солгал ли Мелёшин о тактильных иллюзиях. Задрала перед зеркалом свитер. В отражении маячила спина, целая и нетронутая невзгодами. Потом я опять терла губы холодной водой, понимая, что это не поможет, пока действие заклинания не кончится.

Все-таки, каков извращенец! Потратил на меня немерено сил за одну лекцию. Всадил как минимум пять заклинаний, и к тому же трудозатратных. Сам, наверное, пропустил материал мимо ушей, а не смог отказать себе в удовольствии поистязать мою спину.

Я позлорадствовала. Нелегко придется Мелёшину на лабораторных занятиях. Отдача после высокоуровневых заклинаний такова, что начинают дрожать руки, и заплетается язык. Ясно-понятно, на следующем занятии Мэл немного напрактикует.

Однако на фиаско Мелёшина я не смогу полюбоваться, зато вдоволь насмотрелась на отразившуюся в зеркале дверцу туалетной кабинки, на которой красовалась жирная надпись: "Мэл имел Папену" и в дополнение — процесс, показанный грубо-схематично. Я мрачно вздохнула. Если уж в женском туалете появились подобные шедевры, то что говорить о мужских сортирах?

Информативная надпись оказалась суперстойкой, устояв перед туалетной бумагой. Бесполезно, сколько ни оттирай.

Устроившись в коридоре на подоконнике, я съела с горя коржик. Может, жевание притупит горящие губы? Ко всему привыкаешь, даже к плохому. Мне показалось, что стало слабее жечь.

Посидев немножко, я понаблюдала в окно за мужчинами, расчищавшими заснеженные дорожки, и нехотя поплелась на занятие.

Генрих Генрихович оказался на месте. В очках, съехавших на кончик носа, проверял очередную высокую стопку рефератов. Глянул на меня и снова углубился в чтение. Я молча села напротив. Шестым чувством поняла — сейчас начнет воспитывать.

Так и случилось. Декан отложил перо в сторону, облокотился о стол, сложил ладони в замок и принялся постукивать им по губам. Я машинально потрогала свой рот.

— Эва Карловна, — не дожидаясь приветствия, начал Стопятнадцатый, — вчера вечером я имел странный и малопонятный телефонный разговор. Догадываетесь, с кем?

Я кивнула.

— Мысля здраво, я понял, что Папена и Мелёшин вряд ли бы оказались в одно и то же время в одном и том же месте. Я прав?

Согласный кивок. Никогда не ставила умственные способности декана под сомнение.

— В том кафе были вы?

— Да.

— Кем оказался юноша, которому вы легкомысленно присвоили фамилию сокурсника?

— Кто-то из местных.

— Эва Карловна, вы взрослая девушка и должны понимать безрассудность вчерашней аферы. Если бы звонившие попали не на меня, а, предположим, на Евстигневу Ромельевну, итог мог оказаться плачевным. Если бы моего слова оказалось недостаточно, вас бы арестовали и отвезли в первый отдел для опознания. Представляете, какой получился бы скандал? Вас обвинили бы не только в прогулках непонятно где без удостоверения, подтверждающего личность. Вам вменили бы пособничество, укрывательство и сознательное введение должностных уполномоченных лиц в заблуждение. Любого из этих обвинений достаточно, чтобы завести дело по уголовной статье. Как думаете, ваш батюшка обрадовался бы, узнав о "подарке" под Новый год?

Я потупила глаза, нервно теребя ручку сумки. Декан прав, тысячу раз прав. И все же, повторись вчерашнее событие в кафе заново, я, не раздумывая ни секунды, сделала бы то, что сделала. Но говорить об этом не собираюсь. Стопятнадцатый сразу же даст указание исключить из института политически несознательную студентку.

— Вчера, Эва Карловна, первый отдел проводил так называемую плановую зачистку или, говоря обычным языком, облаву в небезызвестном вам районе. Всех вызывающих подозрение без разбора забирали на дознание. Имеете представление о том, как проходит дознание в первом отделе?

Я молчала. Декан вздохнул.

— Собственно говоря, перед правосудием в теперешнем его виде я не слукавил, — пробасил он. — Мне задали вопрос, знаю ли я такую-то и такого-то, утверждающих, что они студенты моего факультета, и я подтвердил это. На будущее, Эва Карловна, рекомендую тщательно обдумывать свои поступки и возможные последствия. По глазам вижу, бесполезно брать с вас слово более не посещать небезызвестный район, так?

— Да как же тщательно обдумывать, Генрих Генрихович, когда я глазом не успела моргнуть, а они зашли?

Стопятнадцатый понял, о ком я говорила.

— Эва Карловна, прошу вас, впредь будьте осторожны. Если думаете, что вам удалось выскользнуть без последствий, то глубоко заблуждаетесь. Наверняка за вами будут приглядывать.

— Понимаю. А Мелёшин знает о том, что... ну, что я использовала его фамилию?

— Нет. Кроме меня, вас и вашего незнакомца об этом не знает никто.

— Спасибо, Генрих Генрихович! — поблагодарила я декана. Мне показалось, на его губах промелькнула улыбка. — Сижу и думаю, почему парень не снял дефенсор? Тогда бы все проблемы с глаз долой.

— Во-первых, Эва Карловна, у него, по всей видимости, не было при себе удостоверения личности, а во-вторых, при всем желании он не смог бы снять дефенсор, иначе сделал бы это незамедлительно.

— Но почему?

Стопятнадцатый перо в руки и принялся покручивать его.

— Несколько лет назад, до введения поправки к шестнадцатой статье кодекса о преступлениях, невидящие активно использовали внутренние дефенсоры. Их принимали внутрь с пищей. Специальные крючочки на миниатюрном устройстве позволяли уцепиться за мышечные ткани или органы. При сцеплении человек первое время испытывал болезненные ощущения, но после заживления дефенсор врастал в ткань и не причинял неудобств. Конечно, со временем он мог раствориться, но, тем не менее, хозяин не опасался, что его можно забыть или потерять. Догадайтесь, Эва Карловна, что могло произойти, попади парень на дознание.

Я догадалась, и мороз пробежал по коже. Устройство вырезали бы из Тёмы.

— Спасибо! — еще раз возблагодарила Стопятнадцатого, не поленившегося ответить на звонок вечером в воскресенье, хотя он мог, наплевав, проигнорировать вызов, и тогда эстафета перешла бы к Царице. Кстати, о проректрисе. — Генрих Генрихович, после случая с указкой вы сказали Евстигневне Ромельевне правду обо мне?

Стопятнадцатый кивнул.

— И как она отреагировала?

Декан помолчал, продолжая покручивать перо, острый кончик которого поблескивал в солнечных лучах, притягивая взгляд.

— Скажем так, она вошла в ваше положение и не видит препятствий для обучения в институте.

Наверное, папаша отвалил достаточно деньжищ, и проректриса закрыла глаза, не став возмущаться. Хотя я знала, что родитель не вложил ни одного собственного висора в мое обучение. Спонсорство заключалось в правительственных дотациях, налоговых поблажках, специальных целевых программах, словом, во всём, на что отец имел влияние. Ведь в любом законе есть куча лазеек, и везде, где бы я ни училась, администрация ВУЗа потирала ручки от радости.

— Однако давайте приступим к занятию, — сказал Стопятнадцатый. — Все-таки сегодня не день откровений.

Я усердно повторила заклинание отвлечения. Нынче получилось еще лучше: половина удач из общего числа попыток. Зато заклинание легкого оглушения оказалось полностью неподвластным. Декан сокрушался и разочарованно вздыхал.

— Странно, милочка, что волны ускользают от вас непонятным образом. Это заклинание считается одним из самых легких. И хотя щит не позволяет мне ощутить собственными ушами всю прелесть оглушения, скачок давления я бы почувствовал.

Стопятнадцатый имел в виду, что щит неприкосновенности, в обязательном порядке надеваемый на преподавателей и работников институтской администрации, не позволил бы причинить ему вред.

— Давайте разучим заклинание холодного укола. Вы должны ухватить произвольную волну, вырвать из нее кусок и постараться направить от себя. При правильном выполнении обрывок, стремясь слиться с волной, будет поглощать тепло извне, и произойдет эндотермическая реакция. Нам же важнее сделать укол, а там пусть себе сливается с чем угодно.

Я заулыбалась. Деканское чувство юмора мне симпатизировало. Генрих Генрихович вытащил из-за спины большое настенное зеркало в резной раме, которое я не заметила из-за массивной фигуры восседавшего декана.

— Поскольку созданный вами укол я таки не смогу почувствовать, то подумал, что визуальным подтверждением правильности созданного заклинания станет запотевание поверхности.

Стопятнадцатый опер зеркало о край стола, научил меня, как правильно вырывать кусок волны и привел показательный пример. Наши лица в отражении на мгновение затуманились и тут же потекли сконденсировавшимися каплями.

— Здорово! — восхитилась я.

— Слегка не рассчитал дальность, вернее, близость расстояния, — пояснил мужчина. — Чем больше вырываемый кусок, тем отчетливее укол. Но не стремитесь сразу к большому, умение придет со временем.

Декан снова водрузился за столом и продолжил изучение рефератов. Я же начала тренировку, но мое взлохмаченное лицо в зеркальном отражении отвлекало от процесса, мешая сосредоточиться. И все-таки к окончанию урока на поверхности зеркала дважды появились крошечные запотевшие пятнышки, правда, в разных местах: первый раз вверху у рамы, а второй раз на моем носу, точнее, на носу у моего отражения. Ура!

Стопятнадцатый заметил:

— Это заклинание пошло у вас гораздо лучше, чем остальные. Вы, не перечесать сколько раз, обстреляли стены кабинета. Кстати, можете тренироваться на досуге в домашней обстановке. Заклинание простенькое, не думаю, что отдача будет сильной.

Да что вы, Генрих Генрихович! — завопила про себя. Буду безмерно рада, если ручки немного поболят, ведь за всю свою жизнь ни разу не испытывала подобных ощущений.

Глядя на пылающую физиономию в отражении, я неожиданно вспомнила о "лисичке" из холла, выпустившей заклинание в преподавателя.

— Генрих Генрихович, а что случилось с той студенткой, что выстрелила в Рамши?

Стопятнадцатый отвлекся от чтения.

— Она на удивление быстро пришла в себя, имею в виду психическое состояние. В настоящее время готовятся документы на ее отчисление.

Мне стало неприятно.

— А нельзя обойтись без исключения?

— Правила одинаковы для всех, — констатировал декан. — Хотя из любого правила есть исключения. Если бы за виновную походатайствовало лицо, обладающее влиянием в определенных кругах, возможно, за ней сохранили бы место. Такого лица не нашлось.

— А ее подруга? Что с ней? Я помню, у нее сильно поранилось лицо.

— Да, лицо порезано, и потребуются несколько косметических операций. В настоящее время девушка находится дома под родительским присмотром, и, по всей видимости, ей придется взять академический отпуск.

Я вздохнула. Маленькие шалости принесли тяжелые последствия. Стопятнадцатый

продолжил:

— Огромной удачей, не позволившей перевести случившееся в разряд отягчающих происшествий, явилось то, что зрение студентки не пострадало, и что вы, Эва Карловна, чудесным образом остались живы.

— А господин Рамши? Он сможет преподавать?

— Как ни забавно прозвучит, но Рамши пострадал меньше всех: и физически, и психологически. К сожалению, он лишен права преподавания, поскольку нарушил несколько пунктов кодекса учительства. С него снимут щит неприкосновенности.

— Понятно. Очень жаль, — опечалилась я. — А какой предмет он вел?

— Искусствоведение.

— Должно быть, он расстроен случившимся.

— Не то слово, — подтвердил декан.

В оставшиеся до звонка минуты учащаяся потратила на освоение нового заклинания, а Стопятнадцатый, разглядывая девочку, размышлял над тем, что скрывалось за хрупкой физической оболочкой. Что-то, что заставило помочь малознакомому отчаявшемуся парню, несмотря на огромный риск, и проявить искреннюю заботу о состоянии пострадавших. Ведь ни один из них не поинтересовался тем же.

Это могла быть 16.2 глава

С некоторых пор ненавижу столовую в обеденное время, потому что на раздаче давка, потому что на меня пялятся, не стесняясь, и потому что за сдвоенным столом в центре зала восседает Мелёшин с друзьями.

Сегодня привилегированное общество разрослось и потеснилось. Среди старых знакомых появились новые лица. Рядом с Эльзой сидела красивая шатенка с длинными прямыми волосами, а треть стола занял высокий бугаистый парень с бритым затылком. И — о, чудо! — около Мелёшина стоял пустой незанятый стул. Интересно, для кого?

Очередь на раздаче оглядывалась на шумно веселящуюся компанию у окна. Близнецы Капа и Сима и еще двое незнакомых мне ребят перекидывались за столом шариками из смятой бумаги. Пол вокруг усеяли бумажные обрывки. Вот кому весело, несмотря на начало недели. Завидный оптимизм у парней.

Шутники, развлекаясь, перешли на перебрасывание огненными искорками. Это одна из популярных забав среди студентов, сродни волейболу. Нужно погасить летящий заряд — ледяной, горячий или водяной. Того, кто не успеет среагировать, окатит водой или обожжет искрой.

— Придурки, — констатировала девушка рядом со мной. — Их же запросто просекут.

Действительно, парни вели себя на редкость беззаботно, активно нарушая первый пункт студенческого кодекса.

Отойдя от раздачи, я потащила к Мелёшинскому столу. Очень медленно шла, будто на Голгофу, с привязанными к каждой ноге пудовыми гирями. Стопорилась, проходя между занятыми столиками, пропускала студентов. В общем, кое-как плелась. Но, как ни ходи по залу кругами, а все равно пришлось подойти к сиятельным персонам. Когда до точки икс оставалось три шага, Эльза скомандовала:

— Внимание!

Девушки уставились на меня как на чудесную картину. Со мной что-то не так? — забеспокоилась я.

Парни тоже развернулись с интересом, и Мелёшин повернул голову.

Из-за соседнего столика поднялась толстая-претолстая деваха необъятных габаритов и устремила мимо меня походкой борца сумо. Она пёрла как крейсер или танк. Я попыталась уклониться, но чувствительный тычок локтем в бок пошатнул равновесие. стакан с вишневым компотом опрокинулся на подносе, обильно залив мне свитер и джинсы.

— А-а-ах! — выдохнули девушки за столом и засмеялись. Парни сдержанно заулыбались.

— Это еще что! — сказала Эльза с гордостью. — Я рассчитывала, что суп с котлетой окажутся у нее на голове. Жаль, неудачно вышло. Видишь, Мэл, помогаю тебе с дрессурой. Дерзких надо держать в строгости.

Тут меня взяла такая горечь от собственного бессилия вперемишку со злостью на Мелёшина, потворствовавшего своей подружке, что на глаза навернулись слезы. Пятно надо срочно застирать, — подумала некстати, замаявшись с подносом в руках.

Мелёшин вскочил и гаркнул на брюнетку:

— Я тебя просил?

— Но... — пролепетала она, ошарашенная неожиданной агрессией.

— Скажи, я тебя просил?

Внезапно глаза Эльзы расширились от ужаса, равно как и на лицах остальных девиц застыло потрясенное выражение. Раздались вопли, визги. Меня с силой толкнули, и поднос, выскочив из рук, ударился о колонну. Тарелки разбились, и их содержимое разлетелось в стороны.

Обернувшись к окну, я увидела жуткое зрелище. Между столами метался человек, объятый огнем.

Начались паника и давка. Опрокидывая столы и топча друг друга, обедавшие ринулась к выходу из столовой. Какой-то парень с перекошенным лицом оттолкнул меня, и я едва не напоролась на ножку перевернутого стола.

От горящего человека разлетались ошметки пламени, догорая на полу маленькими островками. Неожиданно занялась оконная штора. Несчастный метался, а потом, крича и визжа, начал кататься по полу, пытаясь сбить огонь.

Прижавшись спиной к колонне, я зачарованно уставилась на жуткое зрелище. Казалось, будто передо мной аттракцион, а происходящее — не что иное, как хороший трюк или инсценировка.

Я вцепилась в сумку. Наверное, когда-нибудь, если умру, меня похоронят вместе с ней.

Толпа же обезумела. В дверях образовалась пробка. Гвалт и крики смешались в устрашающую какофонию звуков. Перед глазами мелькали лица, чьи-то ноги пинали осколки посуды и поскользывались на уляпанном пищей полу.

Внезапно меня схватили за руку и потащили в сторону от вопящей толпы, пытавшейся выбраться через двери столовой. Меня волочили по лабиринтам кухонных столов мимо шкафов, плит, огромных кастрюль и поварешек на крючках.

— Быстрее, — подгоняли, подталкивая в спину.

Бежать? Там заживо сгорает человек, и никому нет до него дела! Я остановилась, выдернув руку из крепкой хватки.

— Что ты творишь? — закричал над ухом голос. — Тебя затопчут!

Я огляделась. Обстановка задворок столовской кухни казалась нереальной и гротескной. Передо мной маячило бледное лицо Мелёшина. Мимо нас пробежали несколько человек, оттолкнув к стене.

— Надо помочь! — закричала я.

— Чем? — заорал Мэл. — Чтобы сгореть вдвоем?

— Брось ее! — заскулила взявшаяся невесть откуда брюнетка. — Хочет сдохнуть — пусть возвращается.

Вцепившись в руку Мелёшина, она, дрожа от страха, панически оглядывалась по сторонам. Я повернула обратно, но далеко уйти не получилось. Мэл снова схватил меня за руку и потащил за собой. Отчетливо запахло горелым, дым крался по полу, поднимаясь серыми патлами к потолку. Мимо, расталкивая нас, пробежало несколько парней.

— Б***ь! В сторону! — заорал один из них и, расчищая дорогу, заехал мне под ребра. От дикой боли я согнулась пополам и, забыв, как дышать, судорожно хватала ртом. В глазах потемнело.

Мелёшин ухватил спешащего подонка за рукав и, развернув, с размаху врезал по лицу. Тот отлетел к стене и со стоном сполз на пол.

— Ты этого хотела? — закричал Мэл, обернувшись ко мне. — Спасти мир? А кто спасет тебя?

— Егорчик, пойдём, пожалуйста! — Эльза потянула его за рукав. — Мне страшно! Я не

хочу здесь погибнуть!

— Давай! Беги! — Мелёшин подтолкнул девицу к двери с надписью "служебный выход", но она уперлась и мелко-истерично замотала головой.

Сработала пожарная сигнализация, и с потолка начала распыляться водяная пыль. Волосы Мэла намокли, светлый свитер пошел быстро увеличивающимися пятнами. Да и я, наверное, выглядела не лучше. Лежала в луже воды, и совершенно без сил.

Он поднял меня, закинув безвольную руку себе на шею.

— Теперь довольна? — выплюнул на ухо. — Успокоилась?

— Брось ее! — закричала Эльза. Она не решилась оторваться от Мелёшина. Её мокрые волосы прилипли к голове, делая похожей на облезлую кошку с потеками туши.

Мэл, держа меня на руках, вошел в дверь с табличкой "служебный выход", и мы очутились в полутемном коридоре со сводчатым потолком. На меня пахнуло влажностью и прохладой. Наверное, это дорога к погребам. Сзади снова послышался топот. Мелёшин осторожно прислонился к стене и пропустил большую группу бегущих. Я непроизвольно вдохнула глубоко, и живот пронзила боль, заставляя содрогнуться всем телом.

— Больно? — спросил вполголоса Мэл.

Кивнув, я склонила голову на его плечо, пытаюсь ухватиться непослушными пальцами за воротник намокшего свитера. Второй рукой прижимала к себе сумку, словно в ней была заключена моя жизнь.

— Потерпи, скоро станет легче, — успокоил шепотом Мелёшин. — Я знаю.

И поцеловал в висок.

Где-то впереди цокала на шпильках Эльза, кто-то бежал сзади, догоняя нас.

Посветлело, и мы попали в институтский коридор, а затем в холл, куда из других коридоров стекались ручейки студентов. Мэл, расталкивая собравшихся, пронес меня к святому Списуилу и усадил на постамент. Я сжалась в комочек.

Слышалось завывание сирен, невдалеке кто-то плакал, кто-то бесцельно шатался по залу, а кто-то бурно обсуждал происшедшее, выплескивая накопившийся адреналин.

Я начала понемногу впускать мелкими рваными глоточками воздух в легкие, а затем перешла на глубокое дыхание. Острая боль утихала капля по капле, и лишь где-то внутри остался ноющий кусочек. Зрение помалу вернулось в норму, позволив объективно воспринимать окружающее.

Недалеко на постаменте устроилась Эльза с подружками, и, экспрессивно размахивая руками, живописала свое невероятное спасение. Мелёшин исчез в толпе, и его нигде не было видно. Перед моими глазами мелькали промокшие спины и понурые и потрясенные лица. Несколько парней в сторонке, перебивая друг друга, делились впечатлениями.

Толпа периодически всколыхивалась, пропуская пожарных. Изредка поверх голов мелькали белые шапочки врачей. Вразнобой загудели сирены — теперь уже скорой помощи.

— Внимание! — в холле раздался усиленный динамиками женский голос. — Сегодня занятия отменяются. Всех собравшихся прошу пройти в большой спортивный зал. Вас осмотрят и в случае необходимости окажут медицинскую помощь.

Вещала Царица. Ее уверенные слова прозвучали, ободряя и успокаивая. Толпа редела и рассасывалась, втягиваясь в коридор, ведущий в спортивное крыло. Постамент опустел. Тут я заметила Мелёшина и парней из столовой, проталкивавшихся к статуе святого Списуила.

— У меня ноготь поломался, — захныкала Эльза, обращаясь к подошедшему Мэлу. — И где моя сумочка?

— Не истери, — ответил тот грубо и отвлекся на разговор с пестроволосым Макесом и бритым бугаем.

Медленно встав, я прислонилась к стене, ожидая, когда пройдет головокружение. Сделала несколько шагов на нетвердых ногах, прислушиваясь к ощущениям. Ничего, жить будем, нас еще и не так одаривали.

— Господи, что за ужас! — вздохнула Эльза, оглядывая свои руки. — Не вылезу сегодня из салона, останусь там на ночь.

Ее подружки засмеялись, поддержав остроумную шутку.

— Смотри не захлебнись в розовой пене, — вставила я едко.

Девушка обернулась:

— А-а, оказывается, это ты квакаешь. Я-то думаю, кого нелегкая угораздила выбраться?

Мне стало противно и мерзко слушать каждое слово, произносимое капризно изогнутыми губами.

— Там человек сгорел заживо, а тебя ногти волнуют? — закричала я. Парни обернулись, прервав разговор.

— Ну и пусть! — ответила визгливо Эльза, вскакивая. — Идиотам полезно немножко поджариться!

Я подошла к ней и толкнула. Она, не удержавшись, уселась задницей на постамент.

— Дура! — прошипела ей. — Набитая опилками дура.

— Чего она, Мэл? — пожаловалась плаксиво брюнетка и напустилась на меня: — Малс тебя дрессировали, корова неуклюжая? Я тебе покажу, как руки распускать! Я тебе такую жизнь устрою, мало не покажется!

Не обращая внимания на вопли, я направилась к раздевалке.

— Эй, ты куда? — окликнул Мелёшин. — Нужно показаться врачам.

Затормозив, я развернулась и подошла вплотную к нему.

— О здоровье заботишься, да? Вдруг со зверушкой что-нибудь случится, как будешь развлекаться и одалживать друзьям? Заскучаете с непривычки. С утра сам дрессировал, на обеде подружке дал попробовать, а вечером он побалуется? — кивнула на пестроволосого, и тот опустил глаза. — Или скопом поиграете, а?

Мелёшин молчал, сжав кулаки, с гуляющими желваками на бледном лице. А меня понесло:

— Предупреди заранее, кто будет следующим. А то подленько получается, не находишь?

И, пошла, не дожидаясь следующей дозы оскорблений.

— Ты куда? — донеслось из-за спины.

— Переодеваться. И еще прочистить желудок перед новой порцией дрессировки. Тошнит меня от вас, элитных звезд.

Когда душа мыкается? Когда она тревожится и не находит себе места.

Вернувшись в общежитие, я сняла мокрую заляпанную одежду и пошла стирать. Терла, терла, а перед глазами стояла картинка пылающего человека. Это мог оказаться один из парней, что дурачились огненными искрами у окна.

Вишневые пятна не отстирались, как я ни шоркала. Повесила свитер с джинсами на веревку, а потом подумала: зачем сушить, если безнадежно испортились? Остается только выбросить.

А ведь это ведь мог быть один из близнецов — Капа или Сима.

Пока кипятился чайник в пищеблоке, я в тысячный раз прокручивала в памяти случившееся. Почему-то вспоминались случайно ухваченные взглядом кадры, на которые поначалу не отреагировало заторможенное сознание. Вот парень оттаскивает за волосы визжащую брыкающуюся девицу, а потом в буквальном смысле забирается по головам и лезет к выходу. Вот другая девушка поскальзывается на картофельном месиве и с разбегу грохается затылком о кафель. Другой парень, прячась за перевернутым столом, швыряет в мечущегося горящего человека, чем ни попадя, чтобы отпугнуть. Но разве чувствовал несчастный, обезумевший от боли, животный страх людей?

Противно и гадко. Толпа опасна, а неуправляемая толпа — многожды опаснее.

Заварив дольки сушеных яблок в стакане, я вернулась в швабровку. Постояла у окна, бездумно возя пальцем по стеклу. Мысли, совершив круговорот, неожиданно пришагали к Мелёшину: как он тащил по кухонным закоулкам, как ответил мерзавцу, ударившему меня, как аккуратно нес по коридору и поцеловал в лоб... Нет, в висок!

Я вскочила и забегала по швабровке. Какой резон Мэлу со мной нянчиться? Ну, подумаешь, затоптали бы или задохнулась в дыму, ему-то что? Вряд ли Мелёшин заботился о сохранности моего долга. Кстати, сегодняшнее спасение из столовой — чем не повод для нового обязательства? Я было испугалась, однако, рассудив здраво, решила, что поскольку не просила Мэла о помощи, значит, еще одну клятву преданности приносить не буду. Поблагодарить, конечно, поблагодарю, и на том жирная точка плюс мой высокомерный взгляд. Ведь я до сих пор злилась на Мелёшина и его египетскую змею.

И все же, Мэл поцеловал меня, пусть и в висок! Он нес меня и озаботился моим самочувствием!

Внутри всколыхнулось. Я побежала к раковине и с горящими глазами взгляделась в отражение в зеркале. Могло ли случиться так, что я понравилась Мелёшину? Вдруг он взглядел во мне нечто большее, чем бесцветную крыску с жалким хвостиком? Вдруг он увидел мой глубокий внутренний мир и необъятную широту души? — подумала с надеждой и тут же захихикала своим мыслям. Ага, парням только это и нравится в девушках. Еще раз внимательно оглядев себя в зеркале и не увидев ничего нового и сногсшибательно красивого, я подуспокоилась и вернулась обратно в комнатушку.

Скорее всего, Мелёшину от меня что-то нужно, кроме дрессировки. Может быть, он поспорил с друзьями, что окрутит и облапошит простую овечку вроде меня. Подобные душераздирающие истории в изобилии гуляли среди студенток. Как правило, в любовных сплетнях парень сначала спорил с друзьями, что очарует невзрачную простушку, но потом между парочкой разгорались недетские чувства, и все заканчивалось страстным примирением и слухами, гуляющими по ушам женского студенческого населения. Причем, я уверена на девяносто девять процентов, что сентиментальные истории были вымыслом излишне романтизированных особ слабого пола.

Ладно, посмотрим, что дальше будет, а к Мелёшину нужно при случае приглядеться.

Яблочки размокли в кипятке, и выяснилось, что вытаскивать их пальцами из горячей воды крайне неудобно. Вывод: требовалась ложка.

Когда нечем заняться, мысли, циркулируя, съезжают в прежнюю колею. Меня снова развернуло к происшествию в столовой. Чтобы отвлечься, я решила заполнить безделье нужным занятием: все-таки сделать крючочки для вешалок под одежду. Но, похоже, комендантша всучила какие-то неправильные пластилиновые гвозди. Не успевала я ударить

молотком по шляпке, как они загибались ровными буквами "Г".

В сердцах зашвырнула молоток на подоконник. Чем бы еще заняться?

В дверь постучали. Это оказалась Аффа, пришибленная и вымотанная. Усевшись на кровать, девушка без предисловий рассказала, что когда началась паника, она выходила из столовой, и ее удачно вынесло с первой волной студентов.

— Ужас, — поделилась она впечатлениями. — Понаехало пожарных машин и скорой помощи — не перечесть. Меня заставили пройти медосмотр, хотя я не пострадала. Все же не лишне будет, правда?

Я согласно кивнула.

— Много народу развезли по больницам. У кого переломы, у кого сотрясение. Оказалось, полно раненых, представляешь? Не успели врачи уехать, как напоззли из первого отдела. Говорят, будут устраивать тотальные допросы.

Я хмуро слушала монолог соседки. Дурные вести разлетаются как мухи.

— А знаешь, что самое страшное? Это ведь Сима подпалился.

Сердце подпрыгнуло в груди. Так и знала!

— Он живой? А Капа где?

— Говорят, живой, но сильно обгорел и в тяжелом состоянии. Капу загребли в первый отдел. Наши видели, он был бледный как смерть и не мог сам идти, его под руки вели.

Еще бы! Я бы на месте парня вообще не соображала, кто я и где я. Эх, ребята, что же вы наделали...

— Слушай еще новость! — оживилась девушка, вспомнив нечто важное. — Мне одна знакомая рассказала, а ей соседка по общаге шепнула, а той подружка намекнула...

— Аффа, ну, и длинная же у тебя птичья почта.

— А-а, ладно, — махнула она рукой. — В общем, Эльза, ну, которая подружка Мэла...

— Знаю. Вот где у меня сидит. — Я похлопала по горбушке.

— Так вот, она плакала в женском туалете. Говорят, будто Мэл, сам не свой, орал на нее в холле. Кричал, что ни разу в жизни не прогибался ни перед одной бабой и никогда не прогнется, иначе парни перестанут его уважать. Представляешь?

— Нда... Милые бранятся — только тешатся, — разъяснила я заковыристую сплетню, а сама головой покачала, представив, как толпы девушек гнут Мелёшина в разные стороны, а он мужественно раскидывает их в разные стороны. Потом попыталась представить плачущую навзрыд Эльзу в туалете рядом с кабинкой, на которой красуется надпись про меня и Мэла. Нет, рыдающую брюнетку я так и не смогла вообразить.

— Что собираешься делать вечером? — поинтересовалась Аффа. — Что-то я совсем никакая. Учить неохота, курсовую делать тоже. О! — подмигнула. — Позову кое-кого, сходим в парк иллюзий. Пойдешь с нами?

— Нет, спасибо, — оказалась я. Не скажешь же, что в личном бюджете отсутствует статья расходов на посещение увеселительных мест. Кроме того, острых ощущений мне хватило сполна утром.

— Ну, ладно. Не скучай, — попрощалась Аффа и убежала.

Я же прилегла на кровать. Соседка оказалась права: руки не хотели ничего делать, а мозг — умственно трудиться. Бессмысленно лежа и смотря в потолок, я дождалась, пока за окном не стемнело. Совсем обленилась: даже темнота не подвигла вставать и включить свет. Потом вспомнила, что надо бы завтра найти Петю Рябушкина и поговорить с ним насчет плафона для лампочки.

В однообразии бестолкового лежачего положения, время, ускоряясь, закручивалось спиралью, и когда я подсветила фонариком часы на запястье, оказалось, что уже половина десятого. Рот тут же начал зевать без устали. Рефлекс, что ли?

Сладкие потягушки прервал тихий стук в дверь. На пороге стоял осунувшийся и взъерошенный Капа, с гуляющим по плинтусу взглядом.

— Можно побыть с тобой? — попросил тихо. — Мне страшно одному.

Это могла быть 17.1 глава

— Братан любит играть в рискованные игрушки, — поделился Капа, усевшись рядом на кровати, — а я никогда не участвовал, потому что не умею. Сегодня же словно фонарь в голове загорелся: хочу попробовать! Меня потом спрашивали, не снимал ли я дефенсор. Ведь в столовой народу немерено, и любой мог заставить или внушить.

— Взаправду снимал?

— Я похож на больного? — обиделся парень.

— Откуда мне знать? — пожалала я плечами. — Если вы среди бела дня выделяли пируэты, то наличие у тебя здравомыслия вызывает большие сомнения.

— На меня вдруг накатила бесшабашность. Казалось, что море по колено и что обязательно получится. Симон постоянно смеялся надо мной. Говорил, в секции по мячам луплю, а мелочь не могу отбить. Вот и захотелось доказать, что я ничем не хуже. Эх, не хватило ума остановить полудурков! Пошел на поводу.

— Что сделано, то сделано. Сейчас надо за Симу болеть и верить, что все будет хорошо. Кстати, ты в него запулил?

— Не я, и это радует. Но всё равно здорово обкакался. Симон никогда не простит, что я показал себя слабаком, — вздохнул тяжело парень.

— Зато у него есть стимул к выздоровлению: выйти из больницы и хорошенько потрепать тебе челку.

— Пусть все волосья повыдирает, не жалко! — подхватил с воодушевлением Капа и тут же приуныл: — Отцу, наверное, сообщили. Такой удар для него! Нас же исключат.

Самое время для поддержания тонуса, — подумала я и выудила из тумбочки запрятанную фляжку и складной стаканчик. Содержимое баклажки плескалось на дне. Парень не отреагировал на звук, понурился головой. Видать, совсем плохи дела, коли не сработали врожденные рефлексы.

— Иди, Капа, за закуской. Будем заливать горечь жизненных проблем.

Он неохотно ушел и вскоре вернулся, неся надкусанный батон под мышкой, кусок колбасы и начатую пачку плавленого сыра.

— Все, что осталось. — Выложил на стол. — А сегодня мы не успели купить.

Вытащив из тумбочки складной ножик, я наскоро соорудила бутерброды и налила в стаканы по глотку коньяка.

— Не чокаясь, Капа. Желаю твоему брату выздороветь. Это прежде всего.

Он кивнул, мы выпили и съели по бутерброду.

— Папаня у нас ученый, — похвалился Капа. — Работает в научном городке, на передовых рубежах висорики.

— А тут вы, два раздолбая. И в кого уродились?

— Ага, и не говори. Наливай, что ли, еще.

Я снова плеснула по стаканам.

— С отцом понятно. Он ученый, а вы, стало быть, не в него пошли. Правильно люди говорят, что на детях гениев природа отдыхает. А мама тоже в науке?

— Нету мамани. Разбилась на машине. Так что, кроме отца и Симона, у меня никого нет.

— Сочувствую.

— Да я и не помню её. Нам с братом было два года, когда она в аварию попала. Отец больше не женился и тянул нас в одиночку.

— Гордиться надо родителем, а вы доводите до инфаркта и седых волос.

— Да, — согласился покаянно парень. — Дурни.

— Переросшие, — добавила я.

Мы выпили и закусили.

— Хороший у тебя коньяк, — похвалил Капа.

— Неплохой. Согревает в трудную минуту.

— А в первый отдел лучше не попадать, — разоткровенничался парень. — Все жилы вытянули. Вроде улыбаются, а в глазах — лед, во рту — змеиные жала, и яд с клыков капает.

Меня передернуло:

— Ох, жуть! Иллюзиями запугивали?

— Что ты? — отмахнулся Капа. — Это я образно выразился.

— Дефенсор требовали снять?

— Нет. И обвинение пока не вынесли. Но дело завели, начато следствие. Запугали до чертиков, я чуть не обоср*лся.

— Капа! — сказала с укоризной.

— Извини. На моем месте ты бы похлеще завернула.

Я набулькала коньячку гораздо щедрее, и мы снова выпили и закусили. Мне похорошело, внутри разлилось тепло.

— Прежде всего, Капа, — начала поучать парня, — стыд тебе и позор, что бросил брата в беде и не помог.

— Да, я позорный трус, — согласился он уныло. — Перепугался так, что до сих пор коленки дрожат. Как людям в глаза смотреть? Остается только в петлю или в омут с камнем на шее.

— Дурак! — хрястнула по столу. Я вообще стала вести себя гораздо агрессивнее. — Хочешь отца в гроб уложить?

— Не-не, — заблеял Капа.

— Тогда запасись терпением и дождись, когда Сима выйдет из больницы. Наберись мужества встретиться с братом. За свои поступки надо отвечать. В конце концов, ты уже не ребенок, а великовозрастная дылда!

— Ты права! — поддержал вдохновенный Капа, и я, не жадничая, снова налила в стаканы горячительной жидкости. Мы залпом выпили и закусили.

— И приготовься к тому, что с тобой никто не будет цацкаться, а жить нужно дальше, причем стараться жить достойно.

— Я уже понял, — кивнул парень.

Вечер плавно перетек в ночь: мы пили и закусывали, закусывали и пили. Изливали свои печали, делились горестями и посвящали друг друга в сокровенные тайны. Капа плакал, я его утешала, а потом процедура повторилась с точностью до наоборот.

Неожиданно кончилась закуска. В ход пошли сушеные яблочки с грушками и сдобные сухарики. В этом эпизоде мы с Капой побратались, а потом парень внезапно вырубился. Повалился бочком на кровать и захрапел.

— Капа! — не очень трезво позвала я. — Капитолий!

Ноль эмоций.

— Капитолиссимус! Ку-ку! Утро на дворе, давно пора на занятия!

Что же с ним делать? Стащить с кровати сил не хватит. Упившееся дитя цивилизации, обняв подушку, сопело как цуцик, не реагируя на окружающую реальность, то есть на меня.

Оглядев хмельным взглядом место пиршества, я сделала самое умное, что пришло в голову. Улеглась рядом с Капой, укрылась его рукою и тоже уснула.

Бумс! Бамс! Ты-ды-дыщ! По голове били молотком, взятым с подоконника, а потом перешли на кувалду. Когда же прекратится вакханалия? Когда, наконец, в коридорчике закончат ненавистный ремонт?

Разлепив глаза, я с трудом сообразила, что поскольку в комнате светло, значит, за окном как минимум позднее утро, а как максимум — обед. Обед! Занятия! Институт!

Разогналась было встать, но в голове начали стрелять пушки, причем зараз изо всех пятисот орудий. Виски заломило, в глазах потемнело. Продышавшись, я выяснила, что лежу на краешке кровати, и почему не свалилась на пол — непонятно. Левый бок затек, ноги онемели.

Еще поняла, что за дверью происходил все-таки не ремонт. В коридорчике кто-то громко и нецензурно ругался, успевая наяривать высокодецибельными стуками в мою дверь. Теперь понятно, почему она была такой хлипкой и выщербленной. К ней словно магнитом притягивало всех желающих громко постучать.

С мутными заспанными глазами я кое-как поднялась и, держась за стеночку, доползла до двери. Повернула замок и чудом успела отпрянуть в сторону, в то время как в швабровку ввалилась толпа парней с Аффой на задворках.

Я протерла глаза, чтобы повысить резкость зрения.

— Вот это да! — загалдели парни. — Мы места не находим, переживаем. Думаем, парнишка с горя решил утопиться, а он в постели с девкой зажигает!

С какой девкой и кто зажигает? — озаботилась я и, стараясь беречь голову, взрывающуюся при малейшем движении атомными бомбами, развернулась к окну. На неразобранной кровати, развалившись, сладко похрапывал Капа, заняв две трети подушки. В комнатухе стоял совершеннейший бедлам. Создавалось впечатление, что здесь кутили, не просыхая, целую неделю.

Парни принялись тормошить Капу. Тот бормотал и отпихивался, но все же пробудился ото сна, хотя с натугой, и теперь заспанно и удивленно вглядывался в лица побудчиков.

— Тоха, ты, что ли?

— Я, — подтвердил версию Капы парень в вязаной шапочке.

— А чего здесь забыл?

— Капа, это у тебя надо спросить, чего ты здесь забыл, — просветил Тоха, и парни заржали. — Вторая лекция закончилась, уже обед. Собирайся, и пошли на занятия.

— Да я ж того... Нарушитель... Вроде как исключен, — промямлил Капа, растирая ладонями помятое со сна лицо и потягиваясь.

— Пока нет, а раз так, то пошли прихорашиваться. Еще успеешь наисключаться. Прогулы тебе сейчас противопоказаны, — сказал другой парень.

Капа попытался встать, но застонал и схватился за голову. Его тоже мучило жестокое похмелье. Тоха ухмыльнулся:

— Нехило вы вчера гульнули. Надеюсь, с положительным результатом? — подмигнул мне.

— Ничего не было, — хмуро пояснила я. Парни понимающе закивали. — Простс

снимали напряжение.

— Ага. Снимали, — чересчур вежливо согласился Тоха. — Напряжение.

И орава парней загоготала.

— Так, проваливайте отсель, — я указала перстом на дверь. — А ты, Капа, — ткнула в парня, — надеюсь, разъяснишь внятно товарищам, что здесь вчера произошло.

Капа, кряхтя, поднялся с кровати и, пошатываясь, почесал шевелюру.

— Ничего не помню, — развел руками, вызвав своим откровением взрыв веселья у парней.

— Капа! — повысила я голос.

— Ладно, — согласился парень примирительно и в сопровождении друзей потопал мелкими шажками к двери. — Башка трещит! — жаловался он по дороге. Компания скрылась в соседней комнате. За стеной послышался дружный хохот.

— Ну, ты даешь, соседка, — покачала головой Аффа, прислонившись к косяку. — Вот уж не ожидала от тебя такой прыти. И с кем? С Капой!

— И ты туда же? — вскинулась я и схватилась за голову, пытаясь удержать боль.

— Ничего себе "туда же"! Полдня прошло, ребята забеспокоились, сорвали меня с обеда. Прибегаем, комната близнецов нараспашку, а Капы нет. Кто-то решил, что бедняжка с горя повесился где-нибудь в уголке или сиганул с крыши. Ну, мы и давай бегать, искать по всей общаге. Тут случайно прохожу по коридору, а из твоей комнаты храп разносится по всему этажу. Я-то знаю, что это Капа храпит, когда налакается без меры. Обычно даже у нас в комнате слышно, какие рулады он выводит во сне.

— Ничего не слышала, — призналась я. — Спала как убитая.

Девушка отвела глаза:

— Значит, теперь весь институт узнает, что ты спала с Капой.

— Елки-палки! — взвыла я. Голова затрещала как перезрелый арбуз. Мозги бродили и болели. — Аффа, ничего не было! Мы напились и уснули. Представь, наше потрясение вчера, и вот тебе на — любовь, не сходя с места?

— Да понимаю я всё, — вздохнула соседка. — Сама до сих пор не могу успокоиться. Сегодня на лекциях была полупустая аудитория.

— Вот видишь! А этому полороту еще труднее. Его вчера мутозили все кому не лень, хотя поделом.

— Но ребятам глотки не заткнешь, — кивнула Аффа на стену.

Я махнула рукой. Гораздо важнее раскалывающаяся голова, в которой отбивали марш барабанные палочки. Улегшись на кровать, я обхватила себя руками и замерла.

— Плохо? — посочувствовала девушка. — Могу ослабить похмелье, но нужно снимать дефенсор.

Нет уж. Предпочитаю скончаться в муках.

— Пойду, поспрашиваю по знакомым. Может, найдется в записке что-нибудь эффективное.

Я благодарно закивала и от нестерпимой боли уткнулась лицом в подушку. Уйдите все! — закричала про себя. — Хочу тишины и покоя!

Неизвестно, сколько пролежала в полудремоте, как снова появилась Аффа и сунула под нос дурно пахнущую темную жидкость.

— На. Снадобье очищения. Осталось после лабораторки у Ромашевичевского. Отличное средство и еще не забродило.

Я с подозрением покосилась на густую жижу.

— Не буду. Лучше умру сегодня, а завтра воскресну и пойду пешочком на занятия.

Соседка, не мешкая, зажала мне нос. От неожиданности я едва не задохнулась и замолотила руками. В открывшийся рот девушка на удивление сноровисто влила одуряюще кислую отраву.

— Вот и славненько. Мигом прочистит мозги. Побегу, а то не успею пообедать.

— Разве столовая работает? — выдавила я, пытаюсь удержать в себе лечебное снадобье.

— В холле поставили временную продуктовую лавку. Но Царица повелела, чтобы завтра столовая открылась как обычно. Кстати, у тебя в запасе сорок минут.

Я нечленораздельно промычала.

Рецепт Ромашевичевского прошелся ершиком по внутренностям, прочистив от ушей и до пяток. Десять минут я умирала в туалете, потом столько же времени приходила в себя в душе, и уже относительно бодрая и посвежевшая вернулась в швабровку с раздумьями о том, во что же нарядить себя, любимую. Выбор был невелик, вернее, его не было вообще: прямая юбка чуть ниже колен и оставшийся второй свитер поверх футболки. Прелесть.

Процедура обрызгивания мифическими духами из флакончика стала ежедневным ритуалом. Возможно, я занималась самообманом, играя в таинственную аристократку, но невинное развлечение проливалось бальзамом на душу, лишённую в детстве ребяческих удовольствий.

Собрав сумку, я помазала губы. Сбегала и в последний раз погляделась в зеркало. Отразилась припухшая физиономия, но, слава богу, с осмысленным взглядом и заработавшими мозгами. Через мучения — к цели! То есть через вонючие отвары — к приличному человеческому образу.

В комнате близнецов стояла тишина. Наверное, парни из группы поддержки, подхватив Капу, ушли в институт. Оглядев побоище в швабровке, я вздохнула. Нет времени на уборку, займусь приведением комнаты в порядок вечером после занятий.

Однако прилично мы с Капой набрались всего лишь с двух стопок коньяка. Постойте-ка! С каких двух стопок? В памяти проносились вереницы бесконечных возлияний, опрокидываний и закусываний. Складывалось впечатление, что я присосалась к фляжке и пила из нее, не отвлекаясь на мелочи в виде культурного распития из стаканов. Батюшки! Или парень бегал за добавкой? Я-то думаю, отчего нам сегодня так плохо? А это, оказывается, мы понаемшали всякой гадости в желудках.

Хороший был коньяк. Он навсегда останется в моей памяти светлым воспоминанием. Спиртное употребилось на благородные цели, связанные с поднятием повисшего носа Капы. Решив по пути в институт выбросить фляжку в мусорный бачок, я, порыскав по углам, вытянула ее из-за тумбочки. Серебряная баклажка оказалась тяжелой и наполненной. Странно. Что могло булькать? Хоть убей, а не припомню, чтобы мы измывались над фляжкой. Если Капа решил спросонья не ходить в туалет, я вылью ему на голову ночное творчество!

Аккуратно отвинтив колпачок, я осторожно понюхала. Сивушные пары ударили в нос, и меня затошнило. Отдышавшись, засунула в горлышко мизинчик и окунула в жидкость, а затем лизнула подушечку пальца. Подозрения подтвердились: внутри плескался коньяк отменного качества. Полная нетронутая фляжка спиртного.

Некогда раздумывать. Не для того я прочищала голову, чтобы забить ее проблемами, не успев дойти доинститута. Сунув фляжку в сумку, рванула на занятия, хотя в юбке не особо

разбежишься.

Я бежала на лекцию. Опаздывала катастрофически. Расталкивала студентов, шмыгала между чьими-то спинами, читая на ходу расписание занятий. Теория символистики, профессор А.Г. Вулфу, кафедра материальных процессов. Ничего себе! Материальная висорика!

Обогнала какого-то серьезного дяденьку, пихнув легонько в бок и не успев извиниться — потому что спешила — заскочила в аудиторию и метнулась к своему месту перед Мелёшиным. Мельком глянула на него, он низко склонил голову к парте, видимо, опять развлекался со своим телефоном. Даже не удосужился проверить, тут я или нет. Ладно, после лекции поблагодарю за спасение в столовой.

При моем виде гул в аудитории усилился, но тут же стих. Вместо этого по рядам прошла непонятная возня, в основном, среди студенток. Одновременно со звонком в помещении появился тот самый дяденька, которого я нахально оттолкнула на повороте в коридоре. Подошел, прихрамывая, к преподавательскому столу и небрежно сложил пачку журналов, которые принес под мышкой. Обошел стол, оперся об него спиной и, оглядев ряды, сказал:

— Рад видеть вас после недельной разлуки, а в особенности тех, кто накопил долги по практическим и лабораторным работам.

Ряды нервически захихикали, в основном, девушки, вытягивающие шеи и поедающие преподавателя восторженными взглядами. Даже Эльза, на что высокомерная особа, и то с интересом поглядывала на мужчину у доски.

Приглядевшись к стоящему, я чуть не ахнула вслух. Язык не поворачивался назвать его преподавателем. Лицом к учащимся стоял мужчина в самом настоящем смысле этого слова. Белоснежная рубашка не скрывала его широких плеч, а безупречно сидящая жилетка из темно-синего атласа выгодно подчеркивала пропорции классической мужской фигуры. Короткие светлые волосы лежали в беспорядке, что придавало внешности загадочность и притягательность.

Я поняла, почему все девчонки закапали тетради слюной. Мужчина был идеален. Хотелось прижаться и крепко вцепиться в сильные плечи, чтобы принадлежать навечно лишь ему одному. Лектор А.Г. Вулфу фонтанировал первобытными флюидами вдобавок к невероятному природному магнетизму и мужественному обаянию.

Преподаватель повернул голову влево, и я увидела, что на его лице вдоль линии волос, ото лба и до подбородка, проходила узкая полоска шрама, задевавшая глаз. Но разве сей крохотный недостаток мог перевесить тонны достоинств?

Институтские преподы были шепелявыми, грузными, кривоногими, лысыми, пузатыми, сутулыми, тщедушными, носатыми, картавыми, косолапыми, и среди них не нашлось ни одного, при взгляде на которого сладко заныло бы сердце и отнялись, дрожа от непонятной слабости, ноги.

В полной прострации я наблюдала за перемещавшимся у доски образчиком роскошной мужской красоты. Такие, как А.Г. Вулфу, не должны работать преподавателями. Им на роду предписано завоевывать, повелевать и управлять, раздавая милости и собирая славу и почести.

Невероятный мужчина начал читать лекцию негромким глубоким голосом. В аудитории стояла тишина. Студентки, а вместе с ними и я, пожирали преподавателя влюбленными глазами, совершенно не вникая в суть лекции и позабыв о конспектировании.

Неожиданно, отвлекая меня от любования лектором, по руке от плеча до запястья пробежала судорога, и зажатое кистью перо вывело в тетради неровным почерком с завитушками: "Как спалось?", а следом пониже еще строчку: "Не замерзла?"

Я оторопело разглядывала руку, вытворяющую непонятные вещи в собственной тетради. На всякий случай потрогала ее другой рукой. Судорога прошла, и я пошевелила пальцами, прогоняя онемение, после чего нарисовала знак вопроса под фразами. Несколько раз обвела его и задумалась. Вопросы были понятными, но кто их задавал? Неужто перепившее вчера сознание на пару с мозгом решили пошалить после тяжелого похмелья, отдавая приказы конечностям? Что-то я ни разу не слышала о подобных последствиях попоек.

Руку снова свело судорогой, и сильнее, чем в первый раз. Как я ни пыталась удержать перо, а оно снова вывело знакомым почерком: "Ты нарушила третье правило. О последствиях знаешь".

Мэл!

Это могла быть 17.2 глава

Не успела я как следует изумиться, удивиться и насторожиться, как кисть снова свело в спазматическом приступе, и перо начало строчить с бешеной скоростью. Из-под моей руки, ведомой чужою волей, появлялись одна за другой громоздкие трехэтажные математические формулы, системы уравнений, параграфы с текстами, сноски, ссылки, комментарии и пояснения.

Страницы отлетали одна за другой. Не успев перевернуть один лист, я принималась за другой. Текст оказался знакомым. Моя рука дословно переписывала справочник-решебник задач по нематериальным заклинаниям, который я недавно пролистывала в библиотеке.

На смену первоначальному изумлению пришла злость. Ах, вот как! Решил меня уморить?

Мышцы руки вскоре онемели, на указательном пальце от пера натерлась мозоль. Ну, мы еще поглядим, кто кого!

Я пыталась сопротивляться, борясь с насилием всеми доступными методами. Но какие способы борьбы могли быть у студентки, абсолютно не владеющей вис-способностями? Исписанные страницы перелистывались, и перо с неумолимой жестокостью водило по пустым строчкам, заполняя их убористым печатным шрифтом.

Чего добивался Мелёшин? Устраивая наказание, он знал, что я не смогу противостоять заклинанию. Рассчитывал услышать вопль боли и унижения на всю аудиторию? Вряд ли. Мэл знал, что я промолчу и буду сидеть как мышка, потому что иначе публично распишусь в собственной беспомощности.

Злость сменилась отчаянием, отчаяние перетекло в безнадежность. Рука ужасно устала, я не чувствовала пальцев. Где-то в глубине зрело и копилось нечто, грозившее обвалиться истерикой. Склонившись над столом, чтобы никто не заметил закусенную губу и слезы в глазах, я выводила пером ненавистные доказательства и следствия из теорем. Тетрадка заканчивалась. Оставалось несколько листочков. Что будет, если Мелёшин не остановит заклинание? Продолжу писать на столе?

Плотину прорвало, и я нечаянно шмыгнула. Ведь не хотела, чтобы он заметил малейший намек на признание моей слабости, а не смогла удержаться. Снова шмыгнула. Горячая соленая капля упала на лист, промочив его, отчего часть строчки расплылась.

Скорость писанины несколько замедлилась, будто Мелёшин растерялся. Однако рука продолжала выводить текст.

Я изо всех сил кусала губы, чтобы не расплакаться, но предательские слезы снова закапали на тетрадку. Целых три штуки. Склонившись еще ниже, свободной рукой утирала полные влаги глаза, пытаюсь сдержать слезливый поток. Снова швырнула пару раз носом и утерла его рукой.

Перо, замедляясь, вывело еще пару строк и замерло. Не в силах поверить, я разглядывала руку, будто она была чужой, а не моей, и толстую тетрадь на столе, исписанную идеальным типографским почерком.

Надумал пожалеть? Сейчас как вскочу и заорю при всех на Мелёшина, что не нужны его подачки и что гордости мне не занимать — пусть пытается на здоровье! Но вместо этого я предпочла баюкать ноющую руку. Мышцы тянуло, к запястью было невозможно прикоснуться — оно горело.

И я собиралась поблагодарить Мелёшина за свое спасение из столовой?! Ни за что! Мэл, сам того не подозревая, срубил на корню всё положительное, что надумалось о нем за последние сутки. Своими ногами растоптал жалкие крошки хорошего — мизер, что откопался из кучи г*вна.

Я укачивала руку и не чувствовала пальцев. Ладонь опухла и безжизненно лежала на коленях. Наверное, после сегодняшней поучительной лекции Морковка ампутирует руку по плечо. А какая польза от инвалидной конечности? Все равно суставы разбиты в щепки и мышцы до невозможности растянуты изнурительным наказанием.

Предаваясь скорби, я не сразу обратила внимание, как сзади шею обдувает легкий ласкающий сквознячок, вызывая трепет кожи. Потерла раздраженным и недовольным жестом, чтобы мучитель понял — меня так просто не задобрить после пережитого потрясения. Вполне возможно, что Мелёшин и не думал извиняться, а приводил в чувство, словно нокаутированного боксера, готовя к следующему тяжелому раунду.

Сквознячок затронул мочку уха, прогулялся туда-сюда по шее и, зацепившись у левой ключицы, принялся настойчиво тереться. Я демонстративно передернула плечами, сбрасывая наваждение, словно навязчивую секарашку. И начала злиться. Какое может быть перемирие после устроенной репрессии? Потом сгорбилась и предалась меланхоличным раздумьям о своей несчастной жизни.

В это время прозвенел звонок, и студенты кинулись из аудитории. Вернее, рванули парни, а девушки обступили преподавателя шумной толпой и наперебой стали выспрашивать о подробностях поездки, причем все как одна кокетничали и вели себя навязчиво и призывно.

Рядом раздались шаги. Конечно же, ко мне подошел никто иной как Мелёшин. Егорчик. Вспомнила! При бегстве из столовой брюнетка назвала его по имени. Егор. Егорушка. Игоряшка. Игогошка. Конь. Змей ползучий. Ненавижу.

Уперся руками, отгородив меня от попытки сбежать, да я бы и не улизнула. Сидела и жалела себя. Вскинула на Мэла глаза, и подбородок непроизвольно задрожал, а к глазам опять подступили предательские слезы, хотя я изо всех сил сдерживалась, чтобы не показать слабину.

Мелёшин хмурился. Перевел взгляд на тетрадку с расплывшимися кляксами строчек. Я тут же закрыла её, и, поджав губы, отвернулась.

— Следовало всего лишь позвонить, — раздалось сбоку.

— У меня нет телефона! — выкрикнула я обиженно. Хорошо, что из-за гвалта у доски на наш разговор никто не обращал внимания. — Не-ту!

— При желании всегда можно найти, откуда позвонить, — продолжал гнуть свою линию Мэл. — С вахты или от соседки.

— Попрошайничать не собираюсь, а лишних денег, чтобы оплачивать разговоры с тобой, у меня нет.

Черт, ну, почему голос дрожит плаксиво, и опять расшмыгался нос?

— Понятно, — констатировал Мэл после короткого молчания. — Или причина в том, что вечером нашлись более приятные дела, чем короткий телефонный звонок? А?

Вместо ответа я ткнула пальцем в тетрадную обложку:

— По твоей воспитательной милости исписалась вся тетрадь, а другой у меня нет. Что прикажешь делать?

— Что прикажу? — хмыкнул Мелёшин. — Почитывать на досуге. Там, кстати, описан

пример того, как можно снять заклинание certus exempul^[16].

Тут он наклонился ко мне и изрек на ухо:

— Хотя тебе зачем? Все равно не сможешь воспользоваться.

Вся кровь, что циркулировала в моем организме, бросилась в голову. Бесил он меня жутко, этот самоуверенный наглец. Не осознавая, что делаю, наобум сотворила под столом "холодный укол" и направила в ухмыляющуюся физиономию. Судя по всему, попала, потому что Мэл отскочил как ошпаренный.

— Что это? — оглядел свои руки. — Отдача?

Ура! У меня получилось! — злорадно запело и запрыгало внутри.

— А я почему знаю? — пожалала плечами с невинным видом. — Ты же умненький — разумненький, вот и догадывайся. Итак, что с возмещением убытков?

При этом гордо умолчала, что никакая взятка не способна компенсировать боль, что растекалась обжигающей лавой по руке, захватив территорию от плеча до подушечек одеревеневших пальцев.

— Держи. — Мелёшин вытащил из своей сумки толстую тетрадь с зеленой обложкой. — На первой странице всего две строчки. Тебя устроит?

— Вполне. — Я невозмутимо сложила обе тетрадки стопочкой, приготовившись убрать.

— Постой-ка!

Мелёшин схватил подаренную мне тетрадь и вырвал из нее последнюю страницу. Я мельком заметила на ней какие-то каракули. Он скомкал листок, засунув в карман брюк, и снова перегородил путь.

— Скажи напоследок. Спрашиваю из чистого любопытства: Капа хорош в постели, да?

Я задохнулась. Лицо запылало, слова застряли где-то в районе связок. Потом задрала подбородок и ответила с вызовом:

— А твоё какое дело?

— Да так, — пожал Мэл плечами. — Набираю материал для научного доклада по теме: "Почему убожества притягиваются друг к другу".

Я бы врезала ему и уже поднялась со скамьи, чтобы это сделать. И почти замахнулась, но тут у доски послышалось покашливание. Мы синхронно обернулись. Кроме меня, Мелёшина и преподавателя в аудитории никого не осталось. Он стоял и смотрел на нас, расставив ноги и засунув руки в карманы брюк. Ладно, не лепить же пощечину при преподу. Кстати, надо поучиться на подушке, чтобы выходило звонко и с красным пятном на всю щеку, а то еще никому ни разу не давала оплеух.

Закинув здоровой рукой сумку на плечо, я спустилась вниз по ступенькам, прижимая уработавшуюся конечность к груди. Следом за мной шел Мелёшин. Проходя мимо лектора, хотела сказать "до свидания", но тот опередил меня.

— Учащаяся Папена?

Удивившись, притормозила. Откуда препод узнал, что я — это я?

— Д-да, — призналась растерянно.

— Вы впервые на моем занятии, — утвердил мужчина.

— Она недавно перевелась, — пояснил Мелёшин. Он тоже остановился позади меня.

— Очень интересно, — ответил А.Г. Вулфу. — Перевод в середине учебного года.

Я отвела глаза.

— По семейным обстоятельствам, — опять вставил Мелёшин и легонько двинул меня в спину.

— Да, — кротко кивнула я.

— Хотелось бы обсудить с вами несколько вопросов, — сказал препод и посмотрел поверх моей головы на Мелёшина.

— Разговаривайте, я подожду, — разрешил тот.

Я чуть на пол не села от его наглости. Студент разговаривает с преподавателем в развязной манере?

По губам Вулфу пробежала тень улыбки, а глаза сделались ледяными как айсберг.

— Рассчитываю побеседовать со студенткой в приватной беседе, — отрезал мужчина. От властности его голоса моя кожа покрылась гусиными пупырышками. Ну, чем не король?

Мелёшин, не ответив, медленно направился к выходу. У двери развернулся всем корпусом, окинул меня и препода взглядом, и вышел.

Я осталась наедине с самым невероятным мужчиной на свете.

Преподаватель прохромал к выходу, нарисовал мелом по бокам от двери четыре символа и вернулся обратно. Присев на краешек стола, он принялся меня разглядывать. Очень мне не понравилось его пристальное внимание: будто рентгеном насквозь просвечивал и видел все тайны.

Я растерялась. Тяжесть взгляда брутального красавчика путала мысли, рождая плохое предчувствие.

— Что я сейчас делал у двери? — спросил преподаватель.

— Аналог "покрова тишины", только в символьной форме... наверное, — ответила неуверенно и с запинкой.

— Сколько волн связано на каждой руне? — продолжил допрос Вулфу, впившись в меня взглядом.

Я опустила глаза:

— По две.

— Неправда. Я их вообще не связывал, — сказал преподаватель и усмехнулся.

Моя голова опустилась еще ниже, чтобы полюбоваться текстурой древесины на паркете.

— Чем вы занимались на лекции?

— Конспектировала.

— Неправда. Вы увлеченно писали что-то, не имеющее отношения к теме занятия.

Неужели препод наблюдал за мной, читая лекцию? Но зачем? И как ему удалось с первого взгляда раскрыть мою конспирацию? Может, у меня написано на лбу большими буквами: "лгунья"?

— Признайтесь, зачем вам аттестат, если вы совершенно не имеете желания учиться? — сказал обвиняюще мужчина, осторожно скрестив ноги. — Я мог бы принять с натяжкой обман, если бы у вас были достаточно веские основания для получения висорического образования плюс стремление к учебе. Но поистине хамское отношение к символистике неприемлемо для меня.

Это мое-то хамское отношение? Да я изо всех сил боролась с мерзавцем Мелёшиным, подложившим большую свинью со своими дурацкими правилами и наказаниями!

— Уверен, аналогичное пренебрежение наблюдается и к другим предметам. Зачем мучиться, изображая приязнь к тому, что вы ненавидите? Если нет таланта и ума, незачем было лезть в учреждение со специальным уклоном.

Мужчина сознательно унижал и был прав, называя меня той, кто я есть на самом деле. Однако превосходство, источаемое его словами, подняло волну глухого раздражения. Пусть у

меня подлая и мерзкая душонка, никто не давал преподавателю право сыпать оскорблениями.

— Отношение к предметам у меня не хамское, — ответила я с вызовом. Голос дрожал. — И не моя проблема, что для вас приемлемо, а что нет.

Вулфу с некоторым удивлением изогнул бровь.

— Думаете, если последуете по стопам выскочки Мелёшина, дерзость сойдет вам с рук? Всегда найдется управа на длинный язык и наглую ложь.

Я вскочила. Меня затрясло от обиды на паршивца Мелёшина, на высокомерного преподавателя, на свою жалкую участь смиренно глотать оскорбления тех, кто знал мою тайну и не упускал случая потыкать носом как щенка.

— Да пожалуйста! Делайте, что хотите!

Всхлипнула разок, другой и заревела. Истерика накатила стремительно как майская гроза. Я размазывала по щекам слезы и, глотая и давясь словами, выплескивала накопившиеся страхи и горечь обид:

— Сто лет не сдалось ваше хваленое висоратство! И вы с вашим мнением тоже сто лет не пригорели! Отстаньте от меня, ради бога! Идите и кричите на всех углах, что распознали слепую, такую-разтакую отпетую мошенницу! За это первый отдел медаль выпишет и личный значок подарит! Знаете такую блестящую циферку? Прикрепите и будете носить с гордостью!

Неожиданно меня встряхнули, возвращая на грешную землю.

— Немедленно прекратите разводить сырость, — процедил Вулфу. Его лицо оказалось совсем рядом, и сквозь пелену слез почудилось, что в глазу, затронутом шрамом, зрачок стал вертикальным, а радужка загорелась насыщенным янтарным цветом. — Распустили нюни. Поздно плакать, залезши в середину гнезда.

— А я... и...не... плачу... — проямлила, судорожно всхлипывая.

— Прекрасно. Сядьте и успокойтесь.

За моей спиной очутился невесть откуда взявшийся стул, и мужчина помог сесть, придерживая за здоровую руку. Его озадачил поток бурных слез, и он не знал, что делать. Моя незапланированная истерика стала отдаленным последствием измывательств Мелёшина и не предназначалась для глаз и ушей преподавателя.

— У вас есть платок?

Я помотала головой. Все беды решались одним взмахом — рукавом свитера. В мою ладонь всунули большой мужской носовой платок в крупную клетку. От него вкусно пахло, и желудок тут же заурчал.

— Я не могу, — пролепетала, пытаясь вернуть тряпочку, но ее настойчиво впихнули обратно.

Вулфу сел напротив меня и изучал с непонятной досадой. Шумно высморкавшись и утерев слезы, я забегала глазами по сторонам. Смотреть куда угодно, но только не на красивое и сердитое лицо.

— Я несколько погорячился, — сказал вдруг преподаватель. — Не думал, что вы отреагируете столь... эмоционально. Старательно сдерживая хлюпанья носом — последствия затяжного плача, — я мяла платочек в руках. У меня не получится отстирать его до совершенной чистоты, коей он блистал перед тем, как коснулся моего носа.

— Генрих Генрихович попросил осмотреть рисунок на вашей руке. Поддавшись настойчивым расспросам, он рассказал о вашей роли в институте.

Я сжала платок в кулаке. Выходит, передо мной сидел специалист, которого с нетерпением ожидал Стопятнадцатый! Ну, что за болтливый декан? Осталось собрать в холле весь институт и объявить, чего уж тянуть? Вулфу заметил мое напряжение.

— Не волнуйтесь, я дал обет молчания.

Не веря ушам, подняла глаза на мужчину. Обет молчания подразумевал, что давший его тут же подавится собственным языком, едва проговорится, а если попробует изложить на бумаге, то самозадушится своей же рукой. Сие было железно, и даже щит неприкосновенности не являлся помехой для клятвы.

— Но как же... первый отдел и всё такое? — проямлила гундосо и снова высморкалась.

— Опять вы за свое, — раздраженно стукнул по колену преподаватель. — В общем так. После занятий жду вас в лабораторном крыле. Знаете, где это?

Я кивнула.

— Пятый этаж, ограниченный доступ. Чтобы вас пропустили, — Вулфу в задумчивости потер подбородок, — сделаем оттиск любого из ваших пальчиков.

Мне не послышалось? У меня на руках были не сосиски, не грабли, не щупальца, а пальчики! Я начала разглядывать их, словно в первый раз. Преподаватель протянул листок.

— Приложите к бумаге. Она запомнит.

Неловко прислонила большой палец здоровой руки к белому листу и для пущей уверенности надавила посильнее. Лист смялся, и я сконфузилась. Лицо Вулфу осталось непроницаемым.

— Генрих Генрихович настаивал на моей консультации. В ней точно есть необходимость? — спросил он у меня. — Быть может, вы нанесли временную татуировку и забыли?

Я опешила. Теперь ко всем моим прочим достоинствам еще и идиотизм добавился? Уж если многоуважаемый профессор занят, то незачем отвлекаться на малоумную студентку. Пусть лучше в свободное время любитесь в зеркале своей неотразимой внешностью и наводит пробор на голове.

— Необходимости нет, — сказала, поднимаясь. Грозовая истеричная туча прошла, зато начала посверкивать сухая зарница. — Я нанесла временную татуировку и забыла.

Вулфу тоже поднялся. Мой ответ его не устроил.

— Что вы повторяете как попугайчик? Скажите, имеет смысл тратить время на осмотр?

— Нет! — ответила я обиженно. Пусть подавится своим бесценнейшим временем! Вот хотя бы займется охмурением красоток, чтобы не тратить профессорское внимание на безмозглую крыску-врушку. — Могу идти?

Видимо, мужчине не понравился подозрительный блеск в моих глазах.

— Идите. Если после занятий не появитесь в течение получаса, консультацию не получите.

— Не появлюсь, будьте уверены, — пробурчала я под нос, отвернувшись.

Опустошенная и обессиленная, я выползла из аудитории. Предстояло топтать на занятие к Стопятнадцатому, а ноги отказывались передвигаться. На подоконнике сидел Мелёшин, любясь на свой телефон. Увидев меня, соскочил и, подойдя, нахмурился. Наверное, заметил краснущие как у кролика глаза, и нос, распухший от соплей. Между прочим, сей мерзопакостный вид я заполучила по вине стоявшего напротив гиппопотама.

— Чего он хотел? — кивнул Мелёшин в сторону покинутой аудитории.

— Чего-то, — мстительно ответила, не договаривая.

— Папена... — он начал с угрозой, но я оборвала:

— Опостытели угрозы, хоть вешайся. И твои, и твоей Эльзушки-свинюшки.

— За Эльзу не беспокойся, всё улажено, — быстро вставил Мэл.

— Нету моченьки соблюдать твои правила и терпеть так называемые методы воспитания, — пожаловалась и провела по щеке большим пальцем. — Скажи, что сделать, чтобы ты потерял интерес, а?

Мелёшин поджал губы:

— И правда, зачем ношусь с тобой как со списанной торбой? Вот кстати, сегодня Касторский опять предлагал отдать тебя. Намекал, что ты отбилась от рук и без моего разрешения спишь, с кем попало.

Я открыла рот, да так и захлопнула. В голове зашумело, а Мелёшин продолжил, как ни в чем не бывало:

— Знаешь, что бывает, когда бросают обвинение в небрежной дрессировке? Тогда спор решают в парке, тремя заклинаниями на выбор. А у меня нет особого желания мараться. В следующий раз попросит — отдам. Слышал, Касторский любит "удавку" и заставляет прислуживать на коленях. Если тебе по нраву мой вариант, можешь в любой момент уйти к нему или к кому-нибудь другому. Не держу.

С каждым последующим словом безнадежность опутывала меня тугими витками уплотнявшегося кокона. Оставалось умереть в ловушке, задохнувшись.

— А можно просто уйти? К самой себе, например? — спросила я с надеждой.

— Можно. Если отобьешься в парке. Своё имя придется отстаивать самой.

Опустив голову, я ковыряла носком сапога царапинку на полу. Свою честь мне давно не защитить, а Мэл дал ясно понять, что ему не нужны проблемы из-за меня. Но хлыст старосты, маячивший на горизонте, пугал безумно.

— Я не спала с Капой!

— Надо же, — усмехнулся Мелёшин. — И как вы оказались в одной постели? Комнаты перепутали?

— Мы напились, а потом Капа отрубился.

— А спихнуть с кровати не судьба?

— Он же тяжелый как мамонт, как его сдвинешь?

Зеленые ободки в глазах Мелёшина блеснули и погасли.

— Ладно. На будущее звони сразу, если случится что-нибудь непредвиденное.

— Но как? — взъерепенилась я.

— Изыщи способ. Предупреждаю, еще раз случится так, что Касторский выставит меня дураком, этот раз будет последним. Поняла?

Я опустила глаза. Куда ни кинь, всюду клин. Получается, Мелёшину надо сказать спасибо за его экзекуции? За то, что изысканными наказаниями он спасает меня от изувера Касторского?

— О чем Альрик беседовал я тобой?

— Какой такой Альрик? — нахмурила я лоб.

— Символистик хренов, — кивнул Мелёшин в сторону аудитории.

— Не твое дело.

— По-хорошему советую, держись от него подальше.

— Мелёшин, ты сыплешь угрозами как из рога изобилия. Я уже устала бояться.

— Бойся не меня, а его фанаток. Если выделит тебя, как Стопятнадцатый, — усмехнулся Мэл, — готовься к тому, что однажды в темном углу отделают, и родная мама не узнает.

Мама меня в любом виде не узнает. Она восемнадцать лет дочь не видела.

— Не волнуйся. Как Стопятнадцатый, он меня точно не выделит.

Неожиданно Мелёшин схватил меня за локоть. Хорошо, что за здоровую руку ухватился, а то я бы взвыла на весь этаж.

— Что он тебе сделал?

— Ничего.

— Ничего он не сделал... — пробормотал Мэл. — Он к тебе прикасался?

— С чего ты взял? — пожала я плечами и, наверное, покраснела.

— Ты бы еще короче юбку одела! — выпалил Мелёшин. — И задницей посильнее виляла!

Это моя-то юбка короткая? Да она ниже коленок на целых пять сантиметров. Я специально замеряла.

— Козел! — отпихнула его и побежала прочь, не оглядываясь.

Это могла быть 18.1 глава

В приемной деканата оказалось стабильно пусто, а на двери кабинета Стопятнадцатого болталась прищипленная записка: "Папене — занятия отм, завтра по расп". Прозвенел звонок и, сверившись с часами, я удовлетворенно отметила, что они шли с отличной точностью.

Подумала, подумала и решила навеститься в библиотеку, почитать про заклинание "точной копии" и, если останется время, поискать информацию о разных обетах. Спустившись в холл, я успела купить пару сырников перед закрытием продуктовой лавки.

Несмотря на многолюдность, в библиотеке все же остались свободные места. В дальнем углу я увидела Петю Рябушкина. Библиотекарша, поправив очки на переносице, кивнула на сырники в мешочке:

— С продуктами книги не выдаем.

— Никто не собирается съесть их прямо здесь и сейчас, — заметила я резонно и для пущей правдоподобности сложила в сумку.

Бабетта Самуиловна посмотрела с подозрением, но книгу все-таки выдала. Подхватив ее под мышку здоровой рукой, я направилась к Пете. С грохотом устроила сумку на столе, отчего парень, углубившийся в чтение, вздрогнул от неожиданности и поднял голову.

— А, привет! — сказал радостно. — Представляешь, сижу третий час, в голове каша, а завтра семинар. Читаю и тут же забываю.

— Петя, я в тебя верю. Давай отдохнем, а то у меня с утра маковой росинки во рту не было.

Спрятавшись за сумкой, мы съели по сырнику, и парень не стал ломаться и отказываться.

— Знаешь, — сказал Петя, жуя, — я как с тобой в библиотеке ни встречу, вокруг тебя постоянно витают сплетни и слухи.

— Какие? — любопытствовала с полным ртом.

— Что ты с Чеманцевым вместе.

Я наморщила лоб. Уж со сколькими людьми успела перезнакомиться за короткое время в новом институте, а этого товарища не знаю.

— Ты уверен? — спросила и откусила от сырника.

Петя посмотрел так, будто сомневался в моей вменяемости.

— С одним из близнецов, — пояснил он. — С Капитосом. Второй-то в ожоговом центре сейчас лежит, наращивает в геле кожу.

— А! — Стало быть, у братьев кроме имен, еще и фамилия есть, а я не удосужилась узнать. — Не, Петь, у нас с ним ничего нет. Представь, если бы с твоим братом произошла жуть, ты бы шастал по чужим койкам?

— Я — нет, — покачал головой парень.

— Вот и этот балбес тоже. Жаль, ни он, ни я не умеем толком пить, вот и уснули на ходу. Больше чем уверена, что брат долго будет сниться ему в кошмарах.

Петя хмыкнул и почему-то вздохнул с облегчением.

— Да, не хотел бы я оказаться на месте Чеманцевых. Жаль, во время пожара уехал на тренировку, готовился к чемпионату. Всё пропустил.

— Петя, и ты жалеешь?! Там же просто жуть, что было! — Меня передернуло. — Одно

скажу, в подобных ситуациях человеческая изнанка наружу вылезает. Поэтому еще раз огромное спасибо, что спас из-под люстры. — Я ухватилась жирными пальцами за руку парня, заставив его покраснеть.

— Сто раз говорил, не надо меня постоянно благодарить, — пробормотал он.

— А мне не жалко! — уверила я и, чтобы перевести тему разговора, спросила: — Слушай, Петь, мне нужно из ватмана сделать плафончик для лампочки, а я ни бельмеса не умею. Может, поможешь или подскажешь, кто сможет? Аффга говорила, среди ваших полно талантов, чтобы создать шедевр из ничего.

— Конечно! — оживился парень. — А почему из ватмана? И где лампочка?

Я застеснялась:

— У меня в комнатухе в общежитии. Понимаешь, свисает с потолка крысиный хвостик и светит как в морге.

— Давай пойдем и купим хороший плафон.

— Петь, у меня денег в обрез и сейчас не до хороших плафонов.

— Понятно, — кивнул он, обернулся назад и позвал громким шепотом: — Серега! Серый!

Серым или Серегой оказался долговязый тощий парень с расклепанными брюками, похожий на стилиста. Он с невозмутимым видом выслушал пересказ Пети о моем заказе, задал разъясняющие вопросы и велел принести ватман завтра перед первой лекцией.

— Сделаю раскрой на листе и приложу схему сборки. Скреплять будете сами.

Я с радостью согласилась, и мы вернулись обратно за свой стол.

— Петь, а разве Серега не возьмет денег?

— Не возьмет, — ответил он уклончиво.

Некоторое время мы сидели тихо. Петя уткнулся в свою книгу, я — в свою, перелистывая страницы здоровыми пальцами. Натруженную руку, висевшую безжизненной плетью, продолжало тянуть и корежить, хотя болезненные ощущения притупились.

Наконец, нашла информация о заклинании *certus exempul* или "точная копия". Оно оказалось запутанным, многоуровневым и наверняка затратным, к тому же из четвертого, последнего курса. Как же так? Мелёшин не боялся накладывать сложные заклинания, зная, что отдача будет болезненной и что на практических занятиях от него не будет толку, поскольку он выдохнется, дрессируя меня.

Об этом я не преминула спросить соседа, толкнув в бок. Вернее, спросила завуалированно.

— Петь, скажи, как люди умудряются вбаживать мощные заклинания, а потом блещут талантами на лабораторках и практичках?

Парень почесал затылок.

— Здесь, кроме накопленных знаний, важны врожденные умения. Они обычно передаются от родителей. Если те — потомственные висораты, и к тому же сильные, то у ребенка будет огромный потенциал. — Он снова покраснел. — Как правило, кладезь силы переходит в старинных родах и древних кланах по наследству.

Я помрачнела. Стало быть, за Мелёшиным стояли плотной стеной тени его могущественных предков: колдунов, магов, ведьм. И хотя эти термины преданы анафеме и давно вышли из употребления, будучи замененными обезличенным "висораты", кровь далеких родственников играла в Мэле, позволяя ему черпать силы из генетической памяти. Теперь понятно, почему он дрессировал меня два часа подряд, не испытывая дискомфорта.

— Петь, а ты тоже потомственный... ну, висорат? — спросила шепотом у парня. Бабетта Самуиловна поглядывала на нас с возмущенным раздражением.

Он скромно потупил глаза:

— Да какой из меня потомственный? Есть маленько, и то ладно.

Какой же все-таки стеснительный! И не хвастливый притом. Тут меня осенило.

— Петь, а на чем ты специализируешься? Ты же на внутреннем учишься.

— Проектирую воздушные, морские и подземные суда, — ответил он неохотно. — Скучно и неинтересно.

— Почему неинтересно? Наоборот! Разве бывают подземные суда? Обязательно расскажешь о них.

— Правда? — Парень обрадовался и повеселел. — Я думал, девушкам не нравится слушать о технике.

— Зря ты так думаешь. Трепещу от предвкушения!

— Ладно, — улыбнулся он широко. — Еще в свободное время я работаю в институтской кузне.

— Вот это да! — Моему восторгу не было предела. — Петя! Ты такой! Разносторонний — вот какой!

Парень, видимо, не рассчитывавший на мой энтузиазм, смущенно улыбался.

— Хочешь, как-нибудь покажу?

— Конечно, хочу. Очень!

— Молодые люди! — воскликнула библиотечка. — Или занимайтесь, или попросу из зала.

Я обернулась по сторонам. Это она к кому обратилась? Все головы повернулись в нашу сторону.

— Петь, мне сейчас надо бежать, а завтра занесу ватман, и если хочешь, договоримся о кузне. Неужели, ты, правда, как кузнец бьешь по наковальне?

— Правда, — заверил Петя.

Бабетта Самуиловна проводила меня таким взглядом, словно я кровно обидела ее и библиотеку в придачу.

На консультацию к Альрику наше высочество не пошло. Из принципа. Должны же быть какие-то принципы у полностью беспросветной крыски?

Рядом с Петей я ощутила себя полнейшим ничтожеством. Печально поглядела на свои руки. И вовсе не пальчики на них, а настоящие грабли, кривые и неумелые. Таким граблям нипочем разные рисунки в виде колечек. Цепочка практически стерлась даже при внимательном рассматривании. Скоро и она исчезнет, потому что ей стыдно красоваться на ничего не могущих конечностях.

Взгрустнув, я пошла в общежитие.

Подмораживало, под ногами похрустывал снег. Пока я добежала до швабровки, нос успел прихватиться.

Комната, неубранная с утра, производила неприятное впечатление. Пришлось пересилить себя и начать уборку, усложнявшуюся тем, что приходилось орудовать левой рукой, а правую беречь.

Подметая, я не могла отделаться от мысли, что в мое отсутствие кто-то побывал в комнатухе. Вроде бы вещи находились там, где их оставила: расческа брошена на кровать,

флакочник из-под духов подкатился к складному стаканчику на столе, смятое одеяло сдвинуто к стене. Тем не менее, меня не покидало ощущение, что предметы располагались не совсем так, как раньше: молоток лежал у рамы, а не с краю подоконника, складной стаканчик сложился на треть, и вообще, в комнате неуловимо пахло кожей и кремом для обуви.

Я бросилась к тумбочке. Вещи лежали на своих местах, и все равно казалось, что по ним шарили грубые мужские руки, и некто посмеивался над спящими мишками на трусиках.

Сев на кровати, я принялась обгрызать ногти, задумавшись. Кто бы это ни был, он ничего не взял. Приходили явно не для того, чтобы украсть. А для чего? Чтобы проверить? Обследовать? Найти? Но что?

Фляжку! — осенило меня. Бросившись к сумке, я извлекла ее на свет божий. Она по-прежнему тяжелила руку, коньяк по-прежнему омывал ее внутренности. На обеих сторонах чеканное изображение повторялось: мужчина в старинной одежде пронзал копьем свернувшегося толстыми кольцами питона, из зубастой пасти которого высовывался длинный раздвоенный язык.

По серебряному бочку фляжки шла выгравированная фраза на новолатинском: "non dispi funda", повторяясь несколько раз. Этот язык считался базовым и преподавался на первом курсе, поэтому я многое успела подзабыть. Приблизительный перевод означал нечто похожее на глубокое дно. Подразумевала ли данная фраза бездонность фляжки? Если так, то в моих руках лежал бесценнейший артефакт! Не совсем, конечно, бесценный, но имевший весьма приличную стоимость. Фляжка обладала нескончаемостью и варила, причем не какую-нибудь перловку, а коньяк отличного качества! Узнать бы еще, что за марка у напитка, но для этого нужен хороший дегустатор.

Раздумывая, я предположила, что отец мог нанять кого-нибудь для розыска пропажи из бардачка. Хотя вряд ли. Он, не церемонясь, прислал бы весточку о встрече на нейтральной территории и в ультимативном тоне потребовал бы вернуть украденную вещицу. Значит, это не он. Да и кто, кроме меня, знал о фляжке? Только Капа. Но он был пьян и, по его словам, ничего не помнит.

Еще раз на всякий случай я оглядела сумку и тумбочку. Фотография лежала в кармашке, цепочка с брошкой всегда на мне. Остальные вещи тоже были дороги, но не настолько, и в случае кражи смогу свыкнуться с их утратой.

Все-таки я навела порядок в комнате и постучалась к соседкам. Дверь открыла Лизбэт с мелкими папильотками на голове. Она не сказала ни "здрате", ни "как дела".

— Привет! — прокашлялась я. — Аффы еще нет?

— На занятиях, — сказала Лизбэт и захлопнула дверь.

Весьма общительная особа.

Я вернулась в швабровку. Решила заняться докладом, но в голову ничего не лезло. Казалось, что за мной подглядывали — через окно, из-под кровати, из-за тумбочки.

Мысли переключались на Альрика. До сегодняшнего дня я встречала похожих на него брутальных красавцев лишь в фильмах и на обложках журналов. Вулфу наверняка знал о воздействии своей внешности на слабый пол и умел обращаться с женщинами, чтобы они в экстазе падали в обморок. И, похоже, я не попадала в список тех, кого можно отнести к слабой половине человечества.

Поначалу показавшись невероятно привлекательным, к окончанию разговора Вулфу породил во мне страх, отчего я позабыла, что передо мной не только преподаватель, но и

красивый мужчина. Он присоединился к когорте владевших моим секретом и пусть не собирался рассказывать о нем, всё же в его силах сделать мою жизнь невыносимой.

Появление Аффы отвлекло от хаоса в голове.

— Как дела? Смотрю, помогло снадобье.

— Помогло, — подтвердила я и коротко обрисовала, как Мелёшин принял известие о ночи с Капой.

— Ни финтыкс себе! — выпятила нижнюю губу Аффа. Я давно обратила внимание, что она выпячивала её, когда была потрясена чем-нибудь.

— Не бери в голову, — махнула я здоровой рукой, — отобьюсь. Лучше скажи, заходил сюда кто-либо после моего ухода в институт?

Аффа прошлась по комнате, подержалась за стену, за дверь, опустила ладошку на тумбочку.

— С чего ты взяла?

— Даже безмозглая висоратка вроде меня унюхала чужой запах. Теперь не засну спокойно, не чувствуя себя в безопасности.

Девушка закрыла глаза. Постояла некоторое время посреди комнаты и начала водить руками, словно и плыла по волнам.

— Двое. В коротких куртках с меховыми воротниками. Открыли отмычкой. Конкретно ничего не искали. Изучали. Ничего после себя не оставили.

Аффа открыла глаза, вернувшись в реальность, а я понуро молчала, подавленная услышанным.

— Они могут вернуться в любой момент. Когда буду, например, спать, — предположила, и меня передернуло от подобной перспективы.

Девушка присела на кровать.

— Думаю, приходили первоотдельщики. Грубо сработано, остались следы. Наверное, специально. Тебя еще не допрашивали?

Я удивилась:

— Нет.

— А у нас сегодня весь курс таскали поочередно. Выделили на первом этаже отдельный кабинет для допросов.

— И ты ходила?

— Ну, да.

— И как?

— Ничего. Вежливые, обходительные. Спрашивали про случай в столовой: где находилась на момент происшествия, что слышала, что видела. Было бы глупо скрывать, что близнецы — мои соседи по общежитию. А то, что ты с Капой провела ночь, знает половина института. Не сходишь с афиш, соседка. Поэтому вполне вероятно, что они посетили швабровку в твоё отсутствие. Мало приятного, конечно.

— А почему меня не вызвали?

— Наверное, потому что не справляются. Не волнуйся, придет и твой черед. Стопятнадцатый и Царица присутствуют на допросах в качестве свидетелей и от лица администрации.

Теперь понятно, где пропадает декан.

— Получается, они будут ходить здесь как у себя дома, пока меня нет, и копать в моих трусах?

— Можешь сбежать в квартал. В ремонтной мастерской есть бэушные замки и засовы. Если понравится — купишь. Там же наймешь мастера, чтобы врезал. Лучше брать замок ручной работы, потому что к нему не подобрать отмычку. А если подберут, то провозятся немало времени. Проще выбить дверь, а им светиться нельзя. И укрепи окно гвоздями, а то выставят рамы.

— Аффа, — изумилась я, — откуда ты знаешь в самообороне жилища?

— Было дело. — Она не стала вдаваться в подробности и шепнула на ухо: — Не люблю первый отдел, но куда деваться. Так пойдешь?

— Подумаю. Если решусь, можно оставить у тебя сумку? Мне черт знает что мерещится. Аффа кивнула и ушла.

Я размышляла недолго. Все равно не смогу уснуть и буду вздрагивать от малейшего шороха. За окном только начало темнеть. Если быстренько сбегаю туда и обратно, нигде не задерживаясь, то обернусь недолго.

Побросав ценные вещи в сумку, я оделась потеплее, сунула деньги в карман и постучала к Аффе. Она приняла мой скарб и запихала под кровать. Лизбэт что-то читала за столом под лампой.

— Слушай, а если за замок дорого запросят? У меня сейчас негусто с финансами.

— Сбегай. За спрос денег не берут, — посоветовала девушка. — Не выгорит дело, тогда будем соображать по-другому.

Меня согрели ее слова, когда она сказала "будем".

— Аффа, а как перевести с новолатинского "нон диспи фунда"?

— Сейчас, — задумалась она, возведя глаза к потолку. — М-м-м... дословно "не вижу дна".

— Спасибо. Я побежала.

Что и требовалось подтвердить.

Натянув поглубже шапку и умотавшись шарфом, я направилась через парк к дыре в ограде. Безветрие принесло пощипывающий морозец. Было одинаково холодно и днем, и ночью, и вечером. Когда я добежала до улицы с лавками, пальцы основательно пристыли — и в перчатках, и в сапогах. Подпрыгивая, забежала в ремонтную мастерскую. Темноволосый молодой человек за стойкой приветливо улыбнулся:

— Вы что-то хотели?

Я постукивала сапогом о сапог и шевелила пальцами, чтобы ноги быстрее отогрелись.

— Д-да. Посмотреть замки на дверь.

— Врезные, навесные?

— В-врезные.

Мастер указал на витринную полку.

— Мне можно и б-б/у.

— Б/у на заднем плане. Сам понимаете, стратегия продаж, — подмигнул молодой человек.

Я кивнула и принялась разглядывать замки. Хорошего, вернее, дешевого оказалось мало. Самый задрипанный и простенький стоил пятьдесят висоров, а остальные — и того больше. Увидев вытянувшееся лицо, мастер расстроился.

— Вам не понравилось?

— Наоборот. П-просто чудесно. Пожалуй, пойду, — повернулась я к двери, с ужасом

представляя, как побегу обратно. Теперь Морковке грозила работа по ампутации всех моих конечностей из-за предстоящего глубокого обморожения.

— Пойдите! — Молодой человек вышел из-за стойки. — Мы можем подобрать индивидуальный вариант, у нас действует система скидок и рассрочек.

Я встрепенулась:

— Каких рассрочек?

— Половина стоимости сейчас, остальное ежемесячно в три этапа.

Я сникла. В любом случае мне не подходили даже льготные условия. Но мастер не собирался отпускать, видимо, решив взять единственную посетительницу в осаду. Знал бы он, сколько наличности звенит в моих карманах, не стал бы рекламировать свои замки.

— Олег, — протянул молодой человек широкую ладонь.

Я стянула перчатку со здоровой руки.

— Э-эва, — пискнула, вложив озябшую лапку.

— Эва? — Глаза молодого человека расширились.

— Д-да, — испугалась я странной реакции.

— Марта! — крикнул он, повернув голову в сторону стойки. — К нам в гости зашла Эва!

Это могла быть 18.2 глава

Шторки в углу разошлись, и в проеме показалась невысокая пышная девушка — как ягодка смородинка: чернобровая, черноглазая, с пышной черной косой и румяными щечками. Вошедшая, приветливо и радушно улыбаясь, откинула перекладину и направилась ко мне.

Я в полной растерянности наблюдала за происходящим.

— Эва, очень рада вас видеть! — Незнакомка подхватила меня за локоть и потянула за стойку.

Мама! — завопил тоненький голосок. Это маньяки! Утащат, убьют и разделают на консервы!

Я тут же устыдилась своих мыслей. Хозяйка располагала к себе доброжелательностью, равно как и молодой человек.

— О-откуда вы меня знаете?

— Нам о вас много рассказали, — подмигнула Марта. — Тёма.

Тёма! Вот уж про кого не ожидала услышать. К тому же мы с ним встретились далеко от этого квартала, совершенно в другом месте.

— Может быть, я не та Эва, которая вам нужна? Вернее, не та Эва, о которой говорил Тёма. Вернее, Тёма не с той Эвой...

Тьфу, запуталась.

Марта улыбнулась:

— Ну, что мы стоим как неродные? Пойдем чайку поьем. — И настойчиво подтолкнула к стойке.

Мне стало неловко:

— Как-то неудобно, Я, наверное, пойду.

— Никаких "пойду"! — свела брови девушка. — Олег, скажи!

Молодой человек развел руками, мол, я-то здесь причем? Ясно, что из них двоих в доме руководила Марта. Почему-то, увидев их вместе, я сразу решила, что они близки, если не женаты.

— Безоговорочно! — насупилась девушка и повлекла меня за собой.

Пройдя по полутемному коридорчику, мы оказались в крошечной, но уютной кухоньке, размерами едва ли не в два раза меньшими, чем моя крохотулечная швабровка. Расчувствовавшись, я невольно хлюпнула носом, и чтобы отвлечься, начала разглядывать узорчатые вязаные рукавички-прихватки, расшитую грелку на чайнике в виде петушка, расписные дверцы шкафчика и розу, нарисованную на кусочке незанятой стены у стола.

— Олежек подарил на день рождения, — пояснила Марта, заметив интерес к пурпурному бутону с тугими лепестками.

Обстановка кухонного закутка дышала умиротворенностью и безмятежностью. На стенной рейке рядом с плитой висела кухонная мелочевка: венчик, ложки, пестики, толкушка, ситечки. Около небольшого столика, покрытого цветастой скатертью, теснились четыре табуретки с вязаными чехлами. Узкое окно кокетливо приделось в нарядные занавески, из-за которых выглядывал пузатый горшочек с цветущей геранью. Словом, кухонька олицетворяла маленький комфортный мирок для двоих. На месте Марты я бы берегла уютную атмосферу и не пускала посторонних, могущих разрушить корявыми и

грязными лапами хрупкое спокойствие. Девушка поняла меня и погладила по увечной руке.

— Садитесь. Отказ не принимается. Сегодня у нас пирожки с капустой. Будете?

— Буду, — кивнула я и вдруг снова шмыгнула носом, потом захлюпала чаще и чаще, пока не разрыдалась самым стыдобучим образом перед совершенно незнакомой девушкой.

Марта прижала меня к своей груди, и, глядя по голове, утешала какими-то словами, но я не вникала их смысл. Гораздо важнее было исторгнуть, выбросить из себя всё, что копилось и собиралось долгими днями и ночами: одиночество, непонимание, тоску. Слезы изливались со дна глубокого колодца, взбаламученные чужим счастьем и чужой любовью.

На кухню заглянул Олег, растерянно посмотрел Марту и исчез. Девушка не останавливала меня, давая выплакаться. Она протянула льняную салфетку, и я громко высморкалась. Что-то реву в последнее время, не переставая. Но, в отличие от истерики в институте, успокоение наступило быстро. Слезолитие походило на обычную медицинскую процедуру, принесшую облегчение.

— Вот и славно. Плакать полезно, — сказала Марта, поставив передо мной чашку, и налила душистого чая. — Я сразу поняла, что вам некому выплакаться.

Горячий фарфор грел ладони, вместе с которыми отогревалось и мое сердце. Девушка выставила на стол блюдо с румяными пирожками. Мы пили обжигающий чай, ели и беседовали.

— Вы в точности такая, как Тёма описал, — поделилась Марта. — Храбрая и еще потерянная и несчастная.

Я шмыгнула.

— Только не плачьте. Поревели, и будет, — сказала строго девушка.

— Ага, — согласилась я и откусила от пирожка. — А сам он где?

— Уехал, — ответила неопределенно Марта.

— Хороший парень, — похвалила я Тёму, — но рисковый. При встрече передавайте от меня привет.

— Непременно, — улыбнулась хитро девушка.

— А он тебе кто? Ничего что я на "ты"? Просто мы с ним познакомились совсем не в этом квартале, — засыпала я вопросами.

— Тёма — брат Олега, и буду рада, если мы перейдем на "ты".

— Спасибо.

— Это тебе спасибо. Не представляешь, как ты выручила всех нас!

Я сыто махнула рукой. Меня развезло и начало клонить в сон.

— Если бы на месте Тёмы оказался кто-то другой, я поступила бы также. — Взгляд упал на затянутое чернотой окошко. — Ну, мне пора. Нужно возвращаться.

Девушка быстро прибрала со стола и сунула мешочек с пирожками, хотя я упиралась и отказывалась изо всех сил.

— Обидеть хочешь, да? — огорчилась Марта.

— Ну, что ты! Мне неудобно.

— Забудь о неудобствах, — сказала она решительно. — Нечего стесняться.

Олег посмотрел на нас обеспокоенно, но Марта махнула рукой:

— Это наше, женское. Не обращай внимания.

— До свидания. Большое вам спасибо, — повернулась я, чтобы уйти.

— Обязательно приходи. Как же я передам тебе привет от Тёмы? — крикнула девушка, скрываясь за шторками.

— Эва, а ведь вы за замком приходили, — вспомнил Олег.

— Да. Спасибо. Я, пожалуй, пойду.

— Для вас дорого, да?

— Очень, — потупила я глаза.

Олег кинул взгляд на витрину.

— Это промышленные образцы. У меня есть несколько замков, изготавливаю их на досуге. Они простоваты и без современных секретов, но не каждый вор-домушник сподобится их открыть.

В шторочках опять появилась Марта.

— Эва, — обвинила укоризненно, — почему не сказала, зачем пришла? Мой Олежка в замки душу вкладывает! Они у него получаются разные — один не похож на другой, и каждый со своей загадкой. Вот, полюбуйся.

Олег вытащил из глубин стойки коробку, и мы втроем перебирали замки. Марта рассказывала о каждом из них с нескрываемой гордостью, а Олег молча улыбался. Сказать честно, я мало что поняла в штифтах, цилиндрах и вращателях, но кивала, соглашаясь с девушкой в том, что у Олега золотые руки.

— Если хотите, поставлю вам замок, — предложил молодой человек.

— Боюсь, у меня нет денег на установку, не говоря о покупке.

— Никто и не говорит об оплате. Установка будет бесплатной.

— Категорически нет, — воспротивилась я.

— Хорошо. Вижу, вас не переубедить. Давайте договоримся так. Я поставлю замок без оплаты. Пока. Это называется отсроченным платежом. Вернете, когда сможете.

— Эва, у тебя неограниченный кредит доверия, — засмеялась Марта.

С неохотой я согласилась на невероятно льготные условия и заставила Олега взять в качестве задатка десять висоров. Конечно, мизерная сумма, но меня тешила надежда, что после Нового года отец спустит на содержание непутевой дочери немного денежек, и долг погасится. Любой труд должен оплачиваться — это усвоилось твердо.

Мы договорились с Олегом встретиться завтра вечером у общежития. Он придет с инструментами и вставит замок. Обговаривая детали завтрашней встречи, я замялась.

— Вам, наверное, неудобно появляться там.

Молодой человек улыбнулся:

— Ничего, мне не привыкать. Не волнуйтесь. В половине комнат в вашем общежитии стоят мои замки.

Сердечно распрощавшись с Мартой и Олегом, я понеслась обратно. Летела, словно на крыльях, и не чувствовала мороза. Встречаются же на свете добрые и душевные люди, одаривающие бескорыстным теплом своих сердец!

По приходе в общежитие я зашла к соседкам. Лизбэт накладывала едко-зеленую маску у настольного зеркала. Вместе с сумкой и Аффой мы перебазировались в швабровку.

— Для чего Лизбэт прихорашивается? — спросила я у девушки. — Когда ей быть отличницей, если она часами полирует внешность?

— Что ты! Лизбэт нам не чета. Она успевает всё и везде и очень целеустремленная. Иногда кажется, что ей скучно со мной.

— Не тебе одной кажется, — успокоила я и уточнила: — Тебе хоть кажется, что скучно, а мне кажется, что она вообще меня не видит.

Мы прохихикались.

— Она для своего принца наводит марафет? Для научного руководителя?

— А то для кого же? — Аффа романтично закатила глаза. — Он пусечка! Красавчик!

— Слушай! — воскликнула я, пораженная догадкой. — Случайно не некий Альрик Вулфу?

— Что значит "некий"? — обиделась за него девушка. — Он даже очень и очень... словом, огонь, а не мужчина. Разве ты не ходила на его занятия?

— Имела честь побывать, — буркнула я, — и нахожу удивительным, что девчонки укладываются перед ним штабелями. Вообще-то мне казалось, должно быть наоборот.

— Ни за что не поверю, что он тебя не обаял, — удивилась Аффа. — Он же душка!

— Эта душка после лекции пропесочила меня за то, что я не слушала, а занималась невесть чем. А меня Мелёшин пытал!

— Не похоже на Альрика, — засомневалась девушка. — Надо было объяснить причину, он бы вошел в положение.

Ага, вошел бы и вышел, особенно если учесть то, о чем умолчалось перед соседкой.

— Стучать не собираюсь, а то будет хуже. В общем и целом мы с Альриком не пришли к консенсусу, — заключила я.

— Очень странно. Он же неотразимый, — растерялась Аффа. — Как сходила в квартал?

— Завтра придет мастер и поставит замок. Мне дали кредит.

— Вот видишь! — порадовалась девушка. — Все, что ни делается — к лучшему. Кстати, почему перешла на юбку? Чтобы показывать ноги парням?

— Кому интересно смотреть на колесо? — пошутила я, и мы снова просмеялись. — Из-за активности Эльзы на свитере и штанах красуются вишневые пятна. Въелись намертво и никак не отстирываются.

— Походи на лабораторки к Ромашевичевскому, там не нужно особого ума. Запишись на практикум по очищающим жидкостям и приготовишь пятновыводитель.

— Но считается, что все практические занятия со мной ведет Стопятнадцатый.

— Попроси его, пусть замолвит слово перед Ромашкой. Заранее предупреждаю, — сказала Аффа заговорщически, — опять начнутся слухи. Но что для тебя важнее: чьи-то сплетни или чистые штанишки?

Я подумала и решила, что штанишки важнее.

— Видела Капу вечером? — поинтересовалась у девушки.

— Стучала несколько раз и в скважину смотрела. Темно. Нету его.

— Куда же он делся?

— Может, у брата дежурит? — пожала она плечами. — Говорят, Симу лечат по ускоренной программе, и он пришел в сознание.

— Хорошая новость. Афочка, а можно позвонить Мелёшину? У тебя наверняка его номер в телефоне сохранился. Я по-быстренькому, а завтра что-нибудь придумаю, — попросила жалостливо.

— Я похожа на жмотину? — оскорбилась девушка.

— Конечно же, нет. Но знаю, как тяжело живет брату-студенту, особенно в общежитии, и ценю, что у меня отличная соседка.

Аффа оттаяла.

— Держи, — всучила телефон.

Я набирала номер, наверное, раз пять или шесть. Длинные долгие гудки. Никто не брал

трубку.

— Вот ведь гад! То орет, чтобы я звонила, а то игнорирует, — пробурчала недовольно.

Плюнуть, что ли, а завтра высказать? Но завтра может быть поздно. Опять кто-нибудь принесет в клювике сенсационную новость раньше меня, поэтому нужно брать Мэла измором сейчас.

Я набирала и звонила, а сама вспоминала, не числилось ли за мной чего-нибудь сенсационного? Вроде бы ничего похожего не произошло, а о посещении мастерской говорить не буду, как и о том, что в моей комнате побывали дознаватели из первого отдела.

Наконец, наверное, после десятой или двенадцатой попытки трубку взяли.

— Халлоу? — пропел женский голос. На заднем фоне гремела музыка, слышались крики и смех.

От неожиданности я смешалась. Может быть, это не номер Мэла? То-то он трубку не брал. Наверное, я не туда попала.

Нет, вроде бы верно. В уголке экрана высветилось соединение с нужным абонентом.

— Можно Мелёшина? — спросила я неуверенно и, прокашлявшись, повторила громче: — Мелёшина можно?

— Мелёшина? — раздалось недоуменно. — Какого Мелёшина?

— Который Егор, — пояснила я с растущим волнением.

— А-а. Мэл, зайчик, тебя спрашивают! — крикнул женский голос. В динамике слышались голоса, звяканье, кто-то громко смеялся.

В горле повисла пустота. Я сглотнула, но безуспешно — ком не проходил. Внезапно подумалось, что это могла быть Эльза, но ее голос я бы узнала. Нет, это не она. Брюнетка и рядом не сидела с матерыми девицами, что зазывно похохатывали на заднем фоне.

В телефоне что-то щелкнуло.

— Да, — сказал Мелёшин. Коротко и емко, но от одного слова сердце ухнуло вниз. Чтобы скрыть волнение, я затараторила:

— Это Папена. Говорю быстро. Деньги тикают, а ты не спешишь к телефону.

— Да-да, — ответил Мэл. Как будто совсем не слушал меня, а любовался кем-то и даже трубку от уха отодвинул, потому что его голос показался приглушенным и далеким.

— Мы разговаривали после обеда. Так что сегодняшний вечер считается, или до завтра потерпишь?

— О, да! — сказал он явно не мне, а той, которой восхищался там, у себя.

В конце концов, мне-то какое дело до его ахов и вздохов?

— Ладно. Скажу быстро, потому что хочу спать. Ходила в библиотеку, встречалась с Рябушкиным. Мило с ним поболтала, и он пригласил меня. — Я не стала уточнять, куда меня пригласил Петя и пригласит ли вообще. — Вечером прибралась в комнате, готовила доклад к семинару. Осталось пописать, покакать и баиньки.

— Отлично, детка! — Ну, это стопудово сказалось не мне, потому что в динамике послышался женский смех, где-то рядом, у моего уха.

— Вроде бы все. Пока.

Я отключилась. Лицо пылало, в голове было пусто. Но, как говорил Капа, нам наср*ть.

— И как? — полюбопытствовала Аффа.

— Главное, чтобы за ночь ему не взбрело в голову, — пробормотала я, пытаюсь скрыть непонятное разочарование, — и чтобы он опять не решил, будто что-то скрываю.

Девушка хихикнула:

— Ну, свои гигиенические дела ты описала подробно. Не думаю, что он беспредельщик. Все-таки ты выполнила его условие.

— Спасибо, Аф, но вечно напрашиваться к тебе не могу. Подумаю, как связываться с Мелёшиным по-другому.

На автопилоте я почистила зубы, умылась. На автопилоте улеглась.

Перед глазами стояли красочные картинки Мелёшина в окружении роскошных красоток. Почему-то Эльза блекла рядом с ними. Неужели бывают девушки красивее ее?

Это его мир, — отрезвила меня мысленная оплеуха. Крыскам опасно соваться туда — могут прищемить хвост или спустить свору собак.

Повздыхав и поворочавшись, я все-таки уснула, подумав напоследок, что от насыщенных дней на лице появляются преждевременные морщины. Рука почти перестала болеть, но все же я берегла её и лежала на левом боку.

Все-таки Мелёшину в голову взбрело. Посреди ночи громкий стук вырулил меня из тревожного сна. Открыв дверь, я увидела растрепанную и злоую Афффу.

— Сама с ним разбирайся, но чтобы он больше не звонил, — сунула в руку телефон и хлопнула дверью своей комнаты.

Я спросонья поглядела на экран. Было полтретьего ночи, и был звонок от Мелёшина. И сам он висел на том конце потрескивающей тишиной.

— Обалдел, что ли? — прошипела в трубку. — Если не спится, то обязательно нужно разбудить половину общаги?

— Кто такой Рябушкин? — холодно поинтересовался он.

Ничего не скажешь, бодрый голосок. Будто на дворе не глубокая ночь, а самое что ни на есть утречко. Или день.

Это могла быть 19.1 глава

— Мелёшин, — простонала я, — дай поспать!

— Как хочешь. На лекции увидимся.

— Пстой-пстой. Не было уговора, чтобы дежурить у телефона круглые сутки и как справочное бюро на вопросы отвечать.

— Еще раз повторяю, дело твое.

— Зараза! И играешь нечестно! — выпалила я и притихла. Что ответит? Утром точно скамье размажет.

Телефон помолчал.

— Придешь за полчаса до занятий и доложишь.

Есть, мой генерал!

— Ладно, — согласилась вяло. Этот раунд я выиграла.

Мелёшин отключился первым. И, похоже, выигрыш остался за ним, потому что своим звонком он сорвал мне сон. Часа два я возилась в кровати, заново переживая впечатлившие меня события, то есть, практически, начиная первого дня пребывания в институте. Заснула лишь под утро.

Когда Аффа постучала в стенку, я совершенно не выспалась. Зевала не хуже соседки и перепутала левый сапог с правым.

Болезненные ощущения в правой руке прошли, но при резких движениях возникала легкая ноющая боль в мышцах. Думаю, перо смогу удержать. А Капа так и не объявился.

Мелёшин, хитрый лис, назначил встречу рано, чтобы никто не увидел, как он общается со мной. Наверняка стыдился стоять на одном квадратном метре рядом с цирковой крыской. Ему-то что, за пять минут домчится на машине до института, я не успею позавтракать. Со слов Аффы проректриса обещала, что сегодня общепит снова распахнет двери перед страждущими отведать столовской пищи, но по милости одного динозавра мне грозили урчащий желудок и мечты о еде как минимум на полдня.

Пирожки Марты запихались в отяжелевшую сумку вдобавок к ценным вещам, которые я решила не оставлять в комнате без присмотра.

Утро ознаменовалось крейсерскими скоростями. На полпути в институт пришлось вернуться за забытым ватманом и заново бежать в альма-матер. Зато я взбодрилась, забыв о морозце.

Темная громада института выглядела обманчиво сонной. На деле парадные двери давно открылись, а под козырьком всеми цветами радуги переливалось северное сияние. Произошла смена иллюзорных декораций, приуроченная к встрече Нового года.

Сумрак поглотил холл, в вахтерской горел свет, и доносились звуки работающего пылесоса. Чистюля-охранница наводила блеск перед началом тяжелого трудового дня. Монтеморта я вообще не заметила, уж очень удачно неподвижная глыба слилась с темнотой. Постамент у святого Списуила пустовал. Неужели элитный мальчик подшутил или проспал? Утомился, поди, бедный, полночи глаз не смыкал, — промелькнула злорадная мыслишка.

На всякий случай я сбегала к лекционной аудитории и похвалила себя за эту идею. Мелёшин, как ни в чем не бывало, восседал на подоконнике и болтал ногой, поглядывая то в окно, то в свой любименький телефон. Поза у него была непринужденная и расслабленная, словно у кота, объевшегося сливок.

Ничего не берет гада: ни бурный вечер, ни бессонная ночь — подумала я со вспышкой раздражения и удивилась. Мне-то какое дело, чем он в свободное время занимается?

— Давай по-быстрому, — сказала, подбежав. — Хочу ватман отнести.

Мелёшин оторвался от телефона, окинул меня быстрым взглядом, и мы начали общаться по-деловому: вопрос — ответ, ответ — вопрос.

— Зачем ватман?

— Для плафона.

— Подробнее.

— Отнесу к внутренникам, они обещали изготовить плафон для лампочки.

Мелёшин слабо улыбнулся, но не стал острить.

— О Рябушкине, — напомнил.

— Тоже с внутреннего, познакомились в библиотеке, — отрапортовала я.

— Значит, книжечки вместе почитываете?

— Почитываем.

— Куда пригласил?

— В институтскую кузню.

— Куда? — изумился Мэл.

— В кузню.

Мелёшин вникал-вникал, а потом засмеялся. Красивый у него оказался смех, да и сам он, когда смеялся, становился очень привлекательным. Или я с утра плохо умылась, и Мэл симпатичным показался?

— И зачем же? Меч ковать? Или забрало?

— Тебе-то какая разница?

— Ну, мне интересно, куда можно пригласить девушку в свободное время, — развеселился Мелёшин. — Неужто стоящее развлечение?

— По крайней мере, интереснее, чем выслушивать стоны в телефонной трубке, — вылепила я в лоб, а потом сообразила, что разговор получается дерзковатым.

Мелёшин оборвал смех.

— Хочешь сказать, плохо развлекаюсь? А ты, смотрю, сразу ушки наострила. В трубку вцепилась и не дышала, да?

Я фыркнула:

— Больно надо! Наоборот, затыкала. Ваши сладострастные вздохи на другом конце общаги всем проели мозги. Кстати, благодаря твоему ночному звонку я лишилась возможности звонить с соседского телефона.

— Твоя проблема.

— Конечно, моя, — согласилась я. Зачем спорить и раздражать с утра пораньше? Вдруг опять надумает повоспитывать или введет новое правило беспрекословного соглашательства? — Но виноват в ней ты, и придется срочно ее решать, — добавила, имея в виду, что к вечеру мне нужно уговорить Аффу или найти другой способ дозвониться до Мелёшина. — И будь любезен, обозначь часы приема хотя бы потому, что ночью очень хочется спать. К тому же мне нужно распланировать дела, чтобы до тебя дозвониться.

— Сообщи позднее, — сказал официальным тоном Мелёшин. Его настроение резко изменилось. Я заметила это по поджатым губам и сведенным к переносице бровям.

— Могу идти, или есть вопросы?

— Можешь, — обронил он нелюбезно и пошел по коридору.

Я пожалала плечами. Достаточно ему объяснений, или снова решит, что недоговариваю?

Стрелки на часах предупредили, что за содержательным диалогом время пролетело стремительно, а мне нужно добежать до внутренников и вернуться обратно. Что я и сделала, помчавшись ураганом в другое крыло, в аудиторию третьего курса Петиного факультета.

Петя сидел впереди на среднем ряду, и, видимо, ждал меня, потому что активно замахал рукой и пошел навстречу. Он волновался и слегка нервничал. Проходящие мимо студенты поглядывали на нас и рассаживались по местам. Вообще, внутренники показались мне деликатными. Они не тянули шеи, любопытствуя, и не шушукались, обмениваясь многозначительными взглядами и шуточками. Тем не менее, интерес я ощутила.

Мы поздоровались и Петя, приобняв, закрыл меня от посторонних взглядов.

— Вот ватман.

— Хорошо. Как будет готово, сообщу, — сказал парень. — Не передумала насчет кузни?

— Нет, конечно. Как тебе пришло в голову подобное?

— Тогда встретимся в субботу после занятий у Списуила.

— Только, Петь, сначала хочу пообедать в столовке.

— О, а давай там и встретимся! — предложил он.

Я согласилась и зевнула во весь рот, успев прикрыться рукой.

— Не выспалась? — посочувствовал парень. — Я тоже полночи сидел за книгами.

Знал бы он, что за книжка мне попала.

— У тебя все получится, не сомневайся. — Зевнула еще шире. — Ну, я побежала, а то до звонка не успею.

Петя проводил до первого этажа. Постамент святого Списуила облюбовала большая группа парней, у зеркал кружились девчонки, прихорашиваясь.

— Тебе, наверное, не понравилось, что наши пялились, — предположил Петя.

Я рассмеялась:

— Разве они пялились? Ты еще на нашем курсе не был. У нас не успеешь зайти, а тебя уже на части разрежут и каждую обсосут, причем громко и не стесняясь в выражениях.

Парень облегченно вздохнул и неловко пояснил:

— К нам нечасто заходят с нематериалки, тем более девушки.

— Знаешь, Петя, надо поднимать твою планку самозначимости. Я, например, считаю, что ваш факультет — более важный и нужный, чем нематериалка и элементарка, вместе взятые.

— Спасибо. Мне приятно.

— И мне приятно, что тебе приятно, — сказала я, и мы рассмеялись.

— Кстати, как дела с анализами? — поинтересовался парень.

— С какими анализами?

— За которыми Стопятнадцатый лично наблюдает.

— А-а, с этими... — Я мысленно утерла пот со лба. Чуть не спалилась! — Представляешь, декан решил, что мне нужна консультация Вулфу. Говорит, пусть подтвердит, стабильно или нестабильно, — самозабвенно соврала и прикусила язык.

— Ну, и как? Стабильно? — спросил участливо Петя.

Бедный парень! Простой и доверчивый. Но вранье не давало выйти из образа.

— Откуда мне знать? Я не пошла на консультацию. Отказалась.

— Почему? — воскликнул Петя. — Нестабильность может быть очень опасна.

Не знаю, какую нестабильность он имел в виду. Для меня опасна одна нестабильность

— врущего языка.

— Может быть, и опасна, но к Альрику не пойду. У нас с ним конфликт.

Парень поразился:

— Я думал, ты сломя голову побежала.

— Почему это? — слегка обиделась.

— Наши девчонки поголовно без ума от него. Альрик то, Альрик сё.

— Ваши девчонки молятся на идола, — пробурчала я, — а за красивой рожой обычно прячется бездна недостатков.

— Смешная ты, Эва, — сказал Петя и заправил мне за ухо выбившуюся прядь волос. Наверное, спонтанный жест стал для него таким же неожиданным, как и для меня. Мы засмутились.

— Ну, пока?

— Пока, Петь. Спасибо, что проводил.

Прибежав в заполненную аудиторию, Мелёшина я не обнаружила, зато Касторский поприветствовал меня свистом и недвусмысленным жестом. Мэл появился за полминуты до звонка одновременно с лектором. Прошел и сел на свое место.

И началось утро в сонном царстве. Я усердно пыталась записывать и слушать, но глаза слипались сами собой, а мозг отказывался вникать в тему лекции. Руки вяло повисли, голова клонилась к парте, пытаюсь провалиться в глубокий сон. Чтобы взбодриться и удержать себя в тонусе, я подперла подбородок кулаком и как истуканчик уставилась на преподавателя да еще пошире раскрыла глаза, и тут почувствовала на себе взгляд Мелёшина. Он буравил затылок, потом медленно сполз, пересчитав шейные позвонки, и неторопливо сместился в область лопаток. Ну, в чем опять провинилась? Что недосказала или утаила? Решил дырку в голове прожечь и высушить имеющиеся извилины?

В общем, лекция текла как ручеек, я возилась под инквизиторским взглядом дрессировщика и старалась не заснуть сидя.

А потом третий курс начали по одному выводить из аудитории. Сперва пришла скромная очкастая девушка, как оказалось, секретарша проректрисы. Переговорив в сторонке с лектором, она ушла со студенткой. По рядам прошел шепоток. Минут через десять студентка вернулась, сказала что-то парню на соседнем ряду, и он вышел.

Я встрепенулась. Лекция шла, преподаватель терял нить каждый раз, когда студенты входили-выходили, но возмущаться не решался.

Шепотки росли в геометрической прогрессии, и до меня докатилось известие: первый отдел вызывал на допросы. Судя по всему, на беседы по душам поднимали с мест в алфавитном порядке, потому что Касторский ушел в числе первых, а Мелёшина вызвали спустя несколько человек.

Что он расскажет? Что дрессирует меня? Или что нес на руках после того, как силком утащил из горячей столовой? А может, сообщит, что кое-кто умудрился пробраться в институт, не имея ни грамма способностей? Сразу в лоб, чтобы посмотреть, какой фурор произведет новость.

К тому моменту, когда Мелёшин вернулся, я извертелась на месте. Пыталась поймать его взгляд, пока он поднимался по ступенькам. Напрасно.

В итоге лекция прошла впустую как для лектора, так и для учащихся. Когда прозвенел звонок, до меня очередь не дошла.

Следующую лекцию вел Лютеций Яворович. Как оказалось, его не уволили. Видимо нашлись веские основания для того, чтобы сохранить преподавательский ранг Лютика. Опять пришла секретарша Царицы и увела студента.

Лютик психовал, но сдерживался. В рядах стоял глухой бубнеж. Обсуждали, в основном, допросы первоотдельщиков. Побывавшие на них делились впечатлениями с теми, кого еще не вызвали.

Но самое интересное состояло в том, что Мелёшин пропал. Просто-напросто не пришел на занятие. Мне бы сидеть и радоваться, но беспокойство не позволило. Спина казалась незащищенной, и я вздрагивала, ожидая удара сзади.

Напряжение нарастало. Вместе с Лютецием переживала и я. Может, по каким-то причинам меня опять решили выделить из присутствующих? Хотя нет, Эльзу тоже не вызывали. Полный упитанный парень вернулся в аудиторию, и по рядам прошелестела фамилия: "Папена..."

Я встала и пошла на допрос.

Это могла быть 19.2 глава

Волновалась безумно. Терестила дрожащими пальцами рукав свитера.

Для допросов выделили шикарный кабинет, обшитый деревом. Лакированные панели создавали впечатление респектабельности. Раздвинутые багровые шторы пропускали в окна морозное утреннее солнце, освещавшее ярким пятном дальний угол помещения. По кругу расставили мягкие кресла, в центре между ними втиснули небольшой столик, на котором водрузили графин с водой и три стакана.

Напротив меня сидели двое мужчин. Один, приветливо улыбающийся, краснощекий, с носом картошкой — словом, свой человек. Он и вел себя по-простому, располагая к себе, однако глаза румяного незнакомца были холодны и внимательно сканировали собеседника, в то время как рот улыбался и шутил. Рядом с ним утонул в просевшем кресле грузный человек с тремя подбородками, одутловатым лицом и свинячьими глазками.

По одну сторону от меня сидела Евстигнева Ромельевна, по другую — Стопятнадцатый. Поздоровавшись, проректриса представила присутствующим:

— Третий курс, нематериальная висорика, Папена Эва Карловна. Перевод из другого ВУЗа, подробности в анкете.

— Чудесно! — воскликнул "нос картошкой" и, закинув ногу на ногу, принялся перелистывать пачку бумаг. — Кстати, представляюсь. Бобылев Евграф Исподевич. Так сказать, приставлен наблюдать и наставлять на путь истинный, — захохотал он. Смех у него был искусственный, как у робота.

Я вежливо улыбнулась. Декан стрельнул в меня глазами и сложил руки на груди.

— Это наш коллега из Первого департамента, Салават Мансурович, — представил неподъемного толстяка Бобылев, лучащийся жизнерадостностью и оптимизмом, словно только что съел ведро вкусоностей. Коллега прикрыл глаза и начал посапывать. Ясно, что ему осточертела бесконечная лента из мельтешащих студенческих лиц.

— Очень приятно, — кивнула я.

— Отличненько, — разувбался дознаватель. — Не буду ходить вокруг да около. Позавчера в институте имело место быть чрезвычайное происшествие с тяжелейшими последствиями, поэтому наш долг выяснить произошедшее, восстановив прозрачность картины, а ваш долг, как сознательной гражданки, помочь нам.

— Конечно.

— Прекрасно! Итак, коротенько. Где были, что делали, как вышли, — сказал Бобылев и засмеялся, посчитав, что сказал ужасно смешную шутку: — Ха. Ха. Ха. Ха. Ха. Ха.

Долго смеялся, будто выдавливал из себя каждое "ха", а у меня лицевые мышцы устали улыбаться.

— Была в столовой, собиралась поесть, вышла через служебный выход.

— Великолепно! Самостоятельно покинули или с кем-то?

Я задумалась. Что сказать? Не будут ли разниться мои показания со словами Мелёшина и Эльзы?

— Точно не помню. Вместе со мной много людей выходило.

— Что-нибудь слышали или видели?

— Например? — не поняла я.

Бобылев наклонился и сказал громким заговорщическим шепотом:

— Имею в виду что-нибудь достойное внимания. Вы меня понимаете? — подмигнул по-свойски и снова засмеялся неживым смехом.

К чему шептать? Все равно слышат все, кроме храпящего толстяка. Я задумалась:

— Нет, вроде бы ничего достойного не происходило.

— Как давно знакомы с братьями Чеманцевыми?

Ох, вовремя я встретила с Петей! — выдохнула облегченно.

— Около недели. Они мои соседи по общежитию.

— Какие отношения у вас с братьями?

— А какие могут быть отношения? Оба шумные, но веселые.

— Конкретнее. Например, с Капитолием Чеманцевым, — уточнил Бобылев.

— Хороший парень. Жалко, что нарушил правила.

— Вы с ним близки?

— Насколько могут быть близки соседи по общежитию? — рискнула ответить я вопросом на вопрос и заметила предостерегающий взгляд декана. Тут же исправилась и ответила как раскаивающаяся школьница, потупив глазки: — Встретились, выпили, переспали.

— Чеманцев что-нибудь говорил? Упомянул имена, названия мест? Может, высказывался о чем-нибудь? — как гончая напал Бобылев на след. — Нам важно всё, любая мелочь.

— Да мы ни о чем таком не говорили, — засмушалась я. — Некогда было.

Евстигнева Ромельевна залилась румянцем, Стопятнадцатый поперхнулся и принялся усиленно вглядываться в окно. Какая разница, говорила я правду или нет. В любом случае, сколько не уверяй в невинности совместного сна с Капой, а перед всеми не оправдаешься. Главное, поверили те, чье мнение важно для меня. Ну, и Мелёшин, естественно.

Бобылев, поставив локоть на подлокотник кресла, постукивал пальцем по щеке. Как оказалось, распутному поведению студентки он несколько не удивился. Я же скрестила за спиной пальцы, ожидая, что дознаватель вот-вот изобличит меня, сказав, что Капа вспомнил, чем мы занимались позапрошлой ночью, или что с Капы сняли дефенсор, и теперь первому отделу всё известно.

— Почему не пришли на помощь в столовой? — задал Бобылев очередной вопрос, перебежав с темы половой распущенности студентов.

Я потупила взгляд. Хотела сказать, что собиралась помочь и даже бросилась обратно. Вместо этого губы выдавили: — "В нестандартной ситуации, связанной с вис-возмущением, самостоятельных решений не принимать, выполнять указания первого по старшинству специалиста".

Стопятнадцатый шумно засопел, а Евстигнева Ромельевна чуть слышно выдохнула. С облегчением? Чему радоваться, если студентка струсила и пошла на поводу сухих правил, а не совести?

— Ничего подозрительного около вас не случилось? Странные разговоры, необъяснимые поступки, явления? — продолжал выпытывать дознаватель.

Я пожалала плечами. Царица напряглась.

— Не знаю. Ну... пожалуй, вчера. Не уверена, можно ли отнести к странностям.

— Конечно, конечно! — поддержал с восторгом Бобылев.

— Мне показалось, что когда я ушла на занятия, в моей комнате в общежитии кто-то побывал.

— Не может быть! — всплеснул руками дознаватель, и от вскрика встрепенулся и проснулся толстяк. Пожевал губы и поднял на меня поросычьи глазки. — Вы уверены? Сколько их было?

— Двое. Хотя маловероятно, ведь здание охраняется.

— Господи! Вот ужас! — продолжал возмущаться Бобылев. — Представляете, среди бела дня несанкционированное проникновение в общежитие! Как такое могло произойти?

Проректриса устремила долгий взгляд в окно.

— Неужто двое? Как думаете, что-нибудь украли? — допытывался дознаватель.

— Двое. В куртках на меху. Ничего не взяли, да, собственно, у меня нечего брать, — повела я смущенно плечом.

— Кошмар! — Бобылев разошелся не на шутку, выражая сочувствие. — Уважаемая администрация, прошу обратить внимание на вопиющий факт посягательства на частную жизнь студентки института. В общежитии творятся безобразия! — Поднял он указательный палец. — Прошу либо подтвердить, либо опровергнуть.

Стопятнадцатый выдохнул с заметным облегчением, опав в кресле, а на лице Царицы промелькнул бледный отблеск улыбки.

Декан огладил бородку и пробасил:

— Несомненно, Евграф Исподевич. Замечание взято к исполнению и сегодня же будет устранено. Виновных в допущенной халатности накажем, соответствующие меры примем.

— То-то же, — кивнул Бобылев и сделал отметку в бумагах. — Рад видеть вас, Эва Карловна, в стенах славного многолетними традициями института. Более того, немыслимо рад, что вы пошли по стопам батюшки.

Я вздрогнула, а декан впился пальцами в подлокотники. Было бы удивительно, если бы первый отдел не владел подробностями моей биографии. Дознаватели знали всё.

— Спасибо, — потупила глаза.

— Спешу обрадовать и сообщить, что ваш батюшка преданно служит делу отечества верой и правдой. Недаром ему выпала великая честь доказывать на высоком посту свою лояльность и приверженность идеям висоратства.

— Я горжусь им, — механически выдала давно заученную фразу.

— Конечно же, первый отдел с интересом следил за судьбой вашей семьи, — продолжал Бобылев, как ни в чем не бывало, не подозревая, что каждое его слово скребло по сердцу как стальные когти по стеклу, и от скрежета содрогались в равной степени слух и память. — Ваш батюшка поступил весьма дальновидно, оставив вам фамилию матери.

— Да, — сказала я заученно. — Сделаю все возможное, чтобы стать достойной отца и добиться положения в обществе, не пользуясь его именем.

— Похвальная скромность! — воскликнул Бобылев и громко зааплодировал. Евстигнева с деканом поддержали редкими хлопками. — Для меня сегодня удивительный день! Я лично познакомился с молодыми представителями многих висоратских династий! На вашем факультете, Генрих Генрихович, собрался цвет нации. Прелестно!

Стопятнадцатый кисло улыбнулся. Бобылев продолжил, обратившись ко мне:

— Но больше всего я рад тому, что могу с уверенностью заявить: наследственность вашего батюшки подавила гены родительницы.

Противно, мерзко, отвратительно. Такое впечатление, что он говорил о результатах скрещивания двух ценных видов.

— Я тоже очень рада, — прошептала неслышно.

Евстигнева Ромельевна прокашлялась:

— Можно приглашать следующего?

— Конечно, конечно! Сердечно рад с вами познакомиться! — вскочил "нос картошкой" и протянул ладонь для рукопожатия. — Хочу попрощаться крепким мужским жестом, выражающим всю степень уважения к вашему батюшке и к вам, Эва Карловна! Мы рассчитываем на ваши дальнейшие успехи и наше плодотворное сотрудничество! — рассмеялся своим металлическим "Ха. Ха. Ха".

Я протянула руку. Ладонь Бобылева была влажной и такой же красной как его щеки. Как же разительно отличалось сегодняшнее прощальное рукопожатие от вчерашнего приветствия Олега! Казалось, будто паук захватил в плен конечность, чтобы утащить меня в уголок и обмотать липкой удушающей паутиной.

— До свидания, Эва Карловна. Прошу никогда не забывать о величии и избранности висоратства! — разговорился на прощание Бобылев, трясая мою руку.

До самой смерти не забуду. Оно дается не каждому.

— Сочувствую вашей беде, Эва Карловна, — сказал дознаватель. — Вернее, темному пятну в биографии. А ведь я знал вашу родительницу. Но, думаю, при соответствующем прилежании вы искорените то небольшое, что делает вас с ней генетическими родственниками.

— Несомненно, — подтвердила я и как заводная игрушка пошла к двери.

Проректриса встала, помогла открыть дверь и сказала, погладив по спине:

— Передайте, следующий Перовский.

Последнее пожелание дознавателя Бобылева никогда не сбудется. Прежде всего, потому что я пошла в мать: и лицом, и фигурой, и способностями. Вернее, отсутствием таковых.

На ватных ногах я вернулась в аудиторию, машинально назвала фамилию следующего студента и с невидящими глазами уселась на свое место. Первый отдел знал обо мне всё.

Аффа оказалась на редкость прозорливой, недаром она училась на элементарном факультете. Вчерашнее посещение инкогнито моей швабровки стало ничем иным, как проверкой на вшивость. Грубой, но все же проверкой. Возможно потому, что под сомнение поставили мою принадлежность к висоратам?

Я мысленно поблагодарила соседку, послав ей горячую признательность. Волей случая Аффа помогла мне, не просто выручив. Я чувствовала сердцем, что выкарабкалась из страшной передрыги. Ведь беседа могла закончиться тем, что меня вывели бы из кабинета под руки и без дефенсора на плече.

Уф! — содрогнулась.

Бобылев сказал, что знает мою мать, а я совсем не помню её. Возможно та женщина, что изображена на кусочке фотографии, спрятанной в кармашке сумки, вовсе не она, но мне хотелось думать иначе.

Живя у тетки, родной сестры отца, однажды я застала ее выдирающей фотографии из семейных альбомов. Она рвала и резала их, бросая в горящий камин. Ковер усеяли черно-белые и разноцветные обрезки и обрывки. Не знаю, что мной двигало, но я схватила кусочек одной из фотографий и бросилась бежать.

— Стой, паршивка! — закричала тетка. — Немедленно верни! Найду, будет хуже!

Из-за неповоротливости она поднялась на второй этаж, когда я успела забиться в узкую щель под широкой двуспальной кроватью. Тетка, конечно, нашла меня, но как ни

выкуривала, я вцепилась намертво, и никакие посулы, угрозы, швабры и заклинания не помогли. Заставить меня вылезти она не могла, потому что отец надел дефенсор на мое худое плечико сразу же, как привез в мрачный двухэтажный дом на краю поселка и строго-настрого запретил снимать браслет.

Я выбралась из-под кровати на второй день и угодила в одну из ловушек, расставленных теткой. Но самое важное дело было сделано: обрезок фотографии с молодой улыбающейся женщиной надежно спрятался под плинтусом.

Разозлившись, тетка потащила меня в чулан, громко ругаясь по дороге:

— Ублюдочное отродье! От тебя сплошные проблемы! Невоспитуемость и дебилизм налицо! Отвратительная наследственность!

Она заталкивала меня в большой кованный сундук, а я плакала и выдиралась, царапаясь. В ответ заполучила увесистую пощечину и отлетела в угол тесной тюрьмы.

— Мелкая дрянь! Посиди-ка здесь, а завтра я выдеру щипцами твои когти! Ишь, расцарапала до крови!

Тетка с грохотом захлопнула сундук, закрыв на замок.

Пугала, она, конечно, и никаких щипцов не принесла, но я, приняв угрозу за чистую монету, помертвела от ужаса. Держась за горящую щеку и подвывая от боли, плакала и умоляла выпустить, хотя знала, что просить бесполезно. Тетка заперла меня минимум на полдня, и продолжительность банкета зависела от ее настроения. Непонятные звуки за стенками сундука пугали до безумия. Неволя темного и тесного пространства сделала свое дело, и вскоре я провалилась в забытье.

Погрузившись в воспоминания, я не сразу сообразила, что прозвенел звонок, и лекция закончилась. Подхватив сумку, поплелась из опустевшей аудитории, и скарб оттягивал плечо не хуже пятидесятикилограммового мешка.

Прислонившись к стене, на меня смотрел Мелёшин. Засунул руки в карманы брюк и перекрестил ногу, поставив на носок. Словом, картинка, а не парень. Может, Мэл вовсе не меня ждал? Не стал бы он изобретать небрежно-элегантную позу специально для крыски.

— Как собеседование?

Я огляделась. Коридор опустел, значит, Мелёшин ко мне обращался.

— Неплохо, — вздохнула, чувствуя себя разбитой.

— На все вопросы ответила?

— На все.

— Это хорошо. На, держи. — Он протянул небольшую черную коробочку.

На секунду наши руки встретились, и я дернулась, едва не уронив ее. Пальцы Мелёшина были гибкими и горячими. В моем воображении тут же промелькнули картинки того, как он целует, сжав чье-то лицо ладонями, и жар от них проникает глубоко под кожу и растекается по венам.

Опомнившись, я с трудом сообразила, где нахожусь. Черт, о чем думаю? Принялась крутить коробочку в руках, изучая.

— Зачем?

— Это телефон, — пояснил Мелёшин. — Снимаешь крышку и говоришь.

Я уставилась на него в изумлении.

— Ты, наверное, заболел, или тебя Монтепорт укусил.

Мэл ответил раздраженно и торопливо:

— Не рассчитывай на что-то особенное. Это прямая линия. Звонить будешь по вечерам в любое время после девяти.

Развернулся и ушел. Еще бы ему не торопиться — в конце коридора показалась толпа второкурсников. Элитному мальчику нельзя терять репутацию.

И все же, чьи губы он целовал с неудержимой страстностью в моей фантазии? Эльзы? Телефонной красотки? Конечно, не мои. Мэл не сделал бы этого даже под угрозой расстрела, пусть и воображаемого.

Я изучала, изучала и выяснила, что Мелёшин оказался величайшим хитрецом, всучив простейшую модель: экран и две кнопки с нарисованными на них зеленой и красной трубочками. При нажатии на зеленую трубочку высветился номер. Один-единственный.

Я нажала повторно, и послышались гудки.

— Ну, что еще? — спросил недовольный голос. — Не уяснила, что ли? Всего десять слов сказал. Трудно запомнить?

— А как платить за разговор?

— Платить не надо. Это прямая связь.

— Понятно. — Хотя все равно непонятно. — А когда заряжать?

Мне показалось, что на другом конце Мелёшин, прикрыв рукой микрофон, что-то сказал, извиняясь перед кем-то.

— Он уже садится? — поинтересовался у меня предгрозовым голосом.

— Нет, просто нет других кнопок. Как узнать, когда заряжать?

— Узнаешь. Экран потухнет.

Я фыркнула.

— А как заряжать?

— Отодвинешь сбоку хлястик, под ним вилка. Вставишь в розетку, будет заряжаться.

— А...

— Всё, мне некогда, — отключился он.

Ой-ёй-ёй, ах, какой я занятой! — выдал экспромтом проснувшийся талант рифмоплетства. Становлюсь, как Стопятнадцатый, гениальным стихотворцем.

А кушать хочется всегда, несмотря на мелкие и крупные проблемы. Разбитое корыто потащилось в столовую, с трудом передвигая ногами.

После пожара в помещении не осталось ничего, что могло напоминать о случившемся. Та же казенная голубая краска, те же столики и стулья, та же раздача и та же угрюмая тетка на кассе. Народу, правда, значительно меньше, а незанятых столов — больше.

Изменилось кое-что другое. В центре зала за столиком сидел Мелёшин, и не один, а с великолепной, незнакомой мне холеной блондинкой.

Набрав еды, я поползла к парочке, поскольку Мелёшин не отменил второе правило. Вроде бы.

В итоге сама оказалась виноватой. Пожадничав, набрала полный поднос тарелок, да еще тяжелая сумка оттягивала плечо. Неокрепшая после вчерашних трудностей рука задрожала, и поднос с грохотом брякнулся о стол. Стакан завалился, и сок вытек, слава богу, в пространство, ограниченное буртиками подноса.

Парочка, увлекшаяся беседой, замолчала. Мелёшин посмотрел на меня так, будто я сошла с ума, посмеив приблизиться к их столу и нарушить уединенную идиллию. Блондинка

откинула изящным движением тяжелые длинные волосы за плечо, открыв миру ушко с переливающимся синим камушком в мочке. Блеск камня оттенял невероятную синеву глаз красавицы.

На столе перед девушкой красовалась знакомая кучка зеленых листиков. Поднос Мэла остался нетронутым. Смотрите-ка, увлеклись друг другом и потеряли аппетит! Ну, и зачем ходить в столовую? По привычке?

Парочка вернулась к негромкой беседе, сидя вплотную друг к другу и нежно воркуя. Блондинка водила наманикюренным пальчиком по Мелёшинской манжете, а он мял ее ладошку.

Если портить совершенство момента, то полной программе.

— Мне остаться или пересесть? — спросила я грубо.

Мелёшин оторвался с неохотой от своей спутницы и указал пальцем на соседний столик. Я с шумом переставила поднос, куда велели, и уселась боком к шушукующейся парочке.

Невдалеке, в окружении подружек, сидела Эльза с непонятным выражением лица. То ли она расстроилась, что ей нашлась замена, то ли обрадовалась, что Мэл указал мне на мое место.

Наконец, вдоволь начесавшись языком, Мелёшин встал, а вместе с ним поднялась блондинка. Она оказалась очень красивой девушкой: природную красоту усиливал грамотный макияж, а совершенная фигурка притягивала взгляды. Об одежде и говорить нечего — загляденье, обтягивающее прелести. Парочка величественно поплыла к выходу. Ни слова, ни полслова вслед. Ау, тарелки-то за вами прибирать или как?

Компания Эльзы снялась с места, наевшись до отвала кучками зеленых листьев. Брюнетка простучала каблучками мимо меня и, нагнувшись, сказала на ухо:

— Ой, а у нашей собачки потерянные глазки! Ой, нашу собачку позабыли погладить по шерстке! Думала, он обратит на тебя внимание? Давай, приберись, — она шустро поставила поднос на Мелёшинский стол и сбежала с места преступления.

Ах, вот ты как! — сначала разозлилась я, а потом рассмеялась над трусоватой подлостью Эльзы. Брюнетка напомнила моську: куснет и отбежит, проверяя реакцию; снова подбежит, цапнет — и удирать.

Зато я стащила из столовой ложку, тайно засунув в сумку, пока бдительная техничка мутузила у выхода каких-то первокурсников, рискнувших удрать, не убрав за собой со стола.

Нас ждут великие дела и эксперименты.

Это могла быть 20 глава

У меня было окно в занятиях, и я смотрела в окно. Чердачное.

После звонка забрала куртку из раздевалки и, пройдя по пустынным коридорам, кое-как вскарабкалась по вертикальной лестнице с тяжелой сумкой на плече. Как ни странно, на люк не удосужились повесить замок, хотя особой надобности в запираении не было: прямоугольный квадрат прятался в скудно освещенном углу потолка, делаясь незаметным. На неподъемном пути я успела ободрать руку и оббить сумку обо все мыслимые места.

Обойдя закоулки чердака, провела рукой по столу, собрав пыль трехсантиметровой толщины. Зачем-то нарисовала на столешнице два сердца, похожих на несостоявшийся шедевр Симы. В распахнутое окно ворвался порыв холодного ветра, переворошив рулоны со свернутыми картами и схемами.

Я долго любовалась заснеженным городом: белыми крышами, "парящими" вентиляционными шахтами, черными проплешинами голых деревьев, крошечными точками мчащихся машин, воронами, пересекающими размыто-голубое небо по важным птичьим делам. Вдыхала влажный свежий воздух и городские запахи, заносимые на чердак со сквозняком. Эхо доносило гудки клаксонов.

Прокрутив в памяти разговор с дознавателем Бобылевым, начала выгребать осадок из уголков души. Насобирала кучку грязи и выбросила из окошка да еще встряхнула рукой для верности. Скатертью дорога. Не для того я ревела вчера, чтобы теперь раскисать. Как бы нас не затирали, будем живы — не помрем. И прорвемся.

Вытащив столовую ложку из сумки, подошла к окну, глубоко вздохнула и... вышвырнула, что есть мочи, в свободный полет над заснеженным институтским газоном. Ложка с удовольствием улетела вдаль, словно ей захотелось уподобиться галкам и воронам.

Я представила, как она летит в поднебесье и кричит: "Смотрите, птицы, и ложки тоже умеют летать!". Поморщилась — то ли мороз влияет на отупение, то ли холодный пирожок, но подобного бреда в голову мне еще не приходило.

Смотрела на удаляющуюся точку, смотрела и вдруг сообразила, что точка вовсе не удаляется, а приближается, причем с невероятной скоростью! Ложка, испугавшись открытого пространства, предпочла вернуться в уютный институтский дом. Я заметалась в оконном проеме и едва успела присесть, как столовый прибор ракетой ворвался в распахнутые створки, ударился в преграду в виде стены и упал на пол, скупно звякнув плоской лепешкой.

Институт не желал расставаться со своей собственностью.

Почесав голову, вернее, шапку, я взяла лепешку и оглядела. Ложку сплющило до блинообразного состояния.

Итак. Первый эксперимент плавно перетекал во второй. Поскольку произошло невозможное изменение первоначальной физической формы предмета, вряд ли его можно считать принадлежащим к казенному имуществу.

В качестве следующего опыта я решила не закидывать блинчик подобно томагавку, а отпустить, вытянув руку из окна. Такая великая вещь как сила тяжести, обязательно заявит о себе, и бывшая ложка упадет в рыхлый снег.

Высунув руку, я зажмурила глаза и отпустила. Досчитала до десяти и осторожно приоткрыла один глаз. Блинчик висел в воздухе, колтыхаясь на невидимых волнах. Я

быстренько схватила его, пока внизу кто-нибудь мимо проходящий не поднял голову и не обратил внимание на неопознанный объект, висящий под институтской крышей.

Непродолжительные раздумья дали наиболее подходящее объяснение. Вис-потоки, обтекающие институт, искривлялись особым образом и позволяли зданию исполнять роль огромного магнита, притягивавшего любую вещь, которая принадлежала ему по праву. Магнит распознавал выбрасываемые предметы, разделяя их на личные и казенные

Взяв холодный пирожок с капустой, я быстренько обкусала и бросила вниз. Он улетел и утонул в снегу. Давясь, набила полный рот столовской плюшкой и выкинула обьедок. Через мгновение тот влетел в окно, будто за окном стоял некто и отбивал ракеткой, возвращая обратно.

Ах, так! Я раскрошила остатки плюшки и высыпала за окошко. Они повисли пылевым облачком напротив чердака. Батюшки, прямые улики для гуляющих внизу! Высунувшись наполовину, я лихорадочно собрала плавающие в воздухе крошки.

Парадокс! Если проглочу кусочки столовской булочки, они уйдут в желудок по назначению и автоматически спишутся, а пока же, хоть в пыль их растирай, а клеймо институтской собственности будет кружиться надо мной роём.

Ну, что за институт? Другие ВУЗы как ВУЗы, а этот — столичный. Соответственно, и изюминки особенные, доставляющие кучу неудобств.

В течение дальнейшего часа я пыталась выбросить из окна: ножку от сломанного стула, уголок от рулона с анатомическими схемами, самолетик из тетрадного листа, взятого в нижнем ящике стола, поролоновый клоунский нос на разорванной резинке и колбу с отколотым краем, найденную на дне коробки с театральным реквизитом.

Из всех подвергнутых испытанию объектов лишь самолетик, спланировав в воздушных потоках, покружился над снегом, после чего исчез, залихватски завернув за угол здания, и назад не вернулся.

Остальные предметы не решались падать и выбрасываться, предпочтя рассыпаться в столетний прах на институтском чердаке, нежели гордо воспарить над просторами и героически погибнуть, утонув в глубоком снегу. Вывод: со своей собственностью институт не расставался до ее смерти.

Нос начал подмерзать, пальцы на ногах — подстывать. Я грызла ногти, а мозг лихорадочно работал.

Таким образом, все пути вели к Монтеморту, бдящему на посту. Каким-то образом пес сортировал личные и институтские вещи и давал указания магниту, окружающему здание, пропускать избранно.

Мысль о том, что лохматый страж позволил выйти через парадные двери со столовскими расстегаями и библиотечным блокнотиком, казалась фантастической. Но ведь факт налицо? Налицо. Вопрос: зачем? Вдруг Монтеморт решил дальновидно заманить наглую студентку в ловушку? Я расслаблюсь, попрусь двухтомником Блюхермахера под обеими мышками, а меня хватить! — и растерзают не хуже плюшки.

Эх, выяснить бы поподробнее у Стопятнадцатого о ментальной связи Моньки с институтским магнитом, но декан сразу заподозрит неслучайный интерес.

Размышляя, я спустилась с чердака и, сдав куртку в раздевалку, переждала звонок в женском туалете. Со мной дожидались две расписные куколочки с другого факультета. Они подкрасили губы, подрумянили щеки и принялись шептаться в уголке, поглядывая на меня.

Желающих стереть надпись с кабинки про наши отношения с Мэлом не нашлось.

Наоборот, рисунок стал ярче и жирнее, а под ним появились многочисленные комментарии в столбик.

Прогорнил звонок, и следом пронеслась воздушная волна, сотрясши дверь туалета. Радуйтесь и трепещите, уважаемые учащиеся! Вас ждет гроза завравшихся крысок — великий и ужасный Альрик Вулфу с теорией символистики, которую начинаю тихо ненавидеть.

Я пришла в аудиторию одной из первых и заняла место под солнцем, вернее, перед Мелёшиным. Вскоре нахлынул поток студентов, а вместе с ними и Мэл поднялся ленивой походкой по ступенькам, уткнувшись в телефон. Ясно, обменивался сообщениями со своей белокурой красавицей, она ведь учится не с нами. Ах, какая трогательная привязанность! Не могут жить ни секунды друг без друга.

Альрик принес рулоны под мышкой и попросил одного из парней повесить у доски на струне, но вместо него, сшибая друг друга, на помощь бросилось с десятков студенток.

Парни на рядах захихикали и принялись обсуждать вид сзади, открывавшийся, когда девчонки тянули руки вверх, пришивая плакаты, и их юбки, соответственно, поднимались выше обычного. Даже Мэл хмыкнул рядом с моим ухом. Я оглянулась. Оказывается, он улегся на столе и, подперев подбородок кулаком, с интересом следил за приготовлениями к лекции. Его взгляд перетек на мое лицо и замер, не мигая. Меня обдало горячей волной, прокатившейся с головы до ног.

Смешавшись, я отвернулась. Может, Мелёшин опять отрабатывал свои иллюзии или, экспериментируя, распылил аэрозольные феромоны, приготовленные на лабораторке у Ромашевичевского? Все же отодвинуться от спинки не хватило сил. И хотя я была уверена, что Мэл не пристегивал меня к ней заклинанием, легкое дуновение от его дыхания, овевавшее шею, заставляло трепетать нервные окончания и отдаваться новому ощущению с поистине мазохистским удовольствием.

Звонок прогорнил, лекция началась. Альрик выглядел бесподобно в темно-зеленой жилетке и с легкой небритостью. Сколько же у него жилеток? Наверное, по одной на каждый день недели. Или по две. Если к рубашке добавить рюшки на груди и на манжетах, он станет похожим на романтического принца.

Сегодня, водя указкой по схемам и плакатам, Альрик рассказывал об аналогах блюдечка и наливного яблочка, переведенных на язык символистики.

— Не секрет, что во многих сказках упоминается так называемое пространственное окно, показывающее изображение при задании следующих первоначальных условий. Первое: яблочко должно катиться по блюдечку в определенном направлении. Второе: необходимо произносить набор определенных слов. Совокупность двух действий и дает желаемый результат. Благодаря искривлению волн в центре блюдаца появляется изображение. Логично предположить, что яблоко, бегающее по кругу, определенным образом закручивает волны в воронку, создавая пространственное искажение. Набор слов привязывает созданную деформацию к объекту, образ которого нужно увидеть. Существенным недостатком данного метода являются, во-первых, скоротечность и размытость изображения, во-вторых, значительное отставание по времени или отсроченность. Событие, отображаемое блюдцем, происходит не в момент наложения заклинания, а гораздо раньше. В-третьих, ограниченность словесной формы позволяет наблюдать один и тот же объект. Девушка Аленушка увидит Иванушку и никого более. Иванушка на коне, Иванушка на берегу озера, Иванушка в объятиях бабы Яги и так далее, потому что привязкой словесного заклинания

является именно непутевый Иванушка.

Ряды прыснули. В основном, усиленно смеялись девчонки с ярко накрашенными губами.

— Сейчас я приведу наипростейший пример блюда, переведенного в символьную форму. — Альрик сдвинул в сторону плакаты, развешанные на стальной струне.

Взяв в руку мел, он начал рисовать на доске, сопровождая изображение каждого символа пояснением: почему именно треугольник, а не квадрат, почему вписана одна руна, а не переплетение трех, почему на каждый символ завязано разное количество волн. В итоге получилась затейливая октаграмма. Отойдя в сторону, Вулфу обратился к аудитории:

— Однако отсутствует немаловажная деталь. Чтобы наше блюдо заработало, нужно кое-что добавить. Кто скажет, чего не хватает?

Студентки тупо подхихикивали, не решаясь опростоволоситься перед великолепным Альриком, парни шуршали конспектами.

— Соединить поддиагонально боковые символы, — ответил Мелёшин, оглушив мне левое ухо. Оказывается, он так и не поднялся из лежачего положения.

Вулфу посмотрел на ответившего, а мне казалось, он разглядывал меня, внимательно и изучающе.

— Поглядим, верен ли ответ студента Мелёшина, — сказал преподаватель и сделал так, как предложил Мэл.

Часть доски, оказавшаяся внутри октаграммы, начала растворяться, а вместе с ней и стена. В пределах символьного контура наступила прозрачность, и присутствующие смогли полюбоваться на Лютика, стоявшего у зеркала и начесывающего расческой чубчик, периодически сбрызгивая его лаком. Судя по подпрыгиваниям препода и по его двигающемуся рту, он пританцовывал и напевал.

Аудитория начала смеяться. Нет, аудитория начала неудержимо хохотать, заваливаясь на столы. Альрик подошел у октаграмме и с невозмутимым видом стер рукой часть руны в верхнем символе. Лютик у зеркала исчез, оставив после себя коричневое полотно доски.

Студенты смеялись.

— Внимание! — сказал громко Альрик, и аудитория притихла. — Вам показан пример одномоментной символьной видимости через стену. Чтобы получить допуск к экзамену, который, как вы можете догадаться, произойдет в рамках зимней сессии, необходимо подготовить исследовательскую работу по символьной видимости на расстояние, а также изучить возможность усовершенствования показываемого изображения, дополнив его звуками. Соответственно, будет учитываться оценка за практическое подтверждение ваших изысков.

Оп-па, сногшибательная новость! Оказывается, скоро сессия.

Перед окончанием занятия Альрик задал кучу дополнительных мелких заданий, необходимых для допуска к экзамену, и с каждым записываемым пунктом я печалилась все больше и больше. Видимо, не вылезать мне из учебников до поздней ночи.

После звонка к Вулфу слетелись бабочками желающие снять плакаты, и он погряз в море хлопающих ресниц и губок бантиками. Закинув тетрадку в сумку, я потопала вниз и пока не вышла из аудитории, Мелёшин шел следом. Не нужно было оглядываться, чтобы знать об этом. Я чувствовала спиной его взгляд.

Дурман закончился в холле, когда у одного из зеркал мелькнуло знакомое лицо. Недавняя блондинка из столовой приветливо улыбнулась великолепнейшей улыбкой,

способной растопить айсберг.

— Мэл, милый, — обратилась хрустальным голоском куда-то за мою спину, — я успела соскучиться.

Почему вокруг одни скучающие? — подумала я со злостью. И вообще, меня Олег ждет, замерз, наверное. Прибежала в общагу, а Олег не ждал. Я и в окно выглядывала, и к крыльцу бегала, а он всё не приходил. Комендантша, злющая как тысяча чертей, ворчала:

— Чего шляешься? Ремонт не закончился, так и незачем растаскивать грязь по коридору.

Плохое настроение тётки-вехотки легко объяснилось. Сегодняшнее мое упоминание о неизвестных, посетивших общежитие, в первую очередь аукнулось ей. Ни разу я не видела, чтобы она караулила входную дверь, а сегодня комендантша, как стойкий оловянный солдатик, встала цербером при входе.

— Мне бы замок вставить, — попросила я робко, — сейчас человек придет.

— Никаких человек! — отчеканила тётка, насупив брови. — Только через мой труп и администрацию института. Кстати, звезда моя, неси-ка молоток обратно, а то у меня скоро инвентаризация.

Я почти бросилась в швабровку за инструментом, но увидела в окно Олега, идущего по дорожке через парк. В руках он нес квадратный чемоданчик.

Что делать, что делать? — заметалась в панике. Комендантшу не обойти и не объехать. Неужели придется отменить намеченное мероприятие до лучших времен или бежать за подмогой к Стопятнадцатому? Вряд ли он согласится. Сидит сейчас на допросах с осоловелой головой и ничего не сообщает.

Олег приближался и уже поднялся на крыльцо. Отчаяние придало сил, и я начала выписывать кренделя пальцами, направляя неподвластные мне волны на тётку-вехотку, углубившуюся в чтение журнала. Как определить, сработало заклинание отвлечения или нет?

На свой страх и риск я открыла дверь и впустила в небольшой общежитский холл Олега. Он постучал ботинками, сбрасывая налипший снег.

— Здравствуйте, — сказал вежливо комендантше.

— Ну, ты посмотри! — вскрикнула она, и у меня от страха затряслись поджилки. — Эта оперная звездунья опять связалась со своим кобелем. И ведь дважды её обокрал, всё не имётся бабе, в третий раз бежит с ним под венец.

Я потащила удивленного Олега мимо комендантши, уткнувшейся в журнал и песочившей какую-то певицу.

— Не обращай внимания, она в последнее время немного странная.

— А, ну ладно, — успокоился он.

Во мне же все прыгало и скакало от радости. Обязательно при случае сердечно поблагодарю Стопятнадцатого и расцелую в обе щеки!

В чемоданчике у Олега оказались инструменты и обещанный замок. Молодой человек ловко и быстро произвел обмен, причем я еле-еле убедила его забрать старый замок, сказав, чтобы взял и на досуге поизобретал что-нибудь новенькое. Еще Олег закрыл щели в двери небольшой металлической пластиной и дал мне ключ.

Ключик оказался с кольцом и с четырьмя подвижными бороздками крест-накрест, утапливаемыми в стержне. Олег объяснил, как пользоваться ключом. Для этого требовалось, вставив в скважину, делать поворот налево, а затем — поворот направо. Каждый раз при

закрытии замка фиксировалась произвольная комбинация утапливаемых бороздок и, тем самым, обеспечивалась сохранность имущества.

Потом Олег ненавязчиво забил вдоль оконной рамы гвозди, намертво укрепив. Затем вбил закрученные в бесплодных попытках крючки для вешалок, похвалил и сказал, что у меня получились хорошие заготовки. Я не стала разубеждать и пояснять, что только мои корявые руки могли изобрести шедевр крючкотворчества.

На стук пришла Афф и поздоровалась с Олегом как со старым знакомым.

— Как замок? — спросил он. — Если что-то не в порядке, сообщите. Наша гарантия пожизненна.

— Отлично, — сказала соседка. — Спасибо, нам нравится.

Олег достал из мешочка кусок пирога с малиновым вареньем.

— Это вам от Марты.

Уж как я отнекивалась и отбрыкивалась, честно-честно! В итоге мы пили чай в швабровке, ели пирог с вареньем и нахваливали кулинарные способности Марты, а на новых крючках висели наши с Олегом куртки и вешалка с моими майками и футболками.

Следующим этапом стал спор до хрипоты с выяснением, во сколько же обошлась работа Олега. Я настаивала как минимум на пятидесяти висорах, а он с натяжкой соглашался на двадцать с учетом задатка. Я заупрямилась и встала в позу. В итоге сошлись на полную сумму в тридцать пять висоров, и Олег на прощание предупредил, что если надумаю зайти к ним в гости, то Марта из меня всю душу вытрясет и заставит отказаться от своих слов.

— Думаю, испугавшись, вы к нам больше не придете, — добавил он.

— Как бы не так, — засмеялась я. — Еще поглядим, кто кого переборет.

— Мою Марту переубедить не каждому под силу, — сказал Олег, и у меня заныло под ложечкой от нежности, с которой он отзывался о девушке.

Я проводила Олега тем же манером, что и встретила. Вдоволь насоздавала ряби в волнах, наверное, целую вис-бурю подняла. Комендантша распялялась по поводу киноактера, укоротившего нос с помощью косметической операции, и пришла в себя когда, когда порыв морозного воздуха ворвался в дверь.

— Чего, звезда моя, мотаешься, на ночь глядя? Хватит глаза мозолить, иди лучше уроки учи.

И то верная мысль. Выложив перед тёткой-вехоткой молоток, я сказала: "Спасибо" и побежала исполнять ее пожелание.

Училась я, училась изо всех сил, аж пар из ушей повалил. Чуть не пропустила звонок Мелёшину. Он соединился после первого же гудка, будто телефон в руках держал.

— Это я, — уточнила на всякий случай. Вдруг не узнал?

— Да уж понял.

— Не происходило ничего особенного. Пришла в общагу, сижу, задания выполняю. Замок в дверь вставила.

— Зачем? — спросил он с интересом.

— Прежний был хлипким. Все.

— Прекрасно. Пока, — сказал Мэл и отключился первым.

Я сперва разочаровалась в краткости беседы, но вскоре забыла о разговоре. Учеба заполонила быт, оказавшись важнее будоражащих мыслей.

Ближе к полуночи осознание упало на голову большой бетонной плитой. Информации

из конспектов катастрофически не хватало. В качестве весомого дополнения требовались учебники, и не в библиотеке до восьми часов как для всех нормальных людей, а здесь, в общаге, чтобы полноценно готовиться к экзаменам. Иначе первая же сессия в новом институте улизнет к коту под хвост.

В этот момент и принялось судьбоносное решение. Мне пришла в голову чудесная мысль: взять вечером в библиотеке учебник, пронести мимо Монтеморта, вволю назаниматься в общаге, а на следующий день вернуть книжку с чистой совестью. Что поделаешь, если я катастрофически не успеваю, а библиотека рано закрывается?

Просить у Бабетты Самуиловны учебники в аренду равносильно тому, что посягнуть на святое. Меня больше не пустят в библиотеку. Единственным способом заполучить книги оставалось взять их без спросу, позаимствовав ненадолго. Вполне честно, — начала уговаривать я свою совесть, а ее и не надо было убеждать. В силу гибкости, она согласно кивала в ответ. Осталось придумать, как осуществить задуманное.

Повертевшись с боку на бок, я бросилась к сумке. Алюминиевая лепешка лежала на дне, приваленная тетрадками.

Вывод из эксперимента оказался таков: Монтеморт выпустил меня из здания с изуродованной институтской вещью, разрешив бывшей столовской ложке найти последний приют в швабровке.

Это могла быть 21.1 глава

Бойтесь спонтанных решений, ибо они безумны по своей сути, непродуманны и опасны для того, кто их принимает.

Утром я разложила по своим местам вещички, извлеченные из сумки, а фляжку с коньяком снова спрятала за тощей стопкой белья в тумбочке. Уходя, закрыла швабровку новым ключом, не забыв поцеловать его колечко на счастье. И начиная с того момента, как открылись глаза, и до того момента, как за мной захлопнулась дверь общежития, я, не переставая, думала о том, как решить проблему с учебниками. Шагая в институт, тоже думала, и набирая на раздаче тарелки с едой, усиленно размышляла.

Постепенно в голове вырисовывался следующий план.

Я приду примерно за час до закрытия библиотеки, покружусь перед Бабеттой Самуиловной, почитаю книжку, посижу скромно в уголке, делая вид, что сортирую собранный материал, а когда библиотекаря удавится выполнять запрос какого-нибудь студента, прошмыгну мышкой между стеллажами и спрячусь в укромном месте. Подожду с полчаса после закрытия библиотеки, вылезу из укромного места, возьму нужные учебники и выйду через дверь. С независимым видом прошагаю мимо Монтеморта, сделаю ему "чао-какао" и побегу в общагу писать сотню рефератов.

Проанализировав план по пунктам, я пришла к следующим выводам.

Во-первых, нужно найти укромное место. Не на полку же залезать или притворяться фикусом! На этот случай имелся козырь. В первое посещение библиотеки доверчивая Бабетта Самуиловна еще не разглядела во мне книжного вандала и разрешила прогуляться между стеллажей в поисках нужного справочника. Вот тогда-то я случайно обнаружила небольшую каморку в углу у окна, заполненную хозинвентарем: швабрами, ведрами и халатами на крючках. По количеству орудий мытья выходило, что библиотека — самое увазюканное место в институте. Узкая дверца каморки маскировалась от посторонних глаз за плотной шторой. Самое подходящее место для тайной засады.

Во-вторых, если я выйду из библиотеки с сумкой, набитой учебниками, то оставлю дверь незапертой. Бабетта поднимет переполох с утра и поставит институт на уши. Следовательно, замок на двери должен остаться закрытым, а для этого нужен ключ.

В-третьих, в десять часов вечера главный вход с бдящим Монтемортом на посту закрывается на тысячу замков, и часть из них наверняка с вис-секретами. Стало быть, до указанного времени я должна покинуть институт, прежде чем парадные двери запрут аки сокровищницу. При этом следует опасаться запоздавших студентов, спешащих с вечерней тренировки, и вахтершу, следящую не хуже Монтеморта. Риск огромен, но пойти на него жизненно необходимо.

В-четвертых, нужен путь для стратегического отступления. Если главный вход закроют, как я покину альма-матер? Придется либо заночевать в библиотечном закутке среди швабр и тряпок, где меня застукает Бабетта Самуиловна, обожающая протирать с утра подоконники с цветочками, либо прижаться к теплему боку Монтеморта. Про учебники можно забыть, так же как и про сессию. Меня исключат из института.

Таким образом, план имел много прорех и трещал по швам, будучи слабо наживуленным.

Должен же быть какой-то выход, — мучительно морщила я лоб, пытая голубую

столовскую стену. Жевала овсянку на молоке, словно траву, и не чувствовала вкуса. Аппетит исчез. Так бывало, когда какая-нибудь проблема нависала, отравляя мирное существование.

Неожиданно на глаза попался Алесс, завтракавший за соседним столом. Интуитивный толчок поднял меня с места, и, подлетев к парню, я уселась напротив.

— Привет.

Он, кивнул, продолжая жевать.

— Нужна консультация.

— Бесплатно советы не даем, — с полным ртом Алесс перечеркнул начинание.

— Жаль. Я могла бы подсказать, как добраться до горна. Тебе ведь надо?

Парень просканировал меня исподлобья:

— Откуда знаешь? Кто-то настучал?

— Никто не стучал, сама видела. Так по рукам или нет?

— Ладно, — согласился Алесс и наклонился ближе. — Ты первая.

— Хитренький, — поцокала я. — Давай скрепим клятвопожатием.

Интернатский опыт пригодился мне, не пройдя даром.

Рыжий ухмыльнулся, упер локоть о стол и протянул ладонь. Я сделала то же самое, и мы пожали руки, переплетя пальцы. Пальцы у Алесса были сухие, прохладные и изящные как у музыканта или художника.

— Что хочешь?

— Как выйти, оставив нетронутым замок?

— Найти ключ.

— Где взять ключ?

— У охранника, где же еще? — пожал плечами парень.

Охранник, охранник... С шеи у Монтеморта, что ли, снять? Я блуждала в закоулках памяти, ковырялась в обрывках коротких воспоминаний. И нашла. Вот оно! Жирная связка ключей на гнущейся ручке, вбитом в деревянный косяк. Вахтерская! И Мелёшин, закрывающий меня от воздушной волны. Точно!

— Второй вопрос. Как выйти, если в принципе нельзя выйти?

Алесс весело ухмыльнулся.

— Есть перо и бумага?

Я сходила к сумке и вернулась с тетрадкой и пером. Рыжий что-то нарисовал на последней странице быстрыми резкими движениями, а потом вернул тетрадь.

Картинка напоминала небольшую карикатурку. Огромный сейф с табличкой "Банк" походил на неприступную крепость, увешанную множеством замков. Вернее, он выглядел бы неприступным, если бы сбоку из крошечной дверцы не выглядывала маленькая фигурка уборщицы со шваброй и ведерком, закрывающая дверцу на щеколду.

Изучив рисунок, я поглядела на хитрое лицо Алесса, и до меня дошло.

— Спасибо. Хорошо рисуешь.

— Баш на баш, — напомнил он. — Теперь моя очередь. Где находится горн?

— В подвалах под холлом.

— Где вход?

— Северо-восточный коридор, вторая дверь по левую сторону.

Или начало пути, которым я пошла в свой второй день в институте, разыскивая в институтских катакомбах кабинет завхозши.

— Направление?

— Сразу направо, потом прямо, пока не упруешься в электрощитовую. После нее начинается горн.

— Что значит, начинается? — не понял Алесс.

— А то и значит. Он тянется несколько десятков метров.

Парень подумал и сказал:

— Не врешь.

Ха! Соври я, у меня началась бы гангрена руки. Клятвопожатие — страшная вещь для нечестных людей.

— Откуда знаешь? — спросил парень.

— И тебе того же, — ответила я любезно и пошла доедать остывший омлет, не забыв прихватить тетрадку. А еще утащила из столовой новую жертву для экспериментов — не подозревающую о своей участи вилку.

Мне повезло в продуктивном разговоре с Алессом. Зрительная память не подвела при изучении копий схем институтских этажей и подвалов, любезно предоставленных деканом.

Да пусть начнется учебный стресс.

Дообеденная половина дня посвятилась учебе, причем настолько плотно, что к большому перерыву у меня закружилась голова от обилия впихиваемой информации, а ведь день еще не кончился.

На первой лекции Ромашевичевский объявил приторным голосом:

— Учащиеся! Напоминаю, что через неделю стартует зимняя сессия. В нее вы должны войти подготовленными и вооруженными, в противном случае до экзамена будут допущены избранные.

По словам Ромашки предстояло вооружиться тремя рефератами собственного, а не слямзенного сочинения, что и доказать тет-а-тет преподавателю, плюс сдать экспериментальную работу, в рамках которой разработать собственный рецепт снадобья, изготовить его самолично в свободное от учебы время (для этого специально выделялся вечерний факультатив) и сделать вывод об эффективности и преимуществах по сравнению с существующими рецептурами. Кроме того, к финишу в виде экзамена следовало доползти с исследовательской работой, целью которой стоял поиск интересных рецептов в архивах, мемуарах и в прочих источниках.

Вот такие пироги. И никого из преподавателей не волновало, что я появилась в этом институте неделю назад. Правила одинаковы для всех.

После первой лекции ко мне подошла Эльза под ручку с подружкой.

— Папена, я уполномочена собирать деньги на новогодний вечер, — сказала жеманно, глядя мимо меня. Куда же брюнетке смотреть, как не на своего ненаглядного Мелёшина, воспитывавшего девицу похлеще меня. Наверное, унижительно видеть, что место занято другой, более удачливой фавориткой.

— Зачем? На костюме зайчика не хватает?

— Шути, Папена, пока шутится, — не повелась Эльза. — Если не хочешь сдавать, говори сразу. Тогда не получишь пригласительный, а вход только по билетам. Или символический взнос в три висора будет для тебя проблемой?

— Отчего же? — пожалала я плечами, лихорадочно вспоминая, наскребу ли из той мелочевки, что у меня осталась, требуемую сумму. — А кто уполномочил? Сама себя?

Девица презрительно дернула плечом и показала небольшую карточку, на которой

действительно значилось, что Эльза Штице, студентка третьего курса факультета нематериальной висорики, делегирована послем доброй воли для сбора денежных средств на пожертвования в рамках вечера, приуроченного к встрече Нового года. Внизу стояла институтская печать, а размашистая подпись Стопянадцатого переливалась яркой голограммой.

Вудив из кармашка сумки три висора мелочью, я облегченно вздохнула. Попроси Эльза чуть больше, и тогда меня, не стесняясь, ославили бы на всю аудиторию, указав на скупердяйство или на бедность.

— Расписывайся, — девица сунула ведомость и перо. — Не бойся, не украду твои медные грошки. Больно надо. Егорчик, а ты будешь сдавать? — И оттолкнув меня, она ринулась выше, а подружка пристроилась хвостиком.

Что ответил Мелёшин, я не расслышала. Не до того было. Меня ждали конспекты по нематериальным заклинаниям.

Мэла, вообще, будто не существовало. Посиживал себе тихонечко и воспитанием больше не занимался, знания на мне не оттачивал. Видимо, тоже пропитался духом предстоящей сессии.

Перед началом второй лекции я сбегала к библиотеке и, стараясь не вызывать подозрений, оглядела замок на входной двери, заодно изучив расписание работы.

Преподаватели точно сговорились. На занятии по матмоделированию преподаватель бодренько напомнил о приближающейся сессии, вызвав многострадальный стон, пронесшийся по рядам. После чего зачитал длиннющий список задач и теорем, которые следовало предоставить решенными и доказанными к моменту экзамена.

Осталось схватиться за голову и завывать с горя. Аут приближался, дышал в затылок и пищал на ухо противным тоненьким голоском: "Погоришь в эту сессию, деточка!". Я показала ему фигу, и, стиснув зубы, ринулась в дебри знаний.

После второй лекции, в холле, наступил следующий этап операции. Следовало действовать стремительно и расчетливо. Покружив под тусклым плафоном, я приблизилась к вахтерской. В последнее время Монтеморт повадился растворяться на фоне темной стены, становясь незаметным. О присутствии пса сообщили похрапывающие и причмокивающие звуки. Значит, жив монстрятина, и его коллега на месте. Тоненький голосок доносился из сторожки, где бабулька отчитывала кого-то по телефону.

Как заставить вахтершу покинуть помещение? "А-а, в холле разбили плафон!" Нет, второго прецедента ее бедное сердце не выдержит. "А-а, украли Списуила!" Не поверит.

Я маялась, а время неумолимо текло. Мелёшин не дождется меня в столовой и снова накажет. Вытащив из сумки утренний оладушек, пожевала и поняла, что зря сунула в рот — аппетит пропал. А вкуснятинку жалко, не выбрасывать же. Пусть Монтеморт попробует столовский деликатес, может, пообреет.

Остаток оладушка полетел в сторону темного пятна. Поначалу ничего не происходило. Потом глыба зашевелилась, заходила ходуном; послышалось громкое фырканье, жуткое клацанье и чавканье.

Кушай, собачка, тебе вечером выпускать меня с книжечкой, и потом неоднократно! — возликовала я, радуясь молчаливой сговорчивости пса. Внезапно гора закричала, задрожала и начала вибрировать, издавая жуткие хрюкающие звуки, и чем дальше, тем громче и страшнее. Народ начал испуганно утягиваться из холла в коридоры. Я, струхнув, тоже отбежала подальше, поглядывая от зеркала.

Туша содрогалась и хрипела, и к хрипам добавились свист и взвизги. Дверь вахтерской распахнулась.

— Монька, проглот этакий! Чего опять нажрался? — закричала грозно вахтерша.

Гору сотрясало, и ответа от нее не поступило.

— Монька? — переспросила неуверенно бабуся и тоненько вскрикнула: — Мо-онька!

Родименький!

Как истинная самаритянка, она бросилась на помощь псу. Мои же ноги понесли тело в распахнутую настежь вахтерскую. Пока с причитаниями и уговорами Монтеморту делали искусственное дыхание, стимуляцию сердца и массаж голеностопных суставов, я трясущимися руками сняла с крючка связку ключей на огромном кольце, обмотанном лазеровой изолентой. Ну, что за маньяки в этом институте — сплошь любители оттенков синего.

Вслушивалась в вопли и стенания у погибающего Монтеморта, я перебирала дрожащими руками ключи с номерами кабинетов, лабораторий, аудиторий, спортивных залов... Наконец, в ворохе промелькнула бирка: "библиотека". Искомый ключик выдрался из связки с мясом, а брелок погнулся. Раздумывать некогда! Кольцо с ключами швырнулось с расстояния двух метров и — неожиданная меткость! — ловко наделось на крючок. А теперь бегом с места преступления, бочком мимо вахтерши, реанимирующей страдальца-пса.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Хрипы поредели, дрыганья почти прекратились.

— Ох, Монька, бедолага ты мой, — гладила бабуля лапу животного. — Зачем всякую гадость с пола поднимаешь? Зубки-то на лучшем шлифовальном станке заточены, а ты их тупишь. Непрофессионал!

Туша вздрогнула и виновато хрюкнула.

— Ладно, отлеживайся. Но вечером вкусенького не дам. В целях воспитания, — сказала наставительно вахтерша.

Я не ожидала, что псине поплохеет от обычного оладушка. Чем его кормят? Гвоздями, что ли, или шурупами?

Обрадовавшись, что Монтеморт жив, пусть и не совсем здоров, кинулась в столовую, преодолев расстояние за несколько секунд, и удивилась своей скорости. Посмотрела, а Мелёшин с новой подружкой посиживали в полупустом зале.

Подбежав и сев за соседним столом, как велели, я принялась отбивать нервную дробь пальцами. Не до Мелёшина мне сейчас. Вспоминала, на какой из схем видела нужную дверцу. Раздался звук отодвигаемых стульев, и наевшаяся парочка двинулась к выходу. Будто специально дожидались меня. Совсем обленились, не могут холеными ручками унести подносы к мойке!

Обернувшись, я поймала хмурый взгляд Мелёшина. Тебе-то какое дело, питаюсь или нет? Главное, приберу, так что топай поскорее, мне еще нужно изучить планы.

От нетерпения пуце забарабанила по столу. Едва Мелёшин с девушкой скрылись в дверях, я отнесла подносы и метнулась из столовой. Чуть не сбила парочку, бредущую прогулочным шагом, и побежала в юго-западный коридор на третий этаж. Там малоллюдно и окна большие и светлые — хорошо разглядывать копии схем.

Устроившись на подоконнике, вытащила листы из сумки и принялась с дотошностью их изучать. Где-то что-то я видела, но на каком из планов и разрезов — не могла вспомнить. Время тикало, лекция приближалась.

Вот она, дверца из банка! Точнее, запасной выход со второго этажа на случай пожара. В северном коридоре, на тупиковой лестнице, по которой отродясь никто не ходил. Законопаченная дверь с лестницей. Пробегу мимо на лекцию и посмотрю.

Ох, и намотала же я километров! Наверное, покраснелась как помидор от бесконечной беготни.

Схемы не обманули, дверь и правда имелась. Обыкновенная, двухстворчатая. Запиралась на узенький брус, уложенный в металлические пазы, и иных замков не наблюдалось. Засов снимался легко, видимо, после пожара в столовой в здании провели масштабную проверку запасных выходов.

Очень и очень неплохо. Преступный замысел начал обретать реальные контуры. Пути отступления на случай неудачи нашлись.

Отбежав, я принялась разглядывать лестницу со стороны соседнего окна: крутая ли она, сколько ступеней, достаёт ли до земли или придется спрыгивать. Так усердно считала ступеньки, что приклеилась носом к стеклу.

Неожиданно меня как хлопнули по пятой точке! Взрыв от боли, я подскочила. Передо мной стоял Касторский с дружками.

— Кого это мы выглядываем? — спросил староста, поганенько улыбаясь. — И в весьма иротишной позе.

— Н-никого, — ответила я, заикаясь. Смотрела на старосту, впав в ступор. Встречаются такие люди — парализуют одним своим видом, рождая неконтролируемый страх.

Касторский подошел вплотную и провел по моей щеке ладонью. Я отбросила ее.

— Плохо за тобой присматривают, — осклабился староста. — Дерзкая и неприветливая. Люблю таких, как ты, воспитывать.

И подставил подножку. Не удержавшись, я с размаху уселась на подоконник. Хорошо, что не на пол, но ноги разъехались.

Касторский ухватился за мои колени и развел их.

— Ну и видочек! — заржал, а вместе с ним и его мордовороты.

Вложив всю ненависть, я оттолкнула Касторского, и он, не ожидая сопротивления, отлетел, но недалеко.

— Ах, ты с*ка! — взревел и медленно пошел на меня, закручивая кистью невидимую воронку. В ней появился полупрозрачный, но знакомый хлыст, постепенно уплотнявшийся. Иллюзия получилась хорошей и реалистичной.

Сжавшись, я закрылась, чтобы уберечь живот и лицо. Послышался свист, но удара не произошло. Рядом с Касторским стоял Мелёшин с бледным лицом, и взгляд у него был тяжелый, не предвещавший старосте ничего хорошего.

— Я предупреждал, что мне не нравится, когда за моей спиной пытаются испохабить то, что им не принадлежит, — чужим, не своим голосом сказал он. — Ты нарываешься. Ты уже нарвался.

Это могла быть 21.2 глава

Мэл свел ладони, что-то неслышно пробормотав, а когда развел, между пальцами переливался бликами фиолетовый многогранник — *nerve sandi*^[17], парализующий группы мышц, смотря куда попадет заклинание.

— Только попробуй, гад! — сказал Касторский, отступая за дружков. Его лицо пошло красными пятнами, глаза бегали.

Бугаи пошли на Мелёшина, обкладывая его с двух сторон. Каждый из них тоже создал заклинания: *piloī sandi*^[18] и *gelide sandi*^[19] больших размеров.

На мгновение забыв о том, что нахожусь в пренеприятнейшей компании, я замороженно смотрела на потрясающее зрелище: вращающийся насыщенно-голубой ершистый шар в руках одного и окутанную белыми нитями, потрескивающую сферу между ладонями другого. Заклинания были столь же прекрасны, сколь опасны своей величиной и последствиями.

Теперь понятно, на что намекал Бобылев, говоря о величии висоратства. Мгновенно создавать из ничего разрушительную красоту — это ли не венец человеческих возможностей?

Залюбовавшись, я не сразу заметила, что Мэл переложил фиолетовый шар в левую руку и принялся медленно обходить противников побоку, в то время как они прикрывали Касторского. Тот трусил и прятался за спинами товарищей.

Дислокация поменялась. Передвигаясь с невероятной гибкостью, Мелёшин сместился и закрыл меня спиной, одновременно перебирая пальцами и наращивая *nerve sandi*. Ох, не повезет тому, кто примет заклинание на себя.

Противники замерли в угрожающих позах, не решаясь начать. Внезапно в другой руке Мэла появилось и начало расти мутное переливающееся уплотнение, казалось, втягивающее в себя окружающее пространство. Мордороты растерялись.

— Трое на одного? — процедил презрительно Мелёшин.

— А ты как хотел? — оскалился Касторский, выглядывая из-за широких спин дружков. — Отдал бы, и без проблем.

Вместо ответа Мэл без предупреждения метнул *nerve sandi* в прячущегося Касторского. Заклинание, рассыпавшись фиолетовыми искрами, впиталось в ноги старосты. Тот повалился на пол, ноги его не держали.

— Ах ты, гнида! — завизжал он.

Бугаи собрались ответить и уже вскинули руки, как вдруг, неловко сбросив заклинания, загнулись и обхватили головы ладонями. Мелёшин, тоже схватившись за уши, не удержал переливающийся мутный сгусток, и тот, сорвавшись, рассыпался на полу с тихим звоном и растаял каплями.

Мэл оклемался первым и выругался трехэтажно на лежащего и поскуливающего Касторского.

— Козлина, еще раз устроишь падлу, я тебе раскрою череп!

Схватил меня за локоть и потащил по лестнице вверх. На следующем этаже он долго тряс головой:

— Надо же, какая сволочь! Оглушил, а ведь видел, что у меня в руках *deformi*^[20].

Я слушала Мелёшина и с пустыми глазами смотрела на свои кривые и косые руки. Только что они создали заклинание легкого оглушения, вернее, совсем даже не легкого, а

вполне ощутимого. Если Мэл узнает, что я чуть не покалечила всех участников конфликта, то без сожаления приложит голову о батарею. Заклинание деформации создавало жуткие уродства, стягивая кожу. Представляю, какими красавцами мы заявили бы на лекцию.

Мелёшин продолжал громко возмущаться, а потом переключил недовольство на меня:

— Опять его спровоцировала? Тебя же предупреждали — это в последний раз.

— Никого я не провоцировала, — устало воспротивилась обвинению.

Плечи заломило. Началась отдача — результат неправильно наложенного заклинания.

Еще бы знать, каким образом удалось его создать. Но факт остался фактом — у меня получилось!

— Он тебя ударил? — спросил Мэл.

— Не успел.

— Не пойму, почему он к тебе прилип. Мало других развлечений?

— А разве я прыгаю от радости? Как увижу, сразу сердце заходится от страха.

Мелёшин посмотрел на часы:

— Пошли на лекцию. Через две минуты звонок.

По дороге я спросила:

— Как думаешь, надолго у Касторского ноги отказали?

— Твоя беда, что ли? — отрезал раздраженно Мэл.

— Вдруг ему надо помочь?

— Кому надо, тот поможет, — неизвестно почему разозлился Мелёшин. — Он тебя чуть не избил, а ты его жалеешь.

— Я не жалею.

— Помолчи, пожалуйста, — простонал Мэл, — от твоей трескотни голова заболела. И так шибанутая этой сволотой, еще ты добавляешь.

Я благоразумно примолкла, но ненадолго.

— Может, стоило отправить его в медпункт?

Мелёшин посмотрел на меня как на недоразвитую и высказался примерно в том же духе. Ну и пусть.

Время поджимало, мы ускорили шаги.

— Наверное, не имеет смысла говорить о новом долге, — сказала, запыхавшись, потому что едва поспевала за быстро идущим Мэлом. — Я и так в них как в шелках, особенно перед тобой. Но могу поблагодарить.

Он остановился посреди коридора и скрестил руки на груди.

— Давай, начинай.

— Прямо здесь и сейчас?

— Почему бы и нет? — пожал Мелёшин плечами.

— Скоро звонок!

— Тогда поторопись, — сказал он невозмутимо.

— Спасибо за то, что помог с Касторским. — Увидела, что Мэл поморщился, и добавила неловко: — За то, что спас. И за столовую спасибо.

— Неужели? — усмехнулся он. — А я всё ждал, что при удобном случае треснешь поварешкой за то, что не дал вернуться назад.

— Это отдельный разговор.

Мелёшин фыркнул:

— Почему-то не удивлен.

Прогорнил звонок, и мы торопливо влетели в аудиторию. Касторский с друзьями так и не появились на лекции.

Последнее на сегодня занятие намечалось со Стопятнадцатым. Я пришла в полупустой кабинет в лабораторном крыле и прождала декана добрую половину отведенного времени, прежде чем он появился, уставший и задумчивый, и повалился на стул.

— Добрый вечер, Эва Карловна! Однако выпал я из жизни. Но ничего, скоро наверстаю. Наконец-то мы разобрали завалы и вылезли из клоаки, в которой нас погребли неутомимые развлеченцы.

— Вам чем-нибудь грозят последствия пожара?

Генрих Генрихович по-доброму улыбнулся:

— Лично мне нет, а вот институту дали хороший подзатыльник. Мы потрепаны и не на щите. У Евстигневых Ромельевны на столе веер штрафных санкций, но это терпимо. Близнецы принесли "черную" славу институту. Благодаря связям ректора, по прессе гуляет байка о бесстрашии растущего поколения, плюющего на многолетние правила. Конечно, всё переврали и поставили с ног на голову, окружив историю мрачным, но привлекательным ореолом. Публике нужны зрелища, поэтому интерес толпы сместили в другую плоскость. Хотя и грязные уловки, но тут уж ничего не поделать. Мы-то с вами знаем, каково было на самом деле, — посмотрел на меня Стопятнадцатый, и весь его вид говорил: "Мы-то знаем, что описавшийся от страха мальчишка Капа вряд ли совершал подвиги в чужой постели".

Я опустила глаза. Кстати, об оскомине.

— Генрих Генрихович, а Капу отчислили из института? Его несколько дней не видно в общезитии.

— Нет, братьев Чеманцевых не отчислили. За них походатайствовали там. — Декан показал большим пальцем в потолок.

— Неужели? На гениев они не похожи.

— Они-то не похожи, но их отец — талантливейший ученый. Узнал о происшествии и попал в клинику с сердечным приступом. Лежит себе, сердце лечит, а бесценнейшие разработки в области висорики застопорились, — пояснил с иронией Стопятнадцатый. — Так что в судьбе провинившихся близнецов принимали участие и первый отдел, и те, кто повыше.

— Понятно. Это радует. Значит, у оставшихся двух парней не нашлось покровителей.

— Правильно размышляете. — Декан вытянул ноги и скрестил их, сложив руки замочком на животе. — И поздравляю вас с успешным собеседованием у г-на Бобылева, прикомандированного к нашему институту.

— Он здесь вроде преподавателя? — ужаснулась я перспективе встречаться с неприятным типом каждый день.

— Упаси бог, — скривился Стопятнадцатый. — Бывает набегам, но регулярно. Поделитесь, как узнали о проверке первого отдела? Если не хотите, можете не пояснять.

— Соседка помогла. Я же смогла почувствовать запах. А вы, Генрих Генрихович, не расскажете, как узнали, что первый отдел собрался проверять?

Мужчина вздохнул:

— Нечто подобное я предполагал, когда утром перед началом допросов Бобылев показал мне и Евстигневой Ромельевне список неблагонадежных учащихся. Однако предупредить вас не было никакой возможности.

Ничего себе! Значит, еще кого-то заподозрили в отсутствии способностей?

— И как... — замялась я, не решаясь продолжить, — подтвердились предположения?

— В одном случае, — обронил коротко декан. — Но пока очень зыбко. Студента пригласили для собеседования в Первый департамент.

Из которого он выйдет уже не студентом. Или вообще не выйдет.

— Эва Карловна, поскольку приближается сессия, хочу предупредить, что договоренность с преподавателями насчет практических оценок по экзаменуемым предметам осталась в силе. Коли мы с вами умудрились выкарабкаться из передрыги, спешу обрадовать, что практическая составляющая оформится скромными тройками. Вас устроит?

— Конечно! — воскликнула я с жаром. — Огромное вам спасибо за разученные заклинания. Дважды, нет, трижды — все онигодились!

— Надеюсь, не в корыстных целях и не со злостным умыслом, — заметил лукаво декан.

— Что вы! Генрих Генрихович, я хотела бы попросить, чтобы Ромашевичевский взял меня на курс снадобьеварения. Там не требуется особого умения в обращении с вис-волнами. А мне очень надо!

— Гм, — поиграл бровями Стопятнадцатый. — Если я поговорю с Максимилианом Эммануиловичем, готовьтесь к тому, что пощады вам не будет. Поскольку вы находились под моей опекой, то возвращение в нестройные ряды студентов может... э-э-э... отрицательно сказаться на ваших отношениях с преподавателем. Боюсь, он приложит все усилия, чтобы в ближайшее время вы с ревом вернулись под мое крылышко. Или не приложит, — декан почесал голову.

— Ну, пожалуйста! Давайте попробуем.

— Ладно, — махнул он рукой. — Если потонем, Эва Карловна, то вместе.

Мы рассмеялись. Однако Генрих Генрихович не стал расслабляться и в оставшийся мизер времени показал новое заклинание, на первый взгляд совершенно бесполезное, но как пояснил мужчина, оно могло развить интуицию, и, возможно, в дальнейшем мои руки будут подсознательно тянуться к волнам, не видя их.

Да уж, я похожа на слепого с костылем, — подумала мрачно, глядя на Стопятнадцатого, показывающего нужные движения.

— Опять-таки в вашем распоряжении одна волна и одна рука. И волны, и руки произвольные. Требуется сжать волну, как если бы выжимали мокрую тряпку или сок из лимона. Не имеет значения, захватите ее сверху или снизу, важно сжимать постепенно. Около волны, стремящейся вернуть себе первоначальную форму, возникает небольшая зона, обладающая свойствами стерильности. Вы должны знать, как на языке студентов называется это заклинание.

— "Очиститель воздуха" или "засирайка" — пояснила я.

Декан был прав, заклинание оказалось простым, вернее, выполняемые движения. Разжимаясь, волна "съедала" в радиусе деформации витающие в воздухе молекулы различных веществ, уничтожая абсолютно все ароматы. В больших масштабах наложенное заклинание грозило потерей обоняния, а среди студентов гуляли шутки и анекдоты про "засирайку", с помощью которой устранялись вонючие запахи, например, после пукания или грандиозной попойки. Из-за небольшого радиуса действия заклинание не пользовалось популярностью. Ведь для того, чтобы освежить комнату, требовалось не менее получаса непрерывных "сжиманий" волн, не говоря о болезненной отдаче.

Тренируясь, я вспомнила, что в прошлый раз декан принес зеркало, чтобы видеть,

получается у меня или нет. И сейчас не мешало бы создать наглядный стенд, чтобы тренироваться с заклинанием горной свежести.

Освежить воздух не получилось ни разу, может быть оттого, что тянуло плечи, испытывавшие перегруз от заклинания оглушения, а может быть оттого, что в памяти периодически всплывало лицо улыбающегося Касторского.

Декан достал из нагрудного кармана пиджака записную книжку и делал пометки пером.

— Кстати, — вдруг вспомнил он, — я просил профессора Вулфу о консультации по поводу рисунка на вашем пальце. Вы разговаривали с ним?

— Разговаривали.

— И какова его резолюция?

А какие резолюции раздает ваш хваленый профессор, без которого хоть потоп?

— Сказал, что не стоит заострять внимание.

— Странно, — задумался декан. — Так и сказал?

— Не помню дословно.

— Не похоже на Альрика. При случае увижу его и расспрошу поподробнее, когда развяжусь с оставшимися делами. Увяз я в улаживании последствий ЧП. Сегодня в первый отдел надо заехать, а завтра по инстанциям мотаться: нужно побывать в трех департаментах.

Посочувствовав Генриху Генриховичу, я продолжила безуспешное освоение "засирайки".

Однако трудности имеют тенденцию заканчиваться, и после занятия со Стопятнадцатым я понеслась быстрее урагана в общежитие. Прибежала и ни капельки не удивилась вилке в своей сумке. Вытащив её, бросила на стол. Затолкала в сумку запыленные штаны, по-быстренькому замазала стекло фонарика салатовой гуашью, купленной для украшения будущего плафона, положила ключ от библиотеки в кармашек сумки и понеслась как угорелая в институт. Поднявшись по лестнице, я отдышалась и на твердых ногах, но с полубезумными глазами подошла к месту будущего преступления.

Хорошо, что сегодня Пети не пришел в библиотеку, иначе бы план сорвался.

Мне повезло. Мне всегда везет на убывающую луну, — думала я, зарываясь в халаты, пахнущие потом и химией. Сделать первый шаг оказалось проще простого. На меня никто не обратил внимания, даже Бабетта Самуиловна, ушедшая пересчитывать стотомник сочинений какого-то философа, и теперь я сидела в узкой камерке-пенале, грызла ногти, поглядывая на полоску света. Ждала. Светила фонариком на часы. Осталось десять минут до закрытия библиотеки.

Неожиданно зазвонил телефон. Мелёшин еще ни разу не звонил, и я не сразу догадалась, что тренькающие звуки исходят из сумки. А когда сообразила, то суматошно вытащила и нажала кнопку с зеленой трубочкой.

— Чего тебе? — прошипела, вглядываясь в щель, чтобы проверить, не бежит ли кто к камерке вытаскивать меня.

На том конце молчали.

— Папена? — наконец, осторожно спросил Мелёшин. — Ау!

— Да здесь я, здесь, — ответила погромче, убедившись, что до меня никому нет дела. Толпа сдавала книги, Бабетта Самуиловна принимала.

— Почему хрипишь? Заболела?

Я задумалась. Его вопросы не походили на заботу.

— Какое тебе дело? И вообще, сам сказал сообщать после девяти, а сейчас и восьми нет.

— Поэтому и звоню. Сегодня можешь не отчитываться, буду занят. Завтра утром позвонишь перед занятиями.

— Ладно.

— Что делаешь?

Да отключишься ты когда-нибудь или нет?

— В общаге сижу. Захлебнулась в учебе, — сообщила я и начала торопливо перечислять: — Написала два реферата, решила десять задач, оформила курсовую. Вся употела.

В это время по библиотеке разнеслось мелодичное сопрано Бабетты Самуиловны: "Поторопитесь, библиотека закрывается через пять минут!".

Ну, почему? Почему я не оставила проклятый телефон в общаге? Наверное, потому что и предположить не могла, что прилипчивый тип надумает позвонить в неурочное время.

— Учеба — это хорошо, — согласился Мелёшин. — Тем более, сессия на носу.

Что-то подозрительно быстро согласился. Может, случилось чудо, и он не услышал объявление библиотекаря? Пронесло!

— Пока, до завтра, — сказала я не очень любезно и рассоединилась. И ведь не отключить телефон, пока сам не разрядится. Иных функций, помимо вызова и отбоя, нет.

Ну и ладно. Пусть идет развлекаться или куда там еще.

Выждав с полчаса после закрытия, когда улягутся страсти, погаснет свет в читальном зале и повернется ключ в библиотечной двери, я решила, что пора вылезать из засады. Нужно переодеться в джинсы и не забыть снять обувь.

С включенным фонариком направилась в сектор, где на одном из стеллажей меня с нетерпением ожидал нужный учебник. В воображении я расписала завершение плана до мелочей, включая твердую тройку, полученную за экзамен по общей теории висорики у Лютика.

Ночью все кошки серы, поэтому пришлось некоторое время поплутать среди безликих книжных секций, и все же я с уверенностью двигалась к заветной цели, периодически подсвечивая циферблат часов. Времени в запасе оставалось навалом. Цель неумолимо приближалась, и вот уже она грела мои ладони, а удерживаемый во рту фонарик бросал тусклый свет на перелистываемые страницы.

Знаете, отчего люди становятся седыми за одно мгновение, начинают заикаться и, вообще, сходят с ума? Оттого что в один прекрасный момент, стоя вечером в темной библиотеке с украденной книгой у стеллажа, они, подняв глаза от раскрытого учебника, видят перед собой неясную бледную тень, рассматривающую их с угрюмым видом.

Книга с грохотом упала на пол, фонарик последовал за ней, челюсть устойчиво закрепились в нижнем положении, а вопль ужаса застрял где-то на уровне голосовых связок — потрясающее зрелище на фоне завывающей сирены, среагировавшей на резкий скачок децибелов.

Мамочки! Оказывается, не все так просто. Оказывается, библиотека начинена охранными ловушками!

Тень сноровисто поставила учебник на полку, схватила и выключила фонарик, после чего сграбастала за руку мое заторможенное тело с выпученными глазами и потащила следом за собой. Через мгновение меня запихивали в узкую щель между двумя

постаменами, на которых возвышались в полный рост скульптурные изваяния каких-то гениев, а затем кто-то весьма материальный начал утрамбовываться следом.

— Да лезь же! — зашипела тень, налегая габаритами. Неясные тени грузными не бывают. Извилины начали понемногу закручиваться, постепенно вводя в работу соображательную часть мозга.

— Мелёшин? Ты?!

— Нет, Генрих Стопятнадцатый, — пробурчала сварливо несостоявшаяся призрачная тень.

Это могла быть 22.1 глава

Мы в спешке утрамбовались, и я, будучи зажата с двух сторон холодным гранитным камнем, усиленно вспоминала, откуда в библиотеке могли взяться статуи. Почему-то они ни разу не попались на глаза. С третьей, стратегической стороны меня уплотнял Мелёшин, а с четвертой был тупик — стена.

Совершенно непонятно, как нам удалось втиснуться в крошечное пространство, однако реальность оказалась таковой: одна рука Мелёшина лежала на моем бедре, другая застряла у плеча, а наши ноги составляли невообразимое переплетение конечностей. Мэл дышал мне в щеку, согревая теплым дыханием левую половину лица.

Я пошевелилась.

— Тсс! — прошипел он.

Раздались грохот, шум и приглушенные ругательства, а затем эхо приближающихся шагов возвестило о том, что сейчас кого-то вытащат за уши из норки и подвешат над потолком. Краем глаза я разглядела пляшущие по стенам лучи.

Мне показалось, прошла целая вечность. Ноги затекли, руку покалывало, левый глаз зачесался, и как назло захотелось чихнуть.

— Только попробуй! — произнес одними губами Мелёшин, и я поняла, несмотря на мрак. Вот как адреналин и страх обостряют чувства! Вдруг послышался удаляющийся топот вперемешку с неразборчивыми криками. Вскоре наступила тишина.

— Уф! — попробовала я расслабиться, но не тут-то было. Мы уложились плотно, словно две селедки в консервах. — Что ты здесь забыл?

— О том же могу спросить у тебя, — ответил сердито Мелёшин.

— У меня здесь дело.

— И у меня.

— Кто это? Вахтерша? — поинтересовалась я тихим шепотом.

— Сторож.

Черт! Как можно упустить из виду столь важного работника? И правда, не будет же бабулька следить сутками напролет за процессом охраны.

Разочарованная упущениями в плане, я потюкалась непредусмотрительной головой о каменный бок постамента.

— Не знала, — констатировала факт.

— Ты много чего не знала.

— Еще полно ловушек, да?

— Думаешь, ты одна такая умная и интересная пытаешься стащить книги из библиотеки? — усмехнулся в темноте Мэл, опалив выдохом щеку.

— И что, кому-нибудь удалось?

Значит, были прецеденты! Значит, крыска не одинока в желании сдать сессию!

— Монька, — пояснил коротко причину предыдущих неудач Мелёшин. — Вот я и подумал, как тебе удастся проскользнуть мимо. Хочу убедиться воочию.

Ясно. Услышал по телефону призывный вопль Бабетты Самуиловны и ни секунды не поверил во вранье про зубрежку в общежитии.

— Ты не собиралась рассказывать о маленьком приключении, ведь так? — прошептал Мэл, склонившись к уху.

Глупо изображать в темноте кристально честный взгляд и уверять в обратном, поэтому я промолчала. Вдалеке раздались невнятные крики.

— Что это с ним? — поинтересовалась, имея в виду сторожа.

— Пришлось делать крысиную иллюзию для отвлечения. Наверное, гоняется за ней.

— А почему не включает свет? Чтобы сподручнее.

— Я-то почему знаю? — ответил раздраженно Мелёшин. — Хочешь узнать — сходи и спроси.

Вот ведь вредина.

— Предлагаю взаимовыгодное сотрудничество, — продолжил неожиданно Мэл. — Ты выносишь из института то, за чем пришла, и захватишь пару книжек для меня. Взамен проведу через установленные охранки.

Я призадумалась. Там, где один раз, будет и другой. Если единожды пройду с учебниками мимо Монтеморта, то Мелёшин не отстанет и прикажет брать книги для других парней, для Эльзы и для красивой блондинки. Ну, уж нет!

— Согласна? — он пощекотал ухо дыханием.

— А потом заставишь вынести полбиблиотеки для твоих друзей? — процедила я злобно.

Мэл замолчал. Значит, предположения верны. С его стороны грех не воспользоваться моментом.

— Я подозревал, что ты обо мне не очень хорошего мнения, — выдал Мелёшин, — и убедился в своих предположениях после пожара, в холле. Но и представить не мог, что твое мнение настолько негативное.

Неизвестно почему я почувствовала себя виноватой и разозлилась. Не нужны мне его откровения, не нужны! Ишь, ловко ушел от ответа, упрекнув меня же в бессердечии.

А Мелёшин подытожил, шепча:

— В деле будем завязаны только я и ты. Даю слово.

При таком раскладе получалась взаимная заинтересованность друг в друге, исключая лишние глаза и уши. Неплохо. Я подумала и успокоилась.

— Ладно, давай попробуем.

— Кстати, как ты прошла через охранку?

— Не твое дело. Что, вылезает?

— Еще рано, — ответил странным тоном Мелёшин спустя некоторое время, когда я не чаяла услышать его голос.

— А когда можно?

— Погоди. Из-за крысы перепутались охранные заклинания. Это опасно.

Что-то Мэл недоговаривал. Как могут быть опасны спутавшиеся заклинания? Наоборот, это удобный момент, чтобы устранившись из библиотеки без проблем, прихватив с собой вожделенные учебники. Врет или не врет Мелёшин? Я покосилась на него, а он замер с самым безмятежным видом, не спеша освободиться из удушающих объятий, и вдруг сказал с тихой злостью, будто был не рад свершившемуся факту:

— Давно хотел это сделать. Еще когда увидел тебя на лекции у Лютика. Довольна?

И поцеловал меня в ухо.

А потому что больше некуда. В ужасной тесноте первым попало, конечно же, мое ухо. Было бы гораздо хуже, если бы его рту попала, предположим, моя пятка. Медленно, насколько позволяло тесное пространство, я повернула голову в направлении голоса.

Зеленые ободки по краю радужек горели, расширившись.

А потом Мелёшин приложился губами к моему рту. Видимо, не ожидал, откинул голову назад и стукнулся затылком о бок постамента. Зашипел от боли и опять прислонился к губам. И снова. И снова. Сначала нежно и невесомо, а потом уже не касался осторожно, а торопливо поглощал, посасывал, впитывал.

Я и не знала раньше, что бывает такое, когда от прикосновения мгновенно раскаляется кожа, хотя тело бьет в ознобе, когда в груди разгорается огонь, оплавливая сердце жаром, когда шумит в голове и расплывается в глазах.

Откинула голову, и дорожка из поцелуев спустилась по шее, вызвав слабость в ногах. Я бы упала, но некуда. Обняла бы, да руки зажаты. Я бы сгорела, не задумываясь. Таяла воском. Впала в какой-то транс. Очнулась, а его уже нет. Вернее, Мелёшин был рядом, никуда не делся, но перестал целовать. Дразнил дыханием пылающую кожу.

Я разочарованно вздохнула.

— Ты забавно стонешь, — раздался шепот под ухом.

Кто? Я? Не может такого быть!

— Может, — подтвердил тот же шепот. Неужели произнесла вслух?

Наглость какая! Я — и стонать! И вообще, хватит тесниться как спички в коробке.

— погоди, — сказал Мэл и снова склонился ко мне. Проехался носом от ключицы к подбородку, потерся, опять вернулся к шее и вдруг прикусил мочку уха.

И я не смогла удержаться, выгибаясь навстречу. Наверное, застонала, черт с ним, и отвечала не менее дерзко, встречаясь языками и позволяя истязать губы. Возможно, просила о большем, не помню. Рассудок помутился совершенно. Краем уха слышала, как его дыхание стало тяжелым и прерывистым, а поцелуи сменились жалящими покусываниями. Мэл дернулся, издав невнятный хриплый звук, и отстранился.

Я поняла это не сразу, а лишь когда остыли губы, и протрезвела голова. Ослепительный свет в глазах сменился темнотой позднего зимнего вечера.

Мелёшин исчез.

Выбравшись на нетвердых ногах из узкой щели, я поразились тому, как нам удалось поместиться в ней вдвоем. Величественные статуи незнакомых деятелей застыли на постаментах. Казалось, они укоризненно покачивали головами. В очертаниях утонувших в полумраке мраморных фигур угадывались пышные парики и длинные фалды камзолов.

За окнами, на освещенной фонарями далекой улице неслышно проносились машины. У каморки я обулась и, схватив сумку, отправилась выискивать напарника по преступлению. Долго блуждать не пришлось. Он стоял в третьем ряду между стеллажами и высвечивал фонариком в раскрытой книге. Посмотрел на меня и снова углубился в чтение.

Правильно, не вешаться же теперь на шею. У Мелёшина сегодня вышел на редкость удачный вечер: и книжки заполучил, и непередаваемые ощущения. Но ведь и мне тоже понравилось, — напомнил неуверенно внутренний голос, но я его сурово оборвала. Подумаешь, попала под влияние момента!

Мелёшин кивнул на два отложенных учебника:

— Это мои. Выбирай и пощи. Время тикает.

Еще бы оно не тикало! А ты помнил об этом, когда целовался? При мысли о тесноте между постаментами мне снова стало нечем дышать, и я не придумала ничего лучше, чем отправиться на поиски нужных книг.

— Дай фонарик, — потребовала хрипло и прочистила горло.

Мэл протянул требуемое. Уйти бы на другой край библиотеки, да не получится. Вот они, книжечки, стоят под носом на соседнем стеллаже. Выбрав три сверхнужных учебника, я бросила в сумку.

— Свои складывай и пошли, — сказала строго.

Мелёшин взял книги с полки и снял с моего плеча сумку.

— Пойдем. Фонариком не свети. При входе стоит защита от светового излучения.

У двери я остановила Мэла, дернув за рукав джемпера.

— Что еще? — спросил он недовольно, будто и не дышал горячо в губы, шепча: "Эвка-а...".

Мелёшин называл меня по имени? — изумилась я, подивившись избранности воспоминаний. Надо же, поначалу из памяти будто вырезало кусок, а теперь начали всплывать неожиданные подробности.

— У меня есть ключ, — ответила также недовольно. Если дуться, то на пару. Не буду же в одиночестве смотреть и терпеть, как он пузырится.

— Ключ — это хорошо, — подтвердил Мэл, — но нужно снять заклинание с петель, а то дверь не откроется.

Повозившись в темноте, он разрешил:

— Открывай.

Выйдя вслед за Мелешиним из библиотеки, я закрыла дверь на замок. Уф, можно вздохнуть с облегчением. Первая часть дела выполнена успешно. Нам удалось выбраться из западни, миновав ловушки.

Мелёшин снова поколдовал у двери, замечая последние следы, поднял сумку и направился вниз. Он шел уверенно и нагло, как и положено вору и аферистам. Предполагалось, что я должна спешить следом, состроив аналогичное лицо.

Забрав куртки в опустевшей раздевалке, мы оделись у зеркала.

— Иди первым, а я — минут через пять, — сказала Малу. — Вдруг Монтепорт неадекватно отреагирует, если пойдем вместе?

Напарник прищурился:

— Откроешь секрет, как договорилась с Монькой?

— Нет. Иди уже. Дай собраться с мыслями.

Мелёшин кивнул и ушел. Вот так просто взял и исчез, хлопнув парадной дверью. А я успела вообразить, как он затормозит, посмотрит на прощание в глаза и объяснит, что произошло в библиотеке. В фильмах герои всегда в самый ответственный момент пускаются в беседы, что да почему, и наговориться не могут, пока их с другой стороны экрана не начинают подгонять пинками.

Опять не о том думаю. Мне о своей шее беспокоиться надо. Поймают — лучше сразу сброситься с чердака.

Взвалив сумку на плечо, я побрела к главному входу. Шаг, второй, третий. Судьба решалась, повиснув на тонком волоске. В последнее мгновение меня охватила паника. С чего я решила, что Монька выпустит? Сделала абсурдные выводы на основе примитивных экспериментов и теперь приближаюсь к тому, чтобы добровольно сунуть голову в петлю.

Ноги налились свинцом и тащили меня не быстрее черепахи.

— Пошто шляемся допоздна? — неожиданно заверещал знакомый голосок за спиной.

Самое время описаться и рухнуть без сознания на пол. Уж не знаю, какие проводки в голове коротнули от страха, но я, развернувшись, выдала с нахальным и высокомерным

видом:

— Если, бабушка, еще раз напугаете, пожалуйюсь проректору. Совершенно невозможно сосредоточиться на учебе. Иду, никого не трогаю, в голове задачу решаю, а тут вы кричите. От неожиданности все формулы перепутались. Если завтра заклинание не получится, скажу, что вы виноваты, — закончила мстительно.

Вахтерша обомлела. Столь длинных речей я еще не произносила, а она не выслушивала, иначе бы не ступевалась и не заговорила растерянно и заискивающе:

— Конечно, девонька, ступай с богом. Я ж разрываюсь, изо всех сил бдю на посту, вот и подустала. Ну, поспешай, за строгость не суди. Нас положение обязывает.

Бдительная бабуля препроводила меня к двери практически под ручку. Где тут ваши хваленые Монтеморты? Не до них нам. Наше высочество даже не заметило их присутствия. Наверное, до сих пор лежат в коме из-за дневного оладушка.

Вышла я на крылечко, глядя шальными глазами на редкие точки звезд в черном небе, и засмеялась как ненормальная. Спустилась по ступенькам на негнущихся ногах, а в голове звенело — получилось! И закружилась, глядя в небо. Звезды вертелись по кругу, а вместе с ними вертелось и нарастающее сумасшедшее веселье.

От одной из колонн отделилась тень. Это Мелёшин стоял на ступенях, засунув руки в карманы куртки, и смотрел на меня. Его лицо терялось в тени, но я знала, что он улыбался.

— Ну, ты даешь! — ухмыльнулся весело. — Я замерз, пока ждал.

— Попробовал бы как я, пройти мимо Монтеморты, вмиг бы вспотел.

Ну, или поцеловал бы за то, что тебе вынесли учебники. Но Мелёшин целоваться не собирался. Вместо этого достал из внутреннего кармана куртки телефон и, набрав номер, отвернулся, дожидаясь соединения. Потом и вовсе отошел в сторону и заговорил вполголоса.

Вытащив из сумки Мелёшинские книги, я сложила их на ступеньке и пошла в общежитие. Удалившись на приличное расстояние, услышала позади:

— Папена! Папена! Подожди!

Не буду оборачиваться. И шаг ускорю.

Мелёшин догнал у поворота, с учебниками под мышкой.

— Не слышишь, что ли? Кричу на всю улицу, а тебе нипочем.

— Что хотел? — спросила я неприветливо. — Мне некогда. Нужно решить кучу задач.

— Когда собираешься обменивать книжки? Скажи, я свои принесу.

Ясно-понятно, вернуть учебники он не сможет, иначе Монтемонт разорвет на входе. Или не разорвет? Может, страж давно состарился и растерял навыки охранника, а никто не догадывается.

— Чего беспокоишься? Видишь, я вышла с вагоном макулатуры. Вдруг Монька ослеп и оглох, а мы не знаем? И нас разыгрывают.

— Возможно, — согласился Мелёшин, — но мне очень хочется жить. Много чего в жизни не успел сделать.

Ага, еще не всех девушек Земли обошел.

— Как начитаешься, так предупреди, — сказала я холодно и пошла, не прощаясь.

— Бывай, — ответил с усмешкой Мэл и пошел обратно.

Завернул за угол института, ни разу не посмотрев назад. А я обругала себя за то, что проявила слабость, оглянувшись, и побежала в общежитие.

Рефераты и курсовые работы делались машинально. Голова работала, руки писали,

страницы перелистывались. И задачи решались, — опомнилась я, глядя на список обведенных заданий. Всё само собой получалось, а внутри словно ледяная глыба застыла и не таяла, мешая адекватно воспринимать реальность.

Приходила Аффа, поделилась бедами предстоящей сессии и ушла. Конечно же, услышав стук, я благоразумно спрятала книги. Вернее, благоразумно поступили мои руки, действовавшие как у робота.

До поздней ночи что-то писала, решала и считала. Очнулась, а на часах полвторого ночи. Завалившись в кровать, я мгновенно уснула, и во сне приснились вереницы формул и заклинаний, летающих кругами над храпящим Монтемортом.

Это могла быть 22.2 глава

Как тяжело просыпаться! Сил нет встать и подняться с кровати. Я поплыла медузой в душ, притянув за уши силу воли, и не пожалела: глаза наконец-то открылись. Аффа же, наоборот, сверкала жизнерадостностью, словно собиралась покорить весь мир, и ее не страшила возможная неудача.

— Носом чую: чем больше невезений сейчас, тем крупнее счастье потом! — подгоняла она, пока я брела по тропинке, позевывая. К утру мороз усилился, и когда мы добежали от общежития до института, щеки и нос подстыли на пронизывающем ветру.

За ночь нервы вернулись в успокоенное состояние, и при входе в здание я отстраненно посмотрела на излюбленную диспозицию Монтеморта. Мозг не успел толком проснуться и закрутить извилины в спирали, поэтому вчерашние страхи казались далекими и несерьезными.

Естественно, все горнисты повымерли и перестали ходить в столовую, однако сия досадная мелочь не переборола неугасимый оптимизм соседки. Испив утреннего кофе с булочкой, Аффа помахала мне рукой на прощание и убежала готовиться к семинару.

На этот раз Алесс сидел у окна, и его огненная шевелюра раздвоилась, отражаясь в оконном стекле. Скоро парень и его стол, ломящийся от яств, станут такой же константой как тетка на кассе. Мой поднос оказался победнее, но тоже полон. Мы с взаимным достоинством поздоровались, и я уселась недалеко от рыжего.

Он развернулся ко мне:

— Ну, как, удачные советы?

— Неплохие, — пожала я плечами, чтобы парень не задира нос, — но не бесценные. А как дела у тебя?

— Ни шатко, ни валко, но лучше, чем ничего. Если что-то будет нужно, подходи, договоримся.

По словам Алесса я поняла, что меня занесли в список проверенных лиц.

Перед первой лекцией Мелёшин ушел на другой ряд, где общался с парнями, смеясь и подшучивая. Наверное, делился подробностями вчерашнего вечернего вояжа в библиотеку.

Как ни в чем не бывало, я села на свое место и уставилась в раскрытую тетрадь, обдумывая.

Изменится ли что-нибудь после совместной тесноты в библиотеке? Вряд ли, иначе Мелёшин не замедлил бы прояснить. И нужно ли мне, чтобы в наших отношениях что-то менялось? Чтобы запутаться еще сильнее? Чтобы как Эльзушка плакать ночами в подушку, когда он променяет меня на другую? Хотя повода для рыданий пока нет. Чтобы он променял меня на кого-то, нужно, чтобы он променял свою блондинку на меня, а этот вариант пахивал вероятностью ноль целых сто миллионных.

Закружившись с мыслями, я лишь по окончании лекции заметила, что Касторский с дружками присутствовали на ней, оккупировав последние ряды. Значит, ножки старосты оклемались от вчерашнего потрясения.

Мэл не стал задерживаться после звонка и, резво скатившись по ступенькам, покинул аудиторию, не удосужившись поздороваться, будто меня не существовало.

Складывая тетрадь в сумку после второй лекции, я не заметила, как Мелёшин пробрался с другого конца скамьи и сел рядом. Покрутила головой — аудитория опустела.

— Рассказывай, — велел он безапелляционно.

— О чем?

— Что забыла такая бездарность, как ты, в институте с висорическим уклоном? — спросил, взъерошив волосы.

Мэл сказал правду, назвав вещи своими именами, а на правду, как известно, не обижаются. И все же меня покорило откровенное построение вопроса.

— Прежде всего, здрасте. Учусь.

Он не обратил внимания на приветствие.

— Не заговаривай зубы. Твои потенциалы — нулевые, а между тем Лютик едва не нанизал на указку половину студентов, когда ты стояла рядом, в холле обрушилась люстра, когда ты находилась рядом, Монтеморт выпустил тебя из института, наплевав на неукоснительные правила, Касторский на моих глазах дважды чуть не выпорол тебя и до сих пор не отказался от этой идеи, сколько бы ему не стучали по голове. А я... ну... — тут Мелёшин замялся, — в общем, того... поцеловал тебя.

Поцеловал? Ну, если вчерашнее зажимание между постаментами можно охарактеризовать одним словом, то... возможно, так оно и есть на самом деле, — подумалось уныло. По крайней мере, для Мэла. Загадочное тисканье в темной библиотеке. Развлечение на один вечер. А сегодня, когда наступило осознание, бедняжка начал маяться и искать объяснение вчерашней слабости. То-то сидел на лекциях как невидимка. Наверное, полдня обдумывал, с какого боку подойти к скользкому вопросу и найти оправдание, в первую очередь для своей блондинки.

— Ты умеешь внушать, несмотря на дефенсоры и щиты? — продолжал допытываться Мелёшин.

— При чем здесь я? Не могу я ничего! Ни порчу наложить, ни проклясть толком. Я и гипнотизировать не умею. Неужели думаешь, что мне хочется быть избитой Касторским?

Мэл поиграл пальцами по столу:

— Сомневаюсь. Что-то же должно быть. Я, например, совсем не хотел... — запнулся он, — этого делать. Но почему-то сделал.

Во мне росла обида.

— Я, что ли, заставляла тебя сосаться? Больно надо!

Прокричалась и отвернулась. Не хотела, чтобы он увидел дрожащий подбородок и растущее желание заплакать. Надо же, моя особа так ему противна, что он роет носом землю, старательно ища причины своего поступка.

— Значит так, — заключил Мелёшин. — Принудь меня что-нибудь сделать.

— Как?

— Сообрази уж сама, — сказал он, раздражаясь, — и мысленно внушай.

— Что внушать?

— Да что угодно! — разозлился Мэл. — Хотя бы из окна выпрыгнуть!

Я развернулась к нему. Его брови нахмурились, губы сжались в полоску.

— Отлично! — пожала плечами с равнодушным видом. — Зачем мысленно? Могу и вслух.

— Папена! — Мелёшин выразительно потер кулак.

Демонстративно задрал подбородок, я начала прожигать взглядом доску. Ну, сейчас

такое придумаю, мало не покажется! В голове подспудно зашевелился червячок сомнения — а вдруг получится? Страшно представить, неужели я могу оказывать влияние на поступки людей, игнорируя защиту дефенсоров?

Загадала, чтобы Мэл сделал стойку на голове.

— Задумала?

Я кивнула, продолжая пялиться на доску.

— Смотри на меня, — велел Мелёшин. Да пожалуйста!

До чего же красивые у него глаза! А зеленый ободок то сужался, то расширялся, завораживая взгляд. Это еще как посмотреть, кто и кому внушает, — всплыла в голове тоскливая мысль. Интересно, на других девушек он глядел так же, с легкой полуулыбкой и сознанием собственной привлекательности?

Внезапно Мэл подался вперед, обхватил мое лицо ладонями и накрыл губы своими. Он целовался агрессивно, подавляя возможное сопротивление, которого, кстати, и не было.

А дальше наступил туман. Вроде бы я оказалась лежащей на скамье, а Мелёшин, нависая надо мной, покрывал поцелуями лицо, шею, пытал губы. Ощутила, как его рука забралась под юбку и направилась в путешествие по бедру, оставляя за собой раскаленный след. Будто со стороны я слышала невнятную мольбу: "Мэ-эл..." и, по-моему, подталкивала, разрешая ему и предлагая. А он и не отказывался, беря.

Также неожиданно Мелёшин отстранился и исчез из поля видимости. Когда сознание прояснилось, я приподнялась, держась за спинку скамьи, и увидела, что он сидит, дыша как марафонец. Да и я чувствовала себя не лучше. Сердце частыми толчками гнало кровь, руки дрожали.

Мэл потер лоб.

— Ты это загадала? — спросил он, с трудом уравнивая дыхание и не глядя на меня. — Вспыхиваешь мгновенно. Не подозревал, что тебе хочется со мной.

— Сдурел? — подхватила я и залепила пощечину. Впервые кому-то заехала по лицу, и этим кем-то оказался Мелёшин. Не знаю, почему рука поднялась и опустилась на его щеке, оставив яркий красный отпечаток. Эффектно, с громким шлепком.

Схватив сумку, полезла через стол. Мэл попытался удержать, однако я начала вырываться, царапаясь.

— Прекрати! — он попробовал встряхнуть меня, видимо, рассчитывая прекратить истерику.

— Пошел вон! — закричала я, уже не владея собой. — Сто лет не сдался, и еще век тебя не видать!

И с силой оттолкнув Мелёшина, отчего он завалился на скамью, бросилась, сломя голову, из пустого помещения.

Забравшись на чердак, я сидела у окна, уткнувшись с носом в ворот куртки. Одинаково холодно и паршиво — на улице и в сердце. А еще гадко и муторно. Вот если бы, предположим, сейчас замерзнуть, тогда всем станет проще — отцу, Стопятнадцатому, вынужденному меня прикрывать, тому же Мелёшину. Не мучился бы, бедный, придумывая себе оправдания.

Легок на помине. Ругаясь и чертыхаясь, забрался через люк, огляделся, заметил мою скрюченную фигуру в углу и почему-то с облегчением вздохнул. Подошел и сел рядом на корточках, плечо к плечу. Потом поводит перед собой руками, и вокруг ощутимо потеплело.

У меня перестал идти пар изо рта, и начали отогреваться руки.

— Теплый колпак, правда, ненадолго, — пояснил Мэл. — Я так и подумал, что ты здесь. Боялся, сиганешь головой вниз.

Я фыркнула:

— Вот еще! Больно надо.

Помолчали.

— На самом деле, на рукаве остался твой волос. Я заговорил следы и пришел по ним, — пояснил зачем-то Мелёшин и коротко взглянул на меня. — Скажешь, что загадала? Только не бесись. Не хочешь — не говори.

— Чтобы ты прошелся на руках туда и обратно.

— Серьезно? — он искренне удивился. — Никогда бы не подумал.

— Разве это важно? — спросила я устало.

— Для меня важно, — пояснил он хмуро. — Сама понимаешь, девчонка без капли способностей, поимевшая наглость заявлять, что учится в институте с вис-уклоном да еще на особых условиях... Словом, данный факт меня не просто злил, а невероятно злил. Я был готов придушить тебя за вранье. И сейчас, наверное, хочу, — заявил умиротворенно, хотя по кулакам с побелевшими костяшками я видела, что спокойствие давалось ему нелегко.

— Что мешает? Не хочешь ручки марать, сдай в первый отдел, — пожалала плечами, упорно терроризируя глазами тумбовый стол в углу.

— Я не стучу, — возмутился Мэл. — И все-таки, почему тебя понесло в институт с вис-уклоном? Притом, что невероятно рискуешь.

— Это не твоя беда.

— Ясно, что не моя. Удивляюсь, как ты доучилась до третьего курса. Это же грандиозная афера!

— У каждого свои масштабы аферизма.

— А родители? Они знают? Погоди-ка, наверняка устройство в институт произошло при участии твоих родителей, я прав? — воскликнул Мелёшин, пораженный догадкой.

— Не лезь. В это. Дело, — оттолкнула его. Он не удержался на корточках и уперся ладонью об пол, чтобы сохранить равновесие. — Забудь. Если противно меня видеть, как-нибудь перетерпи. Немного осталось.

— То есть? — спросил Мэл, отряхивая руки.

— До первых слухов. Тогда уйду отсюда.

— Понятно. Как, например, твой перевод в наш институт. Он был не первым?

— Не хочу об этом, — я обняла себя за плечи и отвернулась к окну.

— Собственно говоря, больше не буду лезть с расспросами. Ты жизнью научена и выкарабкаешься, не сомневаюсь. Я не за тем пришел, — сказал Мэл и прокашлялся. — Самый лучший вариант для нас обоих — забыть о том, что произошло вчера в библиотеке и сегодня после лекции.

— Вдоволь наэкспериментировался? — не сдержала я горького ехидства.

— Без шуток. У тебя своя дорога, у меня своя, и они не должны пересекаться, — продолжал рубить с плеча Мелёшин. — Мы разные.

Мы не просто разные, — подумала. Мы — два полюса.

— Если переживаешь, что начну кричать на всех углах о случившемся недоразумении, то успокойся, — ответила я раздраженно. — И тем более, не скажу твоей девушке, ну, или всем твоим подружкам.

— Я об этом не беспокоюсь, — сказал через сжатые зубы Мелёшин, встал и начал ходить по чердаку туда-сюда, засунув руки в карманы брюк.

— Отлично. Тогда не могу понять, что еще хочешь от меня?

Мэл вернулся и снова опустил на корточки. Начал мять пальцы, нервничая.

— Хочу, чтобы ты не подумала... ну... словом, будто это серьезно.

— А-а, так называемое очарование момента, — усмехнулась я.

— Да! Вот именно! — тут же согласился он. — Обещаю, что подобное больше не повторится.

— Может, напоследок подпадешь под это очарование?

Мэл напрягся, а я засмеялась:

— Не бойся. Имею в виду, может, отменишь свои правила?

— Подумаю над этим, — ответил он неохотно после продолжительного молчания.

Стало быть, спустившись с чердака, мы точно не разойдемся в разные стороны если не друзьями, то, по крайней мере, знакомыми незнакомцами, и меня по-прежнему будут ждать подносы в столовой и ежевечерние отчеты. А Мелёшин тут же напомнил об обязанностях:

— Пойду. Ты тоже успеешь пообедать.

Я немного посидела, оставшись в одиночестве. Серое небо насупилось тревожными низкими тучами. Непокойность обуяла и мою душу. Теплый колпак истаял, и начали замерзать нос и пальцы.

Почему-то гораздо больше оказалось выслушивать слова о моей бездарности из уст Мелёшина, нежели от других людей, вовлеченных в тайну. Своими логичными и правильными выводами он не только больно щелкнул меня по носу, но и провел между нами жирную линию и ускоренными темпами возвел на ее месте стену, несмотря на заключенный пакт о совместной аренде книг из библиотеки.

Напоследок бросив взгляд в окно, я с грустью улыбнулась собственной наивности. Стоило ли переживать, принимая близко к сердцу нечаянную обиду? Мэл верно сказал, у каждого из нас своя дорога и свои цели. Мне нельзя сворачивать с намеченного пути, когда финиш близок и более чем реален. Не могу спустить насмарку несколько лет, потраченных на выполнение плана.

И все же, заново пролистывая в памяти произошедшее в библиотеке и пустой аудитории, я поняла, что должна кое-чего опасаться, вернее, кое-кого. Себя. Своей реакции на близость Мелёшина. Каждое его прикосновение вздымало и переворачивало во мне нетронутые пласты, пробуждая внутри нечто мощное и неконтролируемое, не испытанное мною прежде ни разу. И теперь эти пласты пришли в движение подобно тектоническим плитам, извергнув гейзером проснувшиеся некстати ощущения.

Спустившись с чердака, я сдала куртку в раздевалку и поплелась в столовую. Меньше всего сейчас хотела видеть Мэла и любоваться его вниманием к светловолосой спутнице. Конечно же, мечты не сбылись.

Интересно, как он объяснил девушке опоздание на обед? Позвонил и сказал: "Подожди, милая, сейчас разберусь со своей цирковой зверушкой и приду. Не теряй".

Набрав поднос еды, я уселась недалеко от парочки. Сегодня их обед прошел в подозрительном молчании: Мелёшин с блондинкой не жались друг к другу и не нашептывали на ушко нежности.

Борщ не лез в рот, но я давилась, усердно глотая горячий суп. Специально села лицом к

окну, чтобы видеть бегущие по серому небу клоки тяжелых туч. Настроение изменилось погоде под стать.

А потом случилось маленькое чудо. Мелёшин с девушкой встали, и перед уходом он прихватил свой и ее подносы. Я сообразила, только когда оглянулась назад и увидела пустой стол.

Чтобы добить мое настроение и загнать его ниже минусовой отметки, не доставало встречи с уважаемым профессором Альриком Вулфу, причем в тесном контакте. И я его встретила, на коллоквиуме, проводимом в одной из подгрупп курса, куда меня приписали.

Касторский и компания упорхнули на практические занятия по нематериальным заклинаниям, а двадцать человек, в том числе я, Мелёшин и Эльзушка, отправились в крыло для семинарских занятий.

Окна в небольшом кабинете, вымытые до прозрачности, создавали впечатление полного отсутствия стекол, столешницы парт сияли нетронутой чистотой. Безобразие! Даже почитать нечего.

Мне, бредущей в арьергарде группы, досталось свободное место на средней парте у окна. Недалеко на соседнем ряду устроился Мелёшин.

— Егорчик, можно к тебе присоседиться? — спросила кокетливо Эльза. — А то свободных мест нет.

— Неужели? — удивился Мелёшин, выгребая тетради из сумки. — Мне казалось, их полно.

Брюнетка зло посмотрела на меня, будто я была виновата в ее унижении.

— Мэл, ты спец в символистике. Неужели бросишь на произвол судьбы? — привела она весомый аргумент.

Мелёшин скосил глаза в мою сторону и кивнул, разрешив:

— Садись.

С торжествующим видом, будто одержала важную победу, девица уселась рядом с Мэлом.

А потом явился Альрик, и прочие проблемы отошли на иной план, прежде всего потому, что я впервые увидела его рядом, а не издали, стоящим у лекторской трибуны или пишущим символы на доске. С близкого расстояния профессор производил ошеломительное зрелище, подавляя своей харизмой. Он выделялся из толпы, как если бы ястреб выделялся из стаи галдящих ворон. Меня сполна впечатлили независимый разворот плеч, гордая посадка головы, скупые, но исполненные достоинства жесты и ленивая небрежность движений зрелого искушенного мужчины, пресыщенного вниманием слабого пола. А наличие незаурядного ума у преподавателя и давно не вызывало сомнений.

В общем, Альрик был великолепен не только благодаря внешней привлекательности, но и выдающемуся внутреннему содержанию. Хромота его правой ноги обесцвечивалась и терялась на фоне королевского величия, с коим он вел занятие. Приглядевшись внимательнее, я заметила, что шрам на лице мужчины не тянулся узкой полосой, а являлся своеобразной границей, отделяющей здоровую кожу от бугристой и розовой, уходящей к линии волос и скрывающейся под стрижкой.

Однако красота красотой, а занятие никто не отменял. Студенты вразнобой поздоровались с преподавателем, и терзания начались.

Темой сегодняшнего коллоквиума стала символьная механика вис-предметов или так

называемых улучшенных вещей. Данная область науки в настоящее время развивалась семимильными шагами, будучи перспективным направлением висорики. Суть состояла в изменении свойств неживых предметов с помощью символов, вводимых в их структуру.

Тон занятию задал Альрик, рассказав о современных аналогах предметов сказочного фольклора: шапки-невидимки, сапог-сорокоходов, нескончаемого горшочка с кашей. Последний пример напомнил мне о спрятанной в общежитии фляжке коньяка, поэтому я изо всех сил напрягла внимание, стараясь вслушиваться в доклады выступавших. Но то ли сегодня был неудачный день, то ли квелое настроение, а нюансы символьной механики не запомнились абсолютно.

Следующим выступил невысокий темноволосый студент, который рассказал о проблемах, возникших при разработке учеными опытной модели неразмениваемого висора. Я слушала вполуха. Гораздо больше меня поразили густые брови парня, нависавшие над глазами широкой черной линией.

Затем взяла слово бойкая смуглая девушка с тысячью мелких косичек и просветила о результатах своей исследовательской работы по изучению времени действия улучшенных вещей.

Участвующие в обсуждении студенты выглядели такими умными-разумными и подкованными в области символистики, что мне стало неловко за свою патологическую необучаемость. Даже Мэл рассказал о чудо-линзе, передающейся в его семье из поколения в поколение. Выпуклая сторона линзы работала как микроскоп, через который можно было разглядеть структуру любого предмета вплоть до межмолекулярных связей.

— Я имел дело с похожими уникальностями, поэтому не удивлен, — ответил профессор, выслушав доклад Мелёшина. — Не сомневаюсь, что в вашей семье хранится немало любопытных вещиц, поскольку ваша фамилия часто упоминается в каталогах известных реликвий.

Мэл почему-то не возгордился, услышав завуалированный комплимент, а нахмурился. Эльзушка с новым интересом посмотрела на соседа.

По ходу занятия Альрик вовлекал в обсуждение и тех, кто предпочитал отмалчиваться, задавая вопросы, однако я отвечала невпопад, а иногда вообще рассеянно пропускала мимо ушей.

— А вы, Папена, — вдруг обратился ко мне профессор, — можете привести примеры улучшенных вещей, когда-либо попадавших в ваши руки, и объяснить общие принципы их работы?

Взгляды присутствующих настроились в мою сторону, и я засмушалась. О чем рассказать? О сумке, сопровождающей меня во всех жизненных перипетиях и давно утратившей способность вмещать в себя большие объемы, равно как легкость и компактность? Или о купленных на распродаже тапочках и пижамных штанах — уютных и комфортных и в сложенном состоянии умещавшихся в сумке в виде тонюсенького рулончика. Я любила их и гордилась ценным приобретением.

О чем я могла рассказать висоратам, взирающим на меня с любопытством? Не о фляжке же!

— У меня улучшенная куртка, — начала неуверенно.

Эльза прыснула в кулачок и прокомментировала громким шепотом:

— Неужели линялый бобрик был когда-то улучшенным?

— Штице, вам слова не давали, — осадил студентку Альрик. — Продолжайте.

— Куртка с терморегуляцией, — выдавливала я из себя по фразе, словно отсталая двоечница.

— И? — тянул меня препод.

— В нити подклада вплетена сетка символов.

— И?

— Она обеспечивает комфортную температуру.

Не буду же уточнять, что куртка давно износилась, и заявленная в ней идеальная терморегуляция организма сгорела синим пламенем.

Альрик выслушал вымученные умозаключения с серьезным видом. Мэл непонятно чему улыбался, катая перо по тетрадке.

— Смотри не употей в комфорте, — опять высказалась Эльза. — А то пованивает на весь кабинет.

Мелёшин сказал что-то девице, отчего она вспыхнула и в замешательстве сникла. Мне-то какое дело до их разборок? Однако Мэл обещал, что египетская плясунья не будет зубоскалить, а она опять принялась за своё.

Ближе к окончанию занятия профессор вынес резолюцию:

— Ознакомившись с уровнем подготовленных докладов, я пришел к выводу, что некоторым из вас полезно побывать на дополнительных занятиях, чтобы подготовиться к предстоящему экзамену. Таковых учащихся в вашей подгруппе наблюдается...

И преподаватель зачитал три фамилии, в том числе и мою.

— Участие в дополнительных занятиях — дело добровольное. Можно отказаться, но сдадите ли вы с уверенностью предстоящий экзамен?

Двое парней, чьи фамилии озвучили, ответили согласием, и я, вздохнув, тоже кивнула. В конце концов, Альрик мог попросту не принимать участие в судьбе отстающих и завалить нас на экзамене со спокойной совестью. Ну, а то, что я и преподаватель находились в небольшой конфронтации, делу не мешало. Строгость иногда бывает полезной.

А иногда и вредной, — подумала, когда мужчина положил передо мной листок с перечнем вопросов, ответы на которые предстояло отыскать к первому дополнительному занятию, а именно к завтрашнему дню, поскольку Альрик предупредил:

— Занятия будут проходить по вторникам и четвергам с двадцати ноль-ноль, по субботам — после большого перерыва.

Я взгрустнула. Плакал наш поход с Петей в его замечательную кузню, а стало быть, изменялся и распорядок сегодняшнего вечера. Следовало внепланово идти в библиотеку, чтобы до её закрытия выполнить указания великолепного Альрика, а маету с экспропрированными учебниками сдвинуть на бессонную ночь. Ох, и подсобил профессор с выводом о моей тупости!

Пока я наскоро переписывала в тетрадь вопросы, Мэл, откинувшись на стуле, поинтересовался у преподавателя:

— А не наблюдается ли в нашем институте тенденция к избранности?

Я замерла, перестав писать.

— Если вы считаете избранностью элементарное незнание основных аксиом символистики, могу посочувствовать вашему логическому мышлению, — ответил холодно Альрик.

Я снова закарябала строчки.

— Значит, любой желающий может прийти на дополнительные занятия? — продолжал

допытываться Мэл.

— Вам, Мелёшин, рекомендую усилить свои слабые стороны по другим предметам. Поскольку вы свободно ориентируетесь в символистике в объеме знаний третьего курса, не вижу необходимости отнимать ваше свободное время.

Мэл некоторое время буравил взглядом преподавателя, а потом посмотрел в мою сторону. У меня даже почерк закрутился: буквы так и попадали на линейку. Ясно, что Мелёшин разозлился, но почему?

После звонка, в опустевшем кабинете, Мэл, собирая сумку, поинтересовался:

— Когда будешь возвращать книги?

Отрывистость слов и резкость тона не оставляли сомнений в том, что он сердился.

— Мне вчера не хватило времени. Сегодня еще подержу. А ты уже сделал?

— Уже сделал, — сказал Мелёшин, сцепив зубы. — Значит, теперь будешь ублажать препода?

— В каком смысле? — оторопела я.

— Сегодня помчишься в библиотеку, а завтра на задних лапках принесешь ответы.

— Тебе-то какое дело? Тебя похвалили, а мне предстоит три раза в неделю ходить на допы, дотягивать уровень знаний до средней планки.

— Похоже, ко всему прочему ты еще и хорошая актриска, — скривился Мэл. — Изобразила тупоумие, чтобы получить местечко бод боком у символика и щеголять перед ним коленками.

Сдались ему мои коленки. И вообще, чего пристал? Хочет, чтобы я встала в гордую позу и плюнула на предложение преподавателя? У меня не тот фасон, чтобы жить по собственным правилам.

— Ты, что ли, будешь учить меня вместо Альрика? — спросила, впрочем, заранее зная ответ.

— При чем здесь я? — удивился Мэл.

— Притом. Коли велено ходить на занятия — значит, буду ходить. Ты перед экзаменами будешь посвистывать, а мне каждая оценка достается потом и кровью. Насчет учебников сообщу завтра утром.

— Звони минут за сорок до занятий, чтобы я успел забросить книги в машину, — предупредил он недовольным тоном и спросил: — Кстати, почему ты завела разговор про куртку, а о духах не сказала.

— О каких духах?

— Которые меняются под настроение. От тебя с утра пахло ванилью, на обеде... — он замаялся, — горьким шоколадом, а сейчас осенью.

— Разве осень пахнет? — растерялась я.

— Еще как, — усмехнулся Мэл. — Моя сестра пользуется такими же духами, правда, с современными запахами.

Вскинув сумку на плечо, он обронил в дверях:

— Я тебя предупреждал насчет символика. Не шути с ним.

Какие могут быть шутки? Не было печали встречаться с надменным профессором, теперь придется смотреть ему в глаза по два раза на дню.

Из всего услышанного я сделала вывод, что многочисленное Мелёшинское семейство имеет страсть к накопительству реликвий, что у самого Мэла своеобразное обоняние, и что пустой флакончик из-под духов, валяющийся на подоконнике в швабровке, оказался не так

прост. А ведь сперва я хотела выбросить его.

Но в целом так и не уяснила, чего Мэл от меня добивался. Ясно же дал понять — мы как в море корабли. Еще бы успеть вовремя сменить курс, чтобы не столкнуться носами и не зацепиться гребными винтами.

У двери в библиотеку я наткнулась на Петю Рябушкина, выходявшего с двумя парнями. Они ушли вперед, а Петя затормозил.

— Поздравь меня! — сказал с ходу. — Пятерка за семинар, и сданный экзамен в кармане.

— Молодец! Я в тебя верила, — похвалила парня, а про себя позавидовала: мне бы тоже так хотелось. Но, увы, кому-то природой даны усердие и способности, а кому-то хоть кол на голове теши — ума не прибавится.

— Петя, наверное, у нас не получится сходить в кузню.

— Почему? — расстроился он.

— Меня сегодня Альрик атаковал. Собрал группу из самых тупых студентов и теперь три раза в неделю будет заострять. Завтра после обеда как раз первое занятие. Вот прибежала выполнять его задание.

— Ну, ты на себя наговариваешь, — засмеялся парень. — Я же вижу, что ходишь и много читаешь, готовишься. Эва, я бы посидел с тобой, да на тренировку спешу. Не обидишься?

— Нет, конечно, — заверила и даже подтолкнула его.

— При случае договоримся заново, ладно? — закричал Петя на ходу, убегая.

Спасибо профессору и его заботе о моих знаниях, — думала я недовольно, вышагивая по коридору. В восемь часов вечера Бабетта Самуиловна благополучно вытолкала всех из библиотеки, чтобы, не торопясь, в одиночестве накрасить губки и припудрить носик.

Из-за неожиданно свалившихся на голову дополнительных занятий мои планы рухнули как картонный домик, и теперь придется полночи корпеть над учебниками. Хорошо, что завтра будет, чем размахивать перед носом великого Альрика. Правда, половину ответов я писала второпях, сокращая слова и фразы, но в целом можно погордиться собой, а мелочи в виде: "В уск. сл. пр. вз. симв. неодн. пр." пусть останутся мелочами. Зато все вопросы честно обведены кружочками.

Посидев на подоконнике в северном коридоре, я съела два пирожка с курагой, прихваченных после обеда. С высоты четвертого этажа открывался вид на скоростную трассу, проходящую наискосок от территории института. Далекие огни, растянутые яркой цепочкой вдоль дороги, горели праздничной гирляндой в черноте неба, сливаясь вдали пятном. У каждого из нас свой путь, — вспомнила слова, сказанные днем. И пусть моя дорога не так светла и накатана, я иду по ней с надеждой и верой в лучшее.

Завернув за угол, я столкнулась нос к носу с Касторским и его командой. Он, видимо, тоже не ожидал меня увидеть и начал озираться по сторонам.

Самое лучшее решение — развернуться и бежать без оглядки, но момент был упущен. Я поняла это, когда староста схватил меня за плечо и толкнул к стене:

— Постой-ка, цыпа. Не так быстро. Не успела поздороваться, а уже уходишь.

Это могла быть 23 глава

Касторский снял свою сумку с плеча и поставил у ног. Уперся ладонями в стену по обе стороны от меня. Я сглотнула, а он приблизил лицо к моему уху и сказал:

— Хотела сбежать? Думаешь легко отделаться, Мелёшинская подстилка? Весь институт знает, чем вы с ним занимаетесь.

— Ошибаешься, — ответила я срывающимся голосом. — Промой глаза и прочисти уши. Староста засмеялся и обратился к одному из дружков:

— Слышал? Козьявка зубоскалит!

А потом со всего размаху ударил. От боли потемнело в глазах, и, охнув, я села на пол, схватившись за щеку. С правой половины лица будто кожу содрали. Касторский рывком стянул с моего плеча сумку и швырнул одному из мордovorотов.

— Отдай! — закричала, я пытаюсь подняться.

— Ох, бедняжка, — пригвоздил меня к полу староста, опустив руку на плечо. — Не хватило румянчика? Захотела еще для симметрии?

Бугай открыл сумку, вытащил пачку со схемами и планами этажей, данную Стопятнадцатым, и передал предводителю. Тот поизучал и, наклонившись ко мне, помахал перед носом:

— Для чего они тебе, шмакодявка? Боишься заблудиться?

— Не трогай, — процедила я, глядя исподлобья.

— А то что? Что мне сделаешь? — куражился староста. — Нету твоего защитника, трахает свою телку, пока предков нет дома.

Сунул листы со схемами дружку слева, и тот принялся методично их рвать. Первый громила порылся в сумке, достал рулончик оставшихся талонов, полтора висора мелочью и фотографию из кармашка. Передал их Касторскому, а потом перевернул сумку и потряс ее. Тетради вывалились и разлетелись по полу.

— Ой, сиротинушка, — засюсюкал староста, подбрасывая монетки в ладони. — Это все, что у тебя осталось на хлебушек?

Схватил меня за волосы и, оттянув голову, прошипел:

— Где остальные деньги, дрянь? Не поверю, что ходишь без бабла.

— Н-нету больше, — выдавила я с трудом. От боли в глазах выступили слезы. — Это всё, что есть.

— Шлюха! — он ткнул меня головой вперед и с силой швырнул монетки о стену. Те, отскочив, раскатились в разные стороны. — Плохо выпрашиваешь. У тебя под носом ходит набитый кошелек, а ты, дура, не умеешь тянуть из него деньги.

Зубы стучали, я испугалась как никогда. Касторский словно сошел с ума, дорвавшись до власти. Он медленно и демонстративно порвал оранжево-черные квадратики и взял фотографию за уголок.

— Кто у нас здесь такой красивенький? — Присев на корточки передо мной, поводит черно-белым кусочком. — Это твоя мамочка, да? Нежно любимая мамулечка?

— Не смей! Попробуй только! — рванулась я, но он с силой оттолкнул.

Староста нарочито неторопливо разорвал фотографию, сложил половинки и порвал их, потом повторил еще раз и красивым жестом подбросил обрывки вверх, словно конфетти.

— Пфык — и все! — завершил представление жестом фокусника. — А ты боялась.

Я бросилась на него и вцепилась в волосы, царапаясь.

— Скотина! — ожесточенно боролась с Касторским, а глаза застлала пелена слез. Хотя сделанного старостой не возвратить, озлобленность накрыла меня с головой.

Касторский заорал, и один из дружков оторвал меня, швырнув в темный угол.

— Ну, сейчас ты отработаешь, мразь! — зашипел староста. — На всю жизнь запомнишь, кто твой бог и господин.

На его скуле алели царапины. Поедая меня садистским взглядом, Касторский потер запястье и, наступая, начал закручивать знакомую воронку.

Я затравленно озиралась, отползая от него. Из головы вылетели все разученные заклинания. Как спастись? Нужно быть смелой, а не какой-то жалкой крыской! В фильмах в последний момент обязательно наступает озарение, и находится выход, или, на худой конец, появляется долгожданный спаситель. Где же он?

Закрыла лицо от пощелкивающего хлыстом старосты. Животный страх затопил сознание. Я мечтала об одном — сжаться, уползти, забиться в угол. Нет, видимо, не смогу воспитать в себе героя.

Картины настоящего переплелись с прошлым. Сначала показалось, что ко мне, размахивая плеткой, приближается тетка в неизменном траурном платье. Разгневанная родственница исчезла, а вместо нее, пощелкивая зубами, точно волки, меня окружили многочисленные интернатские собраты. Их образы рассеялись, вытесненные размывчатыми и искаженными фигурами Касторского и его дружков.

Зато хлыст старосты, опустившийся со свистом, был более чем настоящим. Иллюзия оказалась великолепно скроенной. Раз! — плечо и спину обложила нестерпимая боль, вышибающая слезы из глаз. Я глухо застонала и закусила палец.

Дрожала, свернувшись в комочек. Самое главное — беречься. Это правило усвоилось на всю жизнь, со времен жития у тетки, а впоследствии в интернате. После "воспитательного" входа в интернатское братство у меня два месяца болели ребра, и лишь к концу третьей недели красно-фиолетовые кровоподтечные синяки приобрели желтушный цвет. Я сумела перетерпеть "темнушку" и выжить. Как сказал позже интернатский старожил Алик, пытавшихся вякать и сопротивляться, забивали до полусмерти.

Два! — вдоль спины разлили расплавленный металл. Одурающая боль выедала глаза, заставляя слезы литься, не переставая. Не выдержав, я заскулила, как побитый щенок.

— Понравилось? — послышался возбужденный голос. — Болт, подними ее!

Меня рывком вздернули, удерживая под мышки. Староста подошел и задрал мой подбородок, заглянув в глаза. Наши взгляды встретились, и в зрачках стоящего напротив человека не нашлось ни капли разума. В них горел огонь безумия.

— А давайте-ка снимем с нее дефенсор! — пришла к Касторскому неожиданная идея. — Говори, где он, а то сам найду. Или ребятки с удовольствием поищут. Правда, Болт?

Я замотала головой.

— Значит, не хочешь сказать? Будем раздевать тебя, или сама разденешься?

— Мразь!

— За мразь ответишь, но сначала почитаем твои тайны, — сказал староста, потирая в предвкушении руки, и приказал второму дружку: — Крест, найди её дефенсор.

Тот, ухмыляясь, направился ко мне, а Касторский с истеричным хихиканьем закружил вокруг.

Я брыкалась и пиналась, выдираясь из удерживающих меня рук. Понимая с

безнадежностью, что терять мне нечего, закричала так, что оглохла сама.

— Заткни су*у, — на краю сознания услышала недовольный крик Касторского. — Будет орать, и сюда сбежится весь институт.

Меня встряхнули, а потом тот, кого называли Крестом, щелкнул пальцами и развел ладони в стороны, после чего в глазах потемнело, и я провалилась в черную бездну.

У него не было имени. В чуждом мире, куда оно было выдернуто против воли, его нарекли Злом или Чудовищем. Абстрактные понятия не значили для него ровным счетом ничего.

Его заключили в физическую оболочку, заперев в отвратительнейшей примитивной четырехмерности. И все-таки его облику больше подходило имя Зло.

Зло бесновалось, поняв, что его навсегда лишили возможности вернуться домой. Скудоумные существа, бахвалящиеся своим серым веществом, вырвали Зло из его мира с помощью древнего и тяжелого ритуала, а вызвав, сообразили, что недооценили призванную ими сущность.

Зло заточили, лишив возможности перемещаться по смердящему четырехмерию. Всунули в пасть крошечное владение, ограничив территорию яркими лентами пространства, разъедающего темную сущность Зла.

В своем мире оно было свободно подобно ветру и как все порождения ночи перетекало из одной формы в другую, прожигая в праздном безделье пространство и вечность. Здесь же, в неволе, Зло научилось ценить свои возможности. Да-да, Зло вовремя притворилось глупым тупым монстром, спрятав и укрыв от примитивных существ свои способности. Оно сумело сохранить их и приумножить, приспособив к хилой телесной оболочке. С видоизмененной силой Зло стало бы всемогущим в убогом четырехмерии, если бы не рабское клеймо, насильно удерживающее в заточении.

Зло скучало. Оно научилось спать и зевать и пугало изредка заходящих в его владения двуногих существ. Временами Зло впадало в меланхолию, а иногда в неистовство, круша и превращая в небытие все, что попадалось под руку. И тогда на него объявляли охоту. Существа приходили на территорию Зла и пытались с помощью ярких огней загнать его в западню. Зло посмеивалось над нелепыми попытками и издевалось, подишучивая. Для этого оно даже научилось смеяться. Но однообразные развлечения быстро надоедали Злу, и, устроившись в крохотной темной трещинке на потолке, оно наблюдало за озадаченными двуногими.

Сейчас Зло находилось в состоянии временного анабиоза, хотя в родном мире Злу было невдомек, что такое сон и храп. Неожиданно его инертное состояние было прервано слабой вибрацией.

Неуловимые колебания повторились, раздражая обоняние. Они наэлектризовывали и поднимали шерсть. Зло привстало и наострило уши. Из слабых вибрирующих звуков, доносящихся сквозь толщу стен, сочилось боль и ужас. Зло принялось и расплылось ожиданием на стене.

Пульсирующие колебания усилились, они были полны отчаяния и безнадежности. Зло притаилось и насторожилось. Ему почудилось знакомое и близкое в вибрирующих нотах.

Последний безысходный пронзительный звук обрушил слуховые отверстия Зла. Узнав и вспомнив, оно, со стремительно нарастающим гневом и яростью, набрало полный мешок воздуха и затрубило во всю мощь, обрушив силой своего негодования несколько тоннелей в

подвалах, заставив содрогнуться стены института, разбудив стража и выгнав в морозный вечер голубей, прибившихся на ночлег под крышей.

Альрик Вулфу, проводивший очередной эксперимент в закрытой лаборатории, снял перчатки и вышел в пустынный коридор, прислушиваясь. Выждав некоторое время и не заметив ничего подозрительного, он взглянул на часы, зафиксировал время подземного толчка и вернулся обратно, чтобы продолжить опыт по материализации одноклеточных.

А Зло, расползаясь черными пятнами, стремительно увеличивалось в размерах и, просачиваясь с невероятной скоростью через балки и перекрытия, ринулось к источнику вибрации. Темными углами и переходами, минуя светлые круги коридорных ламп и плафонов, щупальца Зла проникали в каждую сумрачную щель и закуток, подготавливая плацдарм для захвата, а следом растекалось и оно само, гася лампочки и погружая коридоры в непроглядный мрак.

Зло шелестело, приближаясь к источнику колебаний, и в фасеточных глазах разглядело лежащее неподвижно тело и три фигуры, шарящие по нему скрюченными жирными конечностями.

Зло отключило этот сектор видимости и, не дав опомниться остолбеневшим тварям, осело на них невидимой дымкой, после чего незамедлительно принялось с исступленным остервенением рвать, калечить и причинять ту же боль, что причинили его ребенку, безжалостно и беспощадно вырывая гниль из ненавистного материального мира.

Напоследок обласкав свое дитя, Зло уволокло истошно верещающую массу, заткнув надоевшие своими воплями глотки и не забыв оставить в темном уголке дозорных.

Спустя мгновения, лампы в светильниках одна за другой тускло замерцали и, медленно наливаясь светом, разгорелись ярче.

Это могла быть 24.1 глава

Очнулась. На дрожащих коленях доползла до стены и прислонилась к ней, сжавшись. Тело колотило в ознобе, и я долго не могла отогреться. Коридор вымер.

Сколько же прошло времени? Поднесла запястье к глазам. Палочки, черточки — совершенно не осмыслилось.

Слабость понемногу проходила, предметы начали обретать четкость очертаний. Пол был усеян обрывками.

Дефенсор! Где дефенсор? — зашлось от ужаса сердце. Ощупав руку я, отыскала браслет на предплечье и откинулась со вздохом облегчения. Вспомнила — они хотели его снять. Почти сняли! Пульс опять застучал в висках, оглушая барабанами.

Почему они ушли? Надоело развлекаться? Или все-таки стянули, вдоволь полазили по воспоминаниям и сбежали, потирая ручки?

Потом я ползала на четвереньках и собирала клочки, все до единого. На уборку ушло много времени: пальцы опухли и не гнулись, словно надутые резиновые перчатки. Сгребши кучку, я поскорбела и ссыпала в сумку. Туда же затолкала тетрадки.

Пошатываясь, побрела вдоль стены, волоча по полу сумку и забыв ее застегнуть. Я шла и не узнавала саму себя. Будто не мои ноги передвигались, спуская по лестнице не мое, а чужое, непослушное тело. Будто не мое бледное лицо с опухшей щекой смотрело из зеркала в холле.

Чтобы избежать ненужных расспросов, прикрыла правую половину лица распущенными волосами, но никто не поинтересовался. Институт опустел.

Замоталась шарфом по уши и поплелась в общежитие. Оказывается, на часах была половина десятого. Я находилась без сознания около часа.

Мороз на улице взбодрил, придав сил добраться до швабровки. Но в тепле снова развезло и поплохело. Я успела добраться до туалета, прежде чем меня вырвало. Вернувшись, обессилено повалилась на кровать, не удосужившись закрыть дверь на замок.

Плавала в тягучем удушающем забытьи, барахталась и не могла выбраться. Меня затягивало на дно, и легкие горели огнем из-за недостатка кислорода. Ближе к утру я пропотела, и наступило облегчение, показавшееся настоящим блаженством.

На первую лекцию не пошла, и на вторую тоже. Проспала. Если Аффа и стучала, чтобы разбудить меня, то впустую.

Пробудившись, я долго терла сонные глаза, прислушиваясь к ощущениям в организме, после чего уселась на кровати. Самое верное средство, чтобы проснуться, — спустить босые ноги на пол. Ледяные половицы мгновенно привели в чувство. Голова была тяжелой, но не звенящей, и не пошатывало, как вчера.

Мелёшинский телефон, занявший льготное место на тумбочке, все-таки разрядился, но желания заряжать не было абсолютно. Все равно звонить больше не потребуется.

Шаркая тапочками, я побрела в душ, приводить тело и дух в сознание. Не отступая от маршрута, полюбовалась на себя в зеркале. Воспитательные удары Касторского оказались иллюзией, превосходной в своей жестокости. На коже не осталось ни рубцов, ни синяков, ни иных следов. Щека слегка припухла, но краснота сошла, и лицо выглядело довольно-таки сносно, однако появились проблемы с руками. Ладони покраснели и чесались, а рисунок на

среднем пальце потемнел и проступил над кожей. Потрогав его, я ощутила рифленую поверхность тонкого колечка.

Закончив утренние омовения, высыпала из сумки бумажные клочки и попробовала отыскать в ералаше кусочки порванной фотографии, да куда там. Нужно придумать, как избавиться от пестрой оранжево-черной горстки. В голову не пришло более умной мысли, чем смыть кучку обрывков в канализацию через унитаза. Конечно же, мелкота размокла и забила сантехнику. Пропади ж ты пропадом! Эх, стоило подпалить, да спичек нет.

Одно хорошо — я начала злиться, а значит, нервы постепенно оттаивали. Решила продавить заклинанием легкого оглушения и, бестолково лоя невидимые волны, одновременно нажимала на кнопку. С грехом пополам улики смылись, но, похоже, застопорились где-то под апартаментами комендантши. А мне-то какая печаль? Потекли последние денечки в общежитии...

Побродив неприкаянно по швабровке, я решила идти к Стопятнадцатому, пока длится лекция. Дойду до деканата, не сталкиваясь по пути с любопытными и не слыша пересудов за спиной. А они, несомненно, начались. Касторский не будет молчать, наверняка он успел просветить весь институт о моей биографии.

Опять долго разглядывала себя в зеркале и медленно собиралась, оттягивая неизбежное. Странно, что страх исчез. Пропал куда-то, выгорел, высох. Осталась обтянутая колючей проволокой мертвая зона бесстрашия.

Я повертела флакончик из-под духов, разглядывая на свет, и встряхнула. Что толку болтать пустоту? Пусть под крошечной пробкой она пахнет неизменно одинаково, но все равно предательски выдает меня, если надуться.

Чтобы настроение подскочило, надо найти хотя бы толику хорошего, особенно, если упорно искать. Закрывая дверь ключом Олега, я вспомнила, что вчера, придя в общежитие, обнаружила мудреный ключик зацепившимся за шов сумки. Поэтому он и не вывалился с остальными вещами при тотальном вытряхивании моего скарба одним из дружков Касторского. Кто знает, сколько бы я шарила по полу в поисках ключа, или, может быть, истязатели забрали бы его, чтобы отправиться проверять мое жилище.

По выходу из общежития план обрел четкие контуры. Пойду в деканат, дождусь Генриха Генриховича и подведу итоги своего недолгого пребывания в институте, после чего поблагодарю доброго дяденьку за всё хорошее, что он сделал. Мне еще не встречались среди преподавателей люди, подобные Стопятнадцатому. Затем наберу на деканском телефоне засекреченный номер — девять цифр, намертво отпечатавшихся в памяти, — и начнется обратный отсчет.

С утра светило яркое морозное солнце, и властвовал штиль. Я шла по дорожке, щурясь от снега, слепящего глаза, и считала макушки кустиков, зарывшиеся в глубоком снегу. Долго обстукивала сапоги, стряхивая невидимые налипшие снежинки, прежде чем войти в малоосвещенный холл. После яркого солнца я ослепла, и, водя по сторонам головой, неожиданно увидела Монтеморта во всей его красе. Он не спал, как обычно, сопя и причмокивая, а лежал в позе сфинкса и смотрел на меня, не мигая. Его красные как угольки глаза выедали мозг насквозь, а монументальная туша подавляла размерами. Постепенно глаза привыкли к темноте, и фигура Монтеморта, поначалу отчетливо проступившая в ослепших глазах, снова отошла на второй план, слившись со стеной.

Меня замутило. Наверняка пес вспомнил, что я — злостная вредительница стражей, с

умыслом прикармливающая оладушками, и, решив возместить нанесенный ущерб, он позже сполна возьмет своё, перегрызя мне шею.

С трудом удержавшись от того, чтобы не обернуться, я прошла через пустынный холл, ощущая затылком взгляд Монтеморта, и, сдав куртку в раздевалку, направилась по старой памяти в деканат — определять свою дальнейшую судьбу.

Усевшись на диван в приемной, я откинулась на спинку. Нет, неудобно. Улеглась повдоль и положила сумку под голову. Скрестила руки на груди и принялась разглядывать непонятные разводы на потолке. Вскоре однообразие оттенков белого надоело, и я переключилась на изучение трещинок и выщерблинок в двери. Рассматривала и представляла себе то носатый профиль Ромашевичевского, то цветочки с общежитской шпорки, то острые зубы очнувшегося Монтеморта.

Неожиданно дверь в приемную приоткрылась, и в щель просунулась голова какого-то парня. Он увидел меня, его глаза расширились, и дверь захлопнулась с громким стуком. Ясно, неадекватная реакция заглянувшего — верный признак того, что староста не дремал на лекциях с утра. Интересно, в каких красках он живописал Мелёшину вчерашнее побоище?

Развернувшись лицом к спинке дивана, я водила пальцем по обивке, вырисовывая бессмысленные фигуры. Когда решение принято, то в голове на удивление свежо и просторно.

Прогорнил звонок, и пролетела воздушная волна. Я взглянула на часы. Ожидаемо и предсказуемо. Встала, поправила юбку и села нога на ногу. Отсчитала пять минут — никого. Прождала еще десять минут — пусто. Нервно покачивая ногой, мысленно подгоняла минутную стрелку на часах, а гномик на циферблате сердился и не отпускал ее, упершись. Наконец, спустя бесконечно долгие двадцать девять с половиной минут, дверь распахнулась, и в приемной появился Стопятнадцатый, сузив могучим телосложением границы помещения.

— Эва Карловна? Почему отсутствовали на занятиях? Что-нибудь случилось?

— Здравствуйте, Генрих Генрихович. Случилось.

— Пройдемте, — махнул мужчина рукой, пропуская вперед.

Со времени первого посещения в кабинете декана не произошло существенных изменений, за исключением ставших более высокими штабелей книг и появившегося в углу странного глобуса размером с футбольный мяч. Его черная матовая поверхность была изрисована алыми разводами, совершенно непохожими на очертания земных материков. Круглое окно казалось огромным подводным иллюминатором, за стеклом которого господствовал небесный бледно-бирюзовый океан.

Декан прошел к столу и уселся в кресло. Дождавшись, когда я вволю налюбуюсь на обстановку, сказал:

— Ну-с, Эва Карловна, мотивируйте причины своего отсутствия на лекции. Мне казалось, ваше прилежание не ставится под сомнение.

— Я должна позвонить. Вы знаете, кому.

Декан приподнял голову, отчего его борода приняла горизонтальное положение, и принялся разглядывать меня.

— Полагаю, если вы приняли окончательное решение, на то есть веские основания.

— Достаточно веские, Генрих Генрихович.

Стопятнадцатый вылез из кресла и, взяв с полки телефон, поставил на край стола. Черный шнур протянулся змеей за аппаратом, стянув к краю разложенные на столе бумаги.

Я набрала в легкие побольше воздуха и, глубоко выдохнув, начала крутить телефонный диск. На седьмой цифре декан нажал на рычажки.

— Стало быть, плохи дела, Эва Карловна? Я до последнего момента думал, что вы не решитесь.

— Дела действительно плохи.

— Так просветите меня. Уж не думаете ли улаживать вопрос с вашим батюшкой без моего участия? В первую очередь он спросит у меня как у заинтересованного лица, с какой такой стати вы проучились чуть больше недели в нашем институте, хотя гарантийный срок учебы заложен до окончания учебного года.

Я бухнулся в посетительское кресло. Ничего себе! Наверняка родитель посулил институту немислимые подачки, коли рассчитывал не улаживать мои дела до лета. В таком случае он не потерпит провала, и мне лучше сразу в омут с головой. Только где его найти зимой посреди города?

— Вчера у меня получился конфликт, — заговорила я после паузы, тщательно подбирая слова, чтобы не сболтнуть лишнего. — По-моему, с меня сняли дефенсор и прочитали память.

— Почему "по-моему"? — быстро спросил Стопятнадцатый.

— Потому что я находилась без сознания.

— Вас били? — продолжал он допытываться.

— Не совсем.

— Эва Карловна, если случившееся таково, каким вы его описываете, то ради всеобщего блага не рекомендую скрывать подробности. Нужно срочно думать, как выпутаться из создавшейся проблемы.

Действительно, декан-то в чем виноват? И Царица тоже. Если разговоры и сплетни уже потекли по факультетам, то первые вопросы будут о том, знала ли администрация о наглom обмане, и с чьей подачи аферистка Папена умудрилась проскочить под зорким оком дознавателя Бобылева.

— Да, били.

Декан посмотрел на полку с таинственным зеркалом, и я поймала озабоченный взгляд в отражении.

— Физически или иллюзорно?

— Иллюзорно.

Стопятнадцатый тяжело вздохнул. Общеизвестно, что пытки с помощью иллюзий классифицировались кодексом как тяжкие уголовные преступления.

— Сколько их было?

— Трое, — сообщила я, понуриив голову.

— И, конечно же, имен вы не назовете.

— Не могу. Получается, что настучу.

— Я, конечно, живу не на другой планете и изредка задеваю местные сплетни краем уха, но подобной новости не слышал, — попробовал утешить декан.

— Так ей и суток нет.

Мужчина потер бородку и пробасил:

— Хорошо, что вы вовремя предупредили о случившемся. Мне и Евстигневe Ромельевне как главным ответчикам придется продумать линию поведения. С ваших слов ситуация приобретает непредвиденный оборот, грозящий осложнениями. Нужно обрубить концы как

можно короче и быстрее, пока не потянулись ниточки к остальным лицам, затронутым договоренностью.

Я опешила. И сколько же лиц вовлечено в тайну с переводом в институт? На моих руках уже пальцев не хватало, чтобы всех пересчитать, а, судя по словам Стопятнадцатого, они скоро закончатся и на ногах.

— Погодите, Эва Карловна. Сейчас что-нибудь разузнаем.

Декан подтянул к себе телефон, накрутил на диске несколько цифр и приложил трубку к уху.

— Нинелла Леопардовна, милочка! — загудел, и я подивилась призывной душевности в его голосе. Неужто он названивал своей музе, вдохновлявшей на создание поэтических шедевров?

Стопятнадцатый практически влез в трубку, расплыясь комплиментами:

— Здравствуйте, душечка!.. Ах, если бы, если бы... Вашими устами да медок пить, — рассмеялся раскатисто, оглушив меня. — Нинелла Леопардовна, просветите, ягодка, не случилось ли в наших угодьях разных разговоров, дающих пищу для ума?... Неужели?

Я слушала Генриха Генриховича с округлившимися глазами. Его аллегорическая речь смахивала на разговор полоумного. Вспомнив тетку, с которой любезничал по телефону декан, подумала, что начальница отдела кадров не уступает Стопятнадцатому по фигуристости и стати. Меж тем он продолжал восхищаться курлыканием в трубке, а один раз даже хохотнул:

— Никогда бы не подумал!.. Бывает же такое... Действительно, нет худа без добра... И не говорите!.. Чудны дела твои, господи... А я и не подозревал!

И так далее примерно в таком же духе. Я засекала время. Декан общался с Леопардой почти двадцать минут, и к финалу разговора его фразы состояли из междометий и нечленораздельных фраз. Стопятнадцатый бросал на меня тоскливые взгляды, но не мог перекрыть низвергавшийся на него поток телефонной информации.

— Нинелла Лео... Да, конечно... Несомненно... Нинелла Леопар... Куда же без вас, милочка? Обязательно приходите!.. Нин...

Наконец, невероятными усилиями он перекрыл кран на языке начальницы кадрового отдела, наскоро распрощался с ней и трясущимися руками положил трубку. Достав из кармана носовой платок, принялся утирать пот с лица.

— Уф, вымотала так, словно сутки расчищал дорожки около института, не разгибаясь. Узнал столько, что теперь неделю не смогу спать спокойно, зная о безобразиях, творящихся под носом. Хотя иногда бывает полезно выйти в массы, чтобы взбодриться.

Я терпеливо ждала резолюции.

— Ну-с, Эва Карловна, на данный момент по вам информации нет. Будьте уверены, до Нинеллы Леопардовны новости долетают через пять минут после начала их циркуляции в стенах нашего славного института.

Слабое утешение. Сравнили тоже! Преподавательский состав и простое студенчество — как небо и земля.

Однако из услышанного ненароком телефонного разговора я уяснила кое-что, а именно: не успеешь плюнуть в угол, как об этом становится известно всему институту, от вахтерши и до ректора. Но тогда получается, декан должен быть в курсе Мелёшинского патронажа надо мной. Как я ни вглядывалась пытливо, а на лице Стопятнадцатого не уловила и намека на сие знание. Спросить, что ли, напрямик?

Хотела погрызть ноги, но вспомнила о зудящих руках и принялась их расчесывать.

— Генрих Генрихович, я не смогу вернуть несколько талонов через кассу.

— Они их порвали? — спросил понимающе декан.

— Да.

Стопятнадцатый опять задрал подбородок, будто упражнял мышцы шеи.

— Есть отчего расстроиться. Но мне кажется, потеря талонов — мизер по сравнению с тем, что нас ожидает.

Ну, это кому как. Я свои полтора висора не смогла найти, ползая вчера на карачках. Монетки раскатились в разные стороны, спрятавшись от опухших глаз, и теперь денег у меня не было совершенно.

— Надо кое с кем посоветоваться. — Декан принялся набирать номер. — Все-таки, Эва Карловна, советую указать участников конфликта. Имеет ли смысл оттягивать неизбежное, если их имена уже на слуху? Привлечь виновных к ответственности не получится в силу щепетильности вопроса, зато попытаемся продумать дальнейшую стратегию, и, даст бог, она может оказаться успешной.

Он прислонил трубку к уху, дожидаясь, когда абонент подойдет к телефону. Что ни говори, а Стопятнадцатый был прав, тысячу раз прав. Если пойду на дно, то ни в коем случае не должна утянуть за собой такого чудесного человека как Генрих Генрихович.

— Это я, — сказал он, когда соединение произошло, — нужен твой совет...

— Касторский и два его друга, — выпалила я, решившись. — Вчера вечером в северном коридоре после библиотеки.

— Мы идем к тебе, — сказал мужчина, глядя на меня неотрывно, и швырнул трубку на рычажки. С непроницаемым лицом он начал рыться по ящикам стола и распихивать что-то по карманам, затем пробрался мимо стола к дальнему шкафу, умудрившись не свалить ни одного книжного столбика, выудил с верхней полки толстый фолиант и сказал:

— Эва Карловна, срочно выдвигаемся в лабораторное крыло.

— Зачем?

Декан забормотал, словно не услышал вопроса:

— До звонка десять минут... Если быстрым шагом, то успеем. Да, так будет лучше.

И мы двинулись в ускоренном темпе. Впереди размашисто вышагивал Генрих Генрихович, рассекая пространство подобно большому киту, за ним вприпрыжку торопилась я, словно маленькая пронырливая рыбка.

— Генрих Генрихович, а куда мы идем? — забежала слева, стараясь не отставать.

— К профессору Вулфу.

— Но для чего? — поразилась я, не ожидая, что декан упомянет об Альрике.

— Дела принимают скверный оборот. Вчера Касторский с друзьями Болотовым и Крестовичем ушли в институт на вечернюю тренировку по баскетболу и домой не вернулись, — пояснил Стопятнадцатый на ходу.

Вот так новость!

Это могла быть 24.2 глава

Движение было что называется "на всех парах". Именно таким манером мы с Генрихом Генриховичем добрались до лабораторного крыла, в котором царствовал Альрик. Декан и я, пыхтя, забирались по ступенькам на пределе сил.

На пятом этаже половину глухого коридора перегородивала стена из прозрачного материала, навскидку похожая на стекло, но внутри него, словно кровеносная сетка сосудов, пробегали металлические нити. Я разглядела их, пока декан, чертыхаясь, вспоминал код от замка, запирающего двери. Он перебирал комбинации цифр, и каждый раз устройство отвечало пронзительным тонким писком, не желая отключать красный огонек на своем корпусе.

Благодаря задержке с памятью Генриха Генриховича, мне удалось отдышаться и даже немножко заскучать.

— Черт те что и сбоку бантик, — пробормотал он, почесав макушку. — И кто придумал меняющиеся пароли?

Секундная стрелка на наручных часах приближалась к цифре "12", отсчитывая последнюю минуту перед звонком. Гномик озорно улыбался, и Стопятнадцатый строил смешные гримасы, судорожно вспоминая требуемый код. Конечно же, декан не ставил целью развеселить меня, но весьма потешно вытягивал губы трубочкой и собирал брови домиком, изображая крайнюю степень задумчивости. Чтобы случайно не прыснуть со смеху, я начала рисовать пальцем узоры на стекле.

А вот хотя бы разочек оцените на себе всю прелесть воздушных потоков, овевающих прищиленное к стене тело, уважаемый Генрих Генрихович! Посмотрим, как вы запоете, — подумала зловредно.

Из ближайшей двери вышла девушка в белом халате и, увидев нас, побежала в конец коридора. Кого это она напугалась? На всякий случай я оглянулась назад — за нашими спинами страшил не наблюдалось.

Как оказалось, девушка вовсе не струсилась, а побежала за профессором Вулфу, и теперь он стремительно приближался к двери, насколько позволяла больная нога. Хромота мужчины усилилась, но, похоже, его это не волновало. Полы накинутаго халата грозили слететь с мощных плеч при быстрой ходьбе, и профессор придерживал их руками.

Ишь как торопится открыть дверь декану, чтобы не дай бог, учащиеся не увидели, как тот будет стекать со стены на пол, после продувания ушей воздухом, — опять мстительно сверкнуло в голове. Да что же такое? Злобствую, радуясь беде человека, старающегося мне помочь. Но ведь тогда и я наравне с деканом стану красивым рисунком на стене, — откликнулось обиженное сознание. И вряд ли бы Альрик понесся на запредельной скорости спасать меня.

Пока я боролась со своим грязным эго, профессор приблизился к двери и приложил ладонь к замку изнутри. Устройство тихо пискнуло, и огонек сменил цвет, став зеленым. Раздвижные двери разъехались в стороны, и Стопятнадцатый втолкнул зазевавшуюся меня в проем. Одновременно прогорнил замок, и следом воздушная волна сотрясла перегородку, не успев ворваться в захлопнувшиеся перед ее носом двери.

— Альрик, ваша секретность изматывает, — поделился недовольством декан. — Не успеваю запомнить один пароль, как тут же не успеваю запомнить следующий.

— Уровень защиты согласно распорядку, — пояснил Вулфу лаконично. — От правил не отступаем. Хочу предупредить, Генрих Генрихович, мне предстоит провести занятие, на котором, кстати, должна присутствовать эта студентка.

Ну, да, кивайте, пока головушка не отвалилась, а фамилию студентки знать вовсе и необязательно, — набычилась я и прикусила губу за наглые мысли. Что-то сегодня нехорошести лезут из меня как из помойного ведра.

— Отмените, — сказал декан, — вопрос не терпит отлагательств.

Вулфу бросил на меня взгляд.

— На то есть веские основания?

— Один раз, Альрик, ты посчитал мою просьбу надуманной, когда дело коснулось данной студентки, — ответил Стопятнадцатый, и его собеседник нахмурился. — Я хочу, чтобы ты в моем присутствии подтвердил необоснованность моей тревоги. Желательно, немедленно.

Профессор поджал губы.

— Хорошо, — сказал он. — Пройдемте.

Вулфу, прихрамывая, повел нас в конец коридора — туда, откуда поначалу выбежал с распростертыми объятиями, рассчитывая на радостную встречу с деканом. Глядит — а тут я рядом со Стопятнадцатым нарисовалась, он и скис сразу.

По обе стороны коридора тянулись одинаковые обезличенные двери, каждая под своим номером. Навстречу попалась девушка в белом халате, что пришла на помощь мне и декану. Приглядевшись, я узнала Лизбэт, соседку по общежитию. Она была чудо как хороша! Настоящая фарфоровая куколка: идеальные кудряшки, разложенные на плечах, изогнутые красивыми дугами брови, естественный румянец на высоких скулах, аппетитная фигурка, угадывающаяся под бесформенным халатом. И все же хорошенькая девушка казалась какой-то картинной, неживой. Или на самом деле я позавидовала ее женственности и умению следить за собой?

Лизбэт поздоровалась с деканом, потом заметила меня, и на ее лице постепенно проявилось узнавание, сменившееся изумлением. Еще бы! Крыска в окружении первых и знатных лиц королевства шествует на аудиенцию.

— Альрик Герцевич, — обратилась Лизбэт сладеньким голоском. — Помощь требуется?

— Можете быть свободны, Лиза, — разрешил тот.

— Я, пожалуй, немного поработаю, — ответила девушка смущенно. — Последние результаты получились смазанными.

— Как вам будет угодно, — сказал профессор. Мельком я заметила разочарование, промелькнувшее на лице Лизбэт.

На двери красовалась соответствующая табличка, на которой мелким шрифтом с множеством строчек перечислялись научные титулы и звания хозяина лаборатории. Я поскучилась. Конечно же, ясно, что ума ему не занимать, и все же теперь Альрик удалился от простых смертных, то есть от меня, еще дальше и выше, посверкивая далекой звездой на небосклоне.

Помещение благоухало медицинской стерильностью и нереальной чистотой. Кафельный пол тускло отражал свет плоских плафонов. Над линией столов, плотно набитых лабораторным оборудованием, нависала по центру длинная горизонтальная стойка с парадом гибких шлангов и сифонов на ней. У стен плотнились вытяжные шкафы и стеллажи

с колбами, пробирками, мензурками, кюветами и прочей лабораторной мелочевкой. Под потолком помещение было опоясано толстым серебристым воздуховодом, такие же серебристые колонны вентиляционных вытяжек спускались, накрывая зонтами часть столов.

В углу стоял непонятный аппарат, похожий на стиральную машину. Через круглый люк было видно, как бесшумно крутится барабан. Наверное, Альрик настирывал свои халаты и носовые платки до сияющей чистоты.

Я поежилась. Пахло больницей и неуютом.

— Устраивайтесь, — предложил гостеприимный хозяин с безрадостным видом, а сам прошел дальше, за стеклянную перегородку, подобную той, что отделяла бесценный пятый этаж. Очевидно, за ней находилась еще одна комната. Большой зеленый лист упирался изнутри в стекло. Более ничего не удалось разглядеть, поскольку профессор легонько стукнул пальцем по перегородке, и она мгновенно замутилась, покрывшись толстым слоем морозного инея.

Стопятнадцатый грузно опустился на стул и предложил мне соседний. Вернулся Вулфу в халате, застегнутом на все пуговицы, и направился к многокнопочному устройству на этажерке у окна. Нажал несколько кнопок, и в помещении раздались гудки вызова.

— Думаю, не имеет смысла отключать громкую связь, — сказал профессор, обратившись к Стопятнадцатому. Тот согласно кивнул.

— Слушаю, Альрик Герцевич, — послышался в динамике женский голос.

— Марина, будьте любезны, сообщите студентам, что дополнительные занятия отменяются по независящим от меня причинам.

— Хорошо, Альрик Герцевич.

Профессор нажал большую красную кнопку отбоя.

— Итак, — обернулся к нам. — Причина отмены занятия должна оправдать себя, в противном случае мне будет стыдно смотреть в глаза студентам, пришедшим на занятие и напрасно прождавшим.

Я потупила глаза. Можно подумать, виновата в том, что декану вздумалось притащить меня сюда, схватив за шкуру.

— Для начала осмотри рисунок на пальце, — сказал Стопятнадцатый.

Профессор, поджав губы, указал на высокую кушетку в углу, незаметную из-за раздвинутой ширмы. Кое-как взобравшись и усевшись лицом к Альрику, наблюдавшему за моими кульбитами, я протянула правую руку. Он взял ее за запястье и внимательно осмотрел, нахмурившись.

— Дайте вторую, — сказал отрывисто.

Оглядел обе красные и расцарапанные конечности. Движения его пальцев были легкими и скользящими.

— Когда ваши руки покраснели?

Декан встал и заглянул через плечо Вулфу.

— Эва Карловна! Мы с вами почти час общаемся, а вы не упомянули о нездоровье, хотя согласились немедленно поставить меня в известность в случае ухудшения.

Я виновато опустила глаза.

— Это обычное раздражение кожи, — пояснил Альрик, — аллергическая реакция. Я приготовлю антигистаминный состав на основе крема для рук, он облегчит неприятный зуд.

Он поднес мою лапку к глазам и начал внимательно изучать проступившее колечко. Уж не знаю, были ли у него заговоренные руки, поглаживающие мои пальцы и пробегающие по

ладоням, но зуд прекратился. От воздушных прикосновений начало клонить в дрему. Приятные ощущения растекались по мышцам.

— Вы не ответили на вопрос, — сказал профессор, изучая каждую линию и узор на подушечках пальцев. Меня же укачивало. Нежность касаний сбивала мысли в кучу.

— Сегодня... утром, как проснулась, — пробормотала, поглощенная впечатлениями.

— А вчера вечером Эва Карловна встречалась в узком кругу со старостой Касторским и двумя его друзьями, возвращавшимися домой после тренировки, — вставил декан.

При упоминании ненавистной фамилии я вздрогнула и очнулась.

— В их свидании есть неожиданный момент? — мужчина продолжал изучать опухшие руки.

— Встреча состоялась в коридоре института, после чего юноши отправились по своим делам и дома не появились. Собственно, это преамбула, Альрик. Суть состоит в том, что Касторский, Болотов и Крестович, применив иллюзорное воздействие, сняли со студентки дефенсор и прочитали ее воспоминания.

Профессор прекратил ощупывание рук, и меня пронзило ощущение потери. Мне очень понравились его поглаживания, — призналась со стыдом.

— Что вас волнует больше, Генрих Генрихович? Что студенты не дошли до дома, или что они узнали то, о чем им не следовало знать?

— Меня в равной степени волнует и первое, и второе.

Альрик развернулся ко мне боком, опершись кулаком о кушетку, и теперь они со Стопятнадцатым стояли напротив друг друга, беседуя, а я сидела между ними и слушала, наострив уши.

— Насчет первого я бы не волновался, — сказал снисходительно профессор. — Зная Касторского, не удивлюсь, если ребятки по пути домой свернули не в ту сторону или встретили не тех девушек и наверняка заработали приключений на свой хребет. Подождите денек-два, и они дадут о себе знать: либо позвонят и сообщат, что их арестовали, либо самостоятельно приползут домой на своих ногах, помятые и с синяками.

— По словам Касторского-старшего, вчера вечером его сын должен был в обязательном порядке вернуться домой на важный семейный ужин. Беспрекословно, так сказать. Ближе к полуночи родители подняли тревогу, а к утру даже такой большой город как наша столица, сдался под напором семейства. Уже проверены все отделения, больницы, морги. Одновременно выяснилось, что друзья младшего Касторского не ночевали дома. В настоящее время идут тотальные проверки клубов и притонов, которые посещал или мог посещать Касторский-младший. Несомненно, я был бы рад знать, что студенты покинули институтские пенаты целыми и невредимыми. При всем при этом получается, что Эва Карловна оказалась последней, кто их видел и разговаривал с ними, так?

Я подавленно пожала плечами. Если можно назвать разговором угрозы и оскорбления, то мы неплохо и плодотворно поговорили.

— Значит, Касторский-старший попытался предъявить иск институту за пропавшего сына? — хмыкнул Альрик.

— Пока что нас поставили в известность: меня и Евстигневу Ромельевну. От лица администрации института мы заверили, что приложим все усилия, чтобы помочь в поисках пропавших студентов.

— Получается, нет очевидцев того, выходила ли компания из здания после тренировки или нет. А Монтепорт?

— В программу стража не заложено накапливание информации по входящим и выходящим, — пояснил декан.

Я насторожилась. Промелькнули подробности из биографии пса.

— В настоящий момент меня гораздо больше заинтересовала не пропажа трех студентов-переростков, и удалось ли им снять дефенсор с этой особы, — Альрик кивнул в мою сторону, — а рисунок на ее пальце.

Особа, то есть я, чуть не подавилась воздухом от услышанного. Хотя, действительно, какое профессору дело до моей памяти?

— Запоздало он тебя заинтересовал, Альрик, — вздохнул декан, ослабив узел галстука. — Вот, взгляни и ознакомься.

Он выложил на кушетку прихваченный из кабинета фолиант, на титульной стороне которого было выведено курсивом: "Клинические случаи. Теория и практика". Провел по обложке ладонью, и в книге тихо щелкнул какой-то механизм. Стопятнадцатый открыл первый лист с содержанием. Ткнул пальцем в строчку, и страницы одна за другой начали перелистываться большой скоростью, пока мельтешение не прекратилось где-то посередине. На представшей взору странице был выведен заголовок "Папена Э.К. 17.12 н.г.", и ниже шел печатный убогий текст.

Это я — клинический случай?! Это про мою тупость уже книги начали писать?! И что это за цифры?

Альрик взял фолиант и, усевшись на стул, с которого меня согнали, углубился в чтение. Я занервничала и начала чесать руки.

— Не расцарапывайте, — приказал мужчина, не отводя взгляда от книги. Я поражено уставилась на него. У профессора на лбу скрытый глаз? Двумя читает, а третьим за мной наблюдает.

— У вас расстроенный вид, Эва Карловна, — посочувствовал декан. — Не волнуйтесь, записи носят дневниковый характер. Там подробно описано ваше передвижение через подвалы института, а также каким образом вы получили "подарок". С ваших слов, естественно.

Я растерянно покивала. Значит, цифры означают день, когда состоялось путешествие по институтским подземельям. Что-то не похож толстенный фолиант на дневник. В дневнике обычно пишут пером, полеживая на диванчике и покусывая изредка кончик пера, при этом мечтательно посматривая в окно. А это настоящий сборник научных статей.

Вдоволь начитавшись, Альрик отложил книгу в сторону и велел следовать за ним. Я неуклюже спрыгнула с большой высоты и, похоже, вывихнула лодыжку. Прихрамывая не хуже профессора, доковыляла до стола, у которого он остановился, поджидая меня с поджатыми губами. Да не притворяюсь я! По-настоящему больно.

Мужчина взял мою руку и засунул между двумя пластинами электронного микроскопа. Сам он наклонил к глазам окуляры, и, смотря в них, крутил колесиками и настраивал. Вспышки осветили ущербную конечность — Альрик фиксировал исторический момент. Он вертел мое запястье во всех видах и позах, едва не сломав, и щелкал, щелкал, щелкал. Потом поменял фильтры, и выкручивание кисти продолжилось.

Нащелкавшись, профессор освободил плененную конечность, и я опять взгромоздилась на кушетку, как птичка на шесток, но ненадолго. Весьма профессионально Альрик взял образцы крови из пальца, из вены, замерил давление и пульс, выслушал легкие, влез в горло и в уши. Затем дал большую мензурку и велел следовать за ним. Мы вышли из лаборатории,

и мужчина препроводил меня к туалету. Альрик остался дожидаться в коридоре, а мне надлежало выйти из санузла с образцом для анализов.

В стерильной кафельной чистоте туалета я едва не заплакала от накатившей горечи. Профессор обследовал меня, словно очередной бездушный объект для опытов, и не скрывал грубоватости и откровенного пренебрежения. Интересно, с Лизбэт он обращался бы также цинично или сыпал комплиментами?

Вышла из туалета, как было велено, с образцом, а Альрик разговаривал с двумя молодыми мужчинами в белых халатах. Увидев меня, кивнул им и, не сказав мне ни слова, направился обратно в лабораторию. На месте профессор отобрал мензурку и разрешил сесть на кушетку, а декан делал записи в своем блокнотике. Наверняка готовил к выходу новые дневниковые записи о похождениях бестолковой студентки.

В это время стиральная машинка перестала крутиться и призывно замигала оранжевым огоньком. Я думала, Альрик вытащит из нее свои рубашки и жилетки, однако из внутренностей машинки была извлечена подставка с колбами, заполненными разноцветными жидкостями. Профессор переставил подставку в морозильную камеру, дохнувшую паром из открытой дверцы, а затем направился к столу и достал из ящичка резиновые перчатки. Взяв большую кювету, он выдавил из тюбика кремовую пластичную массу. Из шкафчика со стеклянными дверцами вынул несколько пузырьков и начал по каплям подливать их содержимое в кювету, перемешивая лопаточкой смесь. Просканировал взглядом получившийся состав и направился ко мне.

— Я буду обрабатывать руки, а вы рассказывайте о том, что произошло вчера. Старайтесь вспомнить мельчайшие подробности.

Мужчина окунул перчатки в смесь и обхватил ими мою левую ладонь. Поначалу я задохнулась от свежести, схватившей руку, но понемногу ощущение прохладности исчезло, вытесненное поглаживающими ласковыми движениями. До чего прекрасно!

— Не отвлекайтесь, — слышался рядом голос, вырывая из блаженства.

Оказывается, я, разомлев, умудрилась закрыть глаза. Руки Альрика скользили по пальцам, по ладони, и пластичная масса всасывалась в кожу, словно в губку. На левую руку ушел весь запас приготовленной мази, прежде чем она перестала впитываться. Профессор выудил из кармана халата варежку и натянул на обмазанную массой конечность.

— Вижу, что бесполезно расспрашивать вас в процессе, — сказал Альрик и отправился к лабораторному столу, где повторил манипуляции с пузырьками. — Пока готовлю новую порцию, постарайтесь вспомнить и рассказать.

Я оглядела руку, упакованную во фланелевую варежку. Под тканью приятно грело.

— Касторский иллюзорно ударил меня.

— Как? — не отставал Альрик.

— Сделал хлыст.

— Как долго вас избивали?

Я машинально дернулась.

— Немного. Ударили два раза.

— А потом?

А что потом, уважаемый профессор?

— Потом Касторскому пришла в голову идея снять дефенсор.

— А вы?

— Меня удерживали за руки, и второй... не помню... вроде бы Крест... сделал вот

так. — Показала примерные движения. Рука в варежке смотрелась забавно. — Я потеряла сознание. Когда очнулась, рядом никого не было. Встала и пошла в общежитие.

Альрик хмыкнул:

— Вы не могли потерять сознание, потому что на вас еще был дефенсор. К вам применили заклинание *овито*^[21], изолировав слух, зрение, обоняние и тактильные ощущения. Словом, все органы осязания отрезали от действительности, погрузив в кокон. А ведь это сложное заклинание, которое осваивают на четвертом курсе. Как же могло так случиться, Генрих Генрихович?

Декан кашлянул со своего места:

— Что могу сказать? Сверх положенного программой третьего курса им не давали. Вы же знаешь, Альрик, что пропавшие студенты происходят из сильных висоратских семейств, и, возможно, во внеучебное время активно занимались самообразованием.

— "Сильных висоратских семейств"! — неожиданно зло процитировал профессор и бросил лопаточку в кювету, перестав помешивать. — Этой силе от роду не более пятидесяти лет, причем Касторский и его дружки — всего лишь второе поколение урожденных висоратов, обладающих способностями. Дед Касторского-младшего активно участвовал в висоризации и был причислен к избранным, получившим умение управлять волнами с помощью инъекций.

— Вы строги, Альрик, — начал было Стопятнадцатый, но профессор оборвал:

— Речь идет не о строгости, а о неуправляемости и неконтролируемости. Человек, единожды отведавший власти, не сможет остановиться. Искусство пользоваться с умом своими способностями приходит не за год и не за два, и даже не за пятьдесят. Оно откладывается в подкорке столетиями, и для этого нужно, чтобы сменилось множество поколений. Мудрость и опыт предков перевешивают необузданность порывов. Именно поэтому из двух зол: древних висоратских кланов, ведущих свою родословную со стародавних времен, и выскочек-нуворишей, ставших успешными после начала висоризации, — я выбираю первое.

— Лукавишь, Альрик, — по-доброму ответил декан, — объявляешь первое злом, тактично умалчивая о своей принадлежности к нему.

Вулфу схватил лопаточку и принялся яростно намешивать целебный состав.

— Сейчас речь идет не обо мне. Мы отошли от темы. Стало быть, вчера вечером Касторский и компания показывали свои достижения в области нематериальной висорики, а вы, сударыня, молча, терпели?

Заслушавшись малопонятной дискуссией, я не сразу сообразила, что профессор обращался ко мне. Когда до меня дошел смысл вопроса, то от возмущения была готова ринуться на Альрика и перевернуть на его голову кювету с мазью.

— Я не терпела.

— А именно?

— Я сопротивлялась. Как могла.

— Ясно, что ответить тем же вы не смогли бы, — Альрик смотрел на меня, мешая лопаточкой.

Чего он добивается? Признания? Но в чем? Точно так же, как Мелёшин добивался признания в том, чего я не совершала.

— Не смогла бы, — подтвердила, не отводя глаз.

Альрик взял кювету и направился ко мне. Из вредности я хотела отдернуть руку, но сообразила, что веду себя как ребенок. Протянула ладонь, а сама, надувшись, уставилась в окно. Однако обиженность продлилась недолго. Руку охватила знакомая свежесть, и ласкающие движения снова ввергли в сомнамбулический транс. Пальцы профессора рисовали в ладони, обводили линии, обласкивая каждую фалангу каждого пальца.

Раздался громкий хлопок, вырвавший меня из марева неги. Это декан с грохотом захлопнул исследовательский талмуд про полоротых студенток, гуляющих непонятно где и зарабатывающих проблемы на свою голову.

— Генрих Генрихович, будьте любезны, поставьте чайник, — обратился к Стопятнадцатому профессор. Тот кивнул и, будто у себя дома, направился в комнату, скрытую запотевшим стеклом. Оттуда послышалось приглушенное звяканье, стуки, журчание воды.

— Впервые встречаю столь низкий порог редкой тактильной чувствительности, — заметил вдруг Альрик, набрав в руку новую порцию мази и обхватив ею мою ладонь.

— То есть? — пролепетала я одеревеневшим языком.

— Вы испытываете удовольствие от малейших незначительных прикосновений, — пояснил мужчина, растирая мазь между моими пальцами. Она быстро впитывалась, точно в бездонную яму. — Имею в виду мягкое раздражающее действие.

— Ничего я не испытываю, — ответила грубо и хотела вырвать руку, но Альрик удержал мертвой хваткой.

— Не бойтесь, в этом нет ничего постыдного, — улыбнулся он неожиданно, и я, растерявшись от его улыбки, забыла, что хотела обидеться. А потом поняла, почему Вулфу никогда не улыбался на лекциях. Тогда все студентки валялись бы в экстазе, не в силах усваивать материал.

— Вовсе не стыжусь, — надула я губы и не утерпела: — А это плохо или хорошо?

— Порог чувствительности — одно из основных понятий элементарной висорики, и поступающие на этот факультет обязательно проходят тесты на определение его уровня. Например, чтобы узнать пороговое вкусовое ощущение, одним из начальных тестов является определение одной чайной ложки сахара в десяти литрах воды. А чтобы выяснить порог обоняния, испытуемый должен почувствовать и определить запах от одной капли вещества, испаряющегося в закрытом помещении на площади сто квадратных метров. Если результат окажется положительным, то задания усложняются.

Альрик смешно рассказывал, и я хихикнула:

— Мне казалось, что при поступлении должны крутить на центрифуге, брать анализы крови и просвечивать голову.

— Это тоже делают, но не в первую очередь.

— И как же мне поступить со своей низкой чувствительностью? Не податься ли на элементарный факультет?

Профессор хмыкнул. Надменность его тона куда-то испарилась, и он стал общаться проще, как и декан:

— У вас низкий порог к тактильным ощущениям. Такое обычно бывает, если в детстве ребенок недополучал родительской любви и ласки.

Закусив губу, отвернулась к окну. Не хотела, чтобы Альрик прочитал в глазах правду. Я не просто недополучила свою порцию родительских объятий и поцелуев на ночь. Я их не получала вообще, после наказаний ревя ночами в подушку, чтобы не разбудить тетку.

Не нужна мне ваша ласка. Прожила без нее уйму лет, и до старости доживу, не согнувшись. Вулфу же, будто не замечая, продолжал расковыривать рану. Вернее, он говорил и одновременно намазывал остатки крема, а после надел вторую фланелевую рукавичку на правую руку.

— Ваши рецепторы обострены до предела. Представьте струну, растянутую до

невозможности и готовую вот-вот лопнуть.

— И что же делать? — спросила я севшим голосом. Перспектива лопнуть как воздушный шарик или как струна, не радовала.

— Для начала успокоиться, — сказал Альрик, бросил перчатки в грязную кюветку и отнес в дальний угол к раковине.

Легко ему говорить "успокойся!", когда каждый день потрясения выбивают из меня дух, словно из тщательно обхлопываемого ковра.

Профессор прохромал ко мне и протянул руку. Не в силах поверить в искренность джентльменского порыва, я уставилась сперва на раскрытую ладонь, затем на невозмутимое лицо мужчины и нерешительно протянула лапку. Тоже мне, принцесса в варежках, — усмехнулась и спрыгнула с кушетки.

Альрик проводил меня в таинственное помещение, прятавшееся за матовой перегородкой. Как оказалось, в комнату отдыха после тяжелых и изнурительных экспериментов. В небольшом помещении компактно разместились диван из черной кожи, два кресла той же масти и небольшой столик. В углу втиснулся холодильник, а у окна раскинула листья пальма в большой кадке. На глянцевых листьях не было ни грамма пыли.

Стопятнадцатый занял одно из кресел, превратившись в черную глыбу на фоне окна. Он прихлебывал заваренный чай и читал газетный разворот. Увидев нас, сложил газету.

— Завершили процедуру?

— Не совсем, — ответил уклончиво Альрик. — Я бы рекомендовал обследуемой успокоительное, которое облегчит нервное состояние.

— Вот как? — озаботился декан. — А кроме нервозности ты ничего не разглядел?

Вулфу пожал плечами и направился к холодильнику, достав оттуда маленький флакончик. Мельком я увидела, что холодильник набит не продуктами, а пузырьками и бутылочками всех форм и размеров.

Профессор бросил флакончик Стопятнадцатому, и тот на удивление ловко поймал, пробурчав одобрительно, словно сам подивился своей реакции:

— Осталась хватка в старческих руках.

— Будет вам, Генрих Генрихович, — ответил добродушно Альрик. — После чая о старости заговорили! Надо было коньяку налить.

Я переминалась, не зная, куда податься. Сяду в кресло — вдруг сгонят, сяду на диван — вдруг хозяин любит на нем полежать.

Тем временем Вулфу налил чай в красивую фарфоровую кружку с блюдцем и указал мне на свободное кресло. Я, смущаясь, уселась и тут же утонула в черных кожаных недрах сиденья.

— Хороший состав, — сказал Стопятнадцатый, прочитав этикетку на флакончике и надев для этой цели очки, а затем вернул Альрику. Тот взболтал содержимое.

— Говоря о спокойствии, я хотел посоветовать попробовать это, — обратился ко мне профессор, возвышаясь рядом с Генрихом Генриховичем. — Успокоительное средство растительного происхождения. Пятнадцать капель на чашку чая, час крепкого здорового сна, и вы подниметесь бодрой и посвежевшей.

— Спасибо, — проямлила я, растерявшись от неожиданной доброты.

— После того как проснетесь, закончим необходимые анализы и сделаем соответствующие выводы.

— То есть? — смешалась я. Где проснемся? Где проведем?

Альрик накапал из флакончика в чашку и придвинул ее ко мне.

— Выпейте, отдохнете на диване, а потом продолжим.

Я в изумлении смотрела попеременно то на одного мужчину, то на другого. Они выглядели серьезными и шутить не собирались. Неужели мне разрешат запросто забраться с ногами на священный Альриков диван и подрыхнуть на нем... Сколько, сказал профессор? Целый час стеснять сопением обладателя кучи ученых титулов и степеней?

Стопятнадцатый по-своему истолковал мою нерешительность:

— Эва Карловна, вы находитесь под моей защитой. Вам не причинят вреда.

Иными словами, дал понять, что пока буду спать, никто не придет и не сдернет с меня проклятый дефенсор. Альрик тоже понял смысл сказанного и оскорбился:

— Столь низменных предположений в свой адрес мне еще не приходилось выслушивать.

Да ведь я и слова не сказала!

— Ну... это... то есть спать здесь, на диване? — совсем стушевалась.

— Вас что-то настораживает? — спросил профессор.

— А-а... э-э... — протянула я, не зная, что и сказать.

Альрик извлек из диванной ниши подушку и одеяло. Расстелил и приказал:

— Пейте и марш спать.

Начальственный тон растормошил, и я, обжигаясь, большими торопливыми глотками выпила чай.

— Ложитесь, — Вулфу откинул уголок одеяла. — Раздеваться не нужно. Прошу прощения, не подготовился и не успел сменить постельное белье.

Да мы и не брезгливые вовсе, — подумала, разувшись и забравшись на диван. Нас гораздо больше волнует факт нахождения в святой святых великого Альрика, при упоминании имени которого стонет, закатывая глаза, женская половина института.

Профессор подошел к окну и опустил дневную штору, отчего в комнате создался полумрак. Мужчины вышли из комнаты, и Альрик закрыл за собой раздвижные двери.

Я лежала на самом мягком в мире диване, шевелила пальцами ног и вдыхала слабый приятный запах, исходящий от подушки. Представляла, как Альрик оставался ночевать в комнате, заработавшись допоздна в лаборатории, как также лежал и смотрел в потолок, раздумывая над причинами последнего неудавшегося эксперимента, а потом его осеняла идея, и он бежал ее воплощать, наплевав на глубокую ночь за окном. Или стоял у окна и, попивая чай, смотрел на заснеженную улицу, раздумывая над тем, какой научный титул добавить к длинной цепочке имеющихся достижений.

Почему-то мне ни на миг не пришло в голову, что Альрик мог привести сюда женщину. Сама мысль об этом казалась кошунственной и нелепой.

На этом мозг перестал функционировать, раздумья точно отрезало острым ножом, и я уснула.

Это могла быть 25.1 глава

— Что скажешь? — спросил декан у Альрика. Они сидели по разные стороны подоконника.

— Скажу то же самое. Касторский и его компания идут для меня побоку, а вот ее воспоминания о приключениях в подвалах однозначно указывают на нашего жильца. Почему вы не предупредили сразу, Генрих Генрихович?

— Замотался, улаживая последствия пожара. Не до того было. Над нами проверки всех уровней кружили как грифы, требовалось срочно выпутываться.

Вулфу сунул руки в карманы халата и скрестил ноги.

— Будем двигаться маленькими шажками, — начал размышлять вслух. — Нет сомнений, что учащаяся, заблудившись в коридорах, попала в зону Игрека и вступила с ним в контакт. Наш Игрек оказался весьма материальным, обладая, по крайней мере, одной лапой, когтями и шерстью. Насчет издаваемых им звуков я готов поспорить. Возможно, они родились в богатом воображении студентки.

— Стало быть, когда вы присутствовали при его рождении, Игрек не трещал и не мурлыкал?

— Шутить изволите? — усмехнулся Альрик и перевел взгляд на улицу. — На моих глазах он растерзал пятерых, а мне оставил на память множество отметин, — он мотнул изуродованной ногой.

— Жаль, меня не допустили до эксперимента, — прогудел разочарованно Стопятнадцатый.

— И вы расстраиваетесь по этому поводу? — удивился Альрик. — Допуск имелся у специалистов по материальной висорике. У вас не было шансов, уважаемый, — ухмыльнулся он.

Этот разговор был не первым и всплывал нечасто, но регулярно после вылазок в институтские подвалы, во время которых небольшая группа вовлеченных обходила коридоры с мощными прожекторами в поисках обрушений в стенах и погруженных во мрак переходов, меняла перегоревшие лампы и закладывала провалы.

Во время дискуссий Стопятнадцатый неизменно сетовал, Альрик неизменно огрызался, упрекая декана в ребяческой наивности.

Условно Игреком называлось существо, волею судьбы загнанное двенадцать лет назад во время летних каникул в подвальные помещения института после неудачного эксперимента по материализации. Ритуалом вызова руководил последователь и ученик Висбрауна, известнейший ученый-висорик Всеволод Чеботаев, а молодой и перспективный Альрик Вулфу присутствовал в качестве одного из ассистентов.

Легкомыслие чиновников дорого обошлось науке. Простой и несложный, как предполагалось вначале, опыт оброс катастрофическими последствиями: погибшими людьми, обрушившимися лабораториями, занимавшими три подземных этажа под институтскими подвалами, и новым обитателем иномирья, вызванным силой древних символов, слов и кровавого жертвоприношения. Роль жертв исполнили овцы, доставленные с племенного завода.

Сущность, возникшая в центре сложной декаграммы среди бездыханных тел животных,

повергла экспериментаторов в благоговейный трепет. У них на глазах в ловушке, очерченной границами, бился кусочек хаоса. Мутный столб поднимался до потолка, образовав огромную воронку. Из эфирной субстанции, исчерчиваемой яркими зигзагообразными полосами, вырывались пыльные завихрения.

Вся аппаратура в лаборатории вышла из строя, и погас свет. Пока другие ассистенты пытались наладить аварийное освещение, Альрик и Чеботаев с двумя учеными, надев приборы ночного видения, поспешно принялись накладывать удавки на сущность, пытаясь усмирить. Эта предосторожность оказалась роковой. Субстанция расвирепела и, захватывая в растущий смерч оборудование, столы и жертвенных овец, засосала одного из ученых, улетевшего с громким криком.

Неожиданно разбушевавшаяся стихия переступила черту ограничивающей декаграммы. Раздался чудовищный вой, и от ударной волны полопались барабанные перепонки. Сущность ломало и корежило в жутких муках, и на глазах ученых начало формироваться страшное тело без видимых конечностей, туловища и головы. Постепенно, подобно пластилину, из бесформенного месива вылеплялись грубо высеченные непропорциональные отростки.

Уродец, не в силах терпеть невыносимую боль, набросился на виновников своих страданий. Чеботаев был разорван первым, за ним последовали остальные. Заработавшее аварийное освещение спугнуло монстра, и он уполз, исчезнув в темном проеме.

Выжить удалось Альрику и еще одному ассистенту.

После трагедии исследования по материальной висорике были урезаны и поставлены правительством под жесточайший контроль.

— Самое удивительное состоит в том, что Игрек не только вывел заблудившуюся из темного тоннеля, но и наградил неким знаком. Чем он ее пометил? — спросил Стопятнадцатый. — Может, девушка стала носителем вируса?

Альрик поднялся с подоконника и сходил за пачкой свежестопеченных фотографий. Вдвоем с деканом они разглядывали увеличенные изображения, передавая снимки из рук в руки.

— Это не кольцо, — констатировал Альрик. — Это уплотненная сетка из кровеносных сосудов и нервных окончаний.

— Но для чего?

— Чтобы ответить подробнее, нужно закончить обследование.

— Могло ли случиться так, что девушка поддерживает ментальную связь с дарителем?

— Вряд ли. Ведь у нее нет соответствующих способностей.

— А неосознанно? Например, во сне?

Альрик пожал плечами.

— Вдруг это одержимость или переселение в тело? — строил гипотезы Стопятнадцатый. — Вдруг ее глазами на нас смотрит частичка Игрека? Студентка не помнит, что с ней произошло после наложения заклинания оумто, но если она своими руками... их...?

— Генрих Генрихович, вы же знаете, что одержимость — вирусная инфекция мозга, а дефенсор прекрасно от нее защищает.

— Кто знает, ведь Игрек не совсем живое существо.

— Однако он подчиняется тем же законам, что и мы. Иначе давно бы покинул стены института, — сказал профессор и был прав.

Факт оставался фактом: Игрек оказался привязан к зданию учебного заведения. Заключенная в физическую оболочку сущность носила на бесформенном теле руну принадлежности, самолично вырезанную Альриком, перед тем как он, с содранной на четверть кожей, потерял сознание.

Правительство, давшее добро на проведение эксперимента, оказалось в полнейшей растерянности, не зная, как избавиться от чужеродного создания. Попытки загнать его в ловушку приводили к тому, что Игрек сотрясал ревом стены, угрожая обрушить здание. Вулфу вручили орден за находчивость, а администрации института строго-настрого приказали держать язык за зубами и приглядывать за чуждым гостем, не провоцируя. Входы в подвалы перекрыли и установили подъемник с противоположного краю, в коридоре, освещенном пятью рядами ярких ламп.

— Любые раны имеют свойство затягиваться, — сказал Стопятнадцатый. — Когда-нибудь зарастет и руна. Сколько ей отмеряно силы?

— Когда-нибудь зарубцется, — согласился Вулфу. — Надеюсь, что знак, сделанный скальпелем из заговоренного серебра, будет заживать не одно десятилетие.

Декан замолчал, неприятно пораженный жестокостью сказанных слов. Но, в конце концов, ему ли судить Альрика? Не у него на глазах разорвали в кровавые ошметки коллег и друзей, и сам он не умирал в жестоких страданиях.

— Вернемся ко вчерашнему событию, — сказал Стопятнадцатый. — Если предположить, что студентка не смогла устроить возмездие собственными руками, стало быть, она призвала на помощь Игрека.

Альрик стукнул ладонью по подоконнику:

— Когда это случилось?

— Не могу сказать с точностью. По словам девушки, после восьми часов и до закрытия института. Разбег по времени обширный.

— В двадцать восемнадцать произошел подземный толчок. Это мог быть только Игрек. Я решил, что ему скучно, и что при первом же удобном случае мы обойдем зону.

— Стало быть, Игрек почувствовал нависшую над студенткой угрозу. Он почувствовал ее страх и бросился на помощь. Можно ли считать кольцо передатчиком эмоций? — предположил декан.

Альрик еще раз просмотрел фотографии:

— Что характерно, из четверых участников конфликта Игрек выделил нападающих, не тронув свою протезе. Странная забота для безмозглого монстра, не находите?

— Почему безмозглого? — удивился Стопятнадцатый.

— Этот постулат незыблем. Считается, что Игрек не обладает разумом и не делает различия между общечеловеческими понятиями.

— Ну, а родительский инстинкт? — предположил декан. — Думаю, он свойственен всем существам независимо от принадлежности к тому или иному миру.

Вулфу расхохотался.

— Если бы вы знали, что за сущность заключена в теле Игрека, то не выдвигали гуманные теории, руководствуясь опять же человеческими понятиями. Генрих Генрихович, вы мыслите узко. Почитайте мою диссертацию по этому вопросу, там написано много полезного.

— Нет, это вы, Альрик, мыслите чересчур широко, — возразил Стопятнадцатый, раззадоренный перепалкой. — Я давно ее изучил, и не единожды, несмотря на то, что тема

считается закрытой. В своей работе вы упомянули, что наш материальный мир заставил чуждое эфирное создание влезть в физическую оболочку, одновременно запустив процессы генерации внутренних органов и тканей, без которых существо не смогло бы выжить: костей, мышц, кожи, нервов. Гость из другого мира сумел подстроиться к законам природы и уцелеть. Вполне вероятно, что за прошедшие годы его сознание могло развиваться до достаточного уровня, чтобы ощутить потребность защищать и лелеять кого-то.

— Во-первых, Игрека после рождения не видел никто, поэтому не возьмусь судить напрямую о том, какого уровня развития он достиг. Я даже не могу сказать, есть ли у него хвост и рога, — сказал Вулфу. — Во-вторых, исходя из многолетних наблюдений, мы знаем, что существо из подземелий до вчерашнего дня боялось яркого света и за двенадцать лет ни разу не пробовало проникнуть выше уровня первого этажа.

— Оно эволюционирует! — поднял указательный палец Стопятнадцатый.

— Десяток лет маловат для эволюции, — усмехнулся Альрик.

— Однако вы упомянули термин "скука" по отношению к созданию, ведущему бессмысленное существование! — парировал азартно декан.

— Под "скукой" я понимаю немотивированные спонтанные всплески агрессии Игрека, не поддающиеся каким-либо закономерностям, — пояснил собеседник сухо. — Когда мы последний раз спускались вниз?

— Дайте подумать... — Стопятнадцатый возвел глаза к потолку. — Почитай, с лета не заглядывали. Давненько не встречались с вашим подопечным, Альрик.

— Мне мало счастья в знакомстве с ним, — ответил тот, не оценив неудачную остроту.

— Итак, ваше предложение?

— Очистить совесть, отрядив проверенных людей на прочесывание коридоров, — сказал Вулфу.

Декан поднялся с подоконника и подошел к телефонной станции. После второго гудка, разносимого по лаборатории громкой связью, трубку сняли.

— Слушаю, — раздался мелодичный женский голос.

— Евстигнева Ромельевна, родилась идея организовать обход подвалов, и как можно скорее.

— Наконец-то, — сказала проректриса с облегчением в голосе. — Получасовая готовность. Состав группы — как обычно. Спустимся через вход в северо-восточном коридоре. — И отключилась.

Стопятнадцатый взволнованно заходил мимо профессора, с невозмутимым видом принявшегося рассматривать снимки.

— Альрик, тебя не пугает то, что мы можем обнаружить внизу? — остановился декан.

— Совершенно, — ответил тот, не отвлекаясь.

— Поражаюсь вашему равнодушию! — пророкотал Стопятнадцатый. — Если найдем... нет, даже страшно представить! Что мы скажем родителям пропавших?

— Генрих Генрихович, ну, ведь покуда не нашли. Зачем переживать заранее?

— А девушка? — продолжал волноваться декан. — С ее честностью и искренностью она не сможет промолчать и обязательно начнет распространяться о вчерашнем конфликте, чем навлечет на себя беду.

— Не начнет, — заверил Альрик. — Я завязал на ее ладонях руны, отвлекающие внимание от инцидента. Недели на две, не дольше, но думаю, вполне достаточно, а там поглядим по обстоятельствам.

— Ловко предусмотрено, — похвалил Стопятнадцатый.

— Значит, вам удалось разглядеть в этой особе честность и искренность? — усмехнулся Вулфу. — С какого дна вы вытащили наивное предположение, не вяжущееся с целью ее пребывания в институте?

— Это не я вытащил. Мне показало зеркало правдивости.

От неожиданности Альрик растерялся.

— Не может быть! — воскликнул он, не сдержавшись, и поднялся с подоконника. Потом взял себя в руки и сел. — И что же еще показало правдивое зеркало?

— Много чего, но об этом умолчу.

Профессор замолчал, пораженный словами декана, и разговор сошел на нет.

— Решительно у меня не хватит терпения дожидаться результатов обхода здесь, — воскликнул Стопятнадцатый, нервничая и постукивая ладонью по ноге. — Лучше своими глазами убедиться, чем читать сухой рапорт. А ты пойдешь?

— Игрек не любит меня, — усмехнулся Альрик. — Встречает обвалами и воем. Вы ведь не хотите попасть в западню? Лучше подожду новости здесь, заодно закончу с анализами, когда студентка проснется.

— Хорошо, — пробасил декан и направился к двери. — Альрик, как выйти из вашего сейфа?

— По отпечатку любого вашего пальца, — ответил тот.

Когда за деканом закрылась дверь лаборатории, Вулфу прохромал к раздвижным дверям и распахнул их. В комнате стало темнее, день за окном клонился к завершению. Мужчина сменил шторы на окне, выбрав более светлую, но передумал и вовсе сдвинул в сторону. Подошел к дивану, на котором тихо и безмятежно спала девочка, и у ее лица осторожно опустился на колено, щадя больную ногу.

Прядка волос упала на лицо спящей, закрыв часть щеки и уголок рта. Альрик осторожно сдвинул волосы, чтобы они щекотанием не разбудили раньше времени, и принялся разглядывать ее лицо. Девочку нельзя было назвать красавицей, и все же Вулфу не сомневался, что аккуратная линия носа и чуть вздернутая верхняя губа обязательно найдут своего воздыхателя, способного безотрывно любоваться ими часами напролет.

И, похоже, один воздыхатель уже нашелся. Мелёшин.

Альрик поднялся с колена и подошел к окну.

Сопливый щенок из древнего семейства сильных висоратов невероятно раздражал профессора. На занятиях Вулфу с молчаливой усмешкой наблюдал за тем, как мальчишка изнывал и томился, разрываясь между желанием и возвращенными в нем с младенчества запретами и правилами. И еще ревновал. Смешно, по-детски, точно боялся, что девочка, сидящая перед ним, присоединится к толпе идолопоклонниц профессора. Альрику нравилось дергать за ниточки, провоцируя сопляка, и наблюдать за произведенным эффектом.

Сам Вулфу давно позабыл, что такое ревность и жажда обладания. Когда-то давно, во время учебы в институте, у него наметилась взаимная симпатия с однокурсницей. Он еще помнил ее имя — Элеонора. Но симпатия, не успев перерасти во что-то большее, завяла. Следовало сделать выбор между наукой и личной жизнью, и Альрик сделал, о чем не пожалел ни разу. Кто знает, что случилось бы с ним сейчас, свяжи он судьбу с той девушкой.

Теперь женщины проходили через него, не задерживаясь ни в памяти, ни в жизни, а в

сердце господствовала лишь одна королева — наука.

Мысли профессора снова перетекли к спящей, и он улыбнулся им.

Поначалу, узнав от декана подноготную ее появления, Альрик полыхал праведным гневом, не отличаясь от Игрека и, не сдержавшись, высказал много обидных слов Стопятнадцатому, за что позже извинился. Девчонка-обманщица представлялась профессору хладнокровной стервой, знающей цену жизни и умудрившейся через нужную постель получить заветный пропуск в общество висоратов.

Первое впечатление от знакомства повергло Альрика в растерянность. Девушка оказалась незаметной тихоней, одетой безвкусно и бедно. К тому же ее застенчивость и скромное поведение озадачили профессора.

Тогда Вулфу сделал предположение, что девчонка выбрала роль несчастной простушки, забитой жизнью, и уверенно ее играла, изображая жертву обстоятельств. Однако слова Стопятнадцатого озадачили профессора. Зеркало правдивости или *specillum verity*, найденное при раскопках погибшей цивилизации, причислялось к уникальнейшим реликвиям древности, и принцип его действия до сих пор не сумели расшифровать самые именитые ученые-висорики. Небольшая овальная поверхность с достоверностью показывала истинные намерения отражающегося в зеркале человека, под какими бы искусными масками они не скрывались. Впрочем, достоверность открывалась единицам. Именно поэтому зеркало правдивости находилось в настоящее время на ответственном хранении Стопятнадцатого, проводившего эксперименты с артефактом.

Глядя с высоты пятого этажа на парк, Альрик анализировал свои наблюдения после сегодняшнего близкого контакта с обследуемой. Женственности в ней не было совершенно, как и умения кокетничать и преподносить себя на блюде, перевязав атласной ленточкой. Зато непосредственность лилась потоком. Профессор с легкостью определял любую мысль девочки по нахмуренному лбу, по поджатым губам, по недоуменно поднятой правой брови, по пылающим щекам или по растерянному взгляду. Он читал ее как открытую книгу и не мог поверить в то, что видит не наносное, не показушную игру на публику.

И все же Альрик, пресыщенный женским вниманием, несколько разочаровался тем, что девчонка не собиралась поддаваться его природному обаянию. Он вернулся к дивану и, присев на краешек, стянул варежку со свесившейся руки. Краснота сошла, вернув ладоням и пальцам здоровый цвет. Ниточка — подарок от Игрека, истончилась и почти исчезла.

Альрик не смог удержаться от того, чтобы не начать поглаживать сонные пальчики. Почему-то его бесконечно умилила отзывчивость девочки на прикосновения. Пробежался по линиям руки, и под мягкими касаниями ладошка упруго раскрывалась и сжималась точно у блаженствующей кошки, выпускающей и втягивающей коготки.

Неожиданно девочка потянулась, и, не успел он подняться с дивана, открыла глаза, уставившись на него.

Это могла быть 25.2 глава

Поначалу сон был чудесен.

Лицо женщины пряталось в тени, и ее фигура воспринималась размытым пятном, но я знала, что это мама. Только у нее были ласковые любящие руки, которыми она обнимала меня, тискала и тормошила, зацеловывая. Я сидела у нее на коленях и ела мятный пряник, держа его липкими пальцами.

Вокруг было солнечно и зелено, перед моими глазами расстился океан, а может быть, и не океан. В детстве даже мутная лужа кажется большим озером.

Я чувствовала, что мама улыбается мне, но улыбка ее стала грустной и тревожной, и вокруг все начало пропитываться беспокойным ожиданием. Даже рябь на воде неизвестного океана, заметавшись, сменила направление, словно не знала, какому ветру подчиниться.

А потом на шее у меня оказался шнурок с занятной штучкой в виде решетки из перекрещивающихся витых прутиков и спрятался под вырезом платья. "Помни обо мне, зайчонок! Мама всегда будет рядом", — почудилось в свежем порыве, дохнувшем влажностью. Или перешептывались прибрежные ивы, полощущие гибкие ветви в воде?

Внезапно я очутилась на дорожке, растерянно оглядываясь по сторонам, а ко мне приближалась хмурая неприветливая женщина в черном с хворостиной в руке. И пусть меня, ревушую и упирающуюся, тянули домой, а недоеденный пряник остался валяться в пыли, даже во сне я знала — когда-нибудь мы обязательно будем вместе, и "черная ворона" ни за что не найдет ставший прозрачным маленький секрет на шнурке, потому что он только наш — мой и мамин.

Несмотря на щемящий оттенок сна, я проснулась, чувствуя, как звенят в тонусе мышцы, и просыпается аппетит. Рядом на диване сидел его величество Альрик и держал мою руку со снятой варежкой. Неужели я ворочалась во сне и умудрилась сбросить её? Наверное, упачкала весь диван лечебной мазью. Недаром профессор недовольно хмурится.

— Похоже, к пятнадцати каплям я случайно добавил одну лишнюю, — сказал он ворчливо и поднялся. — Пора вставать, а то проспите до позднего вечера.

Правильно, хватит утрамбовывать чужой диван. Нужно отрабатывать доброту хозяина: опять становиться подопытной крыской.

Альрик нажал на выключатель, и помещение залил приятный неяркий свет. Мужчина подошел к окну и легонько стукнул по стеклу, отчего оно так же, как и перегородка, мгновенно замутилось.

— Есть хотите? — спросил, распахивая на ходу двери.

В ответ раздалось согласное бурчание прожорливого органа, но стесняться было не перед кем. Профессор откуда-то из глубин лаборатории крикнул:

— Подождите немного, — и вышел, хлопнув дверью.

Оставшись в одиночестве, я вскочила и сладко потянулась. Все-таки успокоительные капли Альрика подействовали. Настроение распогодилось, а переживания по поводу вчерашней неудачи сместились в дальний угол памяти. Воспоминание о вечернем фиаско в обществе Касторского и его друзей, словно замазанное густой сажей, растворилось на фоне других событий.

Понадеявшись, что профессор не отчитает меня за самодеятельность, я сложила в

диванную нишу одеяло с подушкой, а потом подошла к окну. Пальцы ощутили гладкую ровную поверхность. Стукнула как Альрик, и стекло моментально прояснилось, открыв моим глазам сумерки, опустившиеся на парк. Приглядевшись, я обнаружила внутри прозрачного оконного листа паутинку металлических нитей, аналогичную той, что переливалась при входе в лабораторное крыло. Снова легонько ударила по стеклу, и ледяные кристаллы в мгновение ока выросли, загородив обзор из окна. Хорошая игрушка.

Кроме окна в комнате отдыха я обстучала перегородку, затем три окна в лаборатории, каждый раз не в силах налюбоваться на маленькое чудо. Раз! — и по заказу рождается морозный иней, два! — и внизу видны ползущие по протоптанной дорожке букашки-фигурки.

Наигравшись, я вернулась в комнату отдыха, все-таки там было повеселее, и не угнетала стерильность. И опять развлекалась, ударяя по стеклянной поверхности перегородки. Стукнула — а с противоположной стороны возник Альрик, державший на большой тарелке кусок пирога.

— Вы не испугались, — сказал он. — Это хороший признак. Значит, капли пошли на пользу. А теперь давайте перекусим.

Оказалось, мужчина принес не один кусок, а шесть огромных кусмарей с прослойками малинового джема. Горячий чай оказался как нельзя кстати. Поначалу я робела, стараясь вкушать пищу со всеми приличествующими манерами, но потом забросила это гиблое дело и пару раз украдкой облизала запачканные джемом пальцы.

Мы сидели в креслах друг напротив друга, увлеченные молчаливым процессом поедания, и мне льстило, что профессор не побрезговал есть пирог на пару со мной. Я поймала себя на том, что начала привыкать к неотразимости Альрика, забывая о том, что передо мной суровый и неприступный преподаватель. Его привлекательность перестала слепить глаза, возможно, оттого, что мы довольно долгое время находились рядом.

Конечно же, все возвратится на круги своя, когда я покину лабораторию. Ведь не попроси Стопятнадцатый о консультации, вряд ли бы при обычных обстоятельствах профессор снизошел до маленькой лгунишки. Скорей всего, мне больше не представится случай запросто уплетать в неформальной обстановке пирог вдвоем с великолепным Альриком и спорить из-за последнего куска.

Мужчина не жеманничал и не уступал мне в аппетите. В результате мы синхронно схватились за одинокий кусище, сиротливо лежащий на тарелке. Неужто воспитанный Альрик уступил остаток пирога единственной даме? Как бы не так. Он разломил его на две неравных части, причем забрал себе большую, а мне отдал меньшую часть, ухмыльнувшись и подмигнув. На мгновение я выпала из реальности, любуясь им. Да, институтские девчонки пожертвовали бы многим, чтобы оказаться на моем месте тет-а-тет с потрясающим мужчиной, и уж точно не стали бы тратить время на поедание пирогов и вылизывание тарелки.

Когда с вкусами было покончено, Альрик показал, где раковина и салфетки для рук. В общем, жизнь потекла бы в безмятежном русле, если бы не одно "но". Профессор сказал:

— Необходимо провести повторную серию анализов.

Мою конечность снова запечатлели в веках со всех сторон, снова были осмотрены слуховые, ротовые и носовые отверстия, снова с моего организма нацедили полведра кровушки и отправили самостоятельно в туалет наполнять вторую мензурку.

Послушно исполнив волю несравненного Альрика, при выходе из санузла я столкнулась с Лизбэт. Похоже, она специально дожидалась меня.

— Значит, ты решила заделаться личной ассистенткой Альрика Герцевича? Да еще Стопятнадцатый тебя опекает. Не жирно ли тебе живется? — без предисловий спросила Лизбэт, перегордив дорогу.

Ее жаргонная речь не вязалась с ореолом круглой отличницы. Я оглянулась. Коридор был пуст. А чего пугаться-то? Здесь цивилизованные сверхсекретные лаборатории, а не институтские задворки. Не вцепится же девушка мне в волосы как какая-нибудь базарная баба.

— Не волнуйся за своего Альрика. Видишь, анализы сдаю, — показала я полную мензурку. — Еще осталось поставить клизму, и пойду, не оглядываясь, из вашей кристальной чистоты.

И обойдя бочком Лизбэт, направилась в лабораторию.

Дожидавшийся Альрик успел надумать новый эксперимент, чтобы проверить чувствительность помеченного пальца, и отгородил мою руку с "колечком" небольшим пластиковым занавесом. Как пояснил мужчина, для того, чтобы зрительные рецепторы не отреагировали раньше осязательных при виде, например, иглы, и не послали сигнал мозгу об опасности.

Лучше бы профессор этого не говорил. Наоборот, я насторожилась и начала вздрагивать от малейшего движения. Однако экспериментатор не собирался колоть и щипать. Он копался с моим пальцем: смазывал, потирал, возил по нему попеременно холодным и теплым, и я потеряла бдительность, расслабившись. От неожиданного укола подпрыгнула на стуле и взвизгнула как поросенок, инстинктивно отдернув обследуемую руку.

— Прошу прощения, больше не повторится, — сказал Альрик, прислушиваясь к чему-то. Я оглядела потревоженный палец. Цел и невредим. Без видимых ран и хлещущей крови.

— Все равно не верю.

— Хорошо, — неожиданно быстро согласился профессор, убирая лабораторные инструменты в ящик стола. — Напоследок замерим височеские потенциалы.

— Нет! Это закрытый тест, я не даю на него согласия!

Мужчина снова прислушался к тихому гудению ламп и сказал:

— Висограмму снимать не буду. Данные отобразятся на приборе в режиме реального времени. Понимаю ваше беспокойство и даю слово, что о результатах никто не узнает.

Тяжеловесное слово Альрика упало к моим ногам, и я нехотя согласилась. Профессор принес небольшой приборчик с парой датчиков на гибких длинных проводках и предложил для комфортности пересесть на кушетку.

Висограф Альрика был переносным и компактным, в отличие от гробины, с помощью которой в научном городке снимали разновидности моих вис-потенциалов. Отец, обладая нужными связями, обеспечил молчание специалиста, проводившего экспертизу. С каких бы сторон и в каком бы количестве ко мне ко мне не прицепляли датчики — к пяткам или к ушам — абсолютный и относительный потенциалы равнялись глубокому и спокойному нулю. Так что если Альрик надеялся, что "колечко" Некты подарило мне хотя бы крошечный зарядик, то я сильно сомневалась в столь оптимистичном предположении и излила весь имеющийся скепсис на свою физиономию, пока мужчина прикреплял датчики-прищепки к мизинцу моей правой руки и мизинцу левой ноги. Для этой цели, конечно, не потребовалось снимать носки. Важно было обеспечить наибольшее расстояние между конечностями для

определения разности потенциалов.

После этого профессор включил прибор, повертел тумблер и выставил нужную шкалу. Висограф ровно и негромко запищал, белая стрелка в окошечке с делениями ушла влево, замерев на отметке "ноль". Альрик понаблюдал за стрелочкой секунд десять и перекрепил датчики на противоположные конечности. Снова взгляделся в прибор. Ноль, уважаемый профессор, всегда будет круглый ровный ноль, как ни старайтесь.

Однако мужчина с бесконечным терпением ученого выискивал новые и новые комбинации точек для замеров, и ответом ему был монотонный писк висографа и шпиль стрелки. Пока Альрик с невозмутимым видом перецеплял датчики, я, чтобы развеять неловкое молчание, решила не скучать без дела и заняться собственным просвещением.

— Альрик... Герцевич, а вот духи... которые меняют запах под настроение... Как они работают?

На лице мужчины мелькнула тень улыбки:

— Вас задели слова Штице на коллоквиуме?

— При чем здесь Эльза? — удивилась я. О ней и мысли не было.

Профессор снова улыбнулся непонятно чему.

— В зависимости от настроения мозг посылает команды для выработки разных гормонов, получивших в быту названия, например, гормонов счастья, грусти или возбуждения, а попросту эндорфина или того же мелатонина. Организм реагирует на приказ и микроскопически изменяет множество параметров, в частности, температуру тела, частоту пульса или размер зрачка. Под воздействием изменений молекулы духов, нанесенных на ваше запястье, видоизменяют структуру, и в итоге аромат может приобретать другой оттенок.

— Здорово, — похвалила я достижение висорической науки. — Но получается, что запах может выдать мое настроение. Если мне весело, то пахнет чем-то сладким, если грустно — то прелыми листьями.

— У вас богатая фантазия... Эва... Карловна, — пожурил мужчина, а я чуть не упала с кушетки. Великий Альрик впервые назвал меня не только по имени, но и по отчеству.

Наверное, растерянность отразилась на моем лице, потому что профессор с легкой ухмылкой, не сходящей с лица, продолжил снимать висорические потенциалы, вернее, отсутствие таковых. Ах, если бы случилось чудо, и писк прибора вдруг сменился звуком сирены! Увы, что не дано с рождения, то внезапно не появится однажды зимним вечером на кушетке.

— На самом деле в составе духов запрограммировано несколько основных запахов, дающих разные комбинации. А уж каждый из присутствующих домысливает сам, исходя из чувствительности обоняния и воображения.

— А-а, — протянула я многозначительно. Интересно, а что нанюхал Альрик?

И опять он считал все мысли с моего лица, потому что весело хмыкнул:

— Пожалуй, умолчу о том, куда завел меня нос и богатые фантазии.

Значит, действительно, на коллоквиуме пованивало за километр от моей апатичной физиономии. Я расстроилась, а мужчина, перевесив датчики, утешил:

— Достаточно далеко, чтобы аромат был слабым, но достаточно близко, чтобы почувствовать горечь лимонной полыни.

— Вот видите! При любом устройстве носа запах копирует настроение! — выпалила, а лицо Вулфу стало непроницаемым. И что я не так сказала?

Закончив замеры потенциалов, вернее, замеры бесконечного нуля, Альрик с задумчивым видом смотал датчики. Наверное, придумывал, какой эксперимент можно еще провести.

Неожиданно я вспомнила о зависшей проблеме. Пока профессор соображает о новых опытах, разьясню-ка ситуацию с одним товарищем, мысль о котором свербела шилом, начиная с сегодняшнего утра. Второе упоминание имени-отчества мужчины пошло куда легче:

— Альрик Герцевич, можно зарядить телефон?

Он кивнул и принялся наводить порядок на столе.

Я вытащила из сумки, забытой под кушеткой (виданное ли дело?) Мелёшинский телефон, и отодвинув хлястик, разглядела в пазу штырьки-вилки. Чуть палец не сломала, уж очень туго отошел в сторону противный хлястик. Телефон Мэла я кинула утром в сумку перед выходом из комнатухи, рассчитывая отдать хозяину при встрече и попрощаться. День подходил к концу, а расчет до сих пор не оправдался.

Аппарат воткнулся в ближайшую розетку, и не успела батарейка набрать силушку, как он пронзительно запиликал на все помещение. Альрик посмотрел в мою сторону и отошел к шкафчику с разномастными пузырьками, начав перебирать и пересчитывать лабораторные богатства.

И кто бы мог звонить? Я взяла телефон и посмотрела на оживший экран. Деваться некуда, все равно придется поговорить рано или поздно.

Мелёшин, видимо, не ожидал, что ему ответят, и тоже молчал. Слышно было, что он находился где-то на улице: в моем ухе гудели машины, играла негромко музыка, шуршали шины, взревел двигатель промчавшегося мимо автомобиля, слышались неясные голоса.

А потом Мэл громко воскликнул:

— Папена, отвечай! Не молчи же!

Мне показалось, что в его голосе сквозил страх. Страх перед неизбежностью.

Я долго прокхыкивалась:

— Привет. Телефон разрядился. Только сейчас его всунула...

Мелёшин облегченно выдохнул и вдруг взревел:

— Папена! Ты что, мать твою, вытворяешь?

В телефоне громко хлопнуло, и я почему-то сразу подумала, что это была дверь машины. Мэл выбрался наружу, и для него нестройно гудели десятки машин, а вдалеке кто-то обзывал Мелёшина нехорошими словами.

— Заткнись, козел! — прокричал он куда-то в сторону. — Ты совсем обнаглела? — заорал уже мне в трубку.

Я даже от уха её отняла, оглохнув от рева. И чего так распалиться?

— Не могу сейчас говорить, — пояснила негромко. Альрик с бесстрастным лицом прошел к окну и принялся собирать в пачку снимки моего пальца.

— А я, думаешь, могу? — надрывал связки Мэл. — Да пошел ты, старый пердун! — снова заорал кому-то в сторону на фоне участвовавших автомобильных гудков и гневных криков. — Сам такой!

— Я на обследовании.

— На каком таком обследовании? — гаркнул Мелёшин, взбудораженный атмосферой уличного скандала.

— На медицинском, — сказала я, покосившись на профессора. И ведь не покривила

душой ни капельки! Жаль, в центрифуге меня не успели покрутить для полноты ощущений. Зато эту полноту вдоволь предоставил Мэл.

— Папена, стоит пойти на уступки, как ты тут же садишься на шею! — продолжал распалаться он, а потом снизил обороты наезда: — Погоди, на каком обследовании?

— Говорю же, что на медицинском.

Судя по лицу Альрика, он не возражал против моего оправдания.

— Ты где? — рявкнул Мелёшин. В трубке хлопнуло, уличные звуки стали тише, но по-прежнему были слышны. Я сразу же представила, как он садится в машину, остужая кипящие мозги свежим морозным воздухом из открытого окна.

— В институте, — выпалила в надежде по-быстрому расставить по телефону все точки над "и". — Я...

— Что произошло? Почему? Ты пострадала? — завалил меня вопросами Мэл, не позволяя и слова вставить. Шестеренки в его голове крутились с бешеной скоростью, в итоге подведя к логическому умозаключению: — Это Касторский, верно? Он покойник, — произнес зловеще Мелёшин под аккомпанемент визга выворачиваемых шин и отключился.

Что это было? — ошарашено вслушиваясь я в короткие телефонные гудки. А потом зазвонила телефонная громадина Альрика, занимавшая этажерку у окна, и теперь уже он принялся общаться со своей трубкой, правда, его собеседник на другом конце провода вел себя гораздо интеллигентнее, чем мой.

Пока мужчина разговаривал, я заново воткнула телефонный штепсель в розетку. Надо же довести дело, то есть зарядку, до конца.

Альрик положил трубку.

— Звонил Генрих Генрихович. Вашу вчерашнюю компанию нашли.

Это могла быть 26.1 глава

Альрик положил трубку.

— Вашу вчерашнюю компанию нашли. Звонил Генрих Генрихович, он будет здесь с минуты на минуту. Встречу его, а вас попрошу не хулиганить.

Обижаете.

Профессор явно повеселел, обрадовавшись новостям от Стопятнадцатого. А мне тоже начинать прыгать от радости или бежать за веревкой и мылом?

Дозвонившийся некстати Мелёшин привнес раздрай в мысли и спугал их. Если учесть, что почти сутки я не сообщала Мэлу о своих передвижениях да еще пропустила занятия, то его нервный срыв посреди городской улицы мог объясняться элементарным беспокойством и волнением. Но поскольку профессорские капли процедили мое спокойствие, отфильтровав эмоциональный осадок, то в действие вступила логика с предположением о том, что Мелёшина уело мое разгильдяйство по отношению к установленным им правилам, и значит, цирковую крыску ожидает наказание, которого свет еще не видывал. А набить физиономию Касторскому, не разобравшись, что к чему, — дело принципа, иначе честное Мелёшинское имя будут обхахатывать все, кому не лень.

Отодвинув Мэла с его воспитательными идеями на время в сторону, я принялась грызть ногти, маясь в ожидании декана и известий о Касторском. Наверняка, как и предполагал Альрик, компания старосты загулялась, запилась и задебоширилась, а теперь оклемалась и дала о себе знать. Получат ремня от родителей, проспят, начнут вспоминать свои подвиги, и тогда всплывет мое имечко и подробности биографии.

Как ни странно, я готова была принять известие о разоблачении без паники, захлестывающей с ног до головы, без заламываний рук и драматических поз. Может, и к лучшему такая концовка висорической карьеры? Может быть, судьба давно уготовила мне неожиданное завершение подвигов в мире висоратов, отторгающем мою душеньку всеми правдами и неправдами?

Что ж, сыграем финальное туше с гордо поднятой головой. И ее же положим на плаху под отцову гильотину.

Стопятнадцатый, ворвавшийся в лабораторию, был неестественно оживлен. В отличие от него профессор выглядел спокойным и умиротворенным.

— Представляете, Альрик, едва зашли, и, не успев разбиться на группы, отыскивали пропавших недалеко от горна. Пятнадцати минут не прошло, как спустились. Смотрим — светло, тепло, двигатели за стеной гудят, и три кулемы тут же сидят задницами на полу. Евстигнева Ромельевна приказала срочно разделиться. Сама прихватила Миарона и еще троих, чтобы обойти контур, а мы с Михаславом Алехандровичем обеспечили вызов скорой помощи, поставили в известность родителей и проконтролировали препровождение студентов в больницу. Вернее, Михаслав Алехандрович уехал с учащимися, а я забежал рассказать вам о состоянии дел и отправляюсь следом.

На декана напала необычайная словоохотливость, а мое сердце екало при каждой новой подробности. Оказывается, раздолбаев решили искать в институтских подвалах, и на их поиски отправилась вся институтская верхушка, даже Царица не побоялась. Смелая женщина. Еще бы! Папаша Касторского наверняка построил всех по струночке и велел прочесывать институт вдоль и поперек, пока сыночек не найдется.

— Зачем понадобилось вызывать медиков? — полюбопытствовал Альрик.

В самом деле, коли студентов нашли, что может быть прекрасней? Наверняка их отвезли в больницу с целью профилактики, а после обследования возвращут в объятия рыдающих от счастья родственников.

— Дело в том, что по первым признакам у всех троих в наличии контузия и видимые повреждения слуха, — сказал Стопятнадцатый, посмотрев многозначительно на профессора. — Отсутствует речь, способность узнавать, восприятие объективной реальности. Я бы сказал, что учащиеся ведут себя как младенцы. Они не смогли передвигаться собственными ногами, и их пришлось поднимать наверх на носилках.

— Хотите сказать, у всех троих наблюдаются одинаковые симптомы?

— Подробнее покажет обследование, но навскидку — да. Ни один из них не узнал меня, равно как и Михаслава Алехандровича. — Декан развернулся ко мне: — И простите меня, милочка, за грубость, но говоря об утере навыков, добавлю, что пострадавшие не контролируют стул и мочеиспускание.

Ясно, ребята струхнули, да так, что обмочились. Я тоже насмерть перепугалась, когда в темном коридоре меня схватил за руку мохнатый Некто. Может быть, Касторский с друзьями повстречались с ним?

Однако Альрик не дал развиваться внезапной идее, пришедшей мне в голову, направив ее по другому маршруту.

— Просматривается единственно возможный вариант событий, — обратился он к декану, медленно проговаривая слова. Хотя речь предназначалась Стопятнадцатому, складывалось впечатление, что она была приготовлена для меня. — У Касторского, Болотова и Крестовича был повод спуститься в институтские подвалы. Наиболее вероятные объяснения — спор на "слабо", бравада перед друзьями или желание сотворить какую-нибудь гадость. Что могут придумать молодые и уверенные в себе люди? Оказавшись внизу, они вряд ли бы заблудились в переплетении коридоров, потому что для ориентирования не составляет труда использовать простенькие заклинания. Стало быть, у студентов была определенная цель — попасть к горну, к таинственному и легендарному сооружению в институтских недрах. Ведь так, Генрих Генрихович? Я правильно мыслю?

— Да-да, — подтвердил декан, с пристальным вниманием слушая Альрика, а потом перехватил инициативу, продолжив объяснение: — Логично предположить, что по незнанию студенты попали в коридор для сброса избыточного давления, куда напрямую выходит часть раструбов горна. А это, представьте себе, переизбыток в несколько атмосфер при каждом звонке! Так что наличие контузии объяснимо, вполне объяснимо, — забормотал Стопятнадцатый и принялся расхаживать туда-сюда.

— Спуск в подвалы через коридоры официально запрещен. Рядом с каждым входом вывешены соответствующие таблички и знаки, — сменил декана Альрик. — Таким образом, сваливать вину на недоглядевший персонал не стоит, поскольку один из пунктов студенческого кодекса говорит: "Учащиеся несут персональную и полную ответственность за нарушение правил, установленных администрацией учебного заведения". Несомненно, при поступлении в институт студенты расписались в неукоснительном исполнении кодекса.

— Точно! — пробасил декан, подняв указательный палец. — Сегодня же дам указание отыскать в отделе кадров нужные карточки.

Вслушиваясь в диалог ученых мужей, я с каждой новой фразой все больше убеждалась в том, что на моих глазах они выстраивали линию защиты от предстоящих обвинений,

предугадывая возможные бреши в объяснении поступка пострадавших студентов. Решив, что пора напомнить о себе, иначе проторчу незамеченной до позднего вечера, деликатно покашляла.

— Эва Карловна! — воскликнул декан, словно только что увидел меня. Ну, да, ему осталось глаза протереть, и я обрету полную видимость. — Как ваше самочувствие?

Вместо меня ответил Альрик:

— Необходимый минимум повторных анализов проведен. Позже выскажу свои умозаключения в устной форме, Генрих Генрихович.

Тот кивнул.

— Хорошо. Поеду-ка я в больницу. Боюсь, Михаслав Алехандрович по причине интеллигентности не выдержит натиска потрясенных родителей.

А мне-то что делать? Паковать сумку и сидеть на ней, подпрыгивая на месте от любой новости? Так недолго сойти с ума, и для этого необязательно забираться под раструбы горна, — подумалось со странным спокойствием. Давно пора лезть на стенку от неопределенности и подвешенного состояния, а я сижу на стульчике и спокойненько размышляю, точно не могу выбрать, каким мылом лучше стирать носки. Это все капли Альрика виноваты, — хотела я возмутиться, но получилось вяло и неубедительно. Успокоил так, что ничему не рада и ничего не боюсь.

— Генрих Генрихович, а мне-то как быть? — влезла, пока обо мне опять не забыли.

— Вам, милочка? — задумался декан. — Ничего не поделаешь, вам нужно ждать. Как только станут известны результаты обследования учащихся, а именно как быстро вернутся к ним речь и память, мы что-нибудь срочно придумаем.

Конечно, пока в затылок Стопятнадцатому дышат встревоженные родители пострадавших студентов, ему нет никакого дела до моих тайн. Папашка Касторского, говорят, крут на расправу и разнесет институт по кирпичикам. Так что когда Генрих Генрихович начнет придумывать для меня пути отступления, я умру от голода и безденежья.

— Мне нужно позвонить.

— Эва Карловна, — пробасил укоризненно декан, разведя руками. — Мы, кажется, договорились: не принимать внезапных решений и обязательно советоваться со мной.

— Я и хочу посоветоваться. Наедине.

Альрик мгновенно сделался высокомерным, будто не он улыбался недавно и называл меня по имени. Пусть оскорбляется на здоровье, а дело не терпит отлагательств.

— Ну, — растерялся декан, — мы вроде как в гостях, и выгонять хозяина некрасиво. Можем пройти ко мне в кабинет.

— Отчего же? — молвил Альрик, взмахнув по-королевски рукой. — Беседуйте на здоровье. Пойду, гляну, как продвигается опыт по делению инфузорий в насыщенных вис-волнах.

Едва за профессором закрылась дверь, я сказала:

— У меня ни одного висора в запасе. Хочу попросить у него денег.

Стопятнадцатый изобразил на лице задумчивость, словно не понимал, в чем может быть заковыка. Пусть деточка поклянчит на пропитание, и любящий батюшка, заваливший институт щедрой спонсорской помощью, не откажет дочке, подкинув денежку. Одного не знал Генрих Генрихович: чтобы убедить отца выдать деньги раньше времени, нужно хорошенько унизиться, вымаливая свою просьбу.

— Конечно же, я не против, Эва Карловна. Станция Альрика отрезана от внешнего мира

и запитана на институтскую сеть, но мы сделаем вот что. Подключимся к аппарату Евстигневой Ромельевны, у неё он современнее, чем мой. В кабинете её сейчас нет, поэтому городская линия незанята. А уже через телефон Евстигневой Ромельевны выйдем во внешний мир.

Что-то сегодня декан разговорчивый и болтливый как девушка, или это я меланхоличная и немногословная? Проклятый Альрик с его каплями, — нашлось унылое оправдание. Успокоил так, что все нипочем, а, между прочим, вскоре потребуется дрожащий голос с надрывом, и чтобы слезы, попав в трубку, дотекли по проводу до собеседника, замочив с ног до головы. Иначе отец не смилостивится.

А всё оказалось гораздо хуже.

Декан быстро справился с задачей по выходу на столичную телефонную линию, умело переключая кнопки на Альриковой станции. Осталось набрать комбинацию из девяти цифр и ждать ответа.

Длинные гудки внезапно оборвались. Наступила тишина. Щелчок — и переход на прямую линию, защищенную от прослушивания, а затем снова гудки.

— Слушаю, — раздался мужской голос вместо очередного гудка. Я не заметила, как на том конце сняли трубку, и поэтому немножко растерялась.

— Это я, — сказала хрипло, взглянув на декана. Он сосредоточенно смотрел на меня.

На другом конце провода наступила тишина. Истолковав молчание, как приглашение к разговору, я сказала голосом, полным раскаяния:

— Прости меня, пожалуйста! У меня кончились деньги. Совершенно нет. Совсем не ожидала, но потребовали сдать на новогодний вечер, — начала торопливо объяснять, отвернувшись от декана, чтобы не видеть немого укора в его глазах, — потом еще...

— Хватит, — осадил суетливые оправдания уверенный баритон. Именно таким непререкаемым тоном отец руководил с высоты положения, передвигая фигуры чиновников на политической доске.

Заготовленные плаксивые всхлипы застряли в моем горле в предчувствии неминуемой беды.

— Я читал. Читал стенограмму допроса дознавателей Бобылева и Фалимова. Весьма подробно читал, — сказал родитель, а я застыла каменным изваянием. Отец не похвалил за то, что мне удалось выкрутиться из щекотливой ситуации. Он готовил бомбу другого свойства и принаравливался, чтобы эффективнее бросить ее.

— Думала, у меня не хватит связей, чтобы получить копию допроса в личное пользование? — продолжал он ходить вокруг да около, прицеливаясь.

Ни о чем не думала, — простонала мысленно. А уж о тебе в последнюю очередь.

— И что же я узнаю? — голос на другом конце провода растекся кислотой. Я будто воочию видела, как отец выплевывал слова, кривясь презрительно. — Что моя дочь — шлюха!

Сказал и залепил пощечину. У меня зазвенело в ушах, но отвратительное ощущение тут же исчезло, позволив с хладнокровием выслушивать оскорбления от родителя. Уж лучше бы я, сгорая от стыда, пропустила мимо ушей нравоучительную тираду, чем стояла со спокойным лицом, внимая каждому слову. Отец продолжал хлестать по щекам:

— А теперь ты имеешь наглость звонить, отрывать меня от дел и требовать денег? Знаешь, на что живут шлюхи? Они зарабатывают, торгуя собственным телом.

— Я н-не хотела... — пробормотала потяжелевшим языком.

— Не хотела срамить? Не переживай, ты уже успела ославить меня.

Я бросила отчаянный взгляд на Стопятнадцатого. Он тоже услышал о моем позоре? Нет, вряд ли. Телефонная линия глушила эхо звуков, и о бедственном состоянии дел декан мог догадываться по моему остолбеневшему виду.

Отец начал забивать гвозди в гроб:

— Предыдущее соглашение отменяю в одностороннем порядке, поскольку вскрылись новые обстоятельства, которые ты утаила от меня. Деньги получишь через три месяца, не раньше.

— А как же... — выдавила я и не закончила фразу, потому что, дезориентировавшись, забыла, о чем хотела спросить. На что он предлагает мне жить? Идти подрабатывать? Данный вариант означал конец учебы, а, следовательно, завершение основной договоренности, стимулировавшей авантюру с высшим висорическим образованием: я вручаю отцу аттестат, а он мне — адрес матери.

Последние гвозди заколачивались им с небывалым ожесточением:

— Если назвалась шлюхой, то и зарабатывай тем, что умеешь делать. Только полная дура предлагает себя бесплатно.

Я не сразу сообразила, что в трубке давно раздаются короткие гудки. Машинально положила ее, невидяще уставившись в одну точку.

— Эва Карловна, у вас расстроенный вид, — нахмурился декан.

Хотела бы я по-настоящему опечалиться: заплакать, забиться в истерике, разгромить добрую половину Альриковой лаборатории, прежде чем меня утихомячат. Вместо этого замерла соляным столбом, не в силах сообразить, что предпринять. Мысли растекались жирными пятнами.

— Что сказал ваш батюшка? — продолжал допытываться Стопятнадцатый.

— Сказал, что денег не даст и посоветовал научиться торговать собой, поскольку у меня плохо получается, — констатировала я спокойно.

Стопятнадцатый нахмурился.

— Откуда такая мысль?

— Прочитал стенограмму допроса.

— Вспомнил я этот конфуз, — пробасил декан спустя минуту, огладив бородку, — и не воспринял серьезно ваше хулиганское заявление.

— А он воспринял. — Я подошла к окну и стукнула, принуждая стекло заиндеветь.

— Вот что, Эва Карловна. Ступайте в общежитие и дожидайтесь от меня известий. В ближайшие день-два все разъяснится, а там сообразим, как поступить. Пойдемте, провожу к выходу.

Взвалив на плечо сумку, я оглядела напоследок помещение, успевшее за короткое время отвоевать кусочек в моей памяти и послала мысленную благодарность Альрику, накормившему меня. Ему и невдомек вовсе, что пирогом я наелась на все выходные.

Вспомнив про заряжающийся телефон, я вернулась за ним, в то время как Стопятнадцатый вышел из лаборатории. Неожиданно аппарат в моих руках опять ожил, запиликав. Меньше всего хотелось выслушивать разоряющегося Мелёшина. Если он опять начнет кричать, то, не задумываясь, вышвырну телефон с институтского чердака. Хоть что-нибудь улетит вниз благородным кирпичом.

— Ты где? — послышался на удивление ровный голос Мэла.

— Говорю же, на обследовании.

— Опять врешь? — он было разъярился, но тут же успокоился. — У Морковки ты не появлялась.

— Я к ней не ходила, потому что была у Альрика... Герцевича.

Мелёшин несколько секунд переваривал информацию.

— Сейчас поднимусь. Жду у окна. Выйдешь оттуда через пять минут, — сказал он тоном, не терпящим возражений. Тоже нашелся указатель на мою голову.

— Уже иду, — пробурчала, отключаясь. Настал момент объясниться с дрессировщиком.

Декан, не дожидаясь, ушел, поглощенный заботами о Касторском и дружках, страдающих энурезом. Зато с другой стороны стеклянной стены, отгораживающей лабораторное крыло, стоял хмурый Мелёшин и наблюдал за мной, засунув руки в карманы куртки. Однако ж быстро он взлетел на пятый этаж.

Неожиданно из ближайшей лаборатории размашисто вышел Альрик.

— Уже уходите?

— Да. Меня ждут.

Профессор посмотрел в ту же сторону, что и я.

— Уходите, потому что пора или потому что велели?

Я отвела глаза:

— Это случайное совпадение.

Мы медленно пошли к прозрачной преграде. Перед дверью мужчина остановился. Мелёшин тоже приблизился, и если бы не разделяющая стена, со стороны могло показаться, что мы общаемся небольшим тесным кружком.

— Он имеет над вами власть? — кивнул профессор в сторону Мэла.

— Я сама по себе, — вскинулась с вызовом, а потом тихо добавила: — Я его должница.

Альрик посмотрел на Мэла, как показалось, с непонятым торжеством. На лице Мелёшина гуляли желваки. Он внимательно смотрел на профессора, словно тоже слушал его, хотя я была уверена, что стекло не пропускало наши голоса.

— Он принуждал вас в чем-нибудь? — допытывался Альрик. — В любой момент можно подать жалобу на насильственные действия. Вас защитят.

Я оглянулась на Мэла. Вытащив руки из карманов, он нервно разминал пальцы, глядя на профессора со злостью.

— Нет! — вырвалось у меня. — Мелёшин выручал несколько раз. Он помог мне выйти из столовой во время пожара и потом... неоднократно улаживал конфликты с Касторским.

Теперь Мэл ухмылялся.

— Ну, поиграли, и хватит, — сказал вдруг Альрик, обратившись к нему через герметичную прослойку. — К тому же, *legra vi labum*^[22] еще не проходили на третьем курсе. Неужели вы, Мелёшин, успеваете изучать постороннюю литературу?

Мэл зло развеселился. Профессор стукнул по стеклу, и оно моментально заросло морозными кристаллами.

— Не доверяйте ему, — предупредил Вулфу напоследок, проведя ладонью по замку и выпуская меня из лабораторного царства. — Он из другой жизни. Его мир съест вас и не подавится.

Только тогда до меня дошло, что профессор, зная о подслушивающем заклинании Мэла, специально подначивал меня на откровение, добиваясь... чего?

Мелёшин стоял рядом и уже не ухмылялся, а имел вид угрюмый и непредсказуемый.

— Сумку давай.

— Зачем?

— Давай, говорю. Ты же болезная, немощная. Ишь, как символистик за тебя дрожит, боится, что съем.

За стеной, вновь ставшей прозрачной, никого не было.

Мэл забрал сумку и пошел впереди, а я следом, по дороге ища подвох в его заботе. Мы спустились в пустой холл. Мелёшин швырнул сумку на постамент у святого Списуила и бухнулся рядом. Я присела на краешек каменного торта.

— Ну? — спросил грозно Мэл и, не дождавшись ответа, добавил тише: — Они тебя били?

— Немножко. Иллюзорно.

— Гады! — расвирепел Мелёшин и принялся потирать кулак ладонью. — Жаль, не успел им рыла начистить.

А потом снова спросил ворчливо:

— Что еще?

Вздыхнув, я протянула телефон.

— Зачем? — нахмурился Мэл.

— Больше не пригодится, — пояснила тихо. — Они сняли дефенсор.

— Может, оно и к лучшему, — задумчиво пробормотал он после долгого молчания, смотря куда-то в угол. — Для всех нас.

— Может быть.

Наступила тишина.

— Какого черта тебя носило рядом с этими козлами? — снова вспыхнул Мэл.

— Меня не носило. Я шла из библиотеки.

— А-а, конечно, — сказал он с сарказмом. — Значит, отвечала на вопросы хромонокого?

— Причем здесь Альрик?

— Подлюка символистская! — вскипел Мелёшин. — Если бы не его задание, ты давно посиживала бы в общежитии и дорешивала задачки.

— Это стечение обстоятельств. В нем некого винить.

— Стечение, как же! — продолжал возмущаться Мэл злодейским умыслом профессора. — Это не стечение, это целый водопад обстоятельств.

Я молчаливо согласилась с ним.

— Этих мерзавцев сегодня на занятиях тоже не было, а я ни сном, ни духом. Почему-то не углядел связи между тобой и ними, — пояснил Мелёшин, взъерошив волосы.

— Их увезли в больницу. Они вчера спустились в подвалы и остались там на ночь.

— Теперь знаю, птичка на хвосте принесла, — сказал Мэл. — Пусть подлечатся. Как выйдут — встретимся, поговорим.

Я посмотрела на Мелёшина. В слабом свете, бросаемом тощим плафоном, его профиль казался высеченным из камня.

— Они больше... ну... — замялся Мэл, — ничего тебе не сделали?

— То есть?

— А-а, проехали, — махнул он рукой и принялся щелкать пальцами.

Все-таки нужно отдать ему телефон, по-человечески распрощаться и идти в общежитие. Хряпну коньячку для поднятия духа и затаюсь в ожидании Стопятнадцатого с новостями.

Вдруг Мелёшин повернулся ко мне, и все слова, сказанные им вгорячах, истаяли как

дым. Неужели обязательно искать подвох в его вспыльчивости? — подумала, цепляясь за каменную скамью, потому что перед глазами поплыло. Во взгляде Мэла растекалась нежность, смешанная с болью, а за нервозностью движений скрывались озабоченность и тревога за меня. За меня!

Бывает так, что иногда миг застывает, превращаясь в вечность. Бывает так, что омут карих глаз начинает утягивать на дно, и нет ни сил, ни желания выкарабкаться из него. А бывает и так, что еще секунду назад мы сидели, разделенные сумкой, и губы Мелёшина изливали негодование на все и вся, а уже через мгновение они оказались совсем близко, и осталось слегка наклониться вперед, чтобы вспомнить их вкус.

— Эва! Папена! — раздался крик в пустынном холле, и мы с Мэлом подскочили словно ужаленные. Пересекая зал, ко мне спешил Петя Рябушкин с белым рулоном в руке.

Вскочив с пьедестала, я пошла навстречу.

— Эва... — начал было Петр, но заметив Мелёшина, замолчал и притормозил.

— Петя, привет! — поздоровалась я чересчур жизнерадостно и прокашлялась.

— Слушай, совсем не ожидал, а сегодня Серый принес твой плафон и схему сборки.

На заднем фоне послышался фырк, как мне показалось, слегка издевательский. Да, у кого-то в комнатке скоро будет хорошенький плафончик, пусть и примитивный, и мне наплевать на мнение снобов, развалившихся позади на скульптурном пьедестале.

— Спасибо, Петечка! — сказала я с жаром и, подхватив парня за локоть, увлекла в центр светлого круга под плафоном. — Это самая прекрасная новость за сегодняшний день.

— Ты знаешь, а ведь я собирался занести ватман в общагу, — сказал Петя. — Серый принес его в библиотеку, ну, я и подумал, что раз у тебя занятия кончились, то зайду по пути. Спускаюсь, а ты здесь. Из тебя, наверное, Альрик все соки выпил на занятии.

— А Папена забила сегодня на занятия, правда? — возник из-за спины Мэл, протянул руку Пете и представился: — Мелёшин. Егор.

Петя ответил на рукопожатие:

— Рябушкин. Петр. А почему забила? — спросил у меня. — Что-то случилось?

Я открыла рот, чтобы ответить, но Мэл опередил, многозначительно пояснив:

— Она предпочла общаться с профессором в тесном, можно сказать, интимном контакте. Говорят, из-за Папены он специально отменил занятие, и провел учебное время вдвоем с ней, в своей секретной лаборатории.

Я слушала и не могла поверить ушам. Эту ахиною нес человек, который только что... в глазах которого только что...

— Он отменил занятие из-за обследования! — опровергла звенящим от возмущения голосом.

— Значит, Стопятнадцатый убедил тебя сходить к Альрику? — оживился Петя.

— Так вы, Петр, находитесь в курсе передвижений Папены? — снова влез Мелёшин.

— Ну да, — отозвался тот настороженно. — А почему бы и нет?

— Странно. Папена — моя однокурсница, а не делится подробностями личных отношений с деканом и профессором, — светским тоном Мэл продолжал поганить то хорошее, что я успела о нем надумать.

— Ничего странного, — воткнулась в разговор. — Если буду с каждым однокурсником делиться подробностями, у меня отсохнет язык. Но от друга, — я выделила слово "друга" и посмотрела на Петю, чтобы ни у кого не осталось сомнений в том, кто здесь друг, а кто — мимо проходящий однокурсник, — ничего не скрываю.

Петя покраснел от смущения. В сравнении с Мелёшиным он был пониже ростом, кражистее и шире в плечах, и его круглое лицо с русым чубчиком разительно контрастировало с темными волосами и породистой висоратской физиономией Мэла.

Однако Мелёшин не собирался сворачивать новоприобретенное знакомство. Казалось, он задался целью довести меня до белого каления.

— Кстати, друг Петр, а ваша хорошая и близкая подруга Папена упоминала, что по определенным причинам я курирую ее? — спросил с усмешкой.

— Упоминала, — ответил Петя.

Скажи уж проще, что дрессируешь! — едва не закричала я, с трудом сдержавшись. Из всех сил вцепилась в Петин локоть и сжала, что есть мочи. Петя был крепким и спортивным парнем, но почувствовал мой хиленький прижим. Он аккуратно поставил рулон с ватманом торцом на пол и освободившейся рукой погладил мою судорожно лгнущую ладошку.

Мэл, конечно же, обратил внимание на сей дружеский жест.

— Ну, поскольку вы, Петр — хороший друг Папены, то могу уступить шефство над ней с существенной скидкой.

Я потеряла дар речи. Мелёшин решил продать вымышленные права как какой-нибудь работороговец! От возмущения меня затрясло, а Мэл стоял напротив Пети и улыбался мерзкой улыбочкой.

Петя сказал:

— Слышал о тебе разное, но чтобы опускаться до продажи...

Не успел он закончить, как Мелёшин подскочил и схватил его за грудки:

— Договаривай, и я тебя по стенке размажу, — выдал угрожающе, нос к носу.

— Попробуй, — отозвался Петя и разжал его руки, хотя не без усилий.

Я испугалась. Мэл со своей непредсказуемостью может запросто устроить лицебитие в институтском холле. Возможно, завтра меня здесь уже не будет, а Петя наживет проблем с неуправляемым психом.

— Петя, послушай, — забормотала я парню на ухо, пытаюсь убедить его не связываться, — пусть идет своей дорогой, никого не трогает. Зачем портить себе настроение?

— Он унижил тебя, Эва, и ты проглотишь? — сказал тихо Петя, и его осенило: — Он уже унижал, а ты молчала?

Мэл слушал наш разговор, неприятно скалясь.

— Это не унижение, друг Петр, это воспитание. Привыкай править широким жестом.

Вместо ответа Петя пошел на Мэла как бык.

— За хорошие советы бить не резон, — отступил Мелёшин, ёрничая. — Мотай на ус, пока дают бесплатно.

Я повисла на Петиной руке:

— Петя, пожалуйста! Ну, пожалуйста, Петечка, пойдём! Петя...

— Смотри, Петр, как дама просит, — продолжал паясничать Мэл. — Пойди навстречу, купи права за два билета на чемпионат по легкой атлетике.

Я уставилась на Мелёшина, словно увидела впервые. Вернее, без микроскопа и увеличительного стекла разглядела его внутренний, щедро унавоженный мир. Стало противно и гадко. Мэл старательно делал вид, будто я невидимка или неодушевленный предмет сделки о купле — продажи.

Петя неторопливо открыл сумку, достал портмоне и выудил две длинных пластиковых карточки.

— Достаточно?

Мелёшин взял, помахал:

— Вполне. Принимай шефство. — И подал руку для повторного рукопожатия. Я думала, Петя не поддержит. Мне было тошно стоять на одном квадратном километре с "золотым" мальчиком, а Петя не покривился и невозмутимо пожал.

— Слышишь, Папена, теперь над тобой шефствует хороший друг Петруша, — сказал Мэл, приторно улыбаясь. — У него все права на твоё воспитание.

— Катись, не оборачиваясь, — процедила я, дрожа от негодования.

— Ну-ну, посмотрим, как он будет спасать тебя от Касторского, когда тот из больнички выползет.

Не придется. К тому времени я покину институт.

— Ты же не спас, — бросила в него обвинение.

— А я специально не стал бы, — прищурил Мелёшин глаза. — Знал бы — и не стал.

Прочитал в моем взгляде все, что о нем думаю, и отвернулся. Пошел к выходу.

Подскочив к сумке, я схватила телефон и швырнула со всего размаху в спину удаляющемуся Мэлу. Конечно же, промазала. Аппарат не долетел, и, брякнувшись, проехался по полу, остановившись перед Мелёшиным.

— Косая, — сказал он, не оборачиваясь, и поднял телефон. Хлопнул парадной институтской дверью, и мы остались в холле одни: я, Петя и Монтеморт, пристально следящий за нами из своего угла.

А потом я решила заплакать — скупое, со швырканием и глотанием слез. Приходилось выдавливать каждую слезинку, так что ливня не получилось. Вместо него покрапал редкий дождик вперемежку с небольшим погромыхиванием. Петя подошел, и, взяв меня за руку, отвел к статуе Списуила.

Я уселась на то же место, но теперь рядом сидел не Мелёшин, а Петя и протягивал платок. Ну, что за мужчины повелись — у каждого идеальный носовой платок, будто специально припасенный для заплаканных особ женского пола.

— Ненавижу-у, — прогундосила и высморкалась.

— Эва, ты обиделась, что он всего за два билета уступил мне права?

— При чем здесь билеты? — хлюпнула я и снова высморкалась. — Ненавижу ваши дурацкие правила, и Мэла ненавижу!

— Я не уверен, но на твоём месте порадовался бы обмену, — сказал Петя, пошел в центр зала и, встав под люстру, приложил ладонь к полу. Повозил туда-сюда и вернулся обратно.

— Вот и все. Никаких прав на твою дрессировку ни у кого нет.

От удивления я перестала шмыгать носом, зато начала икать.

— Как так? — Передала ему засопливленный платок. Петя аккуратно сложил его и вытер грязную ладонь.

— Вот так. Право размазалось на полу. Тебя устроит?

— Это точно? Правда-правда? — переспросила я неверяще.

— Железно, — заверил Петя. — Но если хочешь, скажу всем, что мы с тобой встречаемся, чтобы уж наверняка от тебя отлипли всякие желающие.

Я поперхнулась и перестала икать:

— Ты серьезно? Встречаться?

За все мое никчемное существование еще ни один парень не предлагал что-то большее, чем дружба. Жалко огорчать Петю, если мне придется исчезнуть, и будет еще хуже, когда все узнают об обмане.

— Если тебя напрягает, могу не говорить, — сказал парень и покраснел.

— Да нет же, Петь, я подумала, что тебя будет напрягать. Только давай, скажу в понедельник, ладно?

— А что изменится в понедельник?

— В понедельник начнется новая жизнь, — ответила я, поднимаясь с постамента

святого Списуила. — А откуда у тебя билеты на чемпионат?

— Я в нем участвую, — пояснил солидно парень. — Хочешь пойти? У меня осталось несколько билетов. Бесплатный вход на все мероприятия.

— С радостью бы, Петя, но боюсь, меня поглотит сессия. Спасибо за приглашение.

Даже если сессия и потрепала бы меня милостиво по голове, видеть физиономию Мелёшина, мелькающую на всех мероприятиях чемпионата, совершенно не хотелось.

Петя проводил до общежития, но заходить не стал, сказал, что поздно, и он опаздывает. Мы распрощались, и он убежал.

Если буду встречаться с Петей, то, наверное, придется с ним целоваться, — подумала я и вспомнила почти поцелуй с Мелёшиным у пятки святого Списуила, а после — отвратительную сцену, в которой Мэл показал себя во всей красе. Из вылитого ушата помоев меня почему-то больно укололи слова Мелёшина о том, что он не ударил бы пальцем о палец, столкнись я заново с компанией Касторского.

Сегодня крыска снова получила по носу, забыв о том, кто она. Крыска поверила своим глазам, а на деле оказалось, что они врут.

Развернув в комнате ватман, я с восхищением разглядывала нарисованные овалы, конусы и кружочки. Если постараться и сделать так, как показано на эскизе к схеме сборки, но получится миленький каскадный ажурный плафончик.

Отложив в сторону рулон и усевшись на кровать, я задумалась о насущных вопросах. О финансах. Перебрала в памяти всех знакомых и поняла: занять денег не у кого. Вернее, можно попытаться занять и даже без процентов, но фантазировать не имеет смысла. Всё равно не смогу вернуть долг.

Немножко погрызши ногти для улучшения мыслительного процесса, я достала из тумбочки фляжку с коньяком. Коли любимый батюшка вообразил, что поставил меня на колени, то он глубоко заблуждается. Отвечу его же оружием, вернее, использую его же добро себе во благо.

Я продам нескончаемую фляжку коньяка!

Суматошный вечер дополнила Аффа, заглянувшая в гости.

— Слыхала новость? Каких-то парней с вашего курса поймали в подвалах. Говорят, они хотели поджечь архив.

Мне не оставалось ничего другого, как изумленно похлопать ресницами, одновременно подивившись извращенности сарафанного радио.

— Я тебя сегодня утром будила-будила, — сказала девушка, — а ты никакая была. Всю ночь, наверное, учила?

— Угу, — пробурчала я невнятно.

Внезапно соседка оживилась:

— Лизбэт рассказала, что видела тебя в Альриковой лаборатории. Вот я и подумала, сочиняет она или нет. Неужели ты с ним сидела так же близко, как сейчас со мной?

Не только сидела, но и имела честь дышать одним воздухом с вашим несравненным Альриком.

— Пришлось, — сказала я с кислым видом.

— Ну, и как? Лизку всю трясло, когда рассказывала. Неужели вы с ним под ручку по коридору гуляли?

— Чего-о? — вытянулось у меня лицо.

— Еще она рассказала, будто вы закрылись в лаборатории и не выходили оттуда целых четыре часа. Правда?

— Плохо твоя Лизка считает. Не четыре, а пять, — просветила я.

— Боже мой, столько времени с ним наедине! А чем вы так долго занимались? — не отлипала Аффа.

Девушка явно не собиралась уходить без более или менее внятных объяснений, и нужно было срочно и правдиво объяснять гостевание в лаборатории профессора. Определенно, она была заслана ко мне в качестве разведчика своей кукольной соседкой. Я сразу вообразила, как Лизбэт указывает перстом на дверь и вещает громовым голосом: "Иди и без информации можешь не возвращаться". Бедная Аффа.

— Альрик проверял, можно ли стимулировать мою мозговую деятельность.

— Зачем? — округлились глаза у девушки.

Пришлось опять свалить вину на папашу, умудряющегося испортить всё и вся, и соврать, что благодаря его протекции Альрика вынудили изучать активность коры и долей моего серого вещества для облегчения ученических страданий.

— Представляешь, какой он был недовольный, — расписывала я, начиная верить в то, что говорила. — Брюзжал и обзывал тупой.

— Ничего себе! — ужаснулась Аффа. — Если девушке учеба дается нелегко, зачем заявлять прямо в лоб?

— А ты говоришь, обаятельный, — жаловалась я, войдя в образ. — Да он смотрел в мою сторону по необходимости и при каждом удобном случае воротил нос.

— Никогда бы не подумала, — протянула соседка. — Хотя ничего удивительного. Извини, Эва, но ты и Лизбэт — как небо и земля.

Скорее, как камешек-голыш рядом с бриллиантом, — согласилась я, вздохнув.

— А зачем бесцельно кружить толпами вокруг Альрика? Неужели никто ни разу не догадался скомпрометировать его и заодно себя? Например, зажать где-нибудь в углу, а потом шантажировать фотографиями. Глядишь, и окольцевали бы.

— Наивная. Думаешь, не пробовали? — просветила Аффа. — Тут настоящие военные действия разворачивались. Такие танки землю пахали! — и всё бесполезно. Альрик ускользает как угорь и выкручивается из любой ловушки. Говорят, у него тонкий нюх и звериное чутье, потому что в его роду были оборотни.

— Разве такое бывает? — удивилась я. — Оборотни — это сказки, к тому же они не люди. Как можно с ними...

— Значит, можно. У Альрика кредо — со студентками ни-ни. Так что Лизбэт ждет — не дождется, когда получит аттестат.

— И что изменится? Помашет перед носом у своего принца, он набросится на нее, а потом женится как настоящий джентльмен?

— Смейся, смейся, — обиделась Аффа. — Такие самцы как Альрик чувствуют за километр испускаемые женщинами феромоны.

— Ох, чую, перед выпускным вечером начнется брачный сезон, — возвела я глаза к потолку. — Желаю твоей соседке удачи, когда будет ловить Альрика в свои сети.

— Учти, она продумала свою карьеру до мелочей.

Кто бы сомневался, — вспомнила я решительно настроенную Лизбэт.

Пережив день, заполненный событиями сверх меры, следовало ворочаться, по меньшей мере, до утра, вспоминая и переживая его заново, но почему-то сон навалился мгновенно.

Даже совестно.

Выйдя из института, Мелёшин испинал колесо машины, выместив на нем злость, и хорошенько наподдал ни в чем не повинному рулю, ругая себя последними словами за горячность и несдержанность. Он и предположить не мог, что спортсмен-недоросток таскал билетки, хотя следовало ожидать. Ведь копия личного дела Рябушкина появилась у Мэла на следующий же день после упоминания незнакомой фамилии в телефонном разговоре с Папеной и была изучена с особой тщательностью.

Расстроенный испорченным вечером, Мэл не придумал ничего лучше, чем поехать в ночной клуб, где продуктивно топил отвратительное настроение в алкогольных реках и усиленно развлекался.

Проигнорировав предложенные отрезвляющие коктейли, под утро сел за руль и по пути домой, не вписавшись в поворот на пустынной трассе, перевернулся на крышу. Сам Мэл, как ни странно, умудрился не пострадать, отделавшись легкими ушибами, зато при аресте оказал сопротивление. Мелёшин-старший, вызволив сына воскресным днем из охранного отделения, дал дебоширу хорошего подзатыльника и предупредил:

— Еще одна такая выходка, и будешь ходить в институт на своих двоих. Понял?

Да, угроза оказалась страшной, и Мелёшин-младший, приложив к раскалывающейся голове пакет со льдом, подавленно кивнул.

Поздним субботним вечером в кабинете проректрисы собрался совет из трех человек: сама Евстигнева Ромельевна, Стопятнадцатый и профессор Альрик Вулфу.

После того, как озвучились первые неутешительные итоги обследования студентов, на обсуждение была вынесена единственная дилемма: настаивать на том, что студенты попали ударную волну у горна, или выдвинуть версию о том, что их утащил в институтские подвалы Игрек.

Альрик просветил коротко о результатах анализов:

— Отклонений в организме учащейся не обнаружено, гормональный фон в норме, наблюдается низкий порог тактильной чувствительности, вскоре предстоят ежемесячные недомогания. Так называемое "кольцо" — уплотнение из кровеносных сосудов и нервных окончаний — в обычном состоянии не активно и не представляет опасности для окружающих. Могу предположить, что в стрессовом состоянии или в пограничной ситуации возникает односторонняя ментальная связь между обследованной и Игреком.

— Стало быть, чтобы в дальнейшем избежать вчерашнего ЧП, достаточно сдерживать эмоциональный фон учащейся? — спросила проректриса.

— На первое время — да, — пояснил Альрик. — Регулярно контролировать и сдерживать.

— Однако девочка попалась очень интересная. За мою бытность ни разу не встречались подобные экземпляры, — поделилась наблюдением Евстигнева Ромельевна. — Она притягивает неприятности как магнит, вернее, провоцирует их.

Стопятнадцатый, откинувшись на стуле, раскачивался на задних ножках.

— Что мы имеем? — сказал он. — И горн, и Игрек имеют одинаковый гриф "сос", сверхсобо секретно, так что формально у каждого из них нет преимуществ. Здесь немаловажна этическая сторона вопроса. В любом случае, трое учащихся безвозвратно потеряны для нашего института. Если выбрать первый вариант, то студентам вменяют вину и

ответственность за случившееся. Если склониться ко второму варианту, то в дело будет втянута студентка, получившая метку Игрека. Ни у кого нет сомнений, что будет запущена новая исследовательская программа, и девушку подвергнут экспериментам, чтобы установить связь между ней и Игреком. А как мы знаем, не всякое научное исследование гуманно. На фоне грядущих масштабных опытов упомяну о такой мелочи как снятый дефенсор, со всеми вытекающими последствиями. Итак, что выбрать: подтверждение первоначальной гипотезы об ударной волне или новый виток изучения возможностей Игрека и четыре потерянных студенческих единицы, не говоря о цепочке лиц, участвовавших в афере с обучением "слепой" в нашем ВУЗе?

— Генрих Генрихович, напоминание о последствиях снятого дефенсора есть шантаж, — ответил недовольно профессор. — Взывая к гуманности, вы пытаетесь вызвать снисхождение к людям, сознательно совершившим противозаконную махинацию. А ведь в их число вовлечены и вы.

— Согласен, что присутствует личный мотив, — признал Стопятнадцатый. — Но также присутствует и моя вина. Благодаря мне девушка пошла не тем путем, и благодаря счастливой случайности ее не растерзал ваш дружелюбный Игрек.

— Напоминаю, что, проголосовав, мы будем придерживаться выбранной линии перед первым отделом, пока дело не закроют, — сказала Евстигнева Ромельевна, постукивая пером по столу.

В итоге присутствующие сделали выбор, причем статус "воздержался" исключался негласными правилами. Двумя голосами против одного было решено сконцентрировать внимание на горне. Профессору Вулфу рекомендовали регулярно осматривать студентку Папену на предмет эмоциональной неустойчивости или иных видимых отклонений в состоянии здоровья.

Это могла быть 27 глава

На редкость сладкий и крепкий сон прервался громким стуком в дверь. Спросонья мне показалось, что стоявший в коридоре тарабанил двумя руками и между делом подпрыгивал, добавляя ногами. За окном рассвело, поэтому сонные глазки, щурясь, разглядели силуэт комендантши, загородившей проем.

— Хватит, звезда моя, бока наминать. Кто рано встает, того весь день подгоняет удача. Я зевнула во всю ширь. Моя удача убежала, задрал хвост, еще при рождении.

— Тебя вызывают в администрацию, звезда моя, — сообщила важно тетка и добавила для непонятливых: — В институтскую.

— Зачем? — Еще шире зевнула я и потянулась. Тут до меня дошел смысл слов, и повторный вопрос задался бодренько и с затаенным страхом: — Зачем вызывают? Сегодня же воскресенье. Институт не работает.

— Еще как работает, — сказала многозначительно комендантша и, вытащив из кармана замусоленного халата обрывок бумажки, зачитала с выражением: — "Папене Эве Карловне явиться в деканат до одиннадцати ноль-ноль". Сам позвонил и велел срочно передать телефонограмму.

— Кто "сам"? — спросила я машинально, а в голове завертелись колесики. Если институт открыт в выходной день, значит, случилось что-то из ряда вон выходящее. Неужели из-за меня? Приду, а там дожидается краснощекий дознаватель Бобылев и разрабатывает связки механическим "ха. ха. ха. ха".

— Который сам, — сказала тетка со значением в голосе. — Давай ноги в руки и бегом к начальству.

После чего удалилась, перекатывая громадные арбузные половинки, обтянутые жеваным халатом.

На улице наступила оттепель, которую принес заблудившийся южный ветер. Снег чавкал под сапогами, на белесо-голубом небе стремительно неслись перьевые облака, набегая легкими тенями, и отчего создавалась непонятность: то ли сегодня солнечный день, то ли пасмурный.

Зайдя в холл, я поняла, почему институт внепланово работал в воскресенье. Его украшали к предстоящему празднику.

В центре зала, освещенного прожекторами, возвышалась громоздкое механическое сооружение, по которому проворно лазили несколько человек и устанавливали новую люстру. Внизу стояли двое мужчин в рабочих комбинезонах и давали умные советы — как держать, как крепить, как закручивать. Лучше бы взяли да показали, чем тренировать мышцы языка.

Покружив по холлу, я полюбовалась гирляндами разноцветных перемигивающихся фонариков, обвивших зеркала и арочные входы. Святой Списуил красовался с бородой из белой мочалки и в красном цилиндре, державшемся на честном слове. Даже прячущегося в полумраке Монтеморта не забыли. На его толстой как секвойя шее красовался черный галстук-бабочка. Но псина почему-то не испытывала удовольствия по поводу приобщения к атмосфере праздничного веселья и настороженно наблюдала из угла за возней в центре зала.

По пути в деканат я любовалась свисавшими с потолков пушистыми еловыми ветвями, увешанными игрушками и мишурой. На стенах кружила искусно нарисованная метель, а

каждая дверь на административном этаже украсилась новогодней бутафорией. Иллюзии выглядели реалистичными и рождали в душе праздничный настрой и нетерпеливое ожидание светлой новогодней сказки. Лишь деканат факультета нематериалки ущербно выделялся одинокой снежинкой, вырезанной из бумажной салфетки и прилепанной к двери на кусочке пластилина.

Миновав неосвещенную и неукрашенную приемную, я с замиранием сердца постучалась в дверь деканского кабинета.

— Входите, Эва Карловна, — крикнул зычно Стопятнадцатый.

В отличие от принаряженного института, в кабинете декана царил аскетизм и витал яростный дух учебы, словно декан вывесил перед входом незримый указатель "запрещено" для предновогодней эйфории. Вместо праздничных украшений в помещении добавилось несколько столбиков с книжками, и стало еще теснее.

Кроме хозяина в неизменном костюме-тройке, иных личностей в помещении я не увидела и поэтому вздохнула с облегчением.

— Присаживайтесь, — указал декан на единственное протертое до дыр кресло. Сев, я чуть не свалилась, потеряв равновесие. Видимо, предыдущий посетитель доломал седалище, и теперь оно пребывало в состоянии клинической смерти. Но Стопятнадцатый не обращал внимания на земные мелочи в виде ущербных кресел. Его манил стол, заваленный бумагами и стопками раскрытых книг. Между штабелями макулатуры ютилась прозрачная желтоватая стела с полки, обычно соседствовавшая с любимым зеркалом декана.

— Что ж, не будем медлить, — сказал Генрих Генрихович. — Вчера вечером стали известны окончательные результаты обследования Касторского, Болотова и Крестовича. Быстро и оперативно.

Я застыла, чувствуя, как стучит пульс в висках.

— У пострадавших полностью отсутствует память. Вместо нее чистый лист, на котором придется рисовать заново, — вздохнул Стопятнадцатый. — Пока неизвестно, сохранится ли у юношей способность осязать вис-волны.

— Неужели вся беда произошла из-за горна? — выдохнула я потрясенно.

— Да, — констатировал мужчина. — После встречи с вами студенты раздухарились и вообразили, что им не хватает острых ощущений. Они спустились в подвал, где и попали под ударную волну. В результате получили сильнейшую контузию.

— Но как вы узнали?

— Восстановили картину события, — пояснил декан.

Значит, приглашали умельцев, которые, как Аффа, видят прошлое. Об этом я и поинтересовалась у Стопятнадцатого.

— Привлечение специалистов по элементарной висорике не имеет смысла. Суть в том, что при строительстве института подвалы окружили защитным щитом наподобие дефенсора. Поэтому прочесть тайны наших подземелий не представляется возможным, — пошутил мужчина с иронией. — Театр абсурда: море секретов, и один противоречит другому. Не мы их установили, однако нам им следовать. Поэтому выводы сделаны путем логических умозаключений.

— А когда контузия пройдет, Касторский вспомнит?

— Вы не поняли, Эва Карловна. Пропавшие студенты будут заново учиться ходить на горшок и держать ложку в руке, заново читать по слогам. При удачном исходе память перепишется полностью.

Я устала на декана поражено:

— То есть? Неужели они стали растениями?

— Не совсем. Мозг пострадавших активен, а значит, есть надежда на восстановление мыслительных процессов. Но гарантирую стопроцентно, что юноши о вас не вспомнят.

Невероятно! Запретное приключение обернулось катастрофическими последствиями.

— А родители парней? Отец Касторского?

— Потрясены, конечно. Для них это большой удар. Однако правила есть правила, студенты их нарушили, и даже Касторский-старший не в силах повлиять на выводы комиссии по расследованию.

Я покусала губу:

— Не знаю, радоваться или нет. Если бы отец не перевел меня в институт, я не встретила бы с Касторским, не вызвала его неприязнь, не столкнулась с ним позавчера вечером. Глядишь, он поехал бы спокойно домой, вместо того, чтобы... — замаялась, подбирая слова, — снимать с меня дефенсор. И ему не взбрело бы в голову спуститься в подвалы.

— В вашем умозаключении много условий, Эва Карловна, а, как известно, каждое "если" понижает вероятность события в несколько раз. Поэтому не стоит винить себя в случившемся. Также советую не афишировать имевший место конфликт. При желании можете оставить угрызения совести для мемуаров, а сейчас нас ждут насущные дела. Ваше трудоустройство.

Я устала на Стопятнадцатого словно на чудо наяву. Наверное, у меня глаза стали такими же большими и круглыми как окно в деканском кабинете.

— Почему? — ляпнула, а потом исправилась: — В смысле, куда? То есть зачем?

— В штатном расписании института есть вакантная должность младшего помощника архивариуса. Она вакантна продолжительное время из-за...эээ... незначительного размера заработной платы. Поскольку вы студентка, предлагаю четверть ставки, чтобы совмещать работу и учебу. Два часа ежедневно, пять дней в неделю будете направлять руки и голову на усреднение, каталогизацию и разбор архивных завалов. Подробнее об обязанностях сотрудника архивного отдела прочтёте в памятке.

Я внимала Стопятнадцатому с ошалевшими мыслями. Вот она, подработка, сама идет в руки, вернее, ее подсовывает ненаглядный декан, с которого давно пора сдувать пылинки, холить и лелеять. Но потяну ли нагрузку?

Видя мое замешательство, мужчина начал выдвигать аргументы, вдавливая в расшатанное кресло их весомостью:

— Во-первых, Эва Карловна, вам не придется ехать в другой конец города. Выйдете из библиотеки и побежите отрабатывать свои два часа. Во-вторых, для работы в архиве не требуются особый ум и таланты. В-третьих, деньги не будут лишними. В-четвертых, статус сотрудника института дает кое-какие льготы. Ну, как?

— Не могу сориентироваться, — выдавила я, опешив. — Как успевать и учиться, и работать?

— А куда деваться, милочка? — улыбнулся декан. — Придется выкручиваться. Сессию сдавать надо, но и безденежье поджимает.

— Поджимает.

— Десять висоров еженедельно, — сказал Стопятнадцатый и сощурился, проверяя, куплюсь ли на эту сумму или побрезгую. — Аванс в день трудоустройства.

Услышав о причитающемся вознаграждении, я подскочила от радости и едва не кинулась к декану на шею, но сдержалась и усидела чинно и благородно, как подобает будущему сотруднику института. Меняхватило ненадолго и через пару секунд прорвало:

— Да! Да! Да! Согласна!

— Отлично! — улыбнулся Генрих Генрихович. — Знал, что не подведете. Почитайте пока памятку.

Порывшись в ящике стола, Стопятнадцатый протянул небольшой буклетик. Схватив его, я принялась с жадностью изучать. Десять висоров на дороге не валяются. Потребуется — затянем пояс потуже. Нам не привыкать, выкарабкаемся.

В памятке сообщалось, что меня, как неполноценного сотрудника, не обеспечат щитом неприкосновенности. Зато поставят укол типуна под язык в виде облегченной версии обета молчания. Еще младшему помощнику архивариуса полагались льготы: богатства библиотеки по своему усмотрению, правда, в пределах института, и питание в отдельной столовой. Вторая привилегия мне не светила, зато первая понравилась. Хоть какое-то облегчение. Буду читать на большом перерыве и во время перемен.

— Генрих Генрихович, а почему учебники по висорике нельзя продавать в обычных магазинах? Куда проще — пошел, купил и сиди, учи дома.

— Видите ли, милочка, в любом запрете есть смысл, по крайней мере, его вкладывают устроители запрета. Если висорической литературой будут торговать в каждой лавке, то любой невидящий сможет купить, изучить и воспользоваться знаниями. И неизвестно, во благо или во вред обществу.

— Зачем им нужно? Слепые не видят волн!

— Вы тоже не видите, Эва Карловна, но многое знаете и кое-что умеете, не так ли? — сказал мягко декан, и я потупилась. — Для того чтобы поднять недовольство или бунт, необязательно уметь использовать вис-волны. Можно обратить полученные знания против существующего режима. Когда в кодекс о преступлениях ввели пункт об уголовной ответственности за незаконную продажу и хранение книг по висорике, один мой друг сказал: "Правильное решение. Нельзя, чтобы враги узнали наши тайны". Поэтому литература по этой науке сконцентрирована в определенных местах, защищена от копирования, подлежит строгому учету, и доступ к ней ограничен. А мой друг перестал быть таковым.

Я помолчала. Неприятно знать, что тебя опасаются и заведомо считают предателем, огораживаясь запретами.

— А как быть с семейными библиотеками? Помню, у тетки в гостиной стоял шкаф с книгами.

— Не в любой семье найдется литература по висорике. Каждая книга имеет фамильный оттиск и зарегистрирована в реестре, который ведет Первый департамент. Владелец несет личную ответственность за сохранность, а регистраторы первого отдела делают плановые выезды, проверяя наличие и должное состояние книг.

Я вздохнула. Все же абсурдно думать, что не видящие могут представлять угрозу.

Стопятнадцатый прервал невеселые размышления:

— Жду вас, милочка, в понедельник с утра. Отсюда и начнете оформление. Прежде чем побежите решать задачи, сообщу две новости, а вы обдумайте и в будущем распланируйте распорядок дня, чтобы хватило времени. Во-первых, помня вашу просьбу, я поговорил с Ромашевичевским. Он согласен принять вас на практические занятия по снадобьям, но на общих основаниях. Придется вклиниться в основной поток накануне сессии и сдавать

экзамены наравне со всеми. Устроит такой расклад дел?

Поколебавшись, я кивнула. Теория и практика снадобий усваивалась мной лучше, чем остальные предметы, вместе взятые.

— Прекрасно. Искренне надеюсь, что у вас сложатся отношения с Максимилианом Эммануиловичем, — пожелал декан. — Он человек сложного характера, но яркого ума.

Ну, да, складывать и раскладывать отношения у меня получается божественно.

— Также вам придется наведываться в лабораторию к профессору Вулфу.

— Зачем? — воскликнула я, не дав Стопятнадцатому договорить.

— Поверьте, милочка, визиты к Альрику ничем не угрожают, — начал успокаивать мужчина. — Обговорите с профессором периодичность осмотров. Не думаю, что они займут много времени и будут чаще двух-трех раз в неделю.

— Это из-за моих анализов? — спросила я с запинкой, страшась услышать правду.

— Да, с анализами не всё ладно, — подтвердил декан, — но не смертельно. Жить будете. Милочка, не делайте испуганное лицо, а то мне тоже становится страшно.

Пришлось согласиться с тяжелым сердцем.

Распрощавшись с Генрихом Генриховичем, я спустилась в холл. Утро опять перевернуло мою судьбу, сделав похожей на святого Списуила. Ему хорошо: замер в одной позе навечно, а меня крутит как белку в колесе — до того надоело, что уже тошнит. Я ощущала себя крошечным корабликом, взбирающимся по валам бурного жизненного моря. Меня то швыряло вниз, то поднимало на макушку гребня, а с него проглядывалась впереди новая глубокая яма.

Пустой холл ярко освещался, и после затяжного полумрака, к которому успели привыкнуть глаза, большое открытое пространство выглядело незнакомым.

Новая люстра выглядела роскошно. На круглом ободе крепились длинные оптические нити. Они закручивались спиралью, опускавшейся к центру люстры, и каждая нить была усыпана множеством маленьких светодиодов, льющих холодный голубоватый свет.

В отличном освещении мне удалось подробно разглядеть Монтеморта, а ему — меня. Институтский страж поразил воображение своими габаритами и натолкнул на подозрение о том, что обычное и нормальное животное не может иметь столь ужасающие размеры. Его короткая шерсть с бронзовым отливом лоснилась, собираясь глубокими складками во всех возможных местах. Одно ухо безжизненно висело, а второе стояло торчком, развернувшись в мою сторону, словно радар.

Мы посмотрели друг другу в глаза с взаимным подозрением, и я побежала в общежитие, чтобы пустить мысли в учебное русло. Ну, и не забыть о фляжке.

Одно дело сказать, а другое — воплотить в жизнь. С чего начать? Для начала спрошу у Аффы, но найду издали, а не напрямик.

Соседка подкрашивала ресницы у раковины, и не успела я открыть рот, как девушка начала оживленно рассказывать:

— Представляешь, позвонила троюродная сестра брата отца... тьфу ты. Словом, седьмая вода на киселе. Последний раз эта мымра видела меня в коляске с соской, а тут непонятным чудом откопала номер и пригласила в гости. Неудобно отказываться, придется съездить. А ты как думаешь?

— Езжай, конечно. Аф, посоветуй. К кому обратиться, если надумаю продать

улучшенную вещь?

Соседка закрутила колпачок с тушью.

— Документы имеются?

— Неа. А какие документы?

— Примерно такие же, как у собаки с родословной. Они гарантируют качество заявленных улучшений.

— И где взять гарантии? — растерялась я.

— Обычно подтверждающие документы идут в комплекте. Например, мы всей родней покупали коллекционные шахматы на семидесятилетие деда, и к подарку прилагалась куча гарантийных писем. Если твоя вещь приобретена законно, можешь сдать ее в ломбард. А без подтверждения придется продавать нелегально и за бесценок, — заявила девушка со знанием дела. — В любом случае, не связывайся со слепыми. Если их заметут, то узнают про тебя. С висоратов тоже считают память, если поймают, но безопаснее иметь дело с ними. И надежнее.

— Афка, откуда ты столько знаешь?

— Оттуда, — ответила она резковато.

Неожиданно заурчал мой желудок. Все утро он прислушивался к хозяйке, недоумевая, почему его не кормят, и наконец решил напомнить о себе.

— Аффа, займи два висора до завтра, — попросила я жалостливо.

— Могу занять пять, — предложила она великодушно. — Мне родители подкинули денег в честь нового года.

— Спасибо, но мне хватит и двух.

Не стоит рисковать большой суммой, пока аванс не звякает в моем кармане.

Сбегав в квартал, я купила в кондитерской большой пакет сухарей и плитку плавленого сахара. Живем, хрустим! Окна в лавке украсились настоящими еловыми веточками и бумажным серпантинном. В уютном помещении витали аппетитные запахи, щекотавшие обоняние, и у меня началось повышенное слюноотделение. Продавец сообщил, что мой визит удачно совпал с неделей предпраздничных скидок, и вдобавок к скромной покупке вручил сливочную тянучку. Я планировала приберечь конфетку на утро, но не утерпела и съела по дороге. Вкуснятина!

На обратном пути хотела заглянуть в мастерскую к Олегу и Марте, но передумала. Они заметят голодный блеск в глазах и насильно накормят. А мне неудобно. Лучше зайду перед Новым годом и поздравлю.

Оставшуюся часть дня я посвятила вгрызанию в гранит науки, затачивая зубы и осваивая хищную улыбку студента-висората. Параллельно учебе грызла сухари и запивала чаем с кусочками сахарной плитки.

А вечером появился Капа. Поставив греться очередной чайник, я столкнулась с парнем при выходе из пищеблока. Он был в брюках и свитере, не успев переодеться с дороги.

— Привет, — поздоровался, будто никуда не исчезал. Оказывается, я забыла, какой он высокий. Как каланча.

— Привет, Капа. Ты надолго?

— Вроде бы, — ответил он сдержанно. Парень выглядел бледным, похudevшим и отрешенным.

— Как Сима?

— Восстанавливается.

— Как отец?

— А ты знаешь? — удивился он.

— Мне Стопятнадцатый рассказал. Рада, что все обошлось. Очень-очень рада.

— Спасибо, Эвка, — сосед неожиданно улыбнулся, став самым собой. — Я понимаю, что бестолочь и балбес, и что не вернулся бы в институт без отцовского авторитета. Придется поднажать и нагонять пропущенное. Поможешь?

— Чем смогу, — согласилась я осторожно. Скорее, мне нужно помогать, а не Капе.

Решив устроить передых от заумной учебы, я растянула на столе ватман и разрисовала красками. В итоге на листе изобразилась салативо-желтая пятнистость. Затем, вырезав в нужных местах дырочки, свернула три конуса и скрепила. Хрупкая конструкция получилась необычной.

Призванный на помощь Капа закрепил плафон около лампочки. Парень вел себя серьезно и не хохмил как обычно. Наверное, от переживаний разучился подшучивать.

Отойдя к окну, мы любовались игрой света, обтекавшего фигурную бумажную преграду. Плафончик оказался настоящим произведением искусства. Благодаря прорезям в нем, на побелке запрыгали крошечные фигурки животных, птицы раскинули крылья в полете, а экзотические рыбы бороздили настенные просторы.

— Класс! — выдохнул сосед, и его неподдельное восхищение стало лучшей похвалой таланту Серого, создавшего шедевр из убогого ватманного листа.

Отдых плавно перетек в труд. Сухари постепенно исчезали, рефераты писались, курсовые работы оформлялись. Слева за стенкой чем-то жужжал Капа, справа у соседок негромко играла музыка. Я представила, как Лизбэт, накинув вместо фаты полотенце на голову, кружится по комнате, репетируя вальс молодоженов. Нетрудно догадаться, кому предстояло стать счастливым супругом.

Это могла быть 28.1 глава

Бегом, навстречу новой жизни, вернее, новому ее изгибу! И быстрее — от нетерпения мне не сиделось на месте, словно кто-то периодически покалывал шилом.

Перед выходом я нагрызлась сухарей и напилась чаю. Теперь это мое меню на ближайшие... словом, повседневный рацион на время сессии. Вдобавок положим сухарики в сумку, чтобы жевать в институте.

Выскочив на общежитское крыльцо, я чуть не расстелилась на ступеньках. Расквашенный снег подмерз за ночь и покрылся льдистой коркой. Утоптанная дорожка превратилась в укатанную траншею, поэтому пришлось семенить мелкими шажками, старательно вписываясь в повороты.

Помахав Монтеморту, я побежала в деканат. Стопятнадцатый словно и не уходил домой, встретив меня примерно в той же позе, что и вчера перед расставанием. Разве что снова поздоровался.

— Доброе утро, Эва Карловна! Не терпится?

— Здравствуйте. Не терпится.

— Держите чистый бланк заявления. Заполняйте и постарайтесь не испортить. На нем проставлена виза работодателя.

Внизу отпечатанного листа стояла резолюция: "Принять", аккуратная роспись с расшифровкой: "И.о. ректора Е.Р. Цар" и важная круглая печать с голографией.

Подкатив дряхлое посетительское кресло к деканскому столу, я примостилась с краешка и, высунув от усердия язык, заполнила бланк. Стопятнадцатый проверил правильность, написал: "Согласовано" и подтвердил размашистой росписью в качестве и.о. проректора по науке. Однако интересно распределилась вертикаль институтской власти в отсутствие ректора.

— Чтобы оформиться, придется пропустить первую лекцию, — предупредил Генрих Генрихович. — Сперва зайдете в отдел кадров, где получите учетную карточку. В ней поставите необходимые визы, утвердите у Монтеморты и снова сдадите в отдел кадров. Вопросы есть?

— Пока нет, — ответила я бодро.

— Если возникнут, обращайтесь за помощью. Что ж, Эва Карловна, в добрый путь! У вас все получится.

Поблагодарив Стопятнадцатого, я побежала наматывать круги местного чиновничьего ада. Старт произошел с отдела кадров, в котором мне посчастливилось однажды побывать и стать свидетелем героической гибели диковинного пукодела. Теперь роковой угол занимала пестролистная лиана, густо обвивавшая длинный шест.

Меня встретила единственная кадровичка, решившая, что все-таки следует приходить с утра на работу — пышненькая Катин.

— Значит, решили влиться в наш дружный коллектив? — любопытствовала она.

— Да, — ответила я кратко.

— Очень интересно, — заключила Катин, тряхнув обесцвеченными кудряшками, и начала оформление.

Покуда девушка сновала от стола к стойке, занимаясь моим вливанием, растение в углу поворачивало иссеченные ромбовидные листья в сторону Катин, следя за ней. Мне

почудилось голодное сглатывание в рабочей обстановке кабинета.

— Что за красивое деревце? — кивнула я на лиану, возмущенно затрепетавшую листьями.

— Это заглатеция, — пояснила Катин и для верности отодвинулась от растения, накренившегося к ней. — Из южных стран. Нинелле Леопардовне подарил супруг на годовщину совместной жизни.

— Миленько, — похвалила я. — И прелестно выглядит.

Заглатеция встрепенулась и развернула листья в мою сторону.

— А что ей сделается? — Махнула рукой девушка. — Лопает всё движущееся в радиусе двух метров. Держите карточку. После заполнения и утверждения у Монтеморта вернете нам.

Ну, конечно, самый главный в этом институте вовсе не ректор, а славный добрый Монтеморт. Но до него как до луны пешком.

Первой строчкой в карточке стоял медпункт Морковки, а именно укол типуна под язык и нанесение фискальной полоски на подошву ноги. Погодите, о полоске речь не шла!

Дождавшись звонка на первую лекцию, я резво побежала на медпроцедуру, потому что если буду шаркать как старушка, то и за неделю не успею оформиться.

Как ни надеялась, а Кларисса Марковна меня не забыла. Ее недовольное лицо не растаяло даже при виде учетной карточки.

— Архивное дело. Укол типуна первой степени. Базовый объем — тысяча слов, — просветила она сухо и удалилась в процедурный кабинет, чтобы навести содержимое.

Я задрожала.

— А-анестезия будет?

— Нет, — отрезала фельдшерица из-за приоткрытой двери. — Иначе типун не подействует.

Мамочки!

— А-а это больно? — допытывалась я с нарастающим испугом.

— Кому как, — ответила немногословно Морковка, звякая и брэнча.

Ай-яй-яй! — заблеял внутри тоненький голосок. Но сбежать не получилось.

— Проходите, — фельдшерица распахнула дверь. Осталось вползти на подгибающихся коленках и сесть на подготовленный стул. — Откройте рот. Имеете представление об уколе?

— Э-э, — покачала я головой. Очень неудобно говорить "нет" с открытым ртом.

Кларисса Марковна пшыкнула из баллончика на язык чем-то холодным и безвкусным.

— Тысяча слов в жидкорастворимой форме являются маячками. Стоит случайно упомянуть любое из них, как язык онемевает, и его притягивает к небу.

Я захлопнула рот. О последствиях никто не предупреждал.

— Как узнать, какие слова можно произносить, а какие — нет? И пусть не смогу сказать, зато получится написать.

— Вам не разрешали закрывать рот, — отчитала Морковка, и я исправилась. — Типун предохраняет от излишней болтливости, не более того.

Она выудила из-за спины шприц с розовым раствором. Спасите меня кто-нибудь! Колющее орудие вмещало, наверное, пол-литра жидкости, в которой плавала запретная тысяча слов. Караул!

— Сомкнуть глаза! — скомандовала фельдшерица.

Вцепившись обкусанными ногтями в стул, я сдалась на милость Клариссы Марковны, попискивая от страха. Что и говорить, укол оказался будь здоров. Язык онемел и опух. Но всё плохое имеет свойство заканчиваться, после чего начинается самое плохое.

Морковка занесла информацию в обе карточки: медицинскую и кадровую, пока я трогала пальцами увеличившийся в размерах язык. По ходу дела она разъясняла:

— Нечувствительность и припухание тканей — первичная реакция, которая исчезнет через десять минут. Во второй половине дня наступит вторичная реакция. Основные симптомы: слуховые галлюцинации и расстройство речи.

Здрате, приехали. Если бы Стопятнадцатый предупредил, что меня ожидает, я не согласилась бы на зверскую экзекуцию ни за какие коврижки.

— Симптомы кратковременны и быстро проходят. К вечеру придете в норму, — утешила Кларисса Марковна. — Держите перечень.

На листочке мелким шрифтом с двух сторон перечислялись слова, исключенные с сегодняшнего дня из моей речи.

— Выносить список за пределы института запрещено, — отчеканила Морковка очередное правило. — Теперь фискальная полоска.

Я внимала с помутневшим взором:

— 3-зачем?

— В карточке записано: согласно трудовому режиму. Трудовой режим четверти ставки — два часа ежедневно. Переступили порог архива — рабочее время пошло. Понятно?

Я обреченно покивала. Толку-то отказываться? Все равно процесс запущен, и язык, вываливающийся изо рта, — тому подтверждение.

Морковка принесла небольшой приборчик, похожий на считыватель. Пришлось разоблачаться и извлекать голую пятку на свет.

— А можно в другое место? — спросила я робко. Вернее, получилось так: "А мофно ф дфугое мефто?"

— Не положено.

Приборчик проехался по пятке.

— Одевайтесь, — велела фельдшерица.

В ожидании боли я приоткрыла один глаз:

— Уже все?

— Всё, — ответила сварливо Кларисса Марковна, снова сделала отметки в карточках, заставила меня расписаться в полученном удовольствии, после чего распрощалась, не удосужившись помахать на прощание.

С онемевшим языком и с просканированной ногой я поплелась в библиотеку. Несмотря на утро, несколько столов были заняты студентами, охочими до учебы.

Бабетта Самуиловна с видимым расстройством расписалась в строчке, ей причитающейся. Своей росписью она подтвердила согласие на свободную выдачу книг из библиотечных фондов в мои загребущие ручки. Конечно же, библиотекарьша давно классифицировала меня как тайного вандала, читающего учебники жирными пальцами, загибающего уголки у страниц или, того хуже, склеивающего листочки жевательной резинкой. Но ведь я не такая! Однако Бабетта Самуиловна, как все возвышенные и утонченные натуры, делила окружающее на черное и белое, и не подозревала о существовании сереньких личностей вроде меня. Хотя в общежитии до сих пор томились в заложниках три институтских учебника, которые следовало вернуть обратно.

После библиотеки пунктом назначения стала бухгалтерия на осточертевшем полуторном этаже. Искомый кабинет скрывался за дверью с мозаичными стеклянными вставками. Стены и потолок помещения являли собой какофонию форм и цвета. Желтые круги наслаивались на фиолетовые овалы, цепочка оранжевых ромбиков пронзала розовый эллипс, пятна зеленых квадратов теснились рядом с голубыми треугольниками. Аляповатая штора с зигзагами дикой расцветки дополняла визуальный стресс.

Из-за массивной атаки на глаза неподготовленное зрение разъехалось, и я не сразу заметила, что, кроме меня, в кабинете находились живые люди. Женщина с изможденным лицом уткнулась в бумажную скатерть со столбиками цифр, щелкая на счетах с бешеной скоростью. За ближайшим столом обитал молодой мужчина.

— Пошу, — указал он на стул. — Писаживайтесь.

Мужчина был в подтяжках и с длинными патлами, торчавшими во все стороны. Не мешало бы ему причесаться, прежде чем садиться за работу. Хотя в красочном месте, наполненном экспрессией, у кого угодно волосы встанут дыбом.

— От'ично, — поведал мужчина, изучив содержимое карточки. Не стану спорить, ему виднее. Наверняка передо мной очень умный бухгалтер.

Между тем он прошествовал к шкафу, выставив приличный пивной животик. Молодой, а совершенно не следит за собой, — разглядывала я мужчину, невольно сравнивая с Альриком, с Петей, и с тем же Мэлом, будь он неладен.

Бухгалтер вернулся с небольшой книжечкой.

— Ваш счет, — помахал ею и углубился в чтение, взяв носом. — Начис'ения составят десять висо'ов каждую неде'ю. Вникаете?

Я неуверенно кивнула, с трудом воспринимая дефект речи. Похоже, в дополнение к ужасам зрения начались ужасы слуха. Может быть, это обещанные Морковкой галлюцинации? Хотя рановато. Острые ощущения гарантированы во второй половине дня.

Нервная женщина у окна застучала на счетах громче.

— Оп'ата по сде'анной 'аботе, — вещал мужчина. — К'оме того, на вас чис'ится до'г в сумме пятьдесят шесть висо'ов за невозв'ащенные та'оны. Как будем возмещать: с'азу и'и постепенно?

— Постепенно, — закивала я, почувствовав с облегчением, что к языку вернулась прежняя подвижность.

— Не менее двух висо'ов каждую неде'ю на вычет.

Если с моей зарплаты будут удерживать по два висора еженедельно, то придется возвращать долг до лета. Однако большей суммы на погашение стоимости талонов мне не потянуть.

— Давайте по два.

— Сейчас офо'мим о'де', - сообщил важно мужчина и принялся заполнять бумажки.

Я задумалась. Фактически каждую неделю буду получать на руки восемь висоров. Сносно, но надолго моего здоровья не хватит. На сухарях вскорости загнусь, тем более во время напряженной сессии. Поэтому следует поторапливаться с реализацией отцовой фляжки, пока не закис коньяк.

— Вычет автоматический. Деньги будете по'учать в кассе, — сказал бухгалтер, вручая квитанцию.

Нервная женщина с силой ударила по счетам и пробормотала со злостью. Перелистав кипу бумажных скатертей, она начала подсчет заново с первого листа.

— Игнесса Августовна, — обратился к ней мужчина поучительным тоном, — ваши счета — п'ош'ый век, сп'ошная отста'ость. Вы безда'но т'атите в'емя, а оно не 'езиновое. Ба'анс до сих по' не сведен. Я начинаю подумывать, что вы не сп'авяетесь с обязанностями. Может быть, по'а на покой?

Женщина уставилась на него невидящим взором и, закатив глаза, сползла на пол. Виновник ее бессознательного состояния бросился на помощь.

— Игнесса Августовна, — забормотал растерянно, придерживая тетеньку, а она повисла как тряпка, — не смейте падать в обмо'ок! Не сообщ'аю, что де'ать в таких с'учаях. Что де'ать? — обратился ко мне.

Я схватила бумажный талмуд с циферками и начала обмахивать бесчувственную бухгалтершу:

— Вызывать Морковку!

— А как ее вызывать?

Что за бестолковый товарищ!

— По телефону, наверное.

— Номе'а не знаю.

Я принялась махать еще яростнее, отчего патлы на голове мужчины развивались большими парусами, открывая залысины.

— Есть телефонный справочник?

— К-кажется, на сто'е, — ответил мужчина беспомощно. — Не понимаю, как у меня со'ва'ось. Все по'ыва'ся высказать, да жа'ко бы'о.

При этих словах бухгалтерша, пришедшая в себя, сдавленно вскрикнула и опять провалилась в беспамятство. Я сунула мужчине импровизированный веер и кинулась к столу. Рылась и искала на фоне извиняющихся бормотаний мужчины, мол, он не хотел, а словно кто-то тянул его за язык, и само собой получилось облить грязью.

Все мужики таковы, — думала со злостью, набирая номер Морковки в отысканном справочнике. Сначала наговорят гадостей, а потом ищут оправдания словесному поносу.

— Кларисса Марковна? — спросила на всякий случай. Вдруг не туда попала?

— Это я, — ответили настороженно на другом конце.

— В бухгалтерии упала в обморок...

— Игнесса Августовна, — напомнил мужчина, вяло обмахивая себя. Он забыл про пострадавшую, предаваясь самоуничижению за несдержанность.

— Игнесса Августовна в глубоком обмороке. Возможно, у нее инфаркт. Или инсульт. Или всё вместе, — добавила я мстительно, глядя, как мужчина истерически обмахивается талмудным веером, бормоча слова раскаяния и извинения. Зачем изображать мученика? Все равно не поверю, что перепугался за коллегу, а не за себя.

— Кто говорит? — допытывалась Морковка. Здесь человек умирает, а ее волнуют разговоры по душам.

— Да Папена говорит! — закричала я. — Которая ушла от вас полчаса назад!

Фельдшерица отреагировала на вызов и оперативно прибыла с чемоданчиком к месту происшествия. Наверное, она до последнего момента надеялась, что ее разыгрывают, но просчиталась. Я передала ей вахту в виде двух жертв бухгалтерского учета.

— Можно идти? — спросила у Морковки. — Или требуется какая-нибудь помощь?

— Вы сделали всё, что было в силах, — зыркнула на меня Кларисса Марковна, сунув под нос пострадавшей ватку с нашатырным спиртом. Женщина застонала и пошевелилась.

Морковка соорудила такую же ватку для жестокосердного бухгалтера.

Я покинула царство цифр с чистой совестью и с ордером на восемь висоров, не прочь совершить по дороге еще пару-тройку подвигов.

Следующий этап — столовая для персонала. А туда-то зачем?

Прокравшись по безмолвному коридору мимо студенческого общепита, я заглянула в соседнюю дверь. Оказывается, институтские работники питались среди обшитой панелями роскоши, мягких ковров и небольших диванчиков; за столиками, на которых стояли вазы с настоящими живыми цветами. Вот она, разница в социальном положении.

Стало завидно чужому комфорту, но завидки кончились, когда я увидела на раздаче профессора Вулфу и еще двух мужчин с полными подносами. Они перебрасывались шутками и посмеивались. Да, Альрик — большой любитель поесть, — вспомнилось не к месту. Поди ж прокорми мышечную массу салатом из зеленых листиков.

Неожиданно буркнул желудок, не успевший отвыкнуть от столовских излишеств. Я замерла. Что делать: дожидаться, когда мужчины рассчитаются, или лезть напролом?

Вдруг профессор обернулся и заметил меня.

— Эва Карловна? Что здесь делаете?

Его приятели повернули головы в мою сторону.

— Тут... вот... — пробормотала я и сунула кассирше карточку под нос. — Куда мне?

— Вторая дверь, — махнула она рукой. — Не отвлекай.

Развернувшись, я кинулась прочь от яркой синевы насмешливых глаз Альрика. Метнулась в первую попавшуюся дверь — заперто, ткнулась в следующую и попала по назначению. Заведующая столовой поставила отметку в своей строчке и осведомилась:

— Как часто намерены питаться? Завтраки, обеды, ужины? Может быть, промежуточные перекусы? У нас пользуется спросом доставка заказов к рабочему месту. Хотелось бы получить от вас примерный список пристрастий в еде.

Надеюсь, я имела равнодушный и невозмутимый вид, и после каждой фразы моя челюсть не опускалась все ниже и ниже.

— Пока не могу сказать конкретно, — пролепетала неуверенно. — Можно попозже?

— В любое время, — кивнула заведующая.

Мысли метались, словно загнанные скакуны. стыдобище! завтраки, обеды и полдники по индивидуальному меню — напрямую в архив и всего за восемь висоров в неделю! Без сомнений, удобства в питании стоили в сто раз больше, чем моя будущая зарплата. Зачем нужна отметка в карточке, если и так понятно, что элитная столовая не по карману младшему помощнику архивариуса?

Попрощавшись, я выползла из кабинета с пылающими щеками и прислонилась спиной к двери. А напротив, дожидаясь меня, стоял Альрик, опираясь о спинку диванчика, на котором расположился с приятелями.

— Эва Карловна, — поманил пальцем. Я сделала два шага навстречу. Ближе незачем — еще пара минут, и взывший желудок будет услышан и Альриком, и кассиршей, и заведующей за дверью.

— Доброе утро.

— Вы не пояснили, — сказал профессор приветливо. У него было отличное настроение, заметное по легкой улыбке и по тому, что он дважды назвал меня по имени-отчеству.

Вместо ответа я протянула карточку, так как если бы открыла рот, то слюна закапала бы

на ковер. Альрик изучил бумажку и вернул обратно. Его приятели посматривали на меня и тихо переговаривались. А ведь я ни разу не сталкивалась с ними на институтских просторах. Это навело на мысль, что учебное заведение не так мало, как казалось с первого взгляда.

— Не ожидал, — сказал профессор и показал на раздолье за столом. — Присоединитесь к нам, почти коллега?

Это могла быть 28.2 глава

— Некогда, — выпалила я и бросилась прочь из изысканного общепита. Желудок взревел голодным мамонтом. По пути в холл пришлось задобрить его сухариком, и он замолчал, недовольный.

В слепящем свете центральной люстры, изгнавшем из углов тени, было неудобно. Нигде не спрятаться, не скрыться. Остался самый важный этап — одобрение моей персоны Монтемортом.

Он усиленно воротил нос, карауля вход. Зачем сканировать двери, если все, кто хотел, давно на занятиях? И как, спрашивается, уговаривать стража? Наступить ему на хвост?

Обойдя животное спереди, я выставила карточку перед мордой. Пробивай уже, вредное существо! Хватит изображать неприступность, когда некоторые скоро протянут ноги от голода прямо у входа.

Монька просветил меня тяжелым взглядом и вдруг медленно, с механическим скрипом отворил пасть, дохнув невыносимым смрадом. Самое жестокое испытание за сегодняшнее утро, — сквасилась я, сморщив нос, и положила карточку на многорядье острых пиков. Хрясь! — бумажка выпала из компостера, и на ней прочиталось кривыми дырочками: "В штате". Цель достигнута. Вздохнув с облегчением, я глянула на часы: елки-палки, через десять минут звонок!

Страж снова уставился на главные двери и вдобавок начал постукивать хвостом, намекая, мол, чеши отсюда, не мешай высматривать нарушителей.

— Монечка, спасибо!

Хвост псины на секунду замер в воздухе и снова забил по полу.

Я успела добежать до отдела кадров одновременно со звонком и сдала карточку в руки Катин. У окна сидела Мавочка, изволившая явиться на работу, и наращивала ногти едко-оранжевым лаком.

— Поздравляю! — сказала Катин, убрав непослушную кудряшку со лба. — Теперь мы в одной лодке. Надеюсь, между нами не возникнет недопонимание.

А-а, — махнула я про себя рукой, — мне не до ваших ковчегов. На очереди обналичивание ордера. А именно поход в святая святых — институтскую кассу за стальной дверью с круглым штурвалом.

Сначала меня изучили в глазок, после чего монолитная глыба толщиной не менее полуметра отворилась, и на пороге возник высоченный мужчина в униформе с резиновой дубинкой на плече, походивший ростом и внешностью на циклопа. Отступив назад, я предусмотрительно предъявила ордер.

Указав дубинкой вглубь бункера, мне разрешили проскользнуть и закрыли дверь штурвалом, заблокировав горизонтальными и вертикальными стальными распорками, каждая толщиной в две моих руки. За бронированным стеклом сидела симпатичная девушка.

Я протянула ей ордер в предвкушении звона монеток.

— Знаешь, Савелий, — раздался голос девушки в микрофоне, — давно хотела сказать, что ухожу от тебя. Ты непроходимо туп.

— Я при исполнении, вечером поговорим, — сказал охранник, нахмутив лоб.

— Вот видишь! — выкрикнула кассирша. — Его бросают, а ему хоть бы хны.

— Можно получить висоры? — вклинилась я. Отдайте мои денежки и отпустите на

волю из душного каземата, а потом разбирайтесь между собой весь день. Девушка тоже хороша. Ни раньше, ни позже ей взбренило выяснять отношения и будить в Савелии зверя. А кто первым попадет под руку этому циклопу? Я!

— Потерпите. Оформляю, — застучала в динамике кассирша и продолжила провоцировать мужчину: — Я изменяла налево и направо, флиртвала с каждым встречным, а тебе все равно.

Я тихо взвыла. Охранник угрожающе похлопывал дубинкой по ладони. Конечно, девушке за сверхпрочным стеклом всё нипочем, а на ком отыграется рогоносец?

— Дайте висоры! — потребовала с отчаянием у кассирши.

— Незачем нервничать. Забирайте.

Ко мне выехали восемь монеток. Я вложила их в кармашек сумки и крепко обхватила ее, как самую большую драгоценность.

— Ничего тебя не берет, — возмутился, досадуя, девичий голос в динамике. — Как березовый пень: ни эмоций, ни страстей. Мне скучно с тобой, Савелий! А хочется приключений.

Охранник стукнул дубинкой по стеклу, и я вздрогнула. Видимо, девушка, тоже не ожидала реакции и притихла. Но ненадолго.

— Жизнь однообразна изо дня в день, — продолжила копать себе могилу. — Мне не хватает красок жизни!

Посмотрев на лицо Савелия я поняла: если не покину кассу в ближайшую минуту, то не покину ее никогда. Во всяком случае, на ногах. Выпустите меня отсюда!

Прошмыгнув к двери, вопросительно взглянула на охранника. На мгновение показалось, что он готов придушить меня за невозможностью добраться до изменницы-кассирши. Однако Савелий с натугой провернул штурвал и распахнул дверь. Я вылетела на свежий воздух, в спасительное пространство шумного коридора.

Дверь кассы медленно затворилась за моей спиной. Цела, цела! Не убили дубинкой! И восемь висоров авансом при мне.

Теперь я не просто студентка. Я служащая на подработке!

Летя стрелою, я ужасно запыхалась, но поспела ко второй лекции и столкнулась в дверях со Стопятнадцатым. Он вопросительно приподнял бровь и получил в ответ утвердительный кивок.

Поначалу я уселась на место, к которому приучил меня Мелёшин. Но, во-первых, Мэла почему-то не было, а во-вторых, он же продал свои права Пете! И теперь бывший дрессировщик мне не указ. Крыска снова в свободном полете. Поэтому заберусь выше и займу любимое место в крайнем ряду у окна. Заодно проверю, обсуждают ли мою личность, снявшую с себя Мелёшинское иго.

Студенты активно обсуждали, но не меня. Устали они меня обсуждать. Новизна пропала. Героями дня стали болезный Касторский с друзьями.

Стопятнадцатый произнес громогласную речь, отразившуюся многократным эхом по аудитории:

— Думаю, многие наслышаны о ЧП, произошедшем в институте в пятницу вечером. Чтобы пресечь слухи и сплетни, как декан вашего факультета, поясню, что трое учащихся третьего курса, нарушив одно из правил студенческого кодекса, проникли с умыслом в подвалы института, где и получили контузию, попав по незнанию в зону работающего горна.

К сожалению, состояние пострадавших таково, что продолжать учебу в институте они не смогут. Случившееся является наглядным примером того, что может произойти, если нарушить установленный распорядок. Поскольку на вашем потоке с сегодняшнего дня вакантно место старосты одной из групп, то по согласованию с проректором по учебе на освободившееся место назначена Штице Эльза. После занятий зайдите в деканат, введу вас в курс дела.

Раздались хлопки и хвалебные восклицания девчонок, в окружении которых сидела зардевшаяся Эльзушка. Лекция покатила своим чередом, а Мелёшинское величество так и не появилось.

Во время занятия я распланировала распорядок дня до вечера и на завтрашний день. Поскольку предстояло плотное окапывание в институте, не мешало сбегать на большом перерыве в квартал невидящих за порцией сухой подкормки и затариться на несколько дней вперед. Кроме того, нужно активизировать пути реализации отцовской фляжки и для начала... поговорить с Алессом! Где бы с ним столкнуться?

После лекции я помчалась галопом выполнять задуманное, и, потратив четыре висора, накупила уйму сухарей, пять сахарных плиток и получила в подарок мятную конфету. Прибежав в общежитие, выгрузила покупки и резво направилась в институт, на ходу грызя сухарный обед.

К полудню опять подтаяло, и ноги разъезжались на снежном месиве.

Третьим по расписанию значилось семинарское занятие у Ромашевичевского, на котором присутствовали две объединенные группы. Хорошо, что в свое время я изучила копии схем и планов этажей. Зрительная память помогла мне сориентироваться в поисках нужной аудитории.

Бухнувшись на новом старом месте, я подняла глаза и замерла, не мигая. По ступенькам небрежно-расслабленной походкой поднимался Мелёшин, здороваясь и пожимая руки парням. Он был хорош в темно-зеленом свитере с отложным воротником и изумрудными вставками по плечам. Шел лениво и пресыщенно. Сел, как ни в чем не бывало, на свое место, несколько не удивившись тому, что не видит перед собой крыскиного затылка.

Я смотрела на него, и в памяти снова всплыли обидные слова. Неожиданно Мэл развернулся ко мне и громко спросил:

— Что, не можешь налюбоваться?

Вокруг захихикали и начали перешептываться. Я сначала смутилась, но вовремя сообразила и продолжила диалог в той же манере:

— На что любоваться? У тебя ширинка расстегнута.

Народ оживился. Один парень толкнул другого в бок, кивнув на Мэла. Однако последний не стушевался.

— Это вряд ли, — выдал с ухмылкой. — Я всегда проверяю сбрую, особенно после длительных скачек.

Кто-то на соседних рядах солидарно присвистнул, один из парней уважительно показал большой палец. Девчонки ахнули и принялись сплетничать. Я не нашлась что ответить, а Мэл отвернулся. Он опоздал, потому что весело провел время, кувыряясь в чьей-то постели. Жеребец.

Хотела пожелать Мелёшину, чтобы не обломал копыта от частых забегов, да в дверях появился господин Ромашевичевский, по-прежнему высокий, худой и с неизменным

фирменным шнобелем.

— Приветствую, — обратился к аудитории, хотя на его лице не отразилось и капли радушия. — Сегодня на семинарском занятии заслушаем доклады по теме: "Яды в снадобьях". При оценке ваших знаний будут учитываться качество подготовки и активность при обсуждении.

Первым вышел к доске мальчик-одуванчик. Он переминался с ноги на ногу и чувствовал себя крайне неуверенно.

— Через два дня состоится новогодний праздник, а я не решаюсь пригласить ее. Что делать? — спросил он с отчаянием.

Я удивилась. Весьма необычное начало для доклада.

— Она не обращает на меня внимания, и боюсь, что не вынесу отказа. Но мне очень хочется пойти с ней на вечер! — продолжал изливать душу мальчик-одуванчик.

Ромашевичевский благосклонно кивал, слушая. Аудитория шуршала конспектами, словно студентам каждый день рассказывали о сокровенном, стоя у доски. Никто из присутствующих не отреагировал на вопль несчастного влюбленного. Так и задумывалось?

Я протерла глаза и пошерудила в ушах.

— Составы на основе цикуты широко применяются в медицине: от заживления ран до регенерации отдельных органов, — рассказывал докладчик. — Основным условием успеха является правильно рассчитанная дозировка и точное введение напрямую к поврежденным тканям.

Прослушав информацию о коварстве цикуты, перемежающееся стенаниями нерешительного юноши, я пришла к выводу, что начались слуховые галлюцинации. Ой, беда мне, беда.

После мальчика-одуванчика на сцене появился крупный упитанный парень.

— Вторую неделю боюсь сказать отцу, что нашел за шкафом его записку и проиграл, — пробубнил он уныло. — Молюсь каждый день, чтобы он не вспомнил о ней, иначе мне кранты.

Я опять потерла глаза и освежила слух.

— Использование яда кураре в базовых рецептурах направлено, в основном, на успокоение нервной системы. Но известны составы, в которых кураре применяется для усиления осязательных ощущений.

Понятно. Парень докладывал о чувствительности носа и рта к различным концентрациям яда, не забывая о грозящем ему отцовском харакири.

Выступили еще несколько докладчиков, и я узнала много познавательного из жизни своих однокурсников, вернее, об их скрытых чаяниях. Что-то невероятное! Похоже, Морковка не ошиблась, и началась вторичная реакция.

Сильное впечатление произвело на меня выступление Эльзы, сообщившей о невероятной пользе стрихнина.

— Старый пень еще попляшет! — воскликнула она с ненавистью, и Ромашевичевский кивнул, соглашаясь. — Напрасно он посмеялся над моим доверием.

Настоящая драма! — заслушалась я, решив не прочищать слуховые и зрительные каналы. Эльза сообщала о многочисленных стрихнинных настойках, в промежутках обещая отомстить какому-то гнусному обманщику, бывшему гораздо старше ее. Аудитория даже поспорила о том, что эффективнее — наружное или внутреннее применение стрихниновых снадобий.

Я же смирилась с неизбежными галлюцинациями, мечтая об одном: чтобы меня не вызвали к доске, потому что язык вдруг потяжелел и стал неподъемным.

А потом уверенным шагом вниз спустился Мелёшин.

— Посмотри на меня, Эва! — начал он. От неожиданности я вздрогнула и завертела головой по сторонам. Может быть, показалось? Одни студенты опустили головы к тетрадям и писали, другие слушали. Преподаватель перелистывал реферат Эльзы. Словом, умиротворенная картина обычного семинарского занятия, если бы не одно "но". Мэл проникновенно продолжил, сообщив присутствующим:

— Скучаю по тебе и не могу забыть нежность твоих губ. Люблю смотреть, как ты смущаешься и краснеешь. И когда злишься, тоже люблю.

По мере того, как он говорил, мое лицо вытягивалось от изумления. Это обо мне? Ничего себе галлюцинации.

Никогда не слушала с таким вниманием, как сейчас. Но в отличие от других, Мэл не разбавлял сообщение об убийственных дозах пчелиного яда вставками о своих мечтах. Лишь в конце, когда я отчаялась услышать что-либо интересное, он проговорился.

— Хочу повторить с тобой. Как тогда, в библиотеке. Доклад окончен.

— Отлично, — похвалил препод. — Чувствуется серьезный подход к делу. Видно, что перелопачено немало источников.

У меня колотилось сердце, и стоял гул в ушах. Краем глаза я отметила, что Мелёшин с невозмутимым видом вернулся на свое место. Кое-как успокоившись, принялась искать объяснение звуковым миражам. Вероятнее всего, в речах выступавших воплотились мои разнообразные фантазии, исказившись странным образом. Касаемо Мелёшина дело было швах. Это не он скучал и мечтал о повторении острых библиотечных ощущений. Это мое подсознание рвалось к нему, несмотря на грабли, которыми я неоднократно получала по лбу в столкновениях с Мэлом.

Прозвенел звонок, занятие кончилось, и студенты утекли из аудитории. Я терла лицо в надежде, что обменные процессы хотя бы капельку ускорятся, и вторичная реакция после типаuna рассосется быстрее.

— Притомилась слушать ушками? — раздался насмешливый голос. — И ходить ножками тоже?

Мелёшин стоял тремя ступеньками ниже, вполоборота к выходу.

— И языком устала работать? — продолжал донимать.

— Устала. — Получилось невнятно и глухо, потому что язык действительно ворочался с трудом.

— Смешно говоришь, — ухмыльнулся Мелёшин, а я начала собираться. — Видел, что в холле Рябушкин аннулировал свое право. Ты быстро сориентировалась. Значит, теперь сама по себе?

— Значит, так, — сказала нечетко.

— Папена, что у тебя с языком? — нахмурился Мэл.

— Не твое дело, — выговорила длинную фразу и отвернулась, выбираясь из-за стола.

— Поэтому ты сегодня не ходила на обед? Обычно по десять тарелок с раздачи приносишь, — допытывался Мелёшин.

Значит, он выглядывал меня в столовой, чтобы проверить, кинусь ли по старой памяти убирать за ним поднос.

— Не поэтому, — я пыталась обогнуть Мэла. Пустой номер.

— Тогда почему?

— По кочану.

— Хамишь? — начал заводиться Мелёшин. — Кстати, когда собираешься обменивать книжки? Они пролежали дыру в моем багажнике.

— Учебники верну, но обменивать больше не буду, — сказала я не лучше картавого бухгалтера.

И правда, зачем мне Мелёшин, если теперь могу свободно выносить книги из библиотеки, и не нужно прятаться по вечерам в каморке с халатами, рискуя попасться в расставленные ловушки.

— Причина? — сузил он глаза.

— Без тебя справлюсь. Потому и разрываю уговор, — сообщила я, едва двигая языком.

Мелёшин оперся руками о соседние столы, загородив дорогу.

— Вот, значит, как? С кем-то другим вступила в долю? С кем? С Рябушкиным? Что он пообещал? — Я замотала головой. — Тогда с кем? Думаешь, не узнаю?

Я молчала, пялясь на носки сапог. Неожиданно Мелёшин отстранился.

— Значит так. Ты немедленно отнесешь мои учебники в библиотеку, — велел в приказном порядке.

— Сейчас? Скоро же занятие.

— Сейчас. Мне осточертело бояться каждого шороха из-за незаконного хранения книг.

— Давай после занятий, а?

— Нет, сейчас — отрезал зло Мэл.

— Ну, и фиг с тобой! — дернулась я и, оттолкнув его плечом, пошла вниз.

Мелёшин следовал позади, держась на расстоянии. Гнев и возмущение подстегивали меня, мешая разумно соображать. Одевшись, я вылетела на крыльцо, затем появился Мэл. Он направился к воротам, открыл багажник одной из машин и снова закрыл его. Вернувшись, протянул пакет.

Не глядя на Мелёшина, я сунула книги в сумку, рывком отворила парадную дверь и замерла под просвечивающим взглядом Монтеморта, вспомнив с опозданием, что передо мной не храпящая сонная псина, а злобный и ответственный страж. Долгие несколько минут мы глядели друг другу в глаза, и Монтеморт нетерпеливо постукивал хвостом по полу. Он знал, что я знала, что он знал.

А потом отвел взгляд и опустил голову на лапы.

Не раздеваясь, я ринулась в библиотеку, не посмотрев, зашел следом Мелёшин или нет.

Бабетта Самуиловна, возможно, подивилась моему рвению в использовании приобретенного бонуса с первого же дня, но в силу воспитанности не подала виду и разрешила самостоятельно обследовать книжные полки.

Затерявшись между стеллажей, я прислонилась к одному из них и с облегчением съехала вниз, дожидаясь, когда утихнет дрожь в ногах. Мелёшинские учебники, исчезновения которых никто не заметил, вернулись на полку.

Прозвенел звонок, и очередное занятие началось. Буду размышлять философски. Коли уж опоздала на лекцию Альрика, то проведу время с пользой. Поизучаю каталоги вис-раритетов.

Это могла быть 28.3 глава

Перелистывая последнее издание иллюстрированного атласа раритетов, я начала разглядывание с оружия и доспехов и закончила предметами обихода. По левой стороне глянцевых страниц шли изображения уникальностей в трех проекциях, сопровождаемые с правой стороны краткими паспортами.

Знакомо и затерто до дыр. Но сегодня прописные истины изучались мной в новом ракурсе.

В основном, собственниками раритетов значились правительство и владельцы частных коллекций, о чем указывалось в соответствующей графе "Правообладатель". Изредка мелькала фраза "Местонахождение неизвестно/не установлено".

Прочерк в графе "Стоимость" означал бесценность раритета из-за уникальности свойств или из-за неизвестного принципа действия, который не удалось расшифровать ученым-висорикам.

Приличную стоимость имели артефакты с именными авторскими знаками или клеймами создавших их мастеров. Простенькие промышленные образцы, поставленные на поток, имели серийные номера и смехотворную цену. На последней странице атласа шел перечень заводов и лабораторий, имеющих лицензии на производство вис-раритетов и улучшенных вещей.

В атласе неоднократно попала на глаза и Мелёшинская фамилия. В семейной коллекции господ Мелёшиных числились около двадцати раритетов. Поначалу я загибала пальцы, подсчитывая, но потом запуталась и бросила. Причем оказалось, что у Мэла многочисленная родня, о чем говорило разнообразие инициалов перед фамилиями владельцев. Я даже чуть-чуть позавидовала. Мне бы тоже хотелось почувствовать, хотя бы на миг, каково быть частью большой и крепкой семьи.

Кто-то из родственников Мэла — возможно, его отец — владел лекифом с водой из священной реки Стикс и копьем, подпиравшим золотые щиты из крыши Валгаллы. Их фотографии в каталоге отсутствовали.

Спустившись после звонка в холл, чтобы сдать в раздевалку куртку, я не поверила своим глазам. У одного из зеркал Мэл, оккупировав Мавочку из отдела кадров, обаятельно улыбался ей и, судя по пылающему лицу девицы, без устали сыпал комплиментами. Кадровичка жеманничала и кокетничала напропалую, не стесняясь студентов. Мелёшин слушал восторженные откровения девицы, периодически удивленно изгибая бровь. Лишь один раз помрачнел, поджав губы, но туча рассеялась, и охмурение продолжилось.

Каков обольститель! Мало ему сногшибательных студенток, он успевает заигрывать и с работницами института.

Пробравшись в толпе, я сдала куртку в раздевалку и вдруг заметила огненную шевелюру, мелькнувшую у святого Списуила. Работая локтями, ринулась за Алессом, держа как ориентир рыжую макушку, направившуюся к южному коридору. Но парень, словно дразня, поднялся до третьего этажа и исчез. Неужели привиделся? Хотя о зрительных миражах Морковка не предупреждала.

Покрутившись по сторонам, я разочарованно развернулась и с разлету впечаталась в чей-то твердокаменный бок, оказавшийся боком профессора Вулфу.

— Папена? — спросил он удивленно. — Почему пропустили занятие?

— Плохо слышу, — прошепелявила я. — Галлюцинации после типуна.

— Пройдемте, — кивнул Альрик, приглашая следовать за ним. — За отсутствие вы заработали прогул, и типун — не оправдание.

Конечно, не оправдание, — согласилась молчаливо. Может, рискнуть и оправдаться учебниками, которые пронесла нагло мимо Монтеморта, а пес меня великодушно пропустил? Из двух зол я мгновенно выбрала меньшее — мое покаяние и порицание профессором.

Пройдя несколькими переходами и сделав большой крюк, мы очутились у сверхсекретного лабораторного крыла. Всю дорогу мужчина молчал, и я не лезла на рожон, прикрыв рот. Профессор открыл дверь, пропуская меня за стеклянную стену. Я оглядывалась и ждала, что из какой-нибудь двери выпрыгнет Лизбэт, но мы добрались до именной лаборатории Альрика без приключений и толп разъяренных ревнивиц. Войдя первым, он включил свет, и помещение залил приятный рассеянный свет.

— Присаживайтесь, — кивнул в неизвестность Альрик и удалился за матовую перегородку.

Я потопала к кушетке. Не успела взобраться, как мужчина появился в белом халате, застегивая на ходу пуговицы.

— Однако, — сказал, увидев меня на возвышении. — Генрих Генрихович предупредил, что нам придется периодически встречаться в неурочное время?

— Да, что-то такое говорил, — проворочала я языком.

— Значит, вы устроились в архив, — не то спросил, не то сказал Альрик. — Для чего?

— Надо.

— По понедельникам, средам и пятницам после занятий будете приходить в лабораторию на осмотры. Отпечаток вашего пальца сохранился в памяти запирающего устройства. Если дела и дальше пойдут удачно, через месяц получу долгожданный грант на новые исследования.

— А? — я не сразу сообразила о смене темы разговора.

— Повторяю, — сказал мужчина гораздо громче, — каждый осмотр займет не более четверти часа. Неудобно, что не взял в соавторы Евстигневу и Стопятнадцатого, но последняя работа — целиком и полностью моя заслуга.

— Какая заслуга? — я по-прежнему не могла сориентироваться в перепадах темы разговора.

— Вы о чем? — в свою очередь, спросил Альрик.

— О соавторстве.

Альрик посмотрел на меня как на умалишенную, а потом медленно, я бы даже сказала, с легкой угрозой в голосе спросил:

— Кто вам сказал?

— Вы сейчас и сказали.

— Точнее. Повторите дословно.

— Дословно вряд ли... "Я не взял Царицу и декана в соавторы, потому что заслужил грант".

Альрик оперся руками о кушетку и буквально залез в мое лицо, заставив отклониться назад:

— Вы и это знаете, Эва Карловна? Откуда?

— От вас только что.

— Я не говорил, — бросил отрывисто Альрик и задумался.

— А-а, — махнула я рукой. — Это слуховые галлюцинации, побочный эффект типуна. Морковка предупреждала.

— Да-да, — пробормотал мужчина, — побочный эффект. И как долго длится? Наконец-то смогу завершить серию опытов по материальному переносу одноклеточных.

— Вот видите! — воскликнула я. — Опять!

— Что опять? — нахмурился профессор.

— Вы сказали про одноклеточных.

— Я не говорил, — Альрик принялся тереть рукой подбородок, рассматривая меня словно подопытное одноклеточное и раздумывая, куда бы материально перенести, чтобы никто и никогда не нашел. — И как часто соскакиваю с разговора?

— Через каждое второе предложение, — разоткровенничалась я.

— У кого-нибудь наблюдались такие же симптомы?

— Наблюдались.

— Когда началась вторичная реакция от типуна?

— После обеда, на семинаре у Ромашки...у Ромашевичевского. Потом я ходила в библиотеку и ни с кем не общалась.

— Значит, вы променяли лекцию по теории символистики на посиделки с бульварным романчиком? — заключил Альрик ледяным голосом. — На следующей неделе проведу эксперименты на живой материи и не поставлю в известность Евстигневу.

— Вот опять! — поспешила я увести разговор со скользкой темы о предпочтениях.

— Что опять? — решил не поддаваться на провокацию Альрик. — Не увиливайте от вопроса.

— Вы хотите провести экспел... эксперл... опыт с материей и не скажете о нем Евстигневе.

Альрик схватил меня за локоть и сказал с угрозой:

— Послушайте, милая девочка! Не знаю, каким образом вы проделываете ваши фокусы, но будьте уверены, узнаю правду.

— Альрик Герцевич, согласна! — закивала я с горячностью. — Режьте, пилите, ройтесь, но найдите. Уши изнемогли выслушивать разные "хочу то" или "мечтаю об этом".

— Значит, вы считаете, будто окружающие делятся своими желаниями и мечтами? — мужчина внезапно сделался бесстрастным. Прирожденный ученый! Прочь эмоции, когда открытие на носу. Я даже залюбовалась профессором.

— Ничего не считаю. Мне мерещится.

— Ну, да. Мерещится, — взъерошил волосы Альрик. Достав из ящика стола блокнот с пером, он начал записывать.

— Альрик Герцевич, а сложно создавать раритеты?

— Почему вы спрашиваете? — отозвался он настороженно. — Как только решите, что говорю что-нибудь отличное от темы разговора, немедленно сообщайте.

— Хорошо, — кивнула я. — Спрашиваю из любопытства.

— Вы пропустили занятие, а на нем шла речь о создании вис-предметов кустарными способами и о причинах запрета правительства на нелегальное производство раритетов.

— Я бы точно больше половины не поняла, — пожалилась профессору. Пусть посочувствует.

Тут до Альрика, видимо, дошло, что если бы я слушала, как он распинаялся у доски более

двух часов, то моя разбушевавшаяся фантазия вместо двух чайных ложек воображаемого бреда, услышанного в лаборатории, выдала бы целую бочку, а то и две. Профессор успокоился и, как мне показалось, облегченно выдохнул. Еще чуть-чуть, и простит игнорирование лекции с участием своей пресветлой персоны.

— Вот пример созданного вручную раритета, — мужчина протянул мне перо. Я повертела. Ничего особенного: малахитовый перламутр с серебристыми полозками, на торце изображение небольшого черного трезубца.

— Перо как перо. Ну, и что в нем необычного? — протянула разочарованно.

Альрик, недовольный тем, что гадкого утенка не оценили по одежке, пояснил:

— В свое время перо запоминало почерк человека, писавшего им.

Необычные качества кустарного вис-пера меня не впечатлили, и оно не удостоилось аплодисментов.

— А сейчас?

— Сейчас перо выработало свой ресурс. Завтра на дополнительном занятии будет подробно рассмотрен вопрос о долговечности раритетов. Неплохо мы развлеклись в свое время. Можно соорудить что-нибудь этакое. Жаль, руки не доходят.

Не сразу сообразив, что разговор разделился на две части, я недоуменно воззрилась на профессора. Неужели он создавал раритеты? Менял структуру вещей, начинял их символами и добивался нужных свойств? Ну, и кто после этого большой авантюрист из нас двоих?

— Сказалось что-то лишнее? — Альрик подозрительно посмотрел на меня.

Неа. И головой помотаю для правдоподобности.

— Я что-то сказал, — подтвердил он. — Что?

— Что Лизбэт прекрасна, — ляпнула я неосторожно.

— Лиза? — удивился профессор и ответил медленно, словно тщательно обдумывал услышанное: — Нет. Я не мог этого сказать. По той простой причине, что... — И оборвал, не закончив фразу. — Начнем осмотр.

— Альрик Герцевич! — взмолилась я. — Катастрофически не успеваю! Нужно бежать в библиотеку, потом в архив. И на допы, наверное, не буду ходить.

— Распределяйте время, — отрезал он сухо. — Исключайте ненужное. Увольняйтесь. Но на занятиях и на осмотрах должны присутствовать в обязательном порядке.

Ах, так! — возмутилась я. Сейчас влеплю правду в лоб!

— Знаете, что вы сказали? Что спите и видите себя на месте Царицы! — воскликнула зловредно. — А еще лучше в кресле ректора.

Профессор поднял бровь, изумившись, а потом вдруг засмеялся: громко, раскатисто и красиво. Он снова окружил меня кольцом рук, опершись ладонями о кушетку, и его лицо стало совсем близко. Так близко, что я заметила веселые искорки в глазах.

— Ко всему прочему, вы хулиганка и обманщица, — сказал он почему-то мягко, хотя мог выгнать взащей за дерзкие слова. — Вижу, у вас заметно улучшилась речь. Как язык?

Я пошевелила им во рту. И правда, стал гораздо легче двигаться.

— Проходит, — сказала и замолчала.

Альрик, недостижимый и великолепный Альрик, мечта и герой сновидений женской половины института, стоял в полушаге от меня, а лицо мужчины было и того ближе. Коснись, попробуй! — толкнулось где-то внутри. Нерешительно протянув руку, я тут же отдернула. Видно, остатки вторичной реакции вдарили по мозгам, накатив нездоровой смелостью в речах и жестах.

Профессор заметил смазанное движение.

— А чего, Эва Карловна, хотите вы? Полдня ваши бедные ушки выслушивали чужие желания, или то, что подсказывало воображение. Чего же хочется лично вам?

Я отвела глаза.

— Сегодня день исполнения желаний. Точнее, одного, мгновенного, родившегося в вашей голове здесь и сейчас, — сказал Альрик. — Разрешаю. Без последствий.

Наступило молчание. Как замороженная, я смотрела в его глаза, и тонула, увязала в глубокой синеве. Медленно и нерешительно протянула ладонь к лицу мужчины, провела кончиками пальцев по уродливому шраму, ото лба и до подбородка. От нехитрого прикосновения электрический заряд пробил подушечки пальцев и, достав до сердечной мышцы, подтолкнул ее, ускоряя.

— *Bilitere subsensibila*^[23], - пробормотал Альрик. — Невероятно. Еще.

Накрыл мою ладонь своею, обласкав каждый пальчик, а затем направил мою руку исследовать его лицо. Каждой клеточкой кожи я осязала покалывание однодневной светлой щетины, нездоровую бугристость шрама, родинку у правого глаза, обветренные, слегка шершавые губы, вертикальную складку между бровями и ямочку на подбородке. Острые ощущения пронзали меня насквозь, взрываясь в голове красочными фейерверками. Сердце сумасшедше колотилось о грудную клетку, в глубине нарастало восхитительно приятное щекочущее чувство. Сознание подернулось пеленой, уплывая в блаженство.

Как наркоман, которого раздражили, но не позволили распробовать дозу, я не сумела остановиться. Внезапно захотелось испытать сильнее, больше, ярче. Захотелось не робко, как слепой, ощупывать пальцами волевого мужское лицо, а крепко сжать его ладонями и проверить податливость капризных губ, а потом обвить каменный торс ногами и притянуть к себе, чтобы слиться, став единым целым. Навсегда. Навечно. Никому не отдам.

Неожиданный телефонный звонок оборвал видения, грубо вырвав из плена фантазий. Альрик, как ни в чем не бывало, стоял у телефонной станции.

— Слушаю, — говорил с едва уловимой досадой. — Лиза, сегодня лаборатория занята... Да... Нет... Конечно же, вы закончите работу в срок, не сомневаюсь. С вашей-то целеустремленностью... Как хотите... Код доступа прежний.

Положив трубку, он снял перчатки (и когда успел надеть?) и продолжил карябать пером в блокнотике.

— Осмотр закончен, — обронил. Как? Уже?

Мне стало нестерпимо стыдно. Взбудораженное воображение, разогнавшись, не успело вовремя затормозить. Руки тряслись, щеки горели, а тело знобило. Как же хотелось, чтобы обследование на кушетке оказалось воображаемым! Теперь профессор подумает, что перед ним озабоченная и зацикленная студентка, к тому же со странностями.

Альрик прохромал ко мне и подал руку. Я с опаской поглядела на протянутую ладонь.

— Не бойтесь, Эва Карловна, — сказал мужчина с легкой усмешкой. — Как почти врач, могу заверить, что тайна осмотра останется между нами.

— Я не хотела, — пробормотала, сконфузившись. — Это получилось не специально.

— Баш на баш, — наклонившись ко мне, проговорил тихо Альрик. — Сегодня вы невольно подслушали некоторые из моих тайных желаний. В отместку я могу манипулировать вашими.

— Но ведь это галлюцинации! Всего лишь игра воображения.

— Кому как, — пожал он плечами и добавил многозначительно: — У меня появился

отличный козырь, так что не советую распространяться о сегодняшних звуковых миражах.

Альрик приветливо улыбнулся, но за лучезарной улыбкой красавца на мгновение мелькнул лик опасного хищника, заставивший меня вздрогнуть. А ведь обещал без последствий. Врун.

Я неуклюже слезла с кушетки, проигнорировав протянутую руку. Ну, и как теперь вести себя с преподавателем?

Мужчина продолжал улыбаться. Казалось, он схватывал на лету мои мысли.

— Покуда мы с вами сотрудничаем, Эва Карловна, не стоит волноваться. Не забывайте, вас ждет архив.

Часики подтвердили, что время в лаборатории пролетело стремительно и незаметно. Следовало срочно бежать на вечернюю подработку, но в какую сторону? За кутерьмой трудоустройства мне ни разу не пришло в голову поинтересоваться месторасположением своей работы. Передавая недавнюю сплетню, Аффа мельком упомянула об институтских подвалах. Неужели придется идти вниз?

— Альрик Герцевич, подскажите, пожалуйста, как попасть в архив, — обратилась я к профессору, избегая встречаться глазами.

— Вниз по подъемнику и сразу налево. На двери висит четкий указатель.

Догадка подтвердилась. Спускаться в изобилие электрического света категорически не хотелось, однако деваться некуда.

— Бойтесь? — спросил Альрик. — Испытываете какие-нибудь страхи?

— Не испытываю. Не нравится яркое освещение и отсутствие окон.

— Чем-то приходится жертвовать, — просветил профессор. — Зато обеспечена стопроцентная сохранность архивных материалов. После того как спуститесь, не отклоняйтесь от маршрута, иначе ваша прогулка по коридорам может получиться не такой безобидной, как предыдущая.

Не учи ученого, — помрачнела я. Альрик прочел вопль души и развеселился.

— До свидания, Альрик Герцевич. — попрощалась я сердито. Вот возьму и обижусь раз и навсегда!

Мужчина откровенно забавлялся над моим уязвленным самолюбием.

— До свидания, Эва Карловна, и ведите себя осмотрительно, — сказал напоследок. — Не болтайте лишнего, не загружайте мозг ненужной информацией и не обращайтесь внимания на чужие фантазии.

Излишний совет, уважаемый профессор. Мне недосуг размышлять над чужими фантазиями. Своих через край хватает.

Одно порадовало — язык обрел невероятную гибкость. Еще немного, и начнет выделывать сальто во рту. Это означало, что вторичная реакция наконец отступила, как пообещала Морковка.

При выходе из лабораторного крыла я столкнулась с Лизбэт, не дождавшись от нее ни приветственного кивка, ни элементарного "здрассте" или "привет". Она молча прошла мимо, задрал нос.

Яркий свет слепил глаза. Лампы в несколько рядов по правой стороне коридора сливались в большое белое пятно, обжигающее сетчатку глаз. Мысленно я поставила галочку напротив строчки "солнцезащитные очки" в длинном списке затрат, которые реализую сразу же, как раздобуду денег.

Следуя рекомендации Альрика, повернула от подъемника налево и через восемнадцать шагов и два поворота натолкнулась на белую крашеную дверь с табличкой "архив" и расписанием работы. Поворот ручки, шаг через порог... Фискальная полоска на пятке сработала, начав отсчет первого трудового дня.

Поначалу я решила, что все-таки умудрилась ошибиться пунктом назначения. За открывшейся дверью пышно росло, зеленело, цвело и благоухало флористическое царство. Растения различных размеров и окраски, в кадках, горшках, коробочках и баночках стояли плотной стеной на полках вдоль стен, свисали с потолка и занимали оба угла у входа. С краю тропических джунглей примостился пукодел, изгнанный из отдела кадров. Я узнала растение по причудливо раскрашенному большому керамическому горшку. Макушка пукодела пышно оперилась нежной зеленью, а сам он явно чувствовал себя бодро и жизнерадостно.

В целом, после беглого оглядывания, архив мало чем отличался от библиотеки, разве что столов было поменьше, и пространство для посетителей отделялось от рабочей зоны деревянной перегородкой.

Моим начальником оказался архивариус высшей категории Швабель Штусс — невысокий худощавый мужчина со скорбным лицом, густым ершиком черных усов и по-военному короткой стрижкой с легкой сединой. Ко мне он отнесся с опаской и держался на расстоянии, видимо, решив, что к нему подсунули потенциальную конкурентку, чтобы в дальнейшем, когда обучусь архивному ремеслу, от него, Швабеля, избавиться. Оправдываться в своей невиновности в первый же рабочий день я посчитала неправильным. Пусть человек привыкнет и поймет, что не претендую на райское место в институтском подземелье.

Архивариус выделил мне небольшой столик рядом с пукоделом и прочей пышущей здоровьем растительностью. Для начала велел ознакомиться со списком запретных слов, а потом положил стопку карточек и заставил переписывать их заново.

Обращаясь ко мне, Швабель говорил тихо и сипловато, и его большой кадык дергался как поплавок на удочке.

В оставшееся время я тренировала каллиграфический почерк, а по истечении двух часов выждала на всякий случай пять минут, после чего, распрощавшись с настороженным начальником, побежала к подъемнику, прикрывая глаза от невыносимо яркого света. Стрелки на часаках возвестили, что зайдя утром в институт, я покинула его практически перед закрытием.

Дорожка к общежитию подмерзла, и приходилось подсвечивать фонариком, чтобы не навернуться навзничь. По пути в швабровку мне пришло в голову, что первый день на подработке оказался не таким уж трудным. Позже, постучав к Аффе, я вернула долг и поблагодарила за выручку. Она вышла в коридор, прикрыв дверь.

— Слушай, Лизбэт не в духе, хотя виду не подает, но я-то вижу, что психует. Сказала, что ты опять опивалась рядом с Альриком. У тебя с ним что-то есть?

— Во-первых, не опивалась, — обиделась я. — А во-вторых, если хочет узнать, пусть сама спрашивает, а не посылает тебя. Или пусть спросит у своего любезного принца.

— Извини, Эва, — покаялась девушка. — Действительно, грубо получилось. Больше не буду приставать.

Мы пожелали друг другу спокойной ночи, но неприятный осадок от разговора остался. А потом по свежестановленному распорядку наступило время учебы вперемежку с

сухарями и чаем. До трех часов утра.

Укладываясь спать, я подумала, что если хладнокровный Альрик распереживался за свои галлюциногенные тайны, значит, на то есть основания. И значит, Мэл тоже чего-то хотел...

Уау, — зевнула так, что хрустнула челюсть. Теперь уж и не вспомню, чего хотел Мелёшин. Прошедший день проглотили десятиэтажные интегралы, пляшущие в хороводах с базовыми рецептурами снадобий от перхоти.

Это могла быть 29.1 глава

Проснувшись я с чугунной головой. Знания, почерпнутые накануне из книг, улеглись тяжелой плитой, а утренняя порция сухариков уплотнилась в желудке, смоченная крепким чаем.

Бросив в сумку учебники, чтобы обменять в библиотеке, я неспешно поплелась. А куда торопиться? Теперь двери в общепит закрыты, хотя есть несомненный плюс в том, что можно спать подольше.

Приятно порадовало, что за ночь кто-то успел посыпать крыльцо и мерзлую дорожку песком. С неба, что ли, вместо снега напал?

Зашла в холл вместе со студенческим потоком, а Монтеморт даже ухом не повел, проигнорировав меня, точно перед ним пролетел призрак или невидимка. Зато деловито долбил хвостом по полу, нервируя хилых первокурсников, робевших перед грозным стражем.

Ползла я как сонная муха до аудитории и по пути выглядывала Алесса. Следовало, конечно, наведаться в столовую, где парень обычно завтракал, но не достало ни сил, ни желания — кухонные ароматы свалили бы меня в нокаут на пороге. Зачем себя мучить? Попробую выловить рыжего на институтских просторах, в крайнем случае, наведаюсь к второкурсникам.

Оставалась еще одна проблема — незаконченный разговор с Петей Рябушкиным, о котором я совершенно забыла во вчерашнем суматошном дне. Встречусь с ним и скажу... А сказать Пете было нечего. После всего хорошего, что парень сделал для меня, я не могла riskовать его добрым именем. Каково будет Пете, если, упаси бог, по институту поползут слухи о моем обмане?

Зайдя в заполненную аудиторию, я проскользнула впереди Лютеция Яворовича, спешащего с многострадальной указкой, и поплелась к своему месту.

Народ гудел, обсуждая последние новости. Мелёшин не принимал участия в обсасывании сплетен, а, облокотившись, теребил губу и хмуро смотрел на меня, следя за каждым шагом. Ведь не даст спокойно пройти! Ясно, что опять что-то задумал. Наверняка положил на ступеньке иллюзорную кожуру от банана и ждет, что поскользнусь или запнусь.

Общая теория висорики вкручивалась в голову как тугой винт, точнее, абсолютно не хотела усваиваться. Гораздо интереснее вслушивалось в обрывки слухов, доносящихся с соседних рядов.

Свежеиспеченной горячей сплетней оказался неожиданный подвиг Монтеморта. Вчера вечером, подрабатывая изо всех сил в архиве, я пропустила все самое интересное. Пес схватил и задержал охранника из институтской кассы, пытавшегося выйти из здания с большой суммой наличности. Кратко суть жуткого преступления была такова: охранник долго пытал кассиршу, требуя отдать деньги, после чего лишил несчастную жизни зверским способом. Выгреб два мешка висоров — и тикать, однако в силу тупости забыл их погасить, а страж при входе унюхал и распознал казенное добро. Первый отдел оперативно начал следствие. Дознаватель Бобылев, курирующий институт, потирает руки, предвкушая звон медалей на лацкане пиджака и личное рукопожатие главы Первого департамента. Еще бы не радоваться — за неполные две недели на его отдел свалилась лавина работы.

Из всего подслушанного я сделала три вывода: Монтеморт — молодец, заводить

служебные романы чревата и нельзя верить слухам. Сделала выводы и призадумалась. Коли пес вполне работоспособен и бдит на посту аки пчела, непонятно, почему он разрешает мне мотаться с учебниками туда и обратно. Напрашивается одно — Монтеморт задумал грандиозную засаду по моей части.

С тревожными мыслями я встретила окончание лекции и пропустила явление Мелёшина у моего стола.

— Ну как, вкусно кормят? — спросил нелюбезно.

— Где?

— В столовой номер один. Которая для персонала.

— Неплохо, — пожала я плечами и тут же подозрительно уставилась на Мэла. Каким образом он умудрился провести параллель между моей персоной и элитным общепитом?

— Наверное, хорошая компания подобралась за столом, да? — продолжал прощупывать почву Мелёшин.

— Отличная, — буркнула я, собирая тетради в сумку.

— С сегодняшнего дня забираю твой долг, — заявил Мэл.

Я как стояла, так и села обратно на скамью. Вот и пришло время платить по счетам.

— Х-хорошо, — проямлила. — К-какой?

— Будешь завтракать и обедать за одним столом со мной.

— Мы, кажется, уже проходили. Дрессура кончилась. Ты продал свое право.

— Это не право. Это долг, — отрезал он.

— Зачем тебе, Мелёшин? Не можешь успокоиться? Нравится смотреть, как меня унижают твои друзья?

— Для моих друзей у тебя отлично подвешен язык, — усмехнулся Мэл.

— Но ты же постоянно затыкал мне рот.

— Теперь передумал.

— Прислуживать тоже придется?

— Не придется, — ответил он. — Находишься в зоне видимости на расстоянии вытянутой руки, питаешься и уходишь после того, как разрешу. Язвы на здоровье, мне не жалко. Но каждое утро и на обеде должна сидеть передо мной. Ясно?

Я озадачилась. Однако странный возврат долга выбрал Мелёшин. Пфу, это же плевое дело! Мне казалось, что когда-нибудь он заставит меня спрыгнуть с крыши. В голове прокручивалась одна и та же полная трагизма картинка: я лечу к земле, раскинув руки, словно крылья, а Мэл стоит с друзьями и, смеясь, показывает пальцем на мой полет.

— И как долго забавлять тебя своим присутствием?

— Скажу, когда надоест.

Понятно, товарищ заскучал, и опять ожидается новый виток развлечений.

— Смотри, испорчу аппетит — кусок в горле застрянет.

На лице Мэла промелькнула слабая улыбка:

— Тренируйся оказывать первую помощь.

После второй лекции я благополучно возвратила экспроприированные книги в библиотеку, немножко поукоряла себя за тягу к преступности, но все же взяла один учебник тайно, и еще два — для чтения в течение дня. Бабетта Самуиловна, прежде чем отпустить меня с миром, долго перелистывала книги, запоминая их внешний вид. Она рассчитывала поймать меня с поличным при возврате литературы, заляпанной грязью и жирными

пятнами.

Предстояло обеденное времяпровождение, и ноги крайне неохотно понесли мое тело по направлению к столовой. По дороге удалось сгрызть пару сухариков.

Напрасно я думала, что обед в присутствии Мэла пройдет легко и непринужденно. Зайдя в помещение и не увидев Мелёшина в привычной зоне трапезничающей элиты, на радостях хотела развернуться и уйти, потому что рот начал наполняться слюной, как услышала свист. Оказывается, свистели мне, и вся столовая наблюдала, как Мелёшин махал рукой, подзывая к столику в углу у окна. Почему-то сегодня рядом с Мэлом не было блондинки, зато сидел пышущий оптимизмом Макес.

Подносы парней были заставлены наивкуснейшей и наиароматнейшей едой, какая только бывает на белом свете. Непроизвольно сглотнув, я уселась на свободный стул, достала учебник и принялась читать.

— Привет, — сказал Макес, с аппетитом насыщая растущий организм калориями.

Я кивнула, не отрывая глаз от книги.

— Папена, ты решила, что питаться вредно? — спросил Мэл, ухмыльнувшись.

Заткнув уши, я повторила фразу, в которую тщетно пыталась вчитаться. Перед глазами прыгали куриные ножки с Мелёшинского подноса.

— Какая умная девочка, — отвесил комплимент Макес, обмакнул кусочек хлеба в сливочный соус и с чувством прожевал.

Я снова сглотнула и опустила еще ниже к учебнику.

— Папена, ты на себя не похожа, — обеспокоился Мэл. — Где горы тарелок?

— Тебе-то какая разница? — набросилась на него, стараясь не смотреть на поднос. — Чего надо? Сажу рядом, время от времени развлекаю. Без проблем.

— Без проблем, — подтвердил задумчиво Мелёшин.

Парни о чем-то переговаривались, но я мало вникала в смысл произносимого. Меня замутило от запахов. Если ими можно наестся, мой живот надулся бы как барабан. Сам не подозревая, Мелёшин устроил жестокую экзекуцию. Или он знал и специально решил поиздеваться? — пронзила меня мысль. Посмотрела на него и напоролась на изучающий взгляд.

Мелёшин практически не притронулся к своей порции, ковыряясь вилкой в тарелке. Эх, сколько добра пропадает, — подумала я с тоской, снова сглотнув. Хозяин — барин, хочу — ем, а хочу — отнесу на мойку.

Столовая опустела, а Мелёшин почему-то оттягивал окончание обеда. Еще мгновение, и у моего желудка кончится терпение. Учеба тоже не получилась, я только зря потеряла время.

— Могу идти? — спросила раздраженно.

— Иди, — разрешил Мэл. — Это, наверное, такой метод, — пояснил он Макесу. — Знания лучше усваиваются на фоне котлетных натюрмортов.

С шумом отодвинув стул, я ринулась из столовой. Схватила в раздевалке куртку и помчалась на чердак, где нагрызлась вдоволь сухарей и запила парой скупых слезинок.

— Ничего миленький, потерпи, — погладила урчащий недовольно желудок. — Что-нибудь придумаем.

А именно пойдем искать Алесса.

Послеобеденное время посвятилось сдвоенному практическому занятию по теории снадобий в крыле В. Ромашевичевский не подал виду, заметив меня среди студентов, и повел

группу в оранжерею, зато лицо Мелёшина вытянулось от удивления. Дивись, обжора, растягивай мышцы.

При входе я получила в шлюз-комнате белоснежный халат, пару перчаток, шапочку на голову, марлевую повязку и бахилы на ноги. Облачившись, стала похожа на врача-хирурга.

Таких, как я, специалистов-белохалатников, оказалось около тридцати человек. Студенты не отличались друг от друга, и лишь по росту и фигуре можно было догадаться, кто стоит рядом — девушка или парень. Даже Мелёшин потерялся среди толпы двойников. Парни дурачились, девчонки переговаривались.

Затем нам разрешили войти в чертоги растениеводства. Наша группа продвигалась по небольшому светлому коридору, по обе стороны которого разместились боксы, отделенные прозрачными перегородками. Ромашевичевский, выделявшийся ростом и повышенной носатостью, которую не могла скрыть марлевая повязка, шел впереди и рассказывал.

В оранжерейных боксах выращивали различные виды редких растений, использовавшихся в приготовлении снадобий. Поскольку большинство видов было капризно к условиям произрастания, то каждый бокс являл собой кусочек среды, в которой растению жилось комфортно и привольно. Например, в боксе с чевохиями, плантация которых цвела фиолетовым ковром, поддерживалась температура +36 градусов и относительная влажность ровно 92 %. Целью содержания избалованного растения в благодатных условиях являлись тычинки и пестики с крохотулечных цветочков.

Встречались и такие растения, которые в естественной природе балансировали на грани вымирания, а под лампами институтской оранжереи чувствовали себя сносно и разрастались.

Преподаватель подвел нас к боксу, освещенному тусклыми синими лампами. В неестественном свете к потолку тянулись красные тонкие стебли, обсеянные белой мукой. Иногда с какого-нибудь стебля отрывались несколько белых точек и отправлялись в хаотическое движение по помещению, пока их не притягивало к другому стеблю. Из-за обильного мучного течения создавалось впечатление, что за стеклом бушует небольшая метель.

— Что это за растение? — обратился к студентам Ромашевичевский и прежде чем, начали подниматься редкие руки, сказал: — Ответит Папена.

А я-то думала, он позабыл обо мне. Ан нет, затаил в глубине души свою месть.

— Это капистула обыкновенная или сонник.

— Условия произрастания?

— Смешанный лес, рассеянный свет, бедная почва.

— Причины редкости капистулы?

Несмотря на повязку, скрывавшую лицо преподавателя, я поняла, что он задумал пакость.

— Она не редкая. Довольно часто встречается в предгорьях.

— Странно. Зачем засаживать сорняком бесценное пространство бокса, если взамен можно посадить что-нибудь полезное и редкое? — допытывался Ромашка.

— Интерференция вис-волн и световых волн от синих ламп, — пояснила я. — После облучения из созревших семян сонника выжимают масло, которое используют в снадобьях омоложения.

— Что ж, Папена, зачатками знаний по растениеводству вы обладаете. Сносно, — заключил препод.

Стоявшая рядом девушка фыркнула.

— Штице, ваша реакция однозначно указывает на зависть, — сказал насмешливо Ромашевичевский. — В отличие от Папены, вам никогда не удавалось навскидку классифицировать большинство растений из наших оранжерей.

Я удивилась. Как преподаватель смог разглядеть в безликой массе одинаковых зеленых шапочек и моргающих глаз новую старосту? Меж тем препод продолжал унижать личное достоинство Эльзы:

— По моему мнению, студенту, не успевающему по отдельным предметам, не следовало доверять место старосты.

Девушка молчала, но я чувствовала, что от нее, как от печки, пышет злостью и негодованием.

А потом мы подошли к следующему боксу. Ну, и печальное же зрелище открылось моему взору! Основная часть помещения пустовала, черная земля жирно поблескивала свежеперекопанным плодородием. В дальнем углу стояли штук шесть или семь горшков с чахлыми обвисшими кустиками. Тут уж, как ни допытывайся Ромашка, а никто не сможет распознать поникшие тряпочки.

— Мыльнянка вис-модифицированная или разъедало, — сухо сообщил преподаватель. — В связи с аварийным отключением электроэнергии плантация погибла практически полностью. Остались несколько экземпляров, но они долго не протянут.

Я прилепилась к стеклу. Вот оно, мое счастье и несчастье, помирает на глазах. Всего-то нужно добавить 0,0003 унции вытяжки из листьев мыльнянки к базовой рецептуре универсального пятновыводителя, и вишневым компотом навсегда исчезнет со свитера и штанов.

— Папена, почему погибла мыльнянка? — спросил неожиданно Ромашевичевский.

— Потому что может произрастать только при постоянном освещении. Из-за отсутствия света получила ожоги, несовместимые жизнью, — вздохнула я. — Это единственные выжившие экземпляры?

— Если считаете, что при практически стопроцентном поражении тканей можно выжить, то да — это единственные выжившие растения, — ответил препод замогильным голосом маньяка-садиста и взглянул на часы. — Времени предостаточно. Разделитесь группами по три-четыре человека, и займемся огородными работами.

Народ недовольно занял под повязками, но внимательный взгляд Ромашевичевского пресек возмущения на корню. Пока студенты переговаривались и перемещались группками от одного бокса к другому, я снова прикинула к окошку, за которым угасали шесть... нет, пять кустиков разъедалы, и словно воочию видела, как из них капля по капле утекали жизненные силы. Вдруг почувствовала чью-то руку на пятой точке и дернулась от неожиданности.

— Не трепыхайся, — сказал над ухом знакомый голос.

Лицо Мелёшина скрывала повязка, но по лучикам около глаз я догадалась, что он ухмылялся, однако руку не убрал, а вдобавок погладил. Пришлось самой сбросить наглуую пятерню.

— Ты что здесь забыла? — спросил Мэл, наклонившись ближе.

— Как что? Учусь, постигаю науки.

— У тебя же Стопятнадцатый в группе поддержки.

— Ну и что? Одно другому не мешает. Может, хочу сварить снадобье, которое склеит тебе все возможные отверстия.

Я, конечно же, имела в виду глумливый рот Мелёшина, однако сказав, сообразила, что фраза прозвучала двусмысленно. Мэл тоже мгновенно сообразил, потому что фыркнул, а потом беззвучно засмеялся, давась.

С гордо поднятой головой я пошла делиться попарно и почетверно, и попала в группу с одной девушкой и двумя парнями. Никого из напарников не узнала — медицинский маскарад напрочь их обезличил.

Нашей группе доверили обирать нижние листья с гопогерии. Поскольку кустики были невысоки, приходилось ползать около них на коленках. Для защиты от шипов на растении нам выдали брезентовые рукавицы. Парни не больно-то разбежались набивать холщовые мешочки пурпурными мясистыми листьями. Они делали вид, что усердно выполняют задание, а на самом деле устроили тайный саботаж.

— Я не нанимался пахать бесплатно, — пробурчал один из них, но побоялся проявить открытое неповиновение. Вместо этого застрял вначале вверенного ему ряда.

У меня наглости было гораздо меньше, поэтому я медленно, но верно пробиралась по бесконечному ряду. Вторая девушка тоже старательно наполняла свой мешочек.

— Не думал, что разбираешься в растениях, — сказал кто-то за моей спиной.

Я вздохнула и развернулась. Судя по голосу, в мою группу попал вездесущий Мелёшин. Под докторской амуницией он был абсолютно не различим, а вот как ему удавалось высмотреть меня — уму непостижимо.

Конечно же, Мэл не бросился, сломя голову, выполнять задание препода, а впустую возил рукавицами между колючими стволиками.

Решив не отвечать на призыв к разговору, я углубилась в сбор листьев. При желании в любой монотонной работе можно найти хорошее. Например, есть время повторить теоремы и разные висорические термины. Но Мелёшин скучал и поэтому решил, что гораздо веселее донимать меня.

— Слушай, Папена, как наберешь свою сумку, может, займешься моей?

— Насчет сумки не знаю, а рот вполне могу утрамбовать.

— Не пойдет. Скоро все отверстия в моем организме подвергнутся склеиванию, — сказал печально Мэл и, не сдержавшись, закатился. Слава богу, смеялся тихо, а то с гопогерии мгновенно осыпались бы все листья, потому что растение боялось громких звуков. — И все же, Папена, я тебя подозреваю.

— В чем? — остановилась я и разогнула ноющую спину.

— Твое появление на практике у Ромашки неспроста. Ты что-то задумала.

Какой догадливый! Всего-навсего задумала привести в божеский вид одежду, облитую компотом по милости его бывшей подружки.

— Конечно, — кивнула и вернулась к физическому труду. — Охраняй свой поднос в столовой, а то не ровен час, вместо занятий проведешь полдня в туалете.

— Злодейка, — вздохнул Мелёшин. — Так и знал. Может, все-таки наберешь мою сумку?

— Наберу, но будешь должен, — ответила я строго.

— Не, за долг не согласен. Но ты ведь эта... альтруистка? пацифистка?

— Скажи лучше, дурочка, — поджала губы.

Хотела бы я посмотреть, как его блондинка будет ползать в юбке между грядками и собирать листочки. Кстати! Стою тут на коленях, а Мелёшин позади усиленно изображает бурную деятельность по сбору листовенной части гопогерии. Я подскочила как ошпаренная, и

Мэл разогнулся, поглядывая по сторонам и посвистывая. Хотела треснуть его по голове мешком с шипастыми листьями, но тут по стеклу бокса постучал Ромашевичевский, приглашая к выходу.

По итогам огородной работы под оранжерейным солнцем, выявились трое самых трудолюбивых студентов — я с напарницей и еще одна девушка, набравшая три ведра вонючих цветков плагантуса древовидного.

— Прекрасно потрудившиеся студенты получают привилегию сварить снадобье на свое усмотрение и испытать его. Остальные, — Ромашка оглядел уморившихся работников, — продолжают трудиться согласно учебному плану.

Уставшая толпа побрела к выходу. Я подошла к преподу.

— Максимилиан Эммануилович, мне хотелось бы сварить пятновыводитель.

— В чем проблема? — спросил он высокомерно и скривился. Его перекошенный рот выделялся даже под плотной повязкой.

— Нужна вытяжка из листьев мыльнянки.

— К сожалению, в запасниках нашей лаборатории мыльнянки нет. Все, что от нее осталось, скоро превратится в тлен. Подождем немного, а после праздника ликвидируем оставшиеся растения.

Какая жалость! Бросив грязный халат и прочие причиндалы стерильности в ящик для использованных вещей, я побрела опечаленно по коридору. В планах стояли поочередно: библиотека, архив с усатым начальником и дополнительное занятие у Альрика, а потом учеба в общаге до умопомрачения.

Внезапно вдалеке мелькнуло знакомое рыжее пятно. Алесс! Я кинулась за ним. Бежала, и сумка хлестала по ноге. Думала, опять потерю неуловимого парня, но сегодня он не собирался исчезать, а вполне видимый и материальный, занял место у святого Списуила. Народ потеснился, и рядом с Алессом тут же образовалось обширное свободное пространство.

— Вот ты где! — я тяжело свалилась рядом с парнем. — Второй день ищу!

— Никуда не прятался, — сказал рыжий. — Ем в столовой.

Не видела его на обеде. Хотя кого я могла увидеть? В глазах мельтешил куриный рулет с сырной корочкой.

— Надо поговорить. Срочно, — сказала, отдышавшись. Обвела зал глазами и вдруг заметила Мелёшина у зеркала. Он стоял в одиночестве, без блондинистой подружки. Держа куртку в руках, смотрел на меня, и его лицо не предвещало ничего хорошего. Что опять не так в подлунном мире?

Вспомнив о возможном подслушивании, я вырвала из тетради листочек и быстро накарябала: "Есть раритет. Хочу продать".

Сунула рыжему листочек и перо. Тот прочитал, написал и вернул.

"Документы?"

Я быстро настрочила: "Нет".

Как два заговорщика, мы вели шпионскую переписку, а Мелёшинское лицо у зеркала с каждой минутой мрачнело и смурнело.

"Что это?" — продолжал общаться Алесс.

"Нескончаемая фляжка с коньяком".

Парень прочитал и задумался. Поиграл пером, медленно накарябал: "Нужны доки".

"Где я их?????" — поставила бы тысячу вопросов, если поможет.

"Найди мастера с клеймом. Он сделает" — вернулся ответ.

Отлично! Между прочим, у меня в знакомых уйма мастеров, а я и не знала.

"Где я его найду????? Посоветуй!!!!"

"Ищи сама. Будут доки — будет разговор".

Алесс вернул листок, закинул сумку на плечо и скрылся в северном коридоре.

Я растерянно мяла бумажку. Ну, и что делать? В принципе, парень прав — никто не будет покупать кота в мешке. Придется заходить с другого боку: собирать информацию о мастерах раритетов. Понятно, что получить законным путем документ о состоянии фляжки не получится, стало быть, нужно искать мастера-нелегала и брать его в долю. Обидно, что рыжий не стал помогать, хотя его тоже можно понять — у каждого из нас свой риск.

Разорвав переписку на мелкие клочки, я хотела выбросить в урну, но поглядела на Мелёшина и ссыпала обрывки в сумку. Встала и направилась в библиотеку. Мэл пошел наперерез. Его злое лицо свидетельствовало об одном — сейчас кому-то не поздоровится. Быстренько свернув в соседний коридор, я ускорила шаг. Если не заплутаю, то дойду переходами до нужного места.

Мелёшин следовал позади. Более того, он догонял меня.

Припустив, я побежала. Взлетела по лестнице, не запомнив, на какой этаж, и понеслась по коридору. Мелёшин не отставал, и даже куртка под мышкой его не тормозила. Я же начала выдыхаться. Петляла как заяц, запутавшись в бесконечных переходах и распугивая редких студентов. Забежала в незнакомый коридор, с ужасом поняв, что беготне пришел конец — передо мной был тупик.

Мелёшин бросил сумку у стены, кинул на нее куртку, и пошел на меня. Я пятилась и оказалась в углу. Мэл оперся одной рукой о стену, а вторую упер в бок.

— Вот, значит, с кем знаешься, — начал зловеще.

— С к-кем? — спросила, заикаясь от страха.

— С Соцким.

Я отрицательно замотала головой.

— С Рыжим Соцким, — повысил голос Мэл. — Не отнекивайся. Пять минут назад ворковали у Списуила.

— Это ошибка. Это Алесс, — начала уверять. — И мы не ворковали.

— Значит, уже Алесс? — сказал недобро Мелёшин. — А ты в курсе, чем он занимается? По нему же первый отдел плачет. Вся его семейка на подозрении. Зачем ты с ним связалась?

— Я не связывалась.

— А-а, значит, договорилась с ним выносить книги из библиотеки? — вспыхнул он. — Нашла нового напарничка? Соцкий продаст тебя — недорого возьмет.

— Не нужен мне никто, — пискнула я. — Теперь сама проношу книги.

— Конечно! — взбеленился Мэл. — Как же я мог забыть о твоих привилегиях? Например, о завтраках и обедах с символистиком в отдельной столовой! Может, он тебя на колени садит и с ложечки кормит?

— Причем здесь Альрик? — закричала я. — А если и кормит, тебе-то какая разница?

— Какая мне разница? — рассвирепел Мелёшин. — Мне есть разница!

Сцепил свои пальцы с моими и припечатал к стене.

— Сейчас узнаешь, какая мне разница, — отрезал и жестко поцеловал, прикусив мне губу, словно наказывал. Ойкнув от боли, попыталась вырваться, но хват был крепким.

— Не дергайся, — сказал Мэл, и я замерла.

Он обегал взглядом мое лицо и снова возвращался к прокушенной губе. Потом легонько подул на ранку, медленно склонился, осторожно коснулся моих губ и неторопливо, изучающе, поцеловал.

Расцепил наши пальцы, а я почему-то не делала попыток оттолкнуть его и убежать. Стояла и смотрела — глаза в глаза. Мэл провел пальцем по моим губам и очертил их контур. Вдруг, зажав подбородок рукой, яростно поцеловал — раз, другой.

И сорвался. Впрочем, как и я. Притянула его к себе и отклонила голову, подставляя шею губам Мелёшина.

Его руки забрались под свитер и, ловко расстегнув нужные застёжки, принялись умело поглаживать и сжимать. Я же захлебывалась в удовольствии, впрыскиваемом в кровь с каждым новым поцелуем, разъедавшим волю и испарявшим остатки самообладания. Куда подевались жалкие попытки противостоять искушению? Тело стало покорным, как глина в руках скульптора, и охотно отзывалось на прикосновения, прогибаясь навстречу ласке.

Под его ладонями горела кожа, искорки наслаждения простреливали по нервам, нарастая и усиливаясь. Рассудок отключился, уступив место инстинктам, вопящим об одном: "Возьми! Разрешаю!"

Мэл часто и жарко дышал.

— Раздвинь ножки, — послышался хриплый прерывающийся голос над ухом.

И я согласно выполнила просьбу, не испытывая ни капли стыда от собственного распутства. Мелёшин втиснул колено и потер им между моих ног. Разве крыска сподобилась возмутиться нахальным вторжением? Наоборот, из моего горла вырвался глухой стон, а руки крепко вцепились в плечи Мэла. Я чувствовала его возбуждение и как губка пропитывалась его желанием. Нашим общим желанием.

— Да, Эвочка, да... — бормотал он, целуя. — Моя девочка... Скажи "да"...

Внезапно я увидела себя со стороны — с задранной до талии юбкой и ногой, закинутой на Мелёшинское бедро, а он сам, вмяв меня в стену, нетерпеливо шарил по телу, дрожа от предвкушения. Увидела свое пылающее лицо и растрепанные волосы, увидела согласие в своих глазах.

Отстраненное созерцание происходящего начало неумолимо гасить внутренний огонь, пожирающий меня. Тело еще жаждало, а рассудок уже заработал, остужая его.

Сейчас мы с ним... сейчас он меня здесь... в полутемном коридоре как легкодоступную шлюшку... А потом, как тогда, в библиотеке, равнодушно отойдет, словно не случилось ничего особенного. Застегнет свою сбрую и начнет названивать блондинке: "Милая, чем занимаешься? Жди, скоро буду".

Руки опустились. Мэл, увлеченный процессом, не заметил, что мое настроение изменилось.

— Что будет дальше? — спросила я спокойно.

— А что дальше? — не переставая целовать, сказал он хрипло. — Отлично проведем время.

— Я должна отлично проводить время с учебниками.

— Не отпирайся, — выдохнул на ухо и прикусил кожу. — От тебя за километр несет страстью. Ты хочешь этого не меньше, чем я.

— Мне много чего хочется, — оттолкнула Мелёшина. Как ни странно, удалось.

— Папена, зачем тебе аттестат по висорике? — его тон стал насмешливым, и я поняла,

что возбуждение пошло на спад. — Чтобы потешить самолюбие?

— Тебя не касается.

— Хорошо. Учись и совмещай полезное с приятным.

— Для совмещения маловато ума. Лучше что-нибудь одно. Посмотри на меня! Разве я похожа на Эльзу? Или на твою блондинку?

— Изабеллу.

Меня покорило упоминание Мелёшиным ее имени. Не знала и знать не хочу, как зовут длинноволосую красотку.

— На нее. Мэл, скажи честно, что тебе нужно от меня?

— Что нужно? — переспросил он, растерявшись.

— Не далее как на прошлой неделе ты говорил, что мы разные, и нам нужно держаться друг от друга подальше.

— Говорил, — признал он неохотно.

— Тогда зачем всё это? Хорошо провести время и разбежаться? Ты полетишь к своей Изабелле, я вернусь к учебникам. Это правильно?

— Нет, — отвернул голову в сторону. — Я скажу ей правду.

— Какую?

— Эва, если вопрос в деньгах, могу давать тебе некоторую сумму... каждую неделю...

Меня будто окатило ледяной водой.

— Ты подумал... ты решил, что я из-за денег?! — выпалила с пылающим лицом. — Запомни, Мелёшин Егор Как-тебя-там! Я. Не. Продаюсь!

— Эва, послушай... — начал он, но я оборвала:

— Мелёшин, мы разные! — заговорила, одергивая юбку и заново собирая волосы в хвостик. — Левый и правый берега — знаешь? Небо и земля — знаешь? Солнце и Луна — знаешь? Так вот мы еще дальше! Ты любишь машины и красивых девчонок, я люблю гулять и мечтаю о... в общем, мечтаю. У каждого из нас свои интересы и понятия о правильности, так что не трави душу, ступай по своим делам, а я пойду по своим.

И, закинув сумку на плечо, я пошла прочь, не оглядываясь на растерянного Мэла.

Это могла быть 29.2 глава

К черту библиотеку!

Сама не поняла, как хватило спокойствия пройти по коридору медленно и с достоинством, не срываясь на бег, а завернув за угол, припустить краями в архив, чтобы не столкнуться вновь с Мелёшиным. Хотя он не стал останавливать и догонять. А зачем? Подумаешь, у одной дурочки хватило ума отказать. Мэл, не сходя с места, щелкнет пальцем, и набежит толпа более сговорчивых и умных девушек. В отличие от меня.

При воспоминании о недавних горячих объятиях в голове опять наступило затмение, и я потеряла способность соображать: от гнева, от обиды и от пронзительности ощущений, накрывших пряным вожделием в полутемном углу коридора. Схватила за перила, чтобы отдышаться и восстановить четкость зрения, а потом двинулась дальше.

Мэл узнал от кого-то, что у меня появились бонусы при трудоустройстве в архив. От кого же еще, как не от Мавочки, с которой торчал вчера в холле! Недаром у отдела кадров сложилась репутация кузницы сплетен и слухов. Наверняка кадровичка выложила Мелёшину всю подноготную моей карьеры, и они долго посмеивались над мизерным окладом младшего помощника архивариуса. А сегодня Мэл не преминул воспользоваться полученной информацией, решив, что нам обоим будет удобно.

Ему самому, тискающему меня в свое удовольствие тайком ото всех, а после отправляющемуся домой, в большой сверкающий мир, и сопровождающему Элеонору или как там ее... Изабеллу... в театр или на какой-нибудь банкет.

И мне, бездарной простушке и обманщице, считающей за счастье, что на мою затрапезную персону обратил внимание видный перспективный парень. А в качестве подачи, и чтобы не трепала языком налево и направо, пообещал подкидывать денжат, тем более они сейчас необходимы край головы.

Словом, мне отводилась роль маленькой грязной тайны богатого избалованного мальчика. Горечь сделанного открытия осела в душе толстым слоем разочарования — на себя, на Мелёшина, на стечение обстоятельств. Мысль о том, что в глазах Мэла я выглядела дешевой девицей, не прочь перепихнуться по-быстрому в любом подходящем углу, вонзилась острым ножом в сердце по самую рукоятку.

Придя в архив, я одарила вежливым "здрате" начальника. За прошедшие сутки отношение архивариуса ко мне не изменилось в лучшую сторону. Штусс по-прежнему не доверял содержимое драгоценного архива, отгороженного деревянной стеной. Он опять усадил меня за столик рядом с растительным царством и всучил кипу карточек. Зачем, спрашивается, их переписывать, если они в приличном состоянии — не мятые, не рваные, не обгрызенные?

Архивариус выглядел сегодня неважно. Постоянно швыркал и сморкался в платок, отчего нос мужчины опух и покраснел.

— Швабель... э-э-э... — решила я посочувствовать болезненному виду начальника.

— Иоганнович, — хлюпнул он. — Погодите.

Ушел за перегородку, шуршал чем-то и двигал ящиками, а потом появился, имея более презентабельный вид.

— Что-то неясно? — обратился ко мне.

— Что вы, — поспешила я разуверить, — наоборот, четкий почерк, и доходчиво

изложено, — похвалила содержимое карточек, и архивариус удовлетворенно кивнул. Лесть приятна каждому, пусть даже маленькая.

— Тогда что?

Если скажу, что он выглядит нездоровым, подумает, будто хочу избавиться от него и отправить на лечение в домашних условиях.

— У вас богатая коллекция, — сделала комплимент, обведя рукой зеленеющие углы помещения. — В наше время не каждый мужчина увлекается разведением комнатных растений.

— Я и не увлекаюсь, — ответил начальник. — У меня на них аллергия.

Ничего себе поворот! От неожиданности я замолчала, не зная, что сказать. Для чего же тогда архивариусу нужен богатый флоропарк? Зачем мучиться с постоянным насморком, если можно выбросить горшки и кадки или раздать по отделам?

В это время в архив зашли две студентки, попросили мемуары какого-то ученого-висорика, и Штуссу пришлось отвлечься. Затем пришел парень за сборником докладов прошлогоднего научного семинара, и помещение ожило, наполнившись возней и перелистыванием страниц.

Я чиркала, заполняя карточки, а мысли текли, загибаясь неизменной дугой к Мелёшину, и снова болезненно заныло сердце и защипало в глазах.

Два часа рабочего времени закончились, и морально разбитая крыска все-таки завернула в библиотеку. Сдав Бабетте Самуиловне книги, прошла затяжную процедуру их проверки на степень чистоты и замызганности. К невольному облегчению, не встретила Петю и сама себе подивилась — я подсознательно оттягивала разговор с ним.

На очереди стояла встреча с профессором Вулфу.

По пути на занятие я раздумывала над словами Мэла об уголовной семейственности рыжего. Теперь понятно, почему большинство студенческого населения относилось к парню с опаской и даже со страхом. Алесс занимался темными делишками и махинациями. Как сказал Мелёшин? "По рыжему плачет первый отдел". В таком случае по мне он рыдает горячими слезами. Поскольку я не питала симпатий к дознавателям, то, стало быть, мы с Алессом невольно оказались по одну сторону баррикад. Не буду отрекаться от общения с парнем, к тому же оно выгодно для меня. Однако на будущее придется соблюдать осторожность.

В ожидании профессора я пялилась в ночь за окном. Вот так и протечет вся жизнь: в темноте ухожу в институт и в темноте возвращаюсь в общежитие, а что творится за стенами — проносится мимо и просыпается сквозь пальцы. Грустно.

Кроме меня, тупой и беспросветной в теории символистики, набралось тринадцать человек с потока. Альрик прибыл точно по расписанию, коротко поздоровался и для начала провел небольшую разминку на предмет ориентирования в терминах и понятиях.

Я отвечала невпопад и не всегда правильно. Лицо профессора, когда он обращался ко мне, сменило маску вежливости, став строгим, словно высеченным из камня. Может, Альрик снова унюхал аромат моей жалкой душонки? Если в прошлый раз пахло лимонной полынью, то сегодня наверняка разило горечью, сводившей скулы. Больше не буду мазаться духами.

Зато когда разговор зашел о раритетах, вернее, об их долговечности, я оживилась. Профессор объяснял на примерах, рассказывая доступным языком:

— Есть так называемые пассивные раритеты, веками и тысячелетиями отдающие энергию символов, вплетенных в них. А есть активные раритеты, которые эффективно

"выстреливают", после чего быстро приходят в негодность и становятся обычными предметами. К пассивным раритетам можно отнести оружие и доспехи прошедших эпох. Возьмем щиты. Для повышения прочностных характеристик древние мастера чеканили, гравировали защитные руны и символы на поверхности щитов, но некоторые умельцы видоизменяли кристаллическую решетку сплава еще на этапе отливки. Разумеется, щиты со структурным вплетением символов считаются более долговечными, нежели покрытые защитными знаками. Похожая ситуация обстоит и с оружием, в котором пассивная энергия символов используется для улучшения боевых качеств. Но вернемся к активным раритетам. Практически все они быстро изнашиваются, поскольку символные знаки, введенные в их структуру, ускоренно истираются и разрушаются. Это происходит в связи с тем, что на реализацию уникальных свойств затрачивается огромное количество энергии, заложенной в символах. Кто может назвать пример активного раритета?

— Горшочек с кашей! — выкрикнула я с места, конечно же, подразумевая под керамической посудиною завуалированную фляжку с коньяком.

— Объясните почему, Папена, — перебрал мне ход профессор и, увидев замешательство, сказал: — Ну же! Думайте, размышляйте. Учитесь делать выводы.

— Чтобы получить кашу, пустой горшочек должен сгенерировать крупу, соль, сахар, — начала неуверенно, — а еще масло, молоко, изюм, фрукты...

Меня понесло. О еде я могла говорить часами.

— Ну и... — сказал многозначительно Альрик, прервав поток вкусоностей.

— Потом каша должна повариться, распариться, и можно кушать, — продолжила я, и рот наполнился вязкой слюной.

— Как перевести активный горшочек в разряд пассивных раритетов и, тем самым, продлить его долговечность?

— Исключить ряд операций, — вклинился парень с первой парты.

— Например? — профессор переключил внимание на ответившего.

— Например, предусмотреть ручную загрузку компонентов, а на долю горшочка останется варка.

— Логично, — похвалил Альрик. — Проведу параллель между горшочком и модной нынче скатертью-самобранкой. В качестве творца универсального продуктового изобилия она крайне недолговечна, поскольку требует одновременной генерации съедобных и несъедобных предметов — кувшинов, блюд, бокалов и, собственно, вина и жареного поросенка с зеленым горошком. Вывод таков: раритеты, часто и активно использующие энергию символов, заложенных в них, быстрее заканчивают свое существование.

Я похолодела. Вдруг моя фляжка рассчитана на два или три разовых приготовления коньяка, а потом начнет генерироваться сивуха, переходящая в ослиную мочу? Может, стоит плюнуть и продать баклажку висоров за пятьдесят, как обычную емкость с булькающим спиртным?

Если день решил быть не ахти, он сделает всё, чтобы закончиться катастрофически. У раздевалки я напоролась на Петю.

— Привет! — сказал жизнерадостно парень. — Я вспоминал о тебе. Ты куда подевалась?

— Увязла в учебе по самое не хочу, — ответила мрачно.

— Я тоже, но еще мотаюсь на тренировки. Вот иду домой. Устал как вол. Тебя проводить?

— Проводи, — вздохнула тяжело. — А когда у тебя соревнования?

— Через неделю. Жду — не дождусь. Зря, что ли, столько сил вбухал?

Мы оделись и вышли. Монтепорт и ухом не пошевелил, уставившись красными угольками в потолок и выглядывая кого-то. Бабочка на шее явно ему жала.

Я включила фонарик, и мы побрели по дорожке. На голове у Пети была шапочка со смешным крохотным помпончиком — шариком.

— Петь, — начала неуверенно. — Помнишь, ты предлагал встречаться?

— Помню, — ответил он настороженно.

— Понимаешь... я еще никогда и ни с кем не встречалась...

Парень облегченно вздохнул.

— Наверное, у меня плохо получится. Боюсь тебя подвести, — затараторила я. — Вот, например, сегодня Мелёшин потребовал свой долг...

Петя остановился и спросил сурово:

— Что он потребовал?

— Развлекать его в столовой во время завтраков и обедов.

— Я ему морду набью, — предопределил спортсмен судьбу Мэла.

— Петь, это же долг. Может, Мелёшину приестся? Он так и сказал: "Пока не надоест".

Мы снова двинулись в путь.

— Значит, не хочешь встречаться? — спросил парень.

— Петь... очень хочу, но сейчас дел невпроворот. Под завязку. Когда встречаются, то вместе ходят, гуляют... — Хотела сказать "целуются", да не стала. — А у меня времени совершенно нет, по крайней мере, во время сессии. Аврал.

— И мне тоже некогда, — расстроился Петя.

Мы остановились под фонарем у общежитского входа. Посмотрела я на понурое лицо парня, и так мне его стало жалко, что ляпнула:

— Но все равно давай попробуем. Пусть во время сессии мы оба будем заняты, она ведь когда-нибудь закончится, так?

— Так, — просветлел Петя. — И точно, ничего страшного не произошло. Понемножку втянемся в отношения, да?

— Ага, — сказала я и, осмелев, поцеловала его в щеку. — Пока! — крикнула уже на ходу, забегая в дверь.

Что я наделала! — металась по комнатухе. Ведь хотела сказать совсем не то, а вырвалось... Сев на кровать, погрызла ногти и махнула рукой. Сказанного не воротишь, а если по полночи переживать и обсасывать проблему, то учеба зависнет.

Достав фляжку, я понюхала содержимое, окунула палец и лизнула. Коньяк не заплесневел, что порадовало. Долго изучала чеканку и нашла на округлом доньшке значок-клеймо изготовителя — букву "V" на новолатинском, пересеченную цифрой "1".

После заучивания, повторения и оформления рефератов, укладываясь спать далеко за полночь, я с тоской вспомнила, что завтра предстоит грандиозное событие — последний день уходящего года, с которым торжественно простятся на общеинститутском праздничном вечере. Чтобы дожить до новогоднего великолепия, предстояло одолеть два мучительных события — утреннюю и обеденную трапезы Мелёшина. Можно заставить себя не смотреть на изобилие шедевров поварского искусства на чужом подносе, но как заставить нос не нюхать?

Очень просто, — сердито пожурила себя за запоздалую догадку. Нужно во что бы то ни

стало освоить заклинание "засирайки", которое отобьет у меня обоняние.

Это могла быть 30.1 глава

Час, отобранный у сладкого утреннего сна, ушел на усердную тренировку заклинания свежего воздуха. Я выживу, и Мелёшин мне не помеха. И все же в душе было беспокойно: вдруг не получится?

Сухарики, ставшие привычным рационом, приглушили аппетит и повышенное слюноотделение. Пора бежать в институт, чтобы успеть к раннему открытию столовой.

Идя по гулкому пустынному коридору, я слушала эхо собственных шагов. Тревожное ощущение усилилось, постепенно перерастая в нервную дрожь.

Пробравшись к столику в углу, вдоволь насоздавала "засирайку", стараясь, чтобы нос попал в стерильную зону. Лишь опустившись на стул, я сообразила, что нервозный зуд отнюдь не из-за беспокойства за удачность заклинания. Сердце бухало тяжелым молотом, мысли неслись вскачь, запинаясь друг о друга. Уши невольно прислушивались к столовским звукам, а дыхание задерживалось в ожидании уверенных шагов.

Что он скажет? Или промолчит? Будет извиняться и оправдываться или обратит в шутку и посмеется? Поделится подробностями с друзьями или со всем институтом?

А что скажу я? Можно сделать вид, что не произошло ничего из ряда вон выходящего, но тогда он утвердится во мнении, что обжимания — привычное для меня дело. А можно вклеить пощечину. Неплохо, но запоздало.

Разложив тетради, я заняла добрую половину стола, а руки предательски дрожали. Чем бы их занять? А вот хотя бы дерганным постукиванием пера по столешнице. Получится ли спокойно посмотреть Мэлу в глаза и отвести равнодушный взгляд в сторону?

В конце концов, я давно не школьница, — вколола себе отрезвляющую мысль. Наверняка сiju как спелая помидора с шальными глазами. Глубоко вздохну несколько раз и дооформлю, наконец, реферат по теории снадобий, и никто не заметит моего волнения.

До чего же длинно зовут Ромашевичевского, и фамилия у него невероятно длиннющая! Уже пятый титульный лист порчу, а написать в одну строчку не получается.

— Привет умным девочкам! — напротив сел Макес и шмякнул поднос с омлетом, какао, горячими бутербродами и плюшками.

Отодвинулся стул, и рядом сел молчаливый Мелёшин, решивший, что здороваться с крыской каждый день будет жирно. Хватит и одного раза в неделю.

Я украдкой посмотрела на него. Мэл выглядел слегка помятым, взъерошенным и очень привлекательным в полосатом пуловере, в треугольном вырезе которого виднелась ямка между ключицами.

Нельзя отвлекаться. Схватив новый лист, я начала писать заново, мельча буквы.

— Где твоя? — жуя, спросил товарищ Мелёшина. — Второй день не видно.

Из услышанной фразы я вычленила всего лишь одно слово. "Твоя". Емкое и единственно правильное слово. Его. Его блондинка.

У меня застучало в висках. Запортив начатый лист, я скомкала и на удивление метко зашвырнула в мусорную корзину у колонны. Мэл проследил за полетом.

— Готовится к празднику, — ответил невзрачно.

Ну, конечно! Это же какую невероятную красоту нужно наводить, чтобы второй день не появляться в институте, наплевав на прогулы? Наверняка, после непрерывной двухдневной подготовки, появление Мелёшинской блондинки на сегодняшнем вечере произведет фурор.

Бедняжка! Бегают сейчас в мыле по магазинам и не может выбрать, в чем пойти. И пусть красотку зовут Изабеллой, для меня она навсегда останется безымянной подружкой Мэла.

Как оказалось, Макес был солидарен с моими раздумьями. Он пригласил пестроволосую шевелюру и высказал Мелёшину, окончательно испортив мне настроение:

— Однако тщательный подход к делу. Чую, тебя ждет особенный подарочек. Она случайно не по магазинам нижнего белья взяла низкий старт?

Я запортила следующий лист и опять, скомкав его в плотный шар, метнула в корзину. В яблочко! Мэл бросил на меня быстрый взгляд, продолжая ковыряться в запеканке.

— Мне-то откуда знать? — ответил грубовато.

Однако его товарищ не унимался.

— На твоём месте я бы прыгал до потолка, — хохотнул он. — Сегодня будет жаркая ночь.

Яростно скомканный комок бумаги пролетел в корзину, и, не попав, шмякнулся рядом. Я отодвинула с грохотом стул, чтобы поднять результат неудачного броска. Вернувшись, собрала разложенные листы и спросила преувеличенно вежливо:

— Могу идти? С утра плохо развлекается.

Мелёшин потер лоб и, не глядя на меня, разрешил:

— Иди.

Я вышла из столовой, закусив до боли губу. Ненавижу, ненавижу! Непонятно за что, но ненавижу. Но в итоге так и не поняла, получилась у меня "засирайка" или нет, потому что напрочь забыла о заклинании, увлекшись переживаниями. Хорошо, что вспомнила о Бабетте Самуиловне и перед лекциями взяла на прочитку толстенный справочник.

Дообеденные занятия проходили в возбужденно-суматошной возне, какая обычно сопутствует большому празднику. В аудитории стоял гул, учебный материал совершенно не лез в голову, да и преподаватели, понимая бесполезность надрывания связок, особо не усердствовали.

Эльза раздала присутствующим пригласительные билеты на новогодний вечер. Мой она швырнула на стол, а к Мелёшину наклонилась и подала, показав глубокое декольте в апельсиновой кофточке.

Билет пах хвоей. На пластиковой прямоугольной карточке поблескивала пушистая елочка с отяжелевшими от снега ветвями. Под другим углом зрения она исчезала, зато появлялась переливающаяся затейливым курсивом выпуклая надпись в обрамлении мигающих огоньков: "Новогодний вечер 31 декабря в 21.00".

Мелёшин просидел обе лекции, рисуя в тетради. Эх, владей я заклинанием [adventi](#)^[24], то смогла бы разглядеть его закорючки. Вздохнула и уставилась в окно. Белесо-серое небо усиливало отвратительное настроение.

А вот на обеде создать незаметно "засирайку" не получилось, поэтому дела пошли из рук вон плохо. Общепитовские ароматы едва не поставили меня на колени. Пришлось периодически потирать невзначай нос, чтобы перекрыть доступ к вкусным запахам.

На этот раз мы сидели в полупустой столовой вдвоем с Мэлом. Основная часть студенчества ринулась после второго занятия наводить красоту перед праздником.

К большому перерыву я смогла разбудить в себе самообладание. Уселась, вытащила справочник и тетрадь, старательно игнорируя присутствие Мелёшина. Неторопливо перелистывала страницы в поисках нужного параграфа, а в душе завозилось разочарование оттого, что Мэл вовсе не собирался объясняться. Мне бы радоваться, что он не ославил меня

на весь институт как девицу определенной репутации. Вместо этого я начала раздражаться на неопределенность, а раздражение породило недовольство. Словом, хотела сама не знаю чего.

Пока меня одолевали терзания, желудку надоело стесняться, и он выразил негодование голодным бурчанием. Мелёшин ел вяло, не поднимая глаз от подноса. Я же выписывала из справочника, делая вид, что ничего особенного не рычит голодным зверем на всю столовую.

Вдруг Мэл прокашлялся и спросил:

— Почему не обедаешь?

— Не твое дело, — ответила грубо, и в животе солидарно рыкнуло.

Мелёшин нахмурился и поелозил ложкой в борще.

— Я хотел сказать...

— Не мешай. А то собьюсь. Очень сложная формула.

Мэл замолчал. Так и прошел наш обед, вернее, обед Мелёшина. Он практически ничего не съел и отнес полный поднос на мойку. Зажравшийся богачей! — бросила я злобный взгляд, сглатывая слюну. Приняв уход Мэла как молчаливое разрешение покинуть столовую, ринулась из помещения и, забравшись на чердак, изгрызла половину дневной порции сухарей.

После обеда институт опустел. Ну и что с того, что никто не отменял работу и учебу? А когда же прикажете гладить нарядные платья, завивать кудри и окрашивать ресницы? Повседневные будни достались тем, у кого один свитер и одна юбка на все случаи жизни.

На занятии у Стопятнадцатого я повторила ранее разученные заклинания и поблагодарила декана за "засирайку". Генрих Генрихович пребывал в благодушном настроении и мурлыкал под нос, изредка вальсируя рукой. Он тоже заразился духом предстоящего праздника. А кто бы заразил меня, хоть чуть-чуть?

— Эва Карловна, идете на новогодний вечер?

— Иду.

— Прелестно! Запланирована грандиозная программа. Обещан фуршетный стол.

При последних словах я наострила уши. Мне не послышалось? Стол? Видимо, высшие силы смилостивились, решив подправить упадническое настроение, и сделали неожиданный подарок. У меня тоже появился повод ожидать с нетерпением праздника.

— Здорово! Генрих Генрихович, а правда, что охранник зарезал кассиршу?

— Упаси бог, — замахал руками декан. — Только убийств нам не хватало. Он связал ее, вставил кляп и очистил кассу, а наш Монтеморт задержал преступника, показав себя во всей красе. Нашего стража теперь кормят на убой.

— Да, Монька не подкачал, — согласилась я. Понятно, почему пес разлеился и плюет на мелкую преступницу вроде меня. От излишеств рациона мне бы тоже было недосуг ловить всяких мошенников. Важнее хорошо усвоить пищу и освободить место для новой порции вкусенького.

Потом спросила, надеясь, что просьба не прозвучала подозрительно:

— Генрих Генрихович, я начала писать реферат по символистике, но профессору не сказала, потому что он считает меня тупой. — При этих словах Стопятнадцатый посмотрел укоризненно. — Хочу попробовать свои силы. Сейчас набираю статистику по современным мастерам раритетов.

— Изучаете индивидуалов?

Я кивнула.

— Источников катастрофически мало. Не подскажите, в каком направлении двигаться?
Декан огладил бородку:

— Не так давно, при наведении в кабинете порядка на верхних полках, мне попала на глаза подборка по интересующему вас вопросу.

Я подскочила:

— Неужели? А можно посмотреть?

— Непременно, Эва Карловна. Завтра и заходите, — пригласил мужчина.

— Обязательно! — Еще чуть-чуть и запрыгаю от радости.

На прощание Стопятнадцатый продекламировал с чувством:

— Особый праздник Новый год вагоны счастья нам везет! Увидимся на вечере, милочка.

Хорошее пожелание. Хочу заграбастать весь состав.

Оставшееся время я распределила по первоочередности задач и сперва отправилась в архив. В помещении приятно пахло.

— С праздником! — поприветствовала начальника. — Пойдете на вечер?

— Нет, — ответил он сиплым голосом. — Некогда.

Что ж, у каждого своя нелюбовь к массовым мероприятиям. Наверное, Штусс решил встретить начало следующего года в кругу семьи, в домашнем уюте и любви близких. При этой мысли в носу у меня засвербело. Может, позвонить отцу и поздравить? — подумала и тут же отбросила самую нелепейшую идею из всех возможных.

Архивариус опять определил для работы стол рядом с растительностью и опять принес стопку приличных на вид карточек. У меня начало складываться впечатление, что он поручал бессмысленную и ненужную работу. Подняв голову, я заметила в густой листве огромный лиловый цветок со щедро опушенными тычинками. Наверное, это он благоухал, источая тонкий сладковатый аромат, наполнивший помещение.

— Что за цветок? — поинтересовалась у начальника. — От него так вкусно пахнет?

— Понятия не имею, — пожал плечами мужчина. — Я не люблю растения.

— Но как? — растерялась я, обводя взглядом пышущее благолепие зелени. — Тогда зачем?

— Мне незачем, — пояснил Штусс. — Наши исследователи выяснили, что в архиве наблюдается природная аномалия, поэтому растениям здесь хорошо. Вот и тащат сюда из кабинетов, что ни попадя. Я давно бы избавился от всей этой мерзости, но не получается. Завалили меня ею.

Я оглядела жертвы неудачного ухода. Действительно, между горшками с великолепными здоровыми растениями ютились коробочки и баночки с чахлыми и дохлыми пеньками. На многих из них пробивались росточки и зеленели молодые листики.

— Кто же поливает хозяйство?

— Василиса Трофимовна приходит по пятницам, — сказал архивариус таким тоном, будто я должна была знать всех Василис в окрестностях института.

— И все-таки у вас отличный живой уголок.

Мужчина, задрав верхнюю губу, подвигал усами:

— Уже смирился. Регулярно пью капли от аллергии. Что поделать, не могу отказать страждущим в просьбах о помощи.

Отработав положенные часы и сдав архивариусу переписанные на сто рядов карточки, я пошла по пустому институту к Альрику, питая слабую надежду, что профессор сбежал

начесывать чубчик, и остановилась как вкопанная перед стеклянной лабораторной стеной. Меня озарила светлая идея. Вернее, в моем воображении идея блистала подобно солнцу, а вот архивариусу она бы не понравилась. Хотя какая ему разница — одним растением больше или пятью?

Мне пришло в голову притащить в архив оставшиеся кустики разьедалы из оранжереи. Все равно погибшим растениям нечего терять — всеми листьями и корнями они почти в горшково-кадочном раю.

Большой палец оставил потную отметину, отпечатавшись на электронном устройстве. Огонек засветился зеленым, и я направилась поздравлять Альрика с предстоящим праздником. Несмотря на предновогоднюю лихорадку, профессор оказался на месте и записывал в толстой зеленой тетради.

— Здравствуйте, — швырнула сумку под стол. А чего церемониться?

Мужчина оторвался от записей и посмотрел на меня.

— Что-то не так? — спросил он. — Страхи? Подозрения? Ночные кошмары?

— Все отлично, — пробурчала я, забираясь на кушетку. — Кстати, с праздником.

Альрик круганулся на стуле, развернувшись ко мне, и принялся разглядывать, положив локоть на раскрытую тетрадь.

— Рановато поздравляете, Эва Карловна. До вечера... — посмотрел на запястье, — целый час.

— А я заранее.

Язык дерзил откровенно, на грани хамства. Наружу лезла непонятная агрессия, желание крушить, ломать и топтать. Профессор встал, достал из ящика стола перчатки и натянул их.

— Вас что-то беспокоит, — утвердил он.

— Беспокоит, — ответила я с вызовом. — Чем от меня вчера пахло?

— Горьким миндалем, — отозвался мягко мужчина.

— Вот именно, — хмыкнула недовольно, хотя исподволь порадовалась, что не разлило сыростью и плесенью на весь кабинет.

— Как обстоит дело с галлюцинациями? Не было рецидива?

— Нет. А хотелось бы продлить ощущения, — заявила с видом вселенского зла. — Я бы весь институт взяла в оборот, зная о чужих желаниях.

Альрик рассмеялся, а потом спросил:

— Вас кто-то обидел?

— Не кто-то, а что-то, — поправила я. — Жизнь.

И неожиданно вспомнила, о чем мечтал на семинаре Мелёшин. Его мечта исполнилась, и даже больше.

Альрик ушел в комнату отдыха, погромел и вернулся с полной мензуркой. Достав из стеклянного шкафчика пузырек, накапал зеленой жидкости и протянул мне. Я подозрительно посмотрела на зеленоватую водичку.

— Выпейте. Это успокоительное. Настойка на основе пустырника.

Еще ни разу в жизни мне не предлагали мензурку в качестве стакана. Сделав разобиженное лицо, я выпила большими глотками. Альрик наблюдал с легкой полуулыбкой. Внезапно в моем животе громко заурчало, словно жидкость переливалась с шумом по пустым трубам. Мужчина снова сходил в комнату и вернулся с пирожком.

— Последний, — сказал извиняющимся тоном.

— Нет-нет-нет. Категорически.

— Ешьте и не препирайтесь, — сунул мне пирожок.

— Спасибо, — потупила я глаза. Ела, стараясь не торопиться, чтобы выходило благовоспитанно и аккуратно. Профессор снова вернулся к писанине.

Пирожок оказался невероятно вкусным и с печенью. От Альриковой доброты я расчувствовалась и поймала себя на том, что хочу спрыгнуть с кушетки и ластиться к мужчине, мурлыкая и потираясь о штанину, как прикормленная кошка. Ну, ладно, как тощий облезлый котенок.

Закончив писать, профессор закрыл тетрадь, сходил к раковине и принес мне салфетку.

— А теперь начнем осмотр, — сказал, мимолетно улыбнувшись.

Мне обстучали ноги и руки, проверили условные и безусловные рефлексy, опять заглянули в ухо-горло-нос, просветили глазное дно, тщательно изучили побледневшее колечко на пальце и заставили отвечать на логические вопросы. Я долго соображала и путалась.

— Вы несобранны, — констатировал Альрик.

А зачем мне собираться? Наоборот, надо расслабляться в предвкушении фуршетного стола.

— Можете спускаться, — сказал профессор. — Осмотр закончен. Не прощаюсь, потому что увидимся на вечере.

С чего он взял, что пойду глазеть на светское общество?

Я подхватила сумку, и в это время в дверь постучали.

— Войдите, — разрешил Альрик. На пороге возникла Лизбэт в белом халатике. Как истинная соратница ученого, она не бросилась после занятий в общежитие прихорашивать внешность. Девушка рассчитывала сразить профессора наповал в его родной среде.

— Альрик Герц... — начала Лизбэт и заметила меня. Пришлось протиснуться мимо нее бочком, причем девица не сдвинулась с места, чтобы пропустить. Ох, уж эти подозрительные ревнивицы, — вздохнула я и потопала занимать место на празднике поближе к фуршетному столу.

Это могла быть 30.2 глава

Стол и в самом деле был великолепен и манил меня как мотылька — пламя свечи.

Для праздника переоборудовали большой спортивный зал. Сбоку поставили высокую сцену, натянули трос и повесили плотный темно-синий занавес, установили прожектора и усилительные колонки.

Готовясь к празднику, устроители не пожалели иллюзий. На потолке распростерлось ночное небо с мириадами звезд. Под молочными реками звездных туманностей парили огромные снежинки. Медленно проворачиваясь на невидимых глазу нитях, они меняли окраску и конфигурацию лучей, завораживая взгляд гибкой пластикой форм.

Окна по обе стороны зала закрыли экранами со слабой подсветкой и организовали на них падающий большими хлопьями снег — актуальный антураж, поскольку в канун Новогодья погода взбунтовалась и передумала баловать свежим снежком. В углах зала свисали мощные разлапистые еловые ветви, наряженные большими сверкающими шарами и серпантинном. С определенной периодичностью в глубине густой хвои бесшумно взрывались петарды, осыпая пространство густыми облаками конфетти. Иллюзия рассеивалась, и через некоторое время повторялась заново.

Что и говорить, организаторы постарались на совесть. Зрелище украшенного зала впечатлило меня. И все же новогодняя суматоха бледнела в сравнении с Днем национальной независимости, отмечаемым с грандиозным размахом ежегодно в середине мая.

Для заслушивания торжественной части подготовили посадочные места, расположенные широким фронтом перед сценой, но внимательная Эльза позаботилась, чтобы на моем пригласительном билете не поставили оттиск с указанием номера ряда и места. Ну и ладно, больно надо. К тому же кресел значительно меньше, чем желающих, поэтому около стен начали понемногу скапливаться такие же, как я, невезунчики, которым предстояло заслушать официальную часть мероприятия на ногах.

Минутная стрелка перешла на отсчет последней четверти часа. Гости прибывали, зал наполнялся.

Недавние соседки по занятиям преобразились до неузнаваемости, превратившись в блистательных принцесс. Они дефилировали в роскошных платьях, увенчанные великолепными прическами. Парни, во время учебного процесса щеголявшие в расхлябанных джинсах и скучных растянутых свитерах, проходили в зал в строгих костюмах, с галстуками и бабочками. Новогоднее торжество не обошли вниманием и работники института, рассаживаясь согласно билетам. Евстигневу Ромельевну я узнала по королевскому профилю, которым она развернулась к сидящему рядом молодому декану факультета внутренней висорики Миарону Евгеньевичу, беседуя с ним. Недалеко от них, в том же представительском первом ряду восседали Ромашевичевский и седовласый Михаслав Алехандровайч, покровитель элементарной висорики — похожие друг на друга высоким ростом и сухощавостью, разве что Ромашка имел вдобавок богатый нос.

В это время в зал вбежала Бабетта Самуиловна, заламывая в панике руки. Увидев, что я подпираю без дела стену, она потащила меня обходными коридорами за кулисы, на ходу умоляя помочь в облачении участников предстоящего театрализованного представления в костюмы.

Ох, и употела же, я не меньше артистов! А каково им, несчастным, под слоями ткани,

поролона и ватина?

Когда на самодеятельных актеров спешно надели громоздкие корсеты и каркасы и нацепили колпаки и носы, я вернулась в переполненный бурлящий зал и, пробравшись в толпе, очутилась у стены. Передо мной мелькали знакомые и незнакомые лица, поздравлявшие друг друга с надвигающимся праздником. Я вертела головой в надежде увидеть Аффю или Петю, но неожиданно заметила своего бывшего дрессировщика.

Мелёшин сидел в третьем или четвертом ряду вместе с блондинкой. С его блондинкой. Она не впустую отсутствовала два дня, собираясь вручить себя Мэлу в качестве самого ценного подарка. Девушка была великолепна даже издали. Открытая спина матово поблескивала в электрическом свете, поднятые и забранные в сложную прическу волосы сверкали россыпью капелек.

Мелёшин в элегантном темном костюме тоже не ударил в грязь лицом. Девушка повернулась к Мэлу и что-то сказала. Он обнял ее хозяйским жестом за талию, а сам начал оглядываться, ища друзей, сидящих на задних рядах. Чуть шею не свернул, пока всем кивал, а потом наткнулся на мой взгляд. Повернулся к своей подружке и, погладив по обнаженной спине, что-то сказал на ухо — интимное, предназначенное для них двоих. Девушка ответила, рассмеявшись, и потянулась к Мэлу. Они поцеловались, легко и мимолетно, чуть коснувшись губами, но поцелуй был настолько личным, настолько собственническим, что... у меня сдавило грудь.

Я отвела глаза и начала продумывать стратегию продвижения к столу.

Ровно в девять часов прогорнила помпезная мелодия звонка, заставив замереть в благоговейном трепете. Едва затихли последние звуки, как под громкие рукоплескания на сцене появился уважаемый ректор, являвшийся первым и наиглавнейшим лицом столичного института. Я разглядывала маленького кругленького лысенького колобка, выкатившегося к микрофону, широко размахивая руками.

Длинноногая помощница подала вышедшему красную папку, и вступительное слово началось. Ректор зачитывал приветствие высоким тонким голосом, улыбаясь во весь рот, и перемежал речь веселыми шуточками. После каждой шутки по рядам прокатывалась волна сдержанных смешков. Дяденька-колобок подвел итоги уходящего года, рассказал о планах на следующий годовой период и приступил к награждению лучших студентов института. Помощница выносила из-за кулис почетные адреса и символические награды, а ректор вручал, активно трясая руку каждому награжденцу. В числе лучших спортсменов года назвали и Петю Рябушкина. Он поднялся на сцену с противоположной стороны зала, получил грамоту и исчез в толпе.

Напоследок ректор неожиданно выстрелил хлопушкой в зал и осыпал конфетти добрую половину сидящих. Особо чувствительные девицы немножко повизжали.

Потом с краткими напутствиями выступила Евстигнеева Ромельевна, а за ней приняли эстафету деканы трех факультетов. Толпа восторженно хлопала, не вслушиваясь в содержание речей. В воздухе бурлило, расплескиваясь, предвкушение праздника.

Следом состоялось театрализованное представление, персонажи которого, изображавшие героев древности, с юмором повествовали об институтских событиях, случившихся в уходящем году. Зал гомерически хохотал. Режиссером-постановщиком и сценаристом оказалась Бабетта Самуиловна. Я с уважением посмотрела на героическую библиотекаршу, вышедшую на поклон вместе с актерами.

После окончания спектакля публика проводила артистов, наградив одобрительными

аплодисментами. Затем объявили краткосрочный перерыв и начали освобождать зал от кресел. Толпа растеклась многочисленными ручейками. Кто-то вышел подышать свежим воздухом и попудрить носик в дамской комнате, то бишь в туалете, кто-то толпился в центре зала, мешая уборке. Основная часть народа ринулась к фуршетному столу.

А мне не надо было бежать и проталкиваться, работая локтями. Я давно просочилась к левому краю закусочного изобилия и начала смаковать горы бутербродов, нарезок и коктейли. Вкусовые рецепторы взорвали истощенный монодиетой мозг. Блаженство, окутав язык, спустилось теплой волной по пищеводу. Да здравствует праздник живота!

Институт не поспешил в средствах и приобрел для пиршества несколько скатертей-самобранок, несмотря на то, что их свойства, скорей всего, будут исчерпаны к концу праздника. Не успевала я схватить с тарелки один бутерброд, как на его месте ткался из воздуха следующий. Едва кто-нибудь брал со стола бокал с коктейлем, как на опустевшем пространстве тут же генерировался новый.

В новом, обвевшемся свете, мир виделся мне в оптимистичных радужных красках. Следующий год будет обязательно лучше, чем предыдущий, — думала сыто, оглядывая зал.

Тем временем на сцене велись последние приготовления перед танцами: местная музыкальная группа проверяла и настраивала инструменты. Вскоре заиграла ритмичная музыка, и первые пары потянулись в центр. Веселье постепенно смещалось от стола в сторону танцевального круга.

Нагнувшись над столом, я потянулась к противоположному краю, чтобы попробовать песочную корзинку с рисовой начинкой. Эх, жадность моя, жадность... Надо было обойти с другой стороны. Я едва не залезла рукавом в гору канапе, но вожделенные корзинки по-прежнему оставались недостижимыми. Внезапно чья-то рука подняла рифленую формочку и поднесла к моим загребушим пальцам. Подняв глаза, я увидела профессора Вулфу, протягивающего аппетитную вкусность. Выпрямилась, стараясь не подавать виду, что от стыда загорелись щеки. Строгий костюм подчеркивал атлетическую фигуру Альрика, усиливая его неотразимость. На профессора было невозможно не обратить внимание, поэтому женские особи, кружившие вокруг, пожирали влюбленными взглядами эффектного блондина в черном.

— Эва Карловна, почему не танцуем?

Не до танцев мне. Нужно отъестся на неделю вперед да еще тайком прихватить с собой.

— Стол никуда не денется, — продолжал убеждать Альрик.

Нет уж, не оттащите. Поставьте меня на развилке между двумя направлениями с указателями: продолжать набивать желудок или потрясти в танце костями, — я, не задумываясь, выберу первое, потому что не вижу никакой пользы во втором.

— Не умею, — сказала, взяв предложенную корзинку. — Вернее, плохо получается.

— Я тоже не танцор танго, но вести смогу. Пойдемте.

— Со мной? — спросила растерянно, а рука с закуской замерла в паре сантиметров от рта.

— С кем же еще?

Это он мне предложил? Серой крыске, у которой на голове не было приличной прически, а на шее не сверкало кольцо, утащенное тайком из родительской шкатулки? Хотела сказать: "Я не одета по случаю" или "Ах, у меня мигрень", ну, или что говорят светские дамы в случае отказа, как вдруг Альрик протянул ладонь, сверкнув белозубой улыбкой.

Ослепленная его вниманием, я машинально водрузила корзиночку на ближайшее блюдо и согласилась на предложение. Схватив руку, профессор протянул меня через длинный-предлинный стол и повел в толпу.

Перед нами расступались танцующие пары, провожая удивленными взглядами. Конечно, как тут не удивиться? Крыска в затрапезной юбке будет танцевать посреди зала с самым сногсшибательным мужчиной в мире.

Я хотела положить руки на плечи Альрика, но партнер оказался высоковат. Этак придется раскачиваться во время танца на носочках. Профессор принял решение за меня: обнял за талию и легонько притянул к себе. Одна моя рука легла на его предплечье, а другая утонула в горячей мужской ладони.

Нельзя сказать, что мы напоминали двух шатающихся пьяниц. Нам даже удавалось выделять простенькие танцевальные па.

— Очень неудобно, — сказала я и уткнулась в плечо Альрика. — Все смотрят.

— Ну и что. Разве их мнение важно для вас?

Мне важно не чье-то мнение, а его последствия.

— Вы же со студентками ни-ни, — лягнула я и сконфузилась.

— Это из каких источников? — поинтересовался мужчина.

— Все говорят.

— Но вы, Эва Карловна, не совсем студентка, а на четверть почти коллега, — сказал Альрик, склонившись к моему уху.

От замешательства я окончательно отдала профессору ноги. Молчать, танцуя с умопомрачительным мужчиной, казалось неудобным, и из меня снова полезли вопросы:

— Почему вас не было на официальной части? Показывали смешное представление.

— Отчего же, — сказал он. — Я стоял позади вас. В трех шагах.

Никогда бы не подумала, что великолепный Альрик снизойдет до толпящихся смертных вместо того, чтобы с достоинством занять место в первом ряду. Наверное, проводил сверхважный опыт и пропустил начало вечера.

Недалеко от нас танцевали Стопятнадцатый и Нинелла Леопардовна. Они идеально подходили друг другу по росту и монументальной конституции. Жаль, у начальницы отдела кадров имелся муж, привозивший из дальних стран убийственные экзотические растения.

— А почему у Стопятнадцатого такая фамилия? — спросила я у профессора. — Очень необычная.

— Вы будете удивлены еще больше, узнав, что это имя.

Ошарашенная, я остановилась, но партнер увлек меня, не дав толком выпучить глаза.

— Как так? — спросила изумленно.

— А вот так. В роду Стопятнадцатого все мужчины — сплошь Генрихи Генриховичи. Я знал его дядю, будучи студентом. Он был преподавателем. Также сталкивался с его кузеном на одной научной конференции. Их звали одинаково.

— Невероятно! Но как различают каждого Генриха Генриховича?

— По номерам. Всем мальчикам в их роду при рождении присваивают порядковые номера. Наш Генрих Генрихович — как раз сто пятнадцатый, а его кузен — сто семнадцатый.

Остолбенеть навечно! Интересно, каково чувствовать себя больше-сотни-какимтовичем?

На последних аккордах танца, повернув голову, я увидела неподалеку еще одну пару —

Мелёшина и его блондинку. Он крепко прижимал девушку к себе, поглаживая по оголенной спине, а потом поцеловал затяжным глубоким поцелуем. Чтобы все знали, кто и кому принадлежит в этом зале.

Естественно, танец с профессором не прошел впустую. Едва музыка стихла, и Альрик проводил меня к фуршетному столу, как к мужчине бросилась орава девиц в сверкающих и переливающихся платьях. Меня оттолкнули в сторону и наступили каблуком на ногу. Наверняка специально, чтобы в моем лице стало одной конкуренткой меньше. Подумаешь! Не очень-то и хотелось.

Заиграла следующая мелодия, и солист запел романтическую песню. Альрик обречен, — подумала я, наблюдая, как на нем повисла незнакомая девушка в золотистом одеянии.

На другом конце зала мелькнула русая макушка Пети. Подхватив заждавшуюся меня песочную корзиночку, я собралась пойти к нему, как вдруг с другой стороны стола остановилась ярко накрашенная девица в темно-бардовом платье с глубоким декольте. Сузив глаза, она хищно следила за моими движениями, судорожно прихлебывая большими глотками янтарную жидкость из граненого бокала.

— Везет же некоторым дурындам, — сказала она и вдруг с силой грохнула бокал об пол. На нее стали оборачиваться любопытствующие.

Девица наклонилась и, разорвав платье от подола и до ягодиц, пьяно шатаясь, полезла на стол, роняя с него расставленные фужеры, блюда, тарелки и графины с напитками. Звон бьющейся и гремящей посуды привлек еще большее число зрителей.

Наконец она взобралась на стол.

— Эхма! — крикнула и топнула ногой. Феерично, ничего не скажешь. Я отодвинулась в сторону, пропуская зрителей, которые начали слетаться на халявное представление, словно мухи на мед. Кто-то громко засвистел, и девица, эротично извиваясь под музыку, принялась самым натуральным образом устраивать стриптиз, задирая платье и оголяя различные части тела. Под дружный свист и поощряющие аплодисменты, окруженная плотным кольцом зрителей, танцовщица искусно виляла попой, томно вздыхая в голос.

Я сообразила, что настал подходящий момент, чтобы незаметно уйти с мероприятия под названием "счастливый Новый год", и поэтому не видела, как упирающуюся стриптизершу тщетно пыталась стащить со стола охрана. В ответ девица визжала ультразвук, нехорошо ругалась, кидалась фруктами в преподавателей и устроила погром, заснятый многочисленными зрителями бесплатного шоу. Ликвидировать безобразие удалось, благодаря мощнейшим заклинаниям обездвиживания и кляпозатыкания. А последствия безобразия целую неделю потом оттирали вручную наиболее активные свистуны и болельщики стриптизерши.

До полуночи оставалось двадцать минут. Встречу новый год там, где меня ждут — на чердаке. Забрав куртку (раздевалка работала по такому случаю), я залезла в люк, отбросив неподъемную крышку. Пройдя к окну, выглянула наружу, вдохнув влажный прохладный воздух, и запоздало почувствовала, что нахожусь не одна в холодном помещении.

Света, даваемого законной праздничной иллюминацией, хватило, чтобы разглядеть в углу парня. Он сидел на полу, подтянув к себе колени и обняв их руками.

Я не испугалась. В праздничную ночь не пугаются, тем более в институте. Немножко разочаровалась тем, что считала уединенное место своим, а оказывается, оно пользовалось популярностью.

— Не бойся, — сказал тихо парень.

— Я и не боюсь. — Подошла и села рядом. — Почему ты не на вечере?

Он усмехнулся:

— Нам нельзя.

— Кому "вам"? Вместо ответа парень выставил руку в полоску бледного света. По желтому рукаву я догадалась, что передо мной горнист. Еще один!

Приглядевшись внимательнее, определила, что незнакомец красив: черноволос, с четко проведенными бровями и густыми бархатными ресницами. Да ведь это горнист, по которому страдала Аффа! Хорош чертяка. Не зря соседка запала на него.

— Я не съем, — тихо повторил парень.

Вместо ответа я достала из сумки стопку бутербродов в салфетке, спертых с фуршетного стола. Отдала их горнисту, а себе оставила один, с ветчиной и салатным листиком.

— С наступающим.

— Спасибо, — не стал отказываться парень. — Тебя тоже. А почему ты здесь?

— А-а, — махнула я рукой. — Скучно.

Хотя какое там скучно. Там, наверное, веселье в разгаре. Толпы стриптизерш угробляют острыми шпильками новые скатерти-самобранки.

Мы ели и смотрели в окно, за которым расцветали залпы далеких предновогодних салютов.

— Красиво, — сказал парень. — Каждый год красиво.

Ничего себе! Значит, он всю жизнь встречает новый год в одиночестве на чердаке? Об этом я не преминула спросить. Черноглазый красавчик негромко рассмеялся.

— Всего лишь третий.

— Моя подруга очень хочет с тобой познакомиться. Вы случайно столкнулись два года назад.

— Вряд ли получится, — сказал он. — Через неделю я уезжаю домой.

"Домой" — короткое и болезненное для меня слово. Парень скоро уедет туда, где его ждут и где по нему скучали несколько долгих лет.

— Жаль. А где ты живешь?

— На западном побережье.

— На западном? — переспросила я удивленно.

— Да, — ответил горнист. — Значит, ты наслышана о наших местах?

— Не так, чтобы уж очень, — ответила как можно равнодушнее.

Кто не знает о западном побережье? Вернее, толком никто не знает, но слухи помогают.

Западное побережье. Изолировано от мира двойным забором колючей проволоки и шестью метрами вспаханной полосы, военными патрулями вдоль границы и собаками вроде Монтеморта, рыскающими в узком пространстве проволочной преграды и обученными разрывать любые движущиеся объекты. Каторга. Край света. Мир мятежников, побежденных в войне полувековой давности, и прочего преступного сброда в довесок.

Отец, называя меня бестолочью, неудачницей или обузой, неизменно добавлял эпитет "каторжанская", подразумевая, что падать ниже некуда, итак нахожусь на дне по шею в г*вне.

Сидящий рядом парень не походил на отпетого уголовника, более того, имел утомленный и уставший вид.

Вдалеке бабахнул салют, и в небе расцвел гигантский малиновый шар, распавшийся на

тысячи маленьких фонариков, разлетевшихся в разные стороны. Новый год вступил свои права.

— Поздравляю, — сказала парню.

— И я тебя.

Встав, подошла к окну. Погода определенно менялась. Ветер крепчал, прогоняя ненароком забредшее потепление.

— Завтра похолодает, — определила я. — Зима наконец-то очнулась. Хочешь посмотреть?

— Н-не могу, — сдавленно ответил горнист. — Лучше расскажи, что видишь.

И я рассказала. О прояснившемся черном небе, на беззвездном полотнище которого вспыхивали и гасли красочные батареи салютов, о доносившихся издалека восторженных криках, о гудках машин, приветствовавших первые минуты нового года.

— Здорово, — сказал парень из угла. — Посиди со мной.

Вернувшись, я села рядом. Начав подмерзать, придвинулась к нему поплотнее. Он поднял руку, чтобы обнять, и глухо застонал.

— Что случилось? Ты болен? Ранен? Нужно позвать врача!

— Врач не поможет, — пояснил парень. — Ничего страшного, привычное дело.

Я взяла его за плечо и отстранила от стены. На желтой униформе расплылись три темных круга с быстро проступающими сложными символами.

— Что это? — ахнула.

— Не бойся, — он с отчаянием схватил меня за руку. — Не уходи. Сейчас пройдет. Боль уже проходит.

— Надо позвать врача, — направились я к люку.

— Нет! — вскрикнул горнист. Дернулся, попытавшись встать, и покачнулся. — Мне нельзя здесь находиться. Будет только хуже.

Помявшись, я вернулась обратно и помогла ему осторожно прислониться к стене.

— Эва.

— Марат, — представился он и с трудом, несмотря на боль, обнял меня.

— Что это? На спине? Почему не заживает? — засыпала его беспокойными вопросами.

— Со временем затянется, — сказал парень. — Главное, я еду домой!

В его голосе прозвучали такое торжество и такая радость от предстоящей поездки, что и мне проблемы в виде кровоточащих ран показались второстепенными и незначительными.

— Может, забинтовать? У меня в общаге есть вата и бинты. Я мигом — туда и обратно.

— Не надо, — ответил Марат. — Спасибо, но не поможет.

— Как же поедешь домой? Близкие знают, то ты здесь?

— Конечно. Они ждут меня. Мой долг уплачен.

При упоминании о долгах я вздрогнула. Взяла ладонь Марата в свои руки. Его пальцы были холодными как сосульки.

— Пойдем вниз, а? Ты уже замерз.

— Иди. Я попозже.

Держи карман шире. Уйду, а парень истечет кровью и замерзнет на моем любимом чердаке.

— Только вместе.

— А ты настырная, — бледная улыбка осветила лицо Марата.

Из-под рукава его солнечной униформы выглянула темная полоска. Отодвинув желтую

ткань, я увидела на запястье тонкий браслет. Каждое звено ажурного украшения представляло собой решетчатое переплетение витых прутиков.

— Откуда он у тебя? — спросила у парня с замиранием сердца.

Марат надвинул рукав и осторожно вытянул пальцы из моей ладони.

— Это единственное, что мне разрешили взять из дома, — пояснил неохотно. — С ним приехал сюда и с ним вернусь обратно. Знакомый узор?

Я отрицательно помотала головой и сглотнула.

Еще бы незнакомый!

Я изучала его долгими ночами под одеялом, тайком от тетки. Изучала в интернате, спрятавшись в укромном уголке. Изучала в каждом из ВУЗов, где постигала ненавистную науку.

Я помнила наизусть каждое междоузлие, отполированное до блеска поглаживающими пальцами.

И теперь решетка из перекрещивающихся витых прутиков на шнурке жгла грудь, оттягивая шею пудовой гирей.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

висы (разг., жарг.) — купюры от ста висоров и больше

piloi candi, пиллой канди (перевод с новолат.) — электрический сгусток

piloi candi, пилой канди (перевод с новолат.) — электрический сгусток

clīpo intactī, клипо интакти (перевод с новолат.) — щит неприкосновенности

veluma silenche, велюма силенче (перевод с новолат.) — покров тишины

cus soriti, кус сопити (перевод с новолат.) — крепкий сон

defensor, дефенсор (перевод с новолат.) — защитник

airea candi, аиреа канди (перевод с новолат.) — воздушный сгусток

igni candi, игни канди (перевод с новолат.) — огненный сгусток

airea candi, аиреа канди (перевод с новолат.) — воздушный сгусток

igni candi, игни канди (перевод с новолат.) — огненный сгусток

gelide candi, гелиде канди (перевод с новолат.) — морозный сгусток

grandi graviti, гранди гравити (перевод с новолат.) — большая гравитация

lagus, лагус (перевод с новолат.) — удавка

sensi umbru, сенси умбру (перевод с новолат.) — тактильные иллюзии

certus exemplū, цертус эксэмпул (перевод с новолат.) — точная копия

nerve sandi, нерве канди (перевод с новолат.) — нервосгусток

piloi candi, пилой канди (перевод с новолат.) — электрический сгусток

gelide candi, гелиде канди (перевод с новолат.) — морозный сгусток

deformi, деформи (перевод с новолат.) — деформация

овито, овумо (перевод с новолат.) — яйцо

legra vi labum, легра ви лабум (перевод с новолат.) — читаю по губам

bilitere subsensibila, билитере субсенсибила (перевод с новолат.) — двухсторонняя сверхчувствительность

adventi, адвенти (пер. с новолат.) — приближение